

Виктор Дихтярёв

Вся жизнь - поход

© Copyright Дихтярёв Виктор Яковлевич
Email: dihtarev@izmaylovo.ru
Дата: Июль 1998 - январь 1999 г.
Изд: "ЦДЮТур", Москва, 1999
Spellcheck: Дихтярёв Виктор

Я бы очень не хотел, чтобы то, о чем собираюсь рассказать, касалось только моей биографии. Рядовой учитель, каких тысячи, я при всем желании не могу поведать о собственных подвигах или выдающихся свершениях. Единственное, что может заинтересовать моих коллег - это понятное им стремление отыскать Золотой ключик к ребячьим сердцам, сделать жизнь тех, с кем столкнулся на педагогическом пути, радостной и осмысленной. Иногда мне это удавалось, иногда - не очень. Одна из особенностей нашего ремесла - слишком частая непредсказуемость результатов, даже при использовании самых совершенных методов и методик. Тем более, когда дело касается воспитания.

Вот чтобы починить любое изделие, от утюга до космического корабля, надо хорошо знать его устройство, уметь читать чертежи и схемы, последовательно прощупать, "прозвонить" участок за участком, пока не наткнешься на поломку. А дальше в руки берется паяльник или что-нибудь посложнее - прошу простить мою техническую некомпетентность - но главное, здесь существует методика, ориентированная на ожидаемый результат.

Я, конечно, понимаю всю фантастическую сложность общения с продуктами технического прогресса, но как все-таки быть с педагогикой? Ведь, казалось бы, все делаешь правильно, и книги по теории воспитания с закладками и выписками не убираются со стола, а результаты бывают весьма огорчительными.

Это постоянно волновало меня все сорок с лишним лет вышагивания по педагогической стезе и на уроках, и в той деятельности, которая стала почти второй профессией и о которой здесь в основном пойдет речь - в туризме и краеведении. Хотелось бы думать, что мой не Бог весть какой большой опыт убережет молодых коллег от собственных ошибок и, может быть, в чем - то поможет им.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

По ухабам и рытвинам

В середине пятидесятых годов я пришел в 355-ю московскую школу с новеньким дипломом учителя физического воспитания. Встретили меня душевно и сразу назначили классным руководителем пятого класса, а через месяц избрали секретарем объединенной учительской и ученической комсомольской организации. Видимо, мне этого показалось мало, и я собрал старшеклассников в драматический кружок, начал проводить литературные вечера и ежедневно вел спортивные секции по легкой атлетике, волейболу и гимнастике. Конечно, свободного времени у меня не оставалось, но разве об этом задумываешься по молодости?

Мне было интересно с ребятами, и, уходя поздно вечером из школы, я с нетерпением ждал следующего дня, чтобы снова окунуться в нескончаемые наши дела. За конспектами уроков засиживался далеко за полночь, постоянно что-то изменяя и совершенствуя – я хорошо помню то ощущение праздника, когда задуманное получалось, и лучшей музыкой для меня был топот ребячьих ног, наперегонки мчавшихся в спортивный зал.

В школе проводилась довольно большая туристско-краеведческая работа, и я, имея уже кое-какой опыт горных путешествий, быстро включился в нее.

Меня попросили возглавить группы ребят, чьи классные руководители не могли ходить в походы с ночевкой. Я выбрал два пятых класса, шестой, седьмой и девятый, прикинув, что успею пройтись с каждым до наступления холодов, да еще выступить со сборной командой на районном слете туристов.

В первых же двухдневных походах я почувствовал полнейшую беспомощность, конечно же, тщательно скрываемую от ребят.

Шумная возня пятиклассников в электричке и диковатые песни старших под начинавшую входить в моду гитару раздражали пассажиров, но это только веселило моих туристов. Я переходил от одной группы учеников к другой, делал замечания, иногда довольно резкие, ребята утихали на время, но тут в дальнем конце вагона раздавался визг или начиналась потасовка среди малышей, и я спешил туда, чтобы урегулировать какой-то пустяковый конфликт. Помню, меня удивляло и возмущало постоянное жевание в электричке принесенных из дома продуктов от бутербродов и конфет до дефицитнейших тогда апельсинов. Каждый жевал своё, не обращая внимания на товарищей, которым родители не догадались или не смогли положить в рюкзак что-нибудь вкусненькое. Обладатели яблок меняли их на шоколадки, вареные яйца перебрасывались через головы пассажиров в обмен на бутерброды с колбасой... И еще семечки. Их щелкали непрерывно, незаметно сбрасывая шелуху под сиденья. Я не знал, как прекратить этот бедлам, и ребята, чувствуя свою безнаказанность, делали все, что хотели, не обращая внимания на сидящих рядом взрослых людей.

Иногда в нашем вагоне ехали туристы других школ и вели себя ничуть не лучше моих. Это даже успокаивало: ведь если классная руководительница не может справиться со своими детьми, то что могу я, выводящий каждую субботу на маршрут новый класс?

А потом начинался подход к месту ночлега. Со старшими ребятами проблем не было: два-три километра до запланированной стоянки проходили довольно быстро. Но вот 5-6-е классы!

Колонна растягивалась метров на пятьдесят, и хорошо, если замыкающий помнил о своих обязанностях и не убежал вперед. Приходилось то и дело останавливаться, поджидая отставших: помочь товарищу, разгрузив немного его рюкзак, большинство туристов напрочь отказывалось – и я взваливал на себя пару палаток, прихватывая еще эмалированное ведро. Конечно, малышам было трудно: четырехкилограммовые палатки, громоздкие ведра, стеганые одеяла вместо спальных мешков и безобразнейшего пошива рюкзаки не позволяли прокладывать маршруты более десяти километров, и, как я ни калькулировал, стараясь уменьшить стартовые веса, все равно на каждого приходилось по 12-15 килограммов. Два раза с нами ходили родители младших школьников, точнее, их

мужская половина. Тогда и в электричке было поспокойней, и маршрут проходил быстрее. Но я заметил, что не только девочки, но и мальчишки уже очень активно начинали использовать моих помощников как дополнительную рабочую силу. Едва начинали мы набирать походный темп, а сзади уже раздавалось плаксивое:

- Дядя Миша, я устала...

Дядя Миша, не утруждая себя разгрузкой рюкзака, просто укладывал его на свой, девчушка весело прыгала по лесной тропинке, и, конечно же, минут через пять снова кто-то затыгивал:

- Дядя Володя, я тоже устала...

- И я...

- И я тоже устал...

Мне даже казалось, что малыши соревнуются в умении избавиться от своего груза. Да, безусловно, они уставали, но не настолько же! Почему-то, когда со мной шли один-два старшеклассника, нытиков сразу становилось значительно меньше. Юноши, не вкусившие еще прелестей отцовства, были не слишком склонны к сентиментальности и точно определяли, кому действительно нужна помощь, а кто пытается, как они говорили, "проехаться на шермачка". На таких презрительно покрикивали и легким толчком в спину придавали нужное ускорение. Но родители и старшеклассники выходили в походы не всегда, и мне одному приходилось тянуть эту педагогическую ляжку, которую, непонятно по какому наитию, я добровольно надел на себя.

А что творилось на биваке!

Малыши разбегались в поисках хвороста, кто-то приносил сушняк, а кто-то - зеленые ветки, несмотря на строжайший запрет не трогать живые деревья. Были и такие, кто просто гулял по лесу, не заботясь о костре и предстоящем ужине.

Не знаю, для какой надобности, но после каждого похода я делал довольно пространные записи, нечто вроде личного педагогического дневника. Постепенно таких записей, от руки и отстуканных на машинке, скопилось много; изредка я перечитываю их, заново вспоминая радости и огорчения тех, уже очень далеких лет.

" 22 сентября 1956 г. 6-й класс, 17 детей + двое родителей.

... Стою за спинами ребят, сидящих вокруг костра. Михаил Николаевич пытается наладить пение. Туристских песен ребята не знают, поют что-то из кинофильмов. Недружно, но все-таки поют. Передо мной и несколько в стороне от поющих сидят Игорь и Толик.

Класса я почти не знаю, были у меня на уроках раз пять, а этих ребят и вовсе не помню - многие еще для меня на одно лицо. Одеты парни как-то по блатному. Игорь в сапогах гармошкой, кепочка набекрень и рубашка распахнута, чтобы все видели его застиранную тельняшку. У Толика на одном плече телогрейка с надорванным карманом, такая большая, что нижнюю часть он подоткнул под себя. Сидит Толик, широко раскинув ноги, и все время цыкает слюной между ними.

- Слушай, - говорит он Игорю, - а я дрова совсем не таскал. А ты ?

- Скажешь! Что я - дурак, что ли ?

И, навалившись друг на друга, оба громко хохочут. Пение сорвано..."

Все эти громкие крики, бесцельная беготня и разбойничьи посвисты в ночи совершенно изводили меня. Не думаю, что ребята устраивали проверку на прочность новому учителю - не могли же договориться об этом все классы. Да и зачем? Но вот приходит время ставить палатки, а никого не дозовешься. Но ведь ребята совсем рядом - гоняют по лесу, кидаются шишками. Почему же не отзываются?

Из педагогического дневника:

"Стоп, - сказал я себе. - Стоп. Не будем нервничать. Ведь это же дети. Они впервые вырвались из дома в лес, да еще с ночевкой. Какие там палатки! Солнце только садится, скоро ужин, и все так хорошо! Да ребята просто не слышат меня. И я закладываю в рот пальцы кольцом и залихватски свищу. Куда этим шалопаям до моего свиста полубеспризорника военных лет! Ребята испуганно оглядываются, а я вскакиваю на пенек и весело кричу:

- А ну, давай все сюда! Кто быстрее? Раз, два, три!

Меня чуть не сбивают с пенка.

- Слушайте, - говорю я, держась за чьи-то плечи. - Сейчас мы покажем, как ставить палатки. Это не так-то просто, и поймут самые внимательные. И

запомните: поставите плохо - палатка ночью завалится, придется ее поднимать в темноте. Все знают свои палатки? Чудесно! А теперь мы с дядей Мишей и дядей Володей медленно поставим одну палатку, а потом поможем всем. Договорились?

- Договорились! - заорали мои туристы, и очень быстренько, часа за полтора, четыре палатки были поставлены."

Итак, открыт новый педагогический прием: чтобы привлечь к себе внимание, надо ошеломить ребят.

В очередном походе с пятиклассниками я снова раздираю воздух оглушительным свистом, и снова малыши столбенеют. И тут в наступившей тишине раздается звонкий шлепок. Это мой помощник-девятиклассник съездил по шее стоящего рядом туриста.

- Ты что? - грозно спрашиваю я.

- Потом, - отвечает помощник.

Разбираться сейчас некогда, иначе будет упущено время. Пенька рядом не оказалось. Я поднимаю руки и весело кричу:

- Кто скорее добежит до меня? Раз, два, три!

Одни побежали, другие неторопко пошли, а несколько человек даже с места не тронулись. Слушали меня не то что невнимательно, а так, без интереса. А почти поставленные палатки нарочно сдергивали с кольшков: было очень забавно смотреть, как они заваливаются на росистую траву, и хохотать над обиженными криками девчонок. Трех "сдергивателей" обнаружили, и пока я расшвыривал дерущихся, одному из них основательно досталось.

Перед отбоем я отвел девятиклассника в сторонку:

- За что ты ударил пацана?

- Да так...

- А все-таки?

Помощник потупился.

- Вы свистнули, он оглянулся и громко сказал: "Придурок".

Вот так. Открытый мной педагогический прием явно не сработал. Может быть, потому, что пенька поблизости не было.

Счастливы родители, не видевшие детей своих при раздаче пищи у походного костра! Отталкивая друг друга и давя в темноте разложенные на клеенке хлеб, сахар, печенье и конфеты, выбивая ложками по мискам воинственную дробь, малыши бросались на штурм ведер, рискуя опрокинуть варево на себя.

Те, кто похулиганистей, специально толкали ребят вперед, я и мои помощники теснили их назад, девчонки отходили в сторону, и навести хоть какой-то порядок было очень и очень нелегко.

Да что там малыши! Ничуть не лучше вели себя и семиклассники. У старших ребят такой свалки, конечно, не было, но первыми все-таки загружали свои миски юноши, чинно рассаживаясь затем на самые удобные места у костра.

Быть может, это покажется смешным, но я долгое время продумывал форму раздачи пищи в походе и расспрашивал об этом знакомых туристов-учителей. Одни руководители непонимающе хмыкали, стараясь уразуметь суть проблемы, другие подробно рассказывали, как это делается в их группах - с чем-то я соглашался, с чем-то мысленно спорил, но главное, видел, что эти на первый взгляд пустяковые вопросы занимают не только меня. Между тем ни в педагогической, ни в специальной туристской литературе я не находил, да и сейчас не встречаю обоснований и советов, касающихся тех мелочей, совокупность которых в конечном итоге определяет нравственный климат группы. Я начинал понимать, что организационный порядок в любом деле, безусловно, необходим, но воспитательный эффект он даст только в том случае, когда будет сознательно принят детьми. Иначе придется использовать дополнительные меры для поддержания этого самого порядка - от распоряжений и окриков руководителя до наказания нарушителей. И второе, что я понял в своих походах: вводя новую форму организации, надо учитывать не только ее положительные моменты, но и возможные негативные последствия.

Вот мне рассказывают, что перед ужином ребята рассаживаются на бревнах вокруг костра, и дежурные с ведрами разносят пищу.

Вроде бы неплохо. Но я представляю эту идиллию со всеми ее реальными деталями, и она перестает казаться такой уж безоблачной.

- А что если, - спрашивал я себя, - бревен не хватит на всех - надо ли валить для сидений деревья? А если не надо, то на чем будут сидеть обделенные? Если на рюкзаках, то кто именно? Ведь ясно же, что здоровяк-пятиклассник стонит с бревна любого, кто послабее его.

Дежурные с ведрами пойдут по кругу между сидящими туристами и костром, а это не самое удобное место для прогулок. Ведь располагаются у костра так, что подвинешься чуть ближе - будет жарко, отодвинешься - холодновато.

А если на дежурного пахнет пламенем, и он дернется в сторону товарищей? А если дежурный споткнется о ветку, торчащую из костра, или наступит на обгоревшее полено, которого не видно в темноте на черной земле?

А если кто-то из остряков подставит дежурному ножку? Не окажется ли горячий ужин на коленях туристов?

Но даже если все это - только бредни начинающего руководителя, то уж грязи под ногами от сваливающейся с поворешки каши или вермишели будет предостаточно - вот это точно.

Конечно, разумнее вынести ведра за круг сидящих туристов, но что из этого получалось, я уже говорил.

В одном из весенних походов мы остановились недалеко от бивака другой школы. Руководитель семиклассников, тоже учитель физкультуры, невысокий и кряжистый, сидел возле готовящегося костра и бросал короткие команды таким напористо-грубоватым тоном, что мне, вроде бы стороннему человеку, становилось не по себе. Ослушаться его было невозможно. Мы были едва знакомы, но говорил он со мной, как с провинившимся мальчишкой, хотя был ненамного старше меня. Ребята подтаскивали к будущему костру сушняк и бревна, все время поглядывая на руководителя, то ли ожидая похвалы, то ли новых приказаний. Но руководитель, не замечая их, что-то втолковывал мне, и ребята снова исчезали в лесу. Внезапно он прервал разговор и повернулся к худенькому пареньку, тащившему к кострищу охалку сучьев:

- А ну, подойди сюда.

Паренек, не выпуская свою охалку, сделал в нашу сторону пару осторожных шагов.

- Ближе! - глаза руководителя мертвенно стекленели.

Торчавшие в разные стороны сучья почти закрывали лицо паренька, ему было явно неудобно держать их, но бросить охалку в общую кучу паренек не решался.

Руководитель долго смотрел на мальчишку ничего не выражающим взглядом, и мне, не имеющему к делу никакого касательства, вдруг сделалось тоскливо и неуютно.

- Ты где шлялся?

- Там, .. - прошептал паренек. Руки у него были заняты, и он не мог показать, где "там", а только неуклюже дернул назад головой.

- Где "там" ?

- В лесу.., - снова прошептал паренек. Чугунное молчание руководителя давило его, и сучья, вываливаясь из охалки, падали ему под ноги. Ребята приносили и приносили дрова, подходя к нам чуть ли не на цыпочках, всем видом своим показывая, что, конечно, они виноваты, нарушая эту невозможную тишину, вот только немножечко ухнут бревнами, сбрасывая их с плеч, и тут же, тут же уйдут.

- Разгильдяй! - как-то удивленно-презрительно пропел руководитель. И повернувшись ко мне, сказал:

- Он только второй раз тут появился, а с ложкой, небось, первым прибежит!

Мальчишка стоял перед нами, прижимая тощую охалку к груди.

- Подбери ветки, - сказал руководитель. - И будешь таскать дрова, пока я не скажу: " Хватит ". Все, что принесешь, покажешь мне лично. Понял?

Мальчишка кивнул.

- Я спрашиваю: понял?!

- Понял...

- Пшел!

В этом походе я был с девятиклассниками, с которыми за год работы на уроках, в комсомоле и драматическом кружке сложились не только деловые, но и дружеские отношения. Несколько раз ходил с ними в лыжные походы и теперь мог не беспокоиться, оставляя их без присмотра на биваке. Я вернулся к нашему костру и присел рядом с командиром группы Женей Радько:

- Хочешь увидеть, что такое настоящая дисциплина?
- Ну?
- А вот давай подойдем к соседям.
- Хорошо, только сначала палатки поставим.

Мы подошли к соседям в самый неподходящий момент: ребята готовились к ужину.

- А-а, гости, заметив нас, сказал руководитель. - Почет и уважение!

Он кивнул - и два места на бревне сразу очистились. Тут же нам принесли миски с кашей. Мы начали отказываться, понимая, что лишних мисок у ребят нет и кто-то пожертвовал своими, но руководитель только рукой махнул:

- Ешьте, ешьте, чего там! А потом, глядишь, и мы к вам придем.

Ребята весело переговаривались, но привычного мне громохання мисками не было.

- Мы готовы! - закричали дежурные. Руководитель кивнул, и двое ребят, перешагнув через бревна, подошли к дежурным. Когда первый вернулся, с бревна поднялся еще один. И так по очереди, по кругу, один за другим. Ни криков, ни толкотни.

- Ну как? - тихо спросил я своего командира.

- Здорово!

Грязную посуду ребята относили за бревна к дежурным, ее сполоснули теплой водой и накрыли клеенкой.

А потом, как обычно, песни и байки у костра; ребята хохотали, вспоминая какие-то случаи из прошлого похода, и тот худощавый паренек, что недавно испытал на себе гнев руководителя, веселился не меньше других.

Мы подошли к руководителю попрощаться и поблагодарить за ужин.

- Часто вы с ними ходите? - спросил я.

- С этими-то? С прошлого года. Значит, третий поход уже.

- Слушаются они вас, - завистливо вздохнул я.

- А этим разгильдяям только дай спуску. Их вот как держать надо! - и тяжелый кулак руководителя чуть не уткнулся в мой нос.

По пути к своему костру я снова спросил Женю, как ему все увиденное.

- Хорошо, - сказал Женя, - но вот...

- Что?

- Не знаю... Вы заметили, как он гвоздит глазами ребят?

- Что значит "гвоздит"?

Женя пожал плечами:

- Говорю: не знаю. - Он помолчал. - Ну вот, все поют, а там ребята заговорили, так он так посмотрел на них...

- Ну и что? Разве это плохо?

- Может быть, и неплохо. Только все очень организовано, что ли. Вот вы садитесь у костра, и все, особенно девочки, стараются сесть рядом. А возле него на полметра никого нет. Он руководитель, а все - подчиненные...

- Не понимаю. Ты посмотри, как все четко и дружно делается.

- Да все вы понимаете, - озлился Женя. - Его просто боятся, вот и слушаются с поборота. А пойдет с этими ребятами другой учитель, так намучается, как мы осенью с пятиклассниками.

Я не во всем соглашался с Женей. Мне казалось, что результат в данном случае важнее, чем пути к нему. И если бы этот руководитель пошел с незнакомым ему классом, неважно, с пятым или с десятым, то без видимых усилий добился бы того, что для меня весь год оставалось неразрешимой проблемой - хотя бы внешнего послушания. Ведь ясно же, что без дисциплины, когда любое распоряжение руководителя безоговорочно выполняется, ничего путного сделать нельзя.

Все это я высказал своему командиру, но его буквально коржило от моих слов и от того, что он не находил нужных аргументов для ответа. Это потом я догадался, что мой упоительный гимн дисциплине, насаждаемой одним лицом, мог бы петься дуэтом с его величеством королем из горьковского памфлета: "Солдата приводит в движение не сознание, а звук команды... Он действует, пока не услышит - стой! Изумительно величественны эти действия без мысли!.." Но об этом я вспомнил потом, а тогда, когда все мои великие задумки рушились и тонули в гвалте ошалевших от свободы туристов, дисциплина казалась мне единственным спасением для дела, в котором я уже смутно улавливал какой-то педагогический смысл. Я продолжал говорить и говорить, развивая идею точного выполнения всего, что скажет руководитель, пока Женя не перебил меня:

- Виктор Яковлевич, ну чем вы восхищаетесь? Все равно вы так руководить не сможете и... - Женя широко улыбнулся, - да и не захотите.

Ну вот. Даже не ведая того, наш командир колупнул уже начавшую свербить ранку, которая не заживала многие годы, постоянно напоминая о себе в те моменты, когда я знал, что нужно делать, но не делал, понимая, что сделать этого не смогу.

Я непременно еще вернусь к этой важнейшей теме - зависимости действий руководителя от его личных качеств, и не потому, что решил эту проблему, а потому, что с первых же учительских лет осознал невозможность копировать стиль работы моих более удачливых коллег. Скорее всего, я вполуха слушал институтские лекции по педагогике, и потому не упомяну рекомендаций, как должен поступать учитель и воспитатель, исходя из своих, только ему присущих возможностей. Но и годы спустя, уже основательно занимаясь теорией воспитания, психологией поведения и взаимодействием малых групп, я видел, что не смогу реализовать многие мудрые советы, потому что они ну просто никак не согласуются с моей индивидуальностью.

Возьмем, к примеру, такое необходимейшее для руководителя качество, как требовательность.

Я говорю своим туристам, что надо собирать топливо для костра. Кто-то идет за дровами, а кто-то начинает ставить палатки. Я добавляю металла в голос, и так как ребята понимают справедливость моего требования, бивак постепенно пустеет. Но именно постепенно. После того, как палатки все-таки будут поставлены. Что должен сделать руководитель? Памятуя о том, что каждое требование должно быть доведено до конца, руководитель обязан подозвать слушников и жестко поговорить с ними, напомнив о неприятных для них последствиях за невыполнение уже отданной команды. Есть же в конце концов такая замечательная триада, как предупреждение, угроза и наказание!

Но я не умею угрожающе говорить с людьми, я боюсь их обидеть! И мои подопечные быстро улавливают эту "слабинку" и активно пользуются ею. А разве такой уж секрет, что к одним учителям можно опаздывать на уроки, а к другим - ни-ни? Да Бог с ними, с уроками! Там можно поставить за опоздание двойку, записать в дневник, снизить оценку за поведение. Но и во внеклассной работе к кому-то относятся с уважением или трепетом, а у кого-то раздаются смешки за спиной. Почему?

Из педагогического дневника.

"10 мая 1957 г.

Да, конечно, он прав, наш командир Женя Радько: слишком часто подчинение учеников определяется страхом перед учителем, и непонятно, чем вызывается этот страх - грубостью ли человека, который получил власть над другими, или ледяной вежливостью, за которой угадывается превосходство над подчиненными или презрение к ним. Но я знаю учителей, к которым ребята тянутся, ведут с ними отвлеченные разговоры, спорят и шутят, а когда требует дело - подчиняются им даже в случаях, не вызывающих особого энтузиазма. Безусловно, это зависит от характера учителя, и Женя точно сказал, что я не смогу руководить как первые, но по деликатности умолчал, что не умею работать, как вторые".

Прошло лет пять после нашего разговора, прежде чем я начал заниматься самокопанием, выясняя, что же я все-таки могу как руководитель, с моими личными качествами, стилем поведения, знаниями и умениями. Но об этом позднее.

Так получилось, что на районном слете туристов мы с девятиклассниками заняли первое место и теперь ближайшим летом будем участвовать в городском слете. Как нам удалось победить - до сих пор ума не приложу. Конечно, я учил ребят ставить палатку на время, понимая, что это один из решающих этапов туристской эстафеты, выводил ориентировщиков в парк и пару часов гонял их с компасами между деревьями. Мы разработали способ быстрого разжигания костра и передачи рюкзака, заменяющего эстафетную палочку, - словом, готовились в меру моего тогдашнего разума. Но чтобы выиграть слет в одном из самых туристских районов столицы!.. Нет, об этом мы не мечтали, хотя и договорились, что будем бороться за призовые места.

Надо сказать, что ребята увлеклись подготовкой к слету. Мы ежедневно встречались после уроков, мастерили приспособление для очага, нарезали из проволоки колышки для палаток, рисовали эскизы эмблем - я видел, что ребят объединяла общая цель, и запомнил это.

Тренировочный поход с ночевкой тоже прошел хорошо. Мы решили повторить всю программу слета, и на празднования времени не оставалось. Командир группы Женя Радько четко руководил всеми бытовыми работами, и как-то неожиданно я оказался вроде бы не у дел. Это уже было что-то новенькое: я мог наблюдать за ребятами, не вмешиваясь в распоряжения командира, а после ужина, сидя у потрескивающего костра, спокойно разобрать действия группы, указав туристам на замеченные просчеты. Запомнился этот поход и тем, что я с удивлением обнаружил в себе если не талант, то способности рассказчика. Ребята спросили бывал ли я раньше в походах, и я вспомнил о своих кавказских путешествиях студенческих лет. Около часа я рассказывал о ледниках и перевалах, об эльбрусских легендах и работе спасателей, пытаюсь из своего жиденького опыта сотворить нечто вразумительное. И ребята слушали, не перебивая, а я впервые почувствовал себя в походе не надзирателем, а старшим товарищем среди них.

В своем дневнике я записал: "Надо научиться организовывать досуг у костра, не пуская дело на самотек. Нужны не только песни, но что-то еще. Возможно, какие-то игры, викторины и всенепременно рассказы руководителя (история, живопись, быть может, стихи). Найти соотношение всему".

В ноябре зарядили дожди, и наши походы прекратились. Пора было подводить итоги. Выходы с малознакомыми пятым, шестым и седьмым классами принесли только огорчения. Ночью в палатках возня и крики. Утром невыспавшиеся туристы вяло сворачивают лагерь, все делается из-под палки, даже мусор после себя ленятся убрать. А на маршруте ребят уже ничего не интересует - какие там памятники старины, какие там красоты! Скорее бы добраться до ближайшей станции и домой, домой! И что любопытно: больше других ныли и отставали в пути не самые слабые, а те, кто еще вчера задирали товарищей и геройски отлынивали от бытовых дел.

Планируя маршруты, я учитывал прежде всего возможность их прохождения учениками. Так вот, как раз те, кто был притчей во языцех среди учителей, кого склоняли на всех педсоветах и родительских собраниях, кто творил расправу над более слабыми товарищами - как раз те скисали при первых же трудностях и не стесняясь заявляли об этом:

- Я устал!

- Заберите у меня палатку!

- А почему я вам должен нести ведро?

И все это в категоричном тоне, нисколько не заботясь о том, что другие устали не меньше их. В дальнейшем я увидел, что прямой зависимости между хулиганистым двоечником и безвольным человеком нет - причины неуспеваемости и негативного поведения не ограничиваются только отсутствием воли, но некая общность оценок человека в школе и в походе все-таки существует. Правда, бывают и какие-то всплески поведения, не замеченные в обычных условиях, но утверждать, что это закономерность, конечно же, нельзя.

Если же говорить о каждом классе в отдельности, то никаких особых знаний и умений ребята в походе не приобрели. Ну, показали им, как ставить палатки, так ведь в следующий поход они пойдут через год, все забудется за это время. Понятия о том, как надо вести себя в походе, ребята тоже не получили, а о формировании каких-либо нравственных качеств даже упоминать не стоит - что можно сделать в одном загородном выходе?!

В общем, я понял, что три месяца занимался делом, пользы от которого не было никому.

Просматривая собственные записи тех лет, полагаю, что в отдельные моменты я как руководитель действовал правильно, однако все мое "педагогическое руководство" ограничивалось житейской интуицией и не поддавалось ни фиксации, ни, тем более, обобщению - то, что оказывалось удачным с одним классом, благополучно проваливалось с другим. Понадобился год достаточно безуспешной работы, чтобы прийти к выводу, которому не изменял уже никогда: в школьном туризме руководитель должен иметь постоянную группу.

Такой группой и стал мой девятый класс, начавший подготовку к городскому слету. Встречались мы ежедневно и не только по туристским делам: уроки, спортивные секции, работа в комитете комсомола, репетиции спектакля - все это определило уровень отношений между нами, далеко выходящий за рамки "учитель - ученик". Поэтому и в воскресных лыжных походах никаких замечаний к ребятам у меня не было. В зимние каникулы организовали недельный лыжный

поход по следам Панфиловской дивизии, встречались с бывшими партизанами и очевидцами знаменитого боя у деревни Дубосеково. Ночевали по избам или в школах, где допоздна обрабатывали свои записи для краеведческого дневника. Как-то стихийно появились намеки на групповые нормы и оценки – руководить этим процессом я тогда не умел, да и не подозревал, что такой процесс существует. Но я видел, как без моей команды разгружают уставших, как на коротких привалах дежурные раздают наш скудный паек, и термоса с чаем никто не вырывает из рук. В музее Волоколамска ребята восхищались экскурсовода своими вопросами – ведь мы готовились к этому походу, много читали по истории района и теперь хотели знать детали, о которых научный сотрудник музея, в чем он сокрушенно признался, даже не слышал. Я видел, что записи в музее и на морозной улице при беседах с местными жителями ведут практически все ребята, а на тех, кто отлынивал, посматривали осуждающе, а вечером, подводя итоги дня, прямо говорили: "Халтурщики". Заработала и наша простенькая структура группы. Конечно, в походах с другими классами тоже назначались командиры, замыкающие, завхозы и дежурные по "кухне".

Но как они относились к своим обязанностям? Командир по моей подсказке что-то приказывал, заранее уверенный, что никто слушать его не будет, и потому старался держаться подальше от меня; завхоза не дозовешься, а повара могли заиграться с товарищами и придти к костру позже других.

В первом осеннем походе девятиклассники тоже не блистали, но постепенно "назначение на должность" перестало быть формальным актом. Споры с командиром случались все реже, да и не допустил бы Женя Радько долгих дискуссий, а ответственные за постоянные или временные дела выполняли их не потому, что за каждую оплошность я мог уже строго спросить, а потому, что понимали их нужность. В то же время я видел, что мне просто повезло с группой: в ней оказались лучшие ученики класса, активисты, народ, понимающий шутку и не очень обращающий внимание на трудности походной жизни.

Но главное – ребят объединяла общая цель: подготовка к городскому слету туристов, где за победу полагалась бесплатная путевка в Ленинград, а в те годы такой вояж был по карману немногим.

Вокруг этой цели и закрутилась вся наша работа. Теперь я мог предъявлять ребятам такие требования в плане поведения и отчетов за порученные дела, которые раньше заведомо оставались бы невыполненными. Конечно, срывы случались – были среди туристов и не внушающие мне особого доверия, но уж очень заманчивым казалось побороться на слете за первое место – а только на него я настраивал свою команду, и потому даже ребята с замашками компаний из глухих лефортовских переулков старались не слишком выделяться из остальных.

Видимо, институтские профессора педагогики и психологии не смогли вложить в мою голову отличника твердых знаний, которыми я мог бы успешно пользоваться на практике. Все, что я умел – это без запинки отрапортовать определения тех или иных понятий. Например, "потребность – это стремление субъекта к объекту, являющегося источником активности субъекта". Простенько и со вкусом. Точно так же обстояло дело с мотивами и значимостью деятельности. Поэтому наблюдение за тем, как интересная цель сплачивает ребят, обеспечило в моем дневнике еще одну запись о новом открытии: "Цель – это первый организующий фактор, без которого невозможна работа с детьми". Я даже сочинил солидный трактат о требованиях к целям в туризме и краеведении, особо вычленив цели для учащихся и для руководителя. В дальнейшем часть этого опуса была опубликована.

На городской слет

Весной снова начались выходы с ночевками. Мы решили двинуться на городской слет не пешком порядком, а на велосипедах, и три раза колесили по Подмосковию, отрабатывая темп движения и собирая материалы по данному нам краеведческому заданию. К великому моему сожалению, Женя Радько и еще двое ребят по разным причинам не смогли участвовать в слете, их подменили восьмиклассниками, ходившими с нами несколько походов, но еще не усвоившими сложившегося в команде стиля отношений.

Мы ехали на слет плотной колонной, часто останавливаясь, чтобы дополнить нашу топографическую карту названиями деревень, не указанных на ней, занести в путевой дневник места удобных стоянок или пометить экскурсионные объекты. Кроме того, надо было вести краеведческий дневник по

заданию, полученному на городской туристской станции.

Работа была по-настоящему интересной. В одном из лучших совхозов Подмосковья "Лесные поляны" мы беседовали с его директором, Героем социалистического труда Ф.И. Тризно, осмотрели молочную ферму и, чтобы хоть как-то отблагодарить за гостеприимство, напросились очистить от ненужных материалов большой амбар, до которого в горячую летнюю пору у работников совхоза руки не доходили.

Два часа просидели мы в домике старейшего большевика, Э.С. Кадомцева, одного из организаторов боевых рабочих дружин на Урале. Он рассказывал о событиях почти полувековой давности настолько увлеченно, словно все это было только вчера, и мои туристы слушали, забывая вести записи в тетрадях.

Были мы и в мемориальном музее В.И. Ленина, несколько раз отдыхавшего в Лесных полянах и посоветовавшего организовать здесь первый в Подмосковье совхоз. Ну и, конечно же, я привел ребят к бывшей усадьбе К.С. Станиславского, чтобы показать комнату, где он писал режиссерский план к чеховской "Чайке", а на биваке, у костра, я рассказывал историю ее постановки в Александринском и Художественном театрах.

Были мы на различных фабриках и в деревнях, занимающихся резьбой по кости - собранных материалов с каждым днем становилось все больше, и мы уже не успевали их обрабатывать.

В судейскую коллегия слета требовалось представить в день прибытия карту путешествия, исправленную и дополненную в пути, описание к ней и краеведческий дневник. Поэтому ежевечерне ребята строчили и строчили в своих тетрадях, нередко затемно, при фонариках. Я просматривал их отчеты и после корректировки ставил короткую резолюцию: ВД - "в дневник".

Где-то на пятый или шестой день пути я заметил незначительные сбои в рабочем ритме группы. Началось, как это часто бывает, с мелочей. Один из восьмиклассников на вопрос где его записи, спокойно ответил:

- Завтра сдам.

- Как завтра? Их же сейчас в дневник заносить должны!

Корпевшая над краеведческим дневником девушка успокоила меня:

- Пусть отдыхает. Я еще о позавчерашнем дне пишу.

Потом не представил свои материалы завтехчастью, сославшись на неотложный ремонт велосипедов.

Короче, получилось так, что несколько человек заполняли путевой и краеведческий дневники и работали с картой, а остальным нечем было заняться: ведь их отчеты сию минуту не требовались, и потому каждый с легким сердцем откладывал свою писанину на завтра, рассчитывая управиться на большом привале, а не мучиться в темноте с фонариком, отбиваясь от комаров.

Теперь свободные от дел туристы сидели у костра, перекидываясь в картишки - занятие, хотя и не возбраняемое мною, но позабытое еще в первых походах. На следующий день ребята отдавали мне сделанные второпях на привалах записи, в которых не было личного отношения к увиденному, а только короткий и поверхностный отчет. Я стыдил и ругал халтурщиков, они забирали свои листочки и вставляли в текст высокопарные слова, демонстрирующие сознательность и глубину чувств авторов:

"Мы с удивлением и восхищением наблюдали, как в умелых и грубоватых на вид руках мастеров из обычной коровьей кости постепенно появлялось произведение искусства. Талант народных умельцев был виден во всем!" Я не мог позволить украшать подобными перлами наш краеведческий дневник, я чувствовал неискренность туристов, но и заставить их писать по-другому не умел. За два дня до прихода на поляну слета произошло то, что неминуемо должно было произойти: меня завалили исправленными записями, которые приходилось снова просматривать; две девушки, явно не успевая, поочередно заполняли дневник, а остальные ребята, наконец-то освободившись от надоевшей писанины, играли в волейбол или лежали на рюкзаках, не заботясь об установке палаток и сборе хвороста, хотя погода портилась и временами накрапывало.

Несколько раз я указывал командиру, что пора бы заняться лагерем, но в ответ слышал только: "Сейчас." Обед ребята не приготовили, что-то там пожевали, позабыв о том, что наша тройка тоже не ела с утра, а за дровами пошли уже в первых су-мерках. Я отправил своих канцеляристок ставить палатки, а сам ушел от бивака подальше на холмик и, накрывшись клеенкой, продолжил записи в дневнике. У костра слышались крики и смех, потом стало

потиху - видимо, ребята ужинали; потом затренькала гитара, а я все сидел под мелким дождиком, злой и голодный, заполняя одну страницу за другой.

Когда стемнело и я уже работал при фонарике, на холмик поднялась вся команда. Ребята молча стояли вокруг меня, а я делал вид, что не замечаю их.

- Виктор Яковлевич, - наконец сказал кто-то, - мы вам ужин принесли...

Я молча продолжал делать записи. Дежурные стояли передо мной с мисками и кружкой, не зная, поставить ли их на землю или подождать, пока я протяну руку.

- Ну простите нас, - просипел Коля Голиков, немного угрюмый и грубоватый парень, владелец карточной колоды. - И давайте пойдём к костру, чего на холоду-то ужинать. А дневник мы с утра заполним, можете даже не проверять.

Я пошел в лагерь в окружении притихших ребят, на осклизлой тропинке образовалась колонна под капюшонами плащей. Впереди меня несли в клеенчатом мешке краеведческий альбом и коробку с флакончиками туши, позади - красные папки с черновыми записями. Замыкали колонну дежурные с мисками нетронутого ужина на вытянутых руках. На плечи мне набросили офицерский плащ, а в лесу несколько человек вышли вперед и отодвигали мокрые ветки от моего лица. Все это напоминало похоронную процессию, и было очень неловко чувствовать себя главным героем печального ритуала.

Меня усадили (хорошо, что не положили) возле костра на бревно, немедленно покрытое сухой клеенкой, на колени поставили миску с заново подогретой кашей и, уберегая от дождика, раскрыли зонтик с торчащими в разные стороны спицами.

Я посмотрел на скорбные лица своих туристов и рассмеялся:

- Вы думаете, я смогу есть при таком почетном карауле? Садитесь!

Напряжение лопнуло разом, и ребята шумно расселись вокруг меня.

- Тихо! - сказал Голиков. - У кого карты?

Ему протянули колоду.

- Виктор Яковлевич, - сказал Голиков, - мы понимаем, как много вы делаете для нас. Вот смотрите, - и Коля бросил карты в костер. - Больше к нам претензий не будет.

Мне надо было держать ответную речь, и я сказал:

- Подъем в шесть утра. Пока не закончим оформлять документы, с места не трогаемся. До поляны слета тридцать километров. Завтра проедем двадцать. Во время обеда постирать ковбойки. Сушить на плечах или на рюкзаках. Вопросы?

Вопросов не было.

- Тогда час на пение, и в двенадцать отбой. Надо выспаться.

Я подошел к своему рюкзаку, чтобы постелиться, но ничего делать не пришлось: спальник и все необходимое уже было разложено в палатке.

Из педагогического дневника:

"28 июня 1957 г. ...Если ребята видят, что руководитель делает много больше, чем от него ожидали, или, будем говорить так - если ребята видят, что руководитель заботится об их благе, противодействие руководителю снимается само собой".

Позднее я увидел, что мой победный тезис далеко не абсолютен. Как уже говорилось, многое зависит от личных качеств руководителя.

Ночью дождь усилился, и к полудню, не вылезая из палаток, мы наконец-то закончили оформление всех материалов. Ехать по утонувшим в грязи тропам не было никакой возможности. Километров пятнадцать мы катили велосипеды по липкому месиву, извазюкавшись "выше крыши". Дождь иногда прекращался, потом снова начинал нудно моросить, а когда мы остановились на ночлег, ливануло уже основательно. К моему удивлению, едва поставив палатки, ребята пошли к ручью стирать тренировочные костюмы и ковбойки - нашу единую форму, выданную шефами во временное пользование. Сушили одежду над костром, чуть ли не окуная ее в булькающие ведра...

Из-за непогоды соревнования на слете отменили. Нас выстроили на линейке, похвалили за мужество и попросили сдать все походные отчеты, по которым уже в Москве будут определены победители. Через несколько дней позвонили в школу и поздравили нашу команду, поделившую первое место с туристами из другой школы, номера которой теперь не помню.

Конечно, мы были рады. Но я не мог забыть едва не вспыхнувшего конфликта во время оформления дневников. Привычка во всем доискиваться причины, из которой неминуемо вытекает следствие - учили же меня в институте

диалектическому мышлению! - заставляла перебирать факты и фактики, предшествовавшие событию, а не валить все на безответственность учеников.

Да, отсутствие такого командира, как Женя Радько, безусловно сказалось на четкости действий группы. Да, ребята начали уставать - кстати, как я потом убедился, это очень влияет на поведение новичков. Да, мы взялись выполнять несколько дополнительных краеведческих заданий - ошибка, которую я в дальнейшем старался не повторять. Все это так. Но прямого отношения к едва не сорванному оформлению материалов похода это не имеет. Тогда что же?

И тут я сделал открытие, которое долгое время скрывал от других туристских руководителей и которое постоянно обеспечивало нам первые места на городских слетах в конкурсах краеведческих дневников.

Дело в том, что для записи в походе краеведческих заданий берется большой альбом, желательно в твердой обложке, или большая общая тетрадь. Кто пошустрее, каждую страницу разрисовывает еще дома виньетками и заставками. А дальше старательная девочка с каллиграфическим почерком заполняет альбом отредактированными руководителем материалами. Если к заданию относятся несерьезно, то и редактирование не требуется - все отдается на усмотрение ребят, точнее, двух-трех человек, ответственных за эту работу.

За многие годы участия в городских соревнованиях я встречал на подходах к слету группы, которые даже не знали о своих краеведческих заданиях.

- Но ведь вы бывали в музеях или осматривали какие-нибудь памятники?

- Не...

Таким группам заполнить дневник ничего не стоит - подумаешь, три-четыре страницы текста!

Но когда материалы собирают все туристы, на каллиграфическую девочку сваливается очень большой объем работы, и никакая очередность в написании дневника здесь не поможет - альбом-то один! Вот с этим я и столкнулся в своем первом выходе на городской слет. Я был постоянно привязан к заданиям и чувствовал, что теряю контакты с ребятами. Я знал, что надо обсудить с командиром бытовые вопросы, знал, что надо проверить наличие продуктов и поговорить с восьмиклассниками, устроившими ночью в палатке хоровое пение, но ничего не успевал. Ушли в никуда викторины у костра и мои рассказы; прекратились тренировки по установке палатки. Чем меньше дней оставалось до прихода на поляну слета, тем больше листков требовалось прочитать, исправить, дополнить и проследить, чтобы все было занесено в общий дневник. Так же напряженно работали и двое картографов, ежедневно дополняя карту новыми знаками и делая топографическую съемку местности в районах наших ночевков. Зато остальные ребята слонялись без дела и даже привычные работы на биваке выполняли как-то неряшливо и неторопко.

Еще в походе я начал подозревать, что в организации заполнения краеведческого дневника есть какой-то изъян, отрывающий меня от ребят и позволяющий многим отойти от общих забот. Но только дома, в спокойной обстановке, появилась возможность разложить все по полочкам.

Итак, что бы я хотел иметь в идеале?

В сборе краеведческих материалов принимают участие все туристы, кроме картографов и дежурных по кухне на данный день.

Собранный материал сдается ответственному за дневник не позже следующего дня.

Руководитель и литературная группа просматривают черновые записи, которые после утверждения тут же оформляются в дневнике.

При таком порядке, - рассуждал я, - каждый будет иметь конкретное дело и достаточное для походных условий свободное время, а у руководителя появится возможность общения с ребятами и организации их досуга.

Что для этого надо сделать?

Отменить стадное хождение на краеведческие задания. Организовать краеведческие группы по два-три человека. В каждой группе должен быть временный командир, отвечающий за сбор и оформление материалов.

Ежевечерне подводить итоги краеведческой работы, выслушивая отчеты командиров групп и отчет ответственного за дневник.

Собственно, здесь не было ничего нового - просто я переносил в походы принципы макаренковских сводных отрядов. Но это в теории. А на практике я представлял, как ежевечерне несколько групп будут стоять в очереди у краеведческого дневника и все равно не успеют его заполнить. На следующий день ко вчерашним очередникам добавятся новые, и вал неформленных

материалов будет нарастать, и не важно, кто заполняет дневник – девочка с каллиграфическим почерком или командиры сводных групп.

И тут мы подходим к моему открытию.

А что, если отказаться от альбомного дневника? Ведь никто не требует от нас сделать его красивее. Оценивается только содержание, и даже на орфографию и пунктуацию судейская коллегия закрывает глаза – просят только писать поразборчивей.

Так вот, Если ЖЕ вместо альбома взять в поход пачку линованных листов из больших общих тетрадей, то каждая группа сможет независимо от другой работать со своими материалами, переписывая их начисто после утверждения. При таком порядке ответственный за дневник может собрать за вечер хоть десять, хоть сто отчетов. И все! Каждая группа занята своими материалами не более часа, а руководитель освобождается от постоянного надзора за нерадивыми – на вечернем подведении итогов они обязательно всплывут и тут же у костра перепишут начисто свои отчеты.

Я мысленно проверял эту идею с разных сторон, понимая, что ухватился за хвост Жар-птицы. И уже в следующем слетном походе наши краеведческие папки распухали от материалов, и не было нервозности у руководителя и обид у ребят. Один день от другого мы отделяли цветной бумагой с нарисованной схемой перехода и, придя на слет, приступали к последнему священнодействию: в присутствии всей команды извлекался на свет десятидюймовый гвоздь, которым торжественно пробивались аккуратно выровненные листы. Дневник брошюровался ленточкой и укладывался в папку. Ребята передавали это сокровище из рук в руки, поглаживая переплет и даже целуя его.

Многие впервые видели дневник целиком, не очень представляя, как из отдельных листочков, среди которых были записи, сделанные не кем-то, а лично ими, получилась рукопись в шестьдесят страниц. И от того, что ребята гордились своим трудом, я радовался неизмеримо больше их.

Мы несли наши папки в Штаб слета мимо биваков других школ и почти везде видели отрешенных девочек, торопливо записывающих в свои альбомы то, что не успели записать в пути...

Когда я стал чуть поопытней, мы начали украшать свой краеведческий дневник фотографиями сделанными в пути. Для этого брался широкоплечный фотоаппарат "Москва". Ночью в палатке, накрытой для верности спальниками, проявленную пленку накладывали на фотобумагу и прижимали чистым стеклом. Подсвечивали себе фонариком, завернутым в красный галстук. Другим фонариком делали засветку, и в трех небольших кюветах – проявление, промывка, закрепление – доводили операцию до конца. Фотографии, правда, получались маленькими, всего 6х9 см, но очень четкими. Когда мы в первый раз сдали свой дневник с фотографиями, нас заподозрили, что они сделаны в домашних условиях, перед выходом на слет. Пришлось показывать судьям нашу походную фотолaborаторию, и первые места по краеведению мы воспринимали как заслуженную награду за большой труд.

В Ленинграде нас поселили в школе, приспособленной под временную гостиницу. В соседних комнатах жила вторая команда – победительница слета, и я познакомился с классным руководителем ребят, Инессой Федоровной Волк.

Я любовался ее подопечными – подтянутыми, вежливыми, без всякого словесного мусора в разговорах. Большинство моих туристов после обязательной экскурсионной программы разбегались по универсамам, а группа Инессы Федоровны уходила на поиски интересных книг. Вечерами, после посещения театров, соседи долго обсуждали увиденное, а мои ребята перебирали купленные днем безделушки. Обычно перед сном я что-нибудь рассказывал своим туристам, и на такие посиделки непременно приходили соседи, деликатно постучав и спросив, не помешают ли своим присутствием. Мы говорили о живописи, театре, литературе, и по вопросам и репликам гостей я видел, что они знают больше моих ребят. Инесса Федоровна работала с классом уже пять лет, и неведомыми мне путями подвела к тому уровню культуры, до которого моим туристам было еще далеко. Я завидовал стилю общения Инессы Федоровны с учениками, здесь было что-то домашнее, материнское. Она никогда не повышала голоса, я ни разу не слышал повелительных интонаций в ее речи, никто не бросался сломя голову исполнять ее распоряжения, да их и не было, а только: будь добр, пожалуйста, если не трудно... Я видел, как Инесса Федоровна, разговаривая с высоким юношей, мимоходом причесала его, потом повернула и

что-то поправила в одежде. И парень послушно наклонял голову и поворачивался. Да разве я мог позволить себе причесать того же Колю Голикова? Ого, как бы он дернулся!

Наблюдая за мягкой суетливостью Инессы Федоровны и за ее от-ношениями с ребятами, я лишний раз убедился, что копировать кого-то – дело бесполезное. Помню, как еще зимой в школе, на репетиции нашего драмкружка, одна из участниц мимоходом взяла лежавшую на рояле офицерскую фуражку, лихо надела ее набекрень, прихлопнула сверху и, с отчаянной грацией козырнув, положила фуражку на место. Выглядело это потрясающе задорно. Девушка пошла по своим делам и, уверен, даже не вспомнила бы, попроси ее сказать, что она делала несколько секунд назад. Эту сценку видела только ее одноклассница – ребята сидели передо мной в зале, спиной к сцене. И тогда одноклассница будто случайно сделала несколько шагов к роялю, постояла немного, поглядывая в нашу сторону, и быстро повторила номер с фуражкой. Бедная девочка, она сама почувствовала как все получилось нелепо, и, смутившись, бросила фуражку на рояль. Не было у нее для такой сценки ни гусарской бесшабашности, ни женского шарма.

В то время я много читал театральной литературы и, конечно же, знал требование К.С. Станиславского к своим ученикам – в любой роли идти прежде всего от себя. Так что уж говорить о манере поведения не на сцене, а в жизни! В детстве, видимо, все так или иначе копируют понравившиеся жесты и позы своих знакомых или киногероев. Если это подходит человеку, то постепенно, при многократном повторении, органически вплетается в ткань его внешних физических действий. Если не подходит, то отбрасывается и забывается.

Взрослым такое копирование дается труднее, да и необходимость в нем возникает не часто, а если и возникает, то все равно остается нечто, присущее только данной индивидуальности. Посмотрите на гимнастические соревнования, особенно по обязательной программе. Спортсмены выполняют одинаковые упражнения, но выполняют каждый по-своему, и это называется стилем исполнения. Так вот, перенять чей-то стиль поведения я не мог, хотя что-то запоминал и старался приспособить для себя. Я начинал понимать, что в нашем ремесле такие мелочи, как выразительный жест, манера общения, одежда, тоже работают на успех, и пренебрегать этим нельзя. Пусть у меня нет обаяния Инессы Федоровны, нет ее милой женской хлопотливости, но ведь можно же научиться слушать собеседника так, как слушает она! А я постоянно ловил себя на том, что в разговоре бестактно перебиваю людей, мне хочется немедленно высказать свою мысль и, не дослушав, привести свои аргументы. Нередко такая манера уводила разговор в сторону от начатой темы – я это замечал, но отказаться от дурной привычки превращать беседу в монолог долгое время не мог. Кроме того, я говорил очень быстро, проглатывая окончания слов, помогая себе руками, молотившими воздух, как крылья связанной курицы. От всего этого надо было избавиться, и после знакомства с Инессой Федоровной я начал жестко контролировать себя – и доконтролировался до того, что через год пришлось учиться говорить чуть быстрее. Далеко не сразу, но я научился выслушивать собеседников, мучительно подавляя желание заговорить самому, научился экономному жесту и даже начал интересоваться книгами по риторике. Позднее я узнал, что занимался элементами рефлексии – какое симпатичное и научное слово! Но до главного докопаться было труднее: почему все-таки ребята Инессы Федоровны по своему поведению и культуре выгодно отличаются от моих? Скорее всего, здесь не последнюю роль играло время: пять лет – вполне достаточный срок для воспитательной работы; но как эту работу проводить и на какие потаенные кнопки нажимать, я не представлял. Оставалось утешаться тем, что поставленные вопросы волновали меня и требовали ответа.

Из педагогического дневника:

" 23 августа 1957 г.

... Я уже многое умею. Я знаю, какие требования должны предъявляться к целям путешествий, и умею заинтересовать ими ребят. Я умею сопрягать педагогические цели руководителя и туристской группы. Я знаю, что структура группы, если она действенна – а таковой ее можно сделать, – ведет к организации взаимответственности и взаимозависимости в коллективе. Я знаю, что при интересе к цели путешествия, которая может быть достигнута в рамках предложенной структуры, значительно возрастает активность ребят. Но я вижу, что эта активность ситуативна, она только на данный момент – от начала и до

конца путешествия - и, следовательно, имеет к формированию нравственных качеств моих туристов весьма малое отношение.

Возьмем, к примеру, чувство ответственности - оно ведь тоже относится к нравственным категориям. Что такое ответственность, на мой взгляд? Это осознанное стремление выполнить оптимальным образом данное поручение или взятые на себя обязательства. В походах я доволен ребятами: в большинстве случаев их действия ответственны. А после похода? Почему мои восьмиклассники плохо учатся, почему классные руководители, зная, что эти ребята занимаются в спортивных секциях и увлекаются туризмом, жалуются мне на полное безразличие их к общественной работе? Какая же здесь ответственность? Или ответственность может быть двойкой: для меня и для других учителей?..

... Второе. Как поднять культурный уровень моих туристов? Понятно, что между культурой и поведением человека прямой связи нет: безнравственный тип может быть образован и культурен. Но впитывание культурного богатства заставляет мыслить, учит понимать красоту, сопереживать, делаться духовно богаче - разве все это не нужно человеку?

Но как подвести ребят к пониманию красоты, я не знаю."

Теперь я с улыбкой читаю собственные размышления с их искренним наивом вместо теоретических знаний. Ничего толком я еще делать не умел, шел к отдельным удачам почти что вслепую, и только через несколько лет начал штудировать серьезные книги по психологии и педагогике. Скорее всего это типичный путь молодого учителя: должно пройти какое-то время для обобщения практического опыта. А пока - новый учебный год. Снова уроки, тренировки, спортивные праздники. Мы уже начали что-то выигрывать на соревнованиях у других школ - это тешило мое самолюбие и радовало ребят. Но в туризме дела пошли значительно хуже. Мои любимые девятиклассники, а теперь уже выпускники, готовились к поступлению в институты и все реже выходили на маршруты с ночевкой всей командой, победительницей летнего слета. Их постепенно заменяли ребята новых девярых классов, во главе с новым командиром - Колей Голиковым. Все было нормально в наших походах, но такого контакта, как с прежней группой туристов, не получалось. Мы готовились к летней экспедиции по изучению партизанского движения в Крыму, читали книги о Великой Отечественной войне, разрабатывали горный маршрут похода. Но делалось это как-то вяловато. Я видел, что ребят больше интересовала поездка в Крым, чем экспедиционное задание, и потому наше общение ограничивалось чаще всего только рабочими моментами.

Крымская экспедиция

Мы снова выиграли районный слет туристов, но, как было заранее оговорено, на городской слет не пошли, а организовали в лесу палаточный лагерь для завершения подготовки к экспедиции. Я представлял, что жизнь в лагере будет отличаться от походной, где большую часть времени ребята находятся на маршруте, и очень хорошо знал, что безделье может привести к нарушениям дисциплины и межличностным конфликтам. Чтобы не оставлять туристов "без дела в руках и без мысли в голове", я предложил такой насыщенный план работы, что втайне сомневался, сможем ли мы его выполнить. Подъем, усиленная зарядка и купание в реке при любой погоде. Потом утренняя линейка, уборка территории и завтрак. И никаких опозданий, иначе... Что должно последовать за этим "иначе", я не знал, и ребята подсказали: чистить ведра после еды! Я был уверен, что это не лучшая форма наказания, но другой предложить не мог.

До обеда - тренировочные занятия. Я учил ребят карабкаться по крутым берегам Москва-реки, и особенно - страховаться на спусках при помощи альпенштоков, обычных, ободранных от коры палок, понаделанных из засохших елочек, торчавших возле нашего лагеря во множестве. Затем - заготовка топлива, купание и после обеда - тихий час. Можно было не спать, а читать или играть в шахматы, но запрещалось ходить по лагерю и громко разговаривать. Как и ожидал, утомленные тренировками и разморенные едой туристы быстро засыпали, и я даже разрешал дежурным откладывать побудку минут на 15-20.

После полуденного чая - снова занятия. Теперь мы репетировали концерт,

который рассчитывали дать в совхозном клубе, и для этой цели решили прихватить в Крым тяжеленный баян. Если репетиции были не хорошие, то баянист уходил с солистами подальше от лагеря, а я с оставшимися ребятами отработывал технику записи воспоминаний бывших партизан, с которыми мы еще зимой наладили переписку. Делалось это таким образом: ребята разбивались на группы по два-три человека, я что-нибудь рассказывал, все сточили в своих блокнотах, а потом давалось полчаса для обработки записей. Творчество каждой группы внимательно выслушивалось и обсуждалось. На следующий день эти же записи требовалось представить в форме очерков. Мне удалось убедить ребят, что без таких упражнений мы многое перепутаем и многое упустим. Надо сказать, что почти все туристы серьезно отнеслись к новому для них делу, тем более что я несколько усилил его личностную значимость, обратив внимание ребят, что они постепенно вырабатывает вкус к слову, и это пригодится при написании сочинений на выпускных экзаменах и при поступлении в институт. Намеченный план выполнялся без сбоев, и свободное время у ребят появлялось только после ужина, чтобы полтора-два часа посидеть у костра.

За десять дней лагерной жизни я убедился, что умею уже использовать средства, позволяющие активизировать и дисциплинировать ребят. Меньше становилось случайных успехов и срывов, уже можно было прогнозировать результаты общих дел и реакцию на мои распоряжения. Все наши занятия отвечали одному из принципов построения спортивной тренировки – адекватности упражнений предстоящей деятельности. Этот принцип хорошо известен учителям-предметникам. Никому из них не придет в голову перед контрольной работой на вычисление площади окружности предложить ученикам задачи, связанные с подобием и равенством треугольников – одно другому неадекватно. Я мог бы организовать спуски и подъемы с использованием веревки или навесные переправы, не сомневаясь, что это увлечет ребят, мог бы устроить соревнования по волейболу или веселые эстафеты, да мало ли что можно придумать в лагере, чтобы скоротать день! Но ничего этого у нас в Крыму не будет. А будут крутые горные тропы, иногда заваленные прелыми скользкими листьями, будет кропотливая работа по сбору материалов о партизанской войне – то главное, ради чего мы едем в экспедицию. Я настойчиво напоминал об этом ребятам и видел, что наши занятия становятся для них важнее, чем обещанный отдых у моря. Плотность занятий требовала и четкого выполнения режимных моментов – следил за этим наш командир Коля Голиков, чуть ли не с кулаками наступавший на дежурных, если обед задерживался хотя бы на пять минут. В общем, внешний порядок – как я бы теперь сказал, внешний удовлетворительный уровень поведения – был достигнут. Но меня беспокоило, что этот порядок поддерживался не только сознательным отношением туристов к нашим делам, но и авторитетом трех физически сильных ребят. Нет, конечно, они никого не задевали, но я чувствовал, что их слово порой весомее моего. К чему такое разделение власти может привести, я еще расскажу, потому что помню, как в пору моих пионерских лагерей вожатая жаловалась "авторитетам" на какого-нибудь шустряка, потом с ним на задворках серьезно толковали, и в отряде устанавливался порядок.

Огорчало меня и малознание ребят. Еще в зимних походах, рассказывая о ярких событиях из всемирной истории, видел, что о многом они слышат впервые.

– Но вы же проходили восстание Спартака?

– Ну?..

– Так как же вы не читали великолепный роман Джованьоли?

– А зачем?

Только двое моих туристов один раз были в Художественном театре, и никто – в музее Изобразительных искусств!

Вот тогда, в лагере, я и начал впервые читать ребятам стихи у костра. Слушали меня внимательно и уже в Крыму просили снова прочитать те вещи, что понравились больше других.

Поисковая работа началась сразу же по приезде в Симферополь. Бывшие партизаны, с которыми мы перепи-сывались еще зимой, приводили нас к своим товарищам, и то, что мы слышали от этих еще не старых людей – ведь после войны прошло чуть больше десяти лет – нельзя было прочитать ни в одной книге. В сталинские времена о партизанском движении в Крыму умалчивали: коренное население – татары – нередко помогали немецким войскам, и тому были причины, о которых здесь не место говорить. Но факт остается фактом: были в

Крым татарские воинские формирования, были проводники, выводившие немцев к партизанским стоянкам – все это было. И никак не согласовывалось со сталинской национальной политикой, проповедовавшей братский союз всех советских народов. Поэтому после освобождения Крыма изменников по справедливости жестоко наказали, ну, а остальных жителей татарской национальности без лишней огласки вывезли в отдаленные места. Затем, как известно, Н. С. Хрущев передал полуостров Украине, и последствия этого широкого жеста расхлебываются до сих пор.

При таком раскладе очень уж вспоминать о крымских партизанах было как-то неловко, и остались жить люди, обделенные наградами и памятью народной.

Те, кто бывал в горах Крыма, знают, что его лесная часть просматривается с любой вершинки. Леса прочесывали специальные войска, все выходы с гор были перекрыты. И в таких условиях отряды партизан действовали постоянно – подрывали мосты и машины, снимали патрули и уничтожали предателей.

Комиссар одного из партизанских отрядов Куприев передал нам блокнот с короткими записями. Среди рапортов командиров групп о выполнении заданий, столбиков цифр о расходе патронов и приказов о починке обуви были и такие пометки:

"Три дня без еды. Варим кору деревьев. Дисциплина бойцов отличная"

"Еды нет совсем. Вчера пустили под откос эшелон".

"Три человека умерло. Группа подрывников ушла на задание".

"Прилетел самолет. Сбросил продукты. Выдаем банку консервов на пятерых".

Да, одно дело – смотреть даже самые правдивые фильмы о партизанах, и совершенно другое – слушать не всегда связные рассказы людей, переживших такое, что нам, молодым, было трудно вообразить. Мы жили в симферопольской школе, и после таких встреч не было привычного смеха и песен по вечерам. Ребята негромко разговаривали, просматривали собственные записи и документы, переданные нам для музея Вооруженных сил. Впервые юноши мирного времени столкнулись не с романтикой, а с грязными, потными, голодными и кровавыми буднями войны, и я не удивился, когда один из туристов спросил: " Виктор Яковлевич, а мы бы смогли так? "

Нас привели в уютный домик Павла Васильевича Макарова, невысокого и очень худого человека, совсем не похожего на лощеного красавца, адъютанта его превосходительства, каким его изобразят через несколько лет в знаменитом телесериале. Я не буду рассказывать об этой встрече, о том, как плакали наши девчонки, когда Павел Васильевич, придавив стол кулачками старческих рук, негромко запел сложенную партизанами песню о погибших товарищах, и слезы текли по его морщинистому лицу...

Через неделю мы были на кордоне у лесничего Крапивного, богатырского сложения человека, которого вроде и не коснулись года.

– Вон по цей тропке, – показывал Крапивной, – поднимались немцы, а Павел Василич косив их с пулемета вот от того камня. Нас четверо, а их, шоб не соврать, человек двадцать будет. Тут склоны не так, шобы крутые. Бачу – обходят они нас.

"Павел Василич, – кричу – тикать надо!" А он ни в какую.

Ну, подхватил его за ноги, за вроде коня в тачанке, и поволок. А он все стрелять норовит. Вон пойдете в тую сторону, там крутяк каменный, по нему и ушли. Пулемет бросить пришлось, да... А Павел Васильич мне потом дулю вставил за отступление, во как.

Павел Васильевич передал нам много документов времен гражданской войны и большие желтые листы немецких приказов, которые расклеивались по городам. Под черным распластанным орлом шли распоряжения о запрещении появляться на улицах без документов, о немедленной сдаче теплой одежды для немецкой армии, о выдаче местонахождения евреев. И внизу каждого приказа – неременное предупреждение: "За невыполнение – расстрел". Потом, когда в школах начали проводиться "Уроки мужества", часто, к сожалению, формальные, я вспоминал нашу крымскую экспедицию и думал, что свой Урок ребята проштудировали сполна.

Мы шли горными тропами к партизанским стоянкам, которые отметили на карте еще в Симферополе. В Крымский заповедник народ пускают не часто, и в то время остатки полуразрушенных лагерей еще можно было найти. Мы собирали

стреляные гильзы, подобрали в лесу проржавевшую трехлинейку, а ствол миномета нам подарил лесничий Крапивной: "Вон он ворота подпирает. Берите, отслужил красавец. ".

С Гурзуфского седла мы спускались мимо Артека, и с какой завистью смотрели на нас прилипшие к чугунной ограде чистенькие пионеры в белых рубашках и синих шортиках!

Свой постоянный лагерь мы поставили в совхозе под Алуштой. В клубе дали большой концерт, вечерами у палаток собиралась местная молодежь, я читал стихи, и все вроде было хорошо. Но что-то постоянно тревожило меня.

Вот съездили в Ялту, но не пошли в Никитский ботанический сад, отказались от экскурсии в Севастополь ради лишнего дня у моря, хотя наши палатки стояли почти на берегу, и купаться можно было часами. Я чувствовал, что благополучие в группе зависит не только от меня, но и от тех сильных и авторитетных ребят, о которых уже упоминал.

Не вступая в конфликты с товарищами, эти ребята пользовались маленькими привилегиями с молчаливого согласия остальных. Только они могли опоздать на зарядку или на вечернее собрание, задержаться у моря, оставив с собой нескольких девочек, - словом, делать то, что не позволялось другим. И возглавлял эту самостийность наш командир Коля Голиков, несколько своеобразно понимавший серьезность своей высокой должности. Скажем, возвращается компания с пляжа.

- Почему опоздали? - спрашиваю.

- Не надо, Виктор Яковлевич, - Голиков кривит губы с чуть заметной снисходительностью. - Я за них отвечаю. Подумаешь, задержались на десять минут.

Пару раз говорил с Колей наедине, но он заводился и цедил что-то о моих придирках лично к нему.

Я видел, что теряю какие-то нити управления, пусть не главные, в мелочах, и что голос друзей Голикова в спорных вопросах все чаще становится решающим. В той же Ялте после прогулки по набережной и знакомства с магазинами я предложил поехать в дом-музей А.П.Чехова. Еще никто не успел возразить или согласиться, как один из авторитетных парней громко сказал:

"Нам и в школе этот Чехов вот где сидит!" Поездка не состоялась.

И все-таки я не мог обойтись без помощи Голикова и его друзей, и они понимали это. Начала складываться ситуация, выстраиваемая по житейскому принципу: "Мы вам, вы нам". Мы вам - порядок в группе, вы нам - послабления в режиме.

Пятнадцатью годами позже с нами в Крым выехала группа соседней школы, и я видел, как несколько старшеклассников, так называемый актив, постепенно отстранили учителя от руководства и начали насаждать среди товарищей жестокие уличные законы. Сначала учитель не обратил внимания, что командир и присные его даже не утруждают себя подойти к дежурным за едой. За них это делали другие, обслуживая руководящий состав в первую очередь. Разумеется, свои миски "актив" тоже не мыл. При мне один из парней ткнул принесенную ему миску под нос мальчишке:

- Это что? А ну бегом перемой!

Я остановил мальчишку и подошел к парню:

- Встаньте, пожалуйста.

- Чего?

- Я говорю - встаньте, пожалуйста.

Парень медленно приподнялся:

- Ну?

Я протянул ему миску:

- Вон он, ручей, и будьте добры, пойдите, сполосните посудину.

Вступать в пререкания с безукоризненно вежливым джентльменом парень не решился. Он только передернул плечами и побрел к ручью.

Я говорил руководителю соседней группы, что поведение "актива" до добра не доведет, и предлагал свою помощь в беседе с ребятами, но руководитель отвечал, что ничего особенного не происходит и никакой помощи не требуется. А через пять дней, когда наши лагерь ставились почти рядом, я видел, как девушка указала одному из "активистов" на удобное место для палатки - площадку, которую уже расчистил от камней руководитель с девочками. Парень кивнул и, подойдя к площадке, пнул ногой еще свернутую

палатку:

- Я раньше выбрал это место. Мы здесь ставиться будем.

И руководитель с девчонками, не возразив, пошли искать новое место для ночлега.

Через год наши маршруты совпали на Кавказе. Не знаю, какая сила толкала этого руководителя в походы - в школе он был прекрасным учителем физкультуры, вот и занимался бы тем, что умел делать профессионально! А тут, в горах, где должно быть единое руководство, всем заправляли уже новые старшеклассники, подбиваемые своими подружками, которых про себя я давно называл фаворитками. Это особый тип девушек, никогда и ни во что не вмешивающихся, но через своих поклонников творящих в группе настоящий произвол. Им ставят палатки, подменяют на дежурствах, они могут заткнуть любую девчонку, и не только они, а прежде всего их поклонники, а уж ребятам, которых невзлюбили фаворитки, лучше поскорее убраться из группы! И если все это безобразие вовремя не пресечь, руководитель теряет бразды правления, сохраняя за собой только всю меру ответственности за жизнь и здоровье учеников. Все, что я наблюдал в соседней группе, привело к финалу, хотя и нетипичному, но вполне закономерному.

Спустившись с гор, мы остановились на сухумской турбазе. И вот соседи, увидев что мы питаемся лучше их, а перед сном еще устраиваем чай с разными вкусоностями, потребовали от своего руководителя того же. Руководитель резонно указал, что много денег потрачено еще перед горами на мороженое и посещение кафе в Пятигорске, да и здесь, в Сухуми, по просьбе ребят два раза устраивался праздничный стол, так что денег в обрез. Доводы показались фавориткам группы не убедительными. Они что-то подсчитывали и даже приходили к нашему казначею порасспросить, какие у нас были траты в пути. А потом их верные поклонники заявили руководителю открытым текстом, что он утаил часть денег и теперь они хотят сами распорядиться тем, что еще осталось. Руководитель швырнул под ноги наглецам сумку с деньгами и записями расходов. И у соседей началась шикарная жизнь! Три дня каждому туристу выдавалась наличность, с размахом тратившаяся на шашлыки, фрукты и мороженое. На четвертый день деньги закончились, и вечером соседи угрюмо жевали бутерброды под приготовленный на примусах чай. Утром вся группа собралась возле руководителя, и одна из фавориток сказала, что ребята голодные и их надо кормить. Моя палатка стояла недалеко, и я хорошо слышал весь разговор. Руководитель ответил, что денег у него нет - все, что было, вместе с отчетом он отдал, и теперь надо сообща искать выход из положения. И тогда девушка заявила - передаю дословно - следующее:

- Вы руководитель и обязаны о нас заботиться. И нечего было дураков слушать!

Фаворитка хотела есть и легко променяла своих поклонников на чечевичную похлебку. Остальные престижные девочки поддержали ее.

Наша группа выделила соседям какую-то сумму, но о роскошной жизни им пришлось забыть.

Случай, повторяю, нетипичный, но утрата единоначалия в дальнем путешествии всегда ведет к последствиям, которые в обычных условиях трудно предугадать.

В той первой крымской экспедиции ни Коля Голиков, ни его друзья и в мыслях не держали перечить мне в чем-то серьезном, но меня уже начал раздражать их покровительственный тон - мол, все сделаем, не волнуйтесь, - и на вечернем собрании я строго предупредил всех, что не намерен терпеть даже малейших нарушений дисциплины. Повод для разговора был пустячный. Совхоз выделил нам ящик груш, мы прикинули, что этого вполне хватит для компота до нашего отъезда, и поставили ящик возле палаток.

Я попросил ребят не заглядываться на груши - попробовали по несколько штук, и хватит. А кому захотелось еще - пожалуйста: совхозный сад метрах в пятистах на косогоре, и ходить туда нам не возбраняется. Через день я заметил, что ящик неоправданно быстро пустеет, и спросил ребят, кто покусился на общественное добро. Спросил так, для проформы, мимоходом. Мне ответили, что груши подьедают компания Голикова.

- Неужели и ты залезал в ящик? - спросил я командира, сидевшего со опущенной до земли головой.

- Нет, - Коля твердо посмотрел на меня. - Сам не залезал и у других не брал.

- У кого " у других ? "

И Коля снова опустил голову.

Вот Тогда я и сказал насчет дисциплины.

На следующий день я проходил мимо компании Голикова, сидевшей возле палаток и напевавшей под гитару. Увидев меня, один из парней лениво потянулся к ящику, взял грушу и начал неторопливо жевать. Я молча остановился перед парнем. Пение прекратилось, ребята поглядывали то на меня, то на товарища, а я в упор смотрел на парня, и нагловатая усмешка медленно сползала с его лица. Потом Голиков встал, поднялись и остальные, и только парень сидел с надкушенной грушей в руке, сидел, не поднимая головы, чтобы не видеть, как я смотрю на него.

- Сегодня ты уедешь в Москву,- сказал я. - Голиков, распорядись насчет денег и телеграммы родителям.

Через полчаса Голиков подошел ко мне:

- А может, оставим Сережку ?

Я сел на скамейку и указал место рядом.

- Ты можешь меня выслушать спокойно, не перебивая? Хорошо. В том, что случилось, виноват прежде всего ты. Это с твоего молчаливого дозволения Сергей и другие начали чувствовать себя чуть ли не хозяевами в группе. Это ведь так удобно - делать что хочешь, ни за что ни отвечая. Ты посмотри - ребята уже сторонятся вас. Вы стали группкой в группе! И самое печальное, что ты этого не хочешь понять, ты, командир, мой первый помощник. И потому, что ты этого не понял раньше и не хочешь понять теперь, Сергей уедет домой. Уедет обиженный на меня, а на тебя будет смотреть как на друга и защитника.

Я говорил долго, возможно, излишне горячась, а Голиков сидел, набычась, сжимая скамейку под коленями.

- Ну, что ж, командир, давай решать вместе, - сказал я.

Голиков поднял голову и молча смотрел на верхушки кипарисов.

- Можно я провожу его до Алушты ?

- До Алушты можно. И сразу же в лагерь.

Сергей уехал. И ребята восприняли это спокойно. Быть может, они обсуждали мою жестокость - не знаю; но на вечернем собрании не было ни вопросов, ни комментариев.

Оставшиеся до отъезда три дня прошли так, будто ничего не случилось. Мы съездили в дом-музей А. П. Чехова и остались очень довольны поездкой. Вечерами я снова рассказывал и читал стихи, а по приезде в Москву мы долго сидели в школе и не спешили расходиться...

Из педагогического дневника:

" 24 августа 1958 г.

Меня занимает мера дозволенного руководителю. Выгонять ученика из класса не разрешается, но ведь выгоняют. А что делать, если ученик мешает вести урок и не дает заниматься товарищам? Что делать, если учитель не может справиться с хулиганом, и единственное спасение - выставить его за дверь?

Я отправил Сережу в Москву, потому что он демонстративно нарушил мое распоряжение, уверенный в своей безнаказанности.

Ну, спрошу, почему он взял грушу. А он скажет: " Подумаешь, обокрал я всех, что ли!" И его друзья будут тихонько наигрывать на гитаре и ласково улыбаться мне. А на другой день от них будет пахнуть самогоном: "Угостили местные ребята, не могли же мы отказаться. Да что мы, пьяные, что ли? "

Нет, если руководитель уверен в своей правоте и видит, что ни разговоры, ни наказания не помогают, он просто обязан изгнать человека, нарушающего принятый порядок. Изгнать не потому, что и у других может появиться желание подражать нарушителю - этого как раз можно не опасаться, в большинстве люди нормальны - а потому, что благополучие коллектива должно быть защищено. И если коллектив не может защитить себя, это должен сделать руководитель - последняя инстанция, стоящая на страже общих интересов. А как иначе?"

Нужно было время, чтобы понять: конфликты в путешествиях - результат просчетов руководителя при подготовке к нему, и не надо принимать следствие за причину. Но то, что руководитель обязан защищать коллектив от посягательств на его нравственные законы, для меня уже не было предметом обсуждения.

В школе-интернате

Еще зимой, перед крымской экспедицией, меня усиленно агитировали

перейти работать в только открываемые школы-интернаты, суля возможность практически круглосуточного общения с детьми. Это привлекало больше всего, и после Крыма я пришел в школу-интернат No 18, но с первыми своими учениками связи не прекратил, продолжая еще год водить их в походы и руководить драматическим кружком.

Меня назначили воспитателем пятого класса, и все свободное от уроков время я проводил с ребятами. В основном это были дети из неблагополучных семей, не слишком обогреты родительским теплом, и потому в первый же день они жалась ко мне, незнакомому человеку, тесня друг друга, чтобы подержаться за мою руку. После отбоя я посидел в спальнях девочек и мальчиков, а потом еще долго ходил по коридору, потрясенный той жадой ласки, которую они хотели получить от меня.

Первое впечатление не всегда самое верное. Оказались среди ребят лодыри и неряхи, хитрюги, врунишки и любители утащить, что плохо лежит. Но был и мастеровой люд, умеющий уже плотничать и слесарить, были любители книг, и те, в ком я видел своих помощников и будущих организаторов наших многочисленных дел. Конечно, жизнь в интернате отличалась от школьной. Уборка помещений утром и перед сном, уроки, прогулка, самоподготовка, свободное время - все это требовалось налаживать и контролировать. Я быстро понял, что одному воспитателю справиться с этим невозможно, и на каждый участок назначил ответственными толковых ребят. Не все у нас получалось сразу, но постепенно в классе привыкли отчитываться за прожитый день, и тем, кто сделал что-то недобросовестно или набедокурил, крепко доставалось на вечерних собраниях от товарищей. Я придумывал различные игры для прогулок, проводил конкурсы и викторины и, конечно же, начал водить пятиклассников в походы с ночевкой.

Помытуя о своих школьных выходах с малышами, я еще в интернате научил ребят ставить палатки и подробно растолковал, что и как нужно делать, когда мы придем на ночной бивак. Были назначены ответственные за сбор хвороста, костровые и дежурные по кухне, командир, замыкающий и ведущие по отдельным участкам маршрута. И хотя я дотошно экзаменовал ребят на предмет знания каждым своего маневра, но все-таки предполагал, что какие-то сбои могут случиться, и готовился к этому.

Уже в электричке я увидел разницу между моими школьными группами и нынешней, интернатской. Да, ребята вели себя шумновато, но криков, визга и толкотни не было. Многие не отлипали от окон - они впервые ехали по железной дороге, и все, что проплывало мимо вагона было интересно им. Хорошо прошли установка лагеря и сбор хвороста для костра. После ужина мы немного попели, подурачились, и никаких серьезных замечаний ни в этом, ни в последующих четырех походах, которые мы провели до наступления холодов, у меня не было.

Безусловно, порядок во многом определялся тем, что я знал уже всех воспитанников по голосам и хорошо представлял, что можно ожидать от каждого. Но не лишним оказались и предварительный инструктаж, и обучение установке палаток.

С каждым походом ребята становились опытней, и командир все чаще распоряжался самостоятельно - ну, чуть-чуть по моей деликатной подсказке. В общем, все бытовые дела в походах выполнялись так, как и должны выполняться в этом возрасте.

Никаких поисковых работ мы не вели, я ставил перед ребятами только познавательные цели: рассказывал, для чего понаставлены на открытых местах высокие вышки - триангуляционные пункты, учил ориентироваться по компасу и местным признакам. Часто мы останавливались и любовались осенним ландшафтом, я читал соответствующие настроению стихи, и мои туристы затихали, зачарованные неброской красотой Подмосковья.

Цели руководителя были, естественно, иными. Надо было приучить ребят без споров выполнять распоряжения ответственных за различные дела, а все недоразумения решать с командиром или у вечернего костра. Пятиклассники согласно кивали, но все улетучивалось из их голов, как только начинали отдаваться приказы.

- Ты почему не слушаешь Мишу? - вмешиваюсь я в уже назревающую стычку.

- А чего он! Я уже два раза ходил за дровами, а он говорит, чтоб еще шел!

- Но он ответственный за сбор топлива, ему лучше знать, сколько дров еще надо принести.

- Так я уже два раза приносил, - тянет свое обиженный турист, - а он только командует, а сам ничего не делает!

- Давай сделаем так: ты сейчас выполняешь приказание, а в следующем походе сам будешь ответственным за дрова. И убедишься, как это трудно - командовать другими.

Пацан шмыгает носом и злорадно говорит товарищу:

- Вот я тебя тогда погоняю!

Вопросы взаимного руководства и подчинения с трудом осмысляются двенадцатилетними людьми. Они не могут понять, почему сосед по парте имеет право приказывать и почему они должны подчиняться. Да и приказывающий не всегда прав, а иногда пользуется своей властью с таким размахом, что рискует получить по шее от разозленного одноклассника. И бывает, что не только рискует, но и получает. Мне редко встречались среди двенадцатилетних хорошие организаторы, которых слушаются не из-за боязни, а потому, что они умеют настоять на своем и знают дело лучше других. Вот если бы со мной постоянно ходили в походы ребята года на два старше моих малышей, был бы совсем другой разговор. Со старшими не поспоришь, а поведение их могло бы стать хорошим примером. Но старших у меня не было, и приходилось обходиться без эталонов, на которые можно указать и на которые хотелось равняться.

Из педагогического дневника:

" 24 ноября 1958 г.

Представляю такую картину: с моими пятиклашками идут в поход Женя Радько и еще трое ребят из моего любимого девятого класса. Они руководят всеми участками работ, а у костра рассказывают о своих первых маршрутах. А малыши сидят между ними и слушают. И учатся общению у взрослых людей.

Это и есть передача делового и нравственного опыта от одного поколения другому. При условии, что сам воспитатель уже воспитан."

Но все это были только мечты, да и не замыкалась жизнь в интернате на одном туризме. Пионерские дела, режимные моменты, и главное, учеба - на это уходило все время воспитателей. Каждый воспитатель вел уроки по своим предметам, а у меня еще были спортивные секции, и порой я получал нахлобучку от директора, потому что заигрывался с ребятами в волейбол до отбоя.

В интернате не было параллельных классов, а только по одному с первого по седьмой, с расчетом на дальнейший прирост до восьмилетки. Как при таком разрыве в возрастах проводить спортивные соревнования? Ведь ясно, что семиклассники при любых условиях будут выигрывать у малышей. И тогда всех воспитанников разделили на четыре спортивных общества с примерно одинаковым возрастным составом. Неожиданно оказалось, что в этом таится не только практический, но и педагогический смысл. Семиклассники начали тренировать девочек и мальчишек из шестого класса, подбирая команды для волейбольных и баскетбольных ристалищ, в цене оказались даже первоклассники, с которыми возились лучшие гимнасты. Я видел, с каким терпением проводили ребята тренировки и как старательно учились малыши, даже лучше, чем на моих уроках. Ни криков, ни лишней беготни. А как болели старшие за своих крохотулей, выполняющих на соревнованиях акробатические упражнения! Мы устраивали спортивные праздники, отменяя учебные занятия: с утра - легкоатлетические старты на стадионе, после обеда - соревнования на интернатских этажах по настольному теннису, шахматам и шашкам, в классах - спортивные фильмы, конкурсы и викторины, а в зале - волейбольные встречи и выступления гимнастов. И везде рядом с малышами - их тренеры и болельщики. Информация о ходе соревнований передается по радио, и каждое спортивное общество отчаянно переживает успехи и неудачи своих ребят. А призы победителям вручают заслуженные мастера спорта, будущие олимпийские чемпионы - стайер Петр Болотников и боксер Борис Лагутин.

Праздник заканчивается всеобщим примирением: сборная волейболистов-воспитанников встречается с воспитателями, и судит игру не кто-нибудь, а чемпион мира, лучший нападающий советского волейбола - Константин Рева!

Такое содружество старших и младших воспитанников позволяло создавать единый коллектив интерната. Мы часто говорим: "коллектив завода", "коллектив школы", но ведь это только слова. Какой же это коллектив, когда ученики одного класса незнакомы с теми, кто старше или младше их? Я не хочу вдаваться в теоретические тонкости, но вот американский социальный психолог Т. Шибутани предлагает определять коллектив (группу) по профессиональной

принадлежности, и тогда в одну когорту попадают, скажем, все дипломаты земли или все актеры, или солдаты армий всех стран. Что это может дать для практической работы, не представляю.

Используя налаженные связи между ребятами в спортивных обществах, мы попробовали организовать шефство старших над младшими в учебе, и это вроде бы стало получаться, но развития не имело – самоподготовка во всех классах проходила в одно время, а отрывать старших от занятий в кружках и спортивных секциях посчитали нецелесообразным. Мне хотелось бы проверить взаимодействие детей разных возрастов и в других областях деятельности, но такая возможность представилась только через пять лет.

Естественно, что, как новый воспитатель, я внимательно присматривался к своим пятиклассникам. Даже начал делать какие-то записи с психологическими характеристиками каждого.

Но вскорости бросил это занятие: и оценки мои были субъективными, и ничем в работе помочь они не могли. Все оказалось настолько сложным и запутанным, что разобраться молодому учителю во всех переплетениях ребячьих взаимоотношений не представлялось возможным. Я не мог понять, почему наш лучший ученик не пользуется особым уважением в классе, а самые хулиганистые ходят в лидерах; почему те, кому я уже доверял больше других, вдруг выкидывают такие фортели, что только руками развести; и почему между ребятами постоянные ссоры и взаимные оскорбления.

Пятиклассники жили какой-то странной для меня жизнью. Вроде бы они постоянно вместе: и в классе, и в спальнях. Но не только дружбы, обычных человеческих симпатий между ними я не улавливал: есть группки из двух-трех человек, есть молчуны-одиночки, особенно среди девочек, и все как-то насторожены, готовы немедленно ощетиниться: не подходи, опасно!

Радости и огорчения вспыхивали крупными магиями и тут же гасли в привычной размерности интернатских будней. Прибегут ко мне мальчишки показать, какой корабль они соорудили в мастерских – глаза горят, мордашки в улыбках – а на другой день корабль валяется в классе возле шкафа: запускать его негде. А еще хуже: не поделят что-то вчерашние корабеллы во время уборки коридора, и стоят друг против друга в боксерских стойках. Правда, драк в классе не было. То ли потому, что ребята все время на виду у воспитателей, то ли четверо сильных мальчишек не позволяли другим распускать руки. Пошумят, погрозятся враги и расходятся по укромным уголкам. А вечером, глядишь – опять в слесарке затевают новое дело. Хотя "укромные уголки" – это неточно сказано. Просто ребятам иногда хотелось уединиться, чтобы не вступать ни с кем в разговоры, отдохнуть от криков и обязательных мероприятий. Одни наслаждаются тишиной в читальне, другие сидят в пустых спальнях коридорах или в вестибюле, в который уж раз рассматривая фоторафии наших спортивных стенов.

Скорее всего, ребята уставали от ежедневного вынужденного общения и потому с радостью ждали субботы, чтобы разойтись по домам, к не очень обустроенному, но зато своему быту, где можно спать сколько угодно и гулять сколько вздумается. Но в интернат возвращались с удовольствием: здесь и сытнее, и развлечений побольше. Удобнее жилось тем, кто сам находил для себя дело. Двое мальчишек стучали молотками в каптерке сапожника, человек пять все свободное время обитали в слесарке или столярке. Они же занимались в оркестре и в спортивных секциях. Остальные томились от безделья, и все мои старания привлечь их к чему-нибудь стоящему принимали с нескрываемым равнодушием: мол, так и быть, займемся, если уж вам хочется.

Привычка к ничегонеделанию и желание, чтобы их оставили в покое, разъедали добрую половину класса, а встряхнуть, расшевелить моих воспитанников, я не умел.

Я присматривался и к другим классам. Очень мне нравился четвертый: тишина на самоподготовке, чистота в спальнях, да и в общих делах у них получается слаженней, чем у других. Их воспитательница, высокая спокойная женщина, держала ребят в жестком кулаке – может быть, так и надо для малышей? А в шестом классе – сплошная анархия: там воспитатель душевной мягкости человек. Так что же лучше?

Постепенно я начал понимать, что дело не только в личных качествах воспитателей. Интернат – полузакрытое учреждение, и ребята упакованы в свои классы с приблизительно одинаковым уровнем интересов и информации. Они ничем полезным не могут друг друга обогатить. Сложившиеся отношения между

воспитанниками становятся привычными и, по представлениям ребят, единственно возможными. Сравнивать эти отношения не с чем, изменять их тоже нет надобности – отношения сформированы в огороженной от мира интернатской жизни и приспособлены к ней. В домашних условиях, дети общаются со старшими и младшими. На улице и в школе они контактируют с различными группами, определяя для себя, что хорошо и что дурно. У них значительно больший выбор при организации своего времени для подготовки уроков и проведения досуга. Они самостоятельной, и в будущем легче входят во взрослую жизнь. А в режимной замкнутости интерната воспитанники, освобожденные от материальных забот и домашних проблем, привыкают к иждивенчеству. Для них уборка помещений – только принудительная работа, а не стремление поддерживать чистоту там, где они живут. Учеба тоже большинству не нужна: о высшем образовании ребята не помышляют – как-нибудь устроятся после интерната, не пропадут. Кружков в интернате мало: слесарный, столярный, швейный, хоровой, да спортивные секции – они не могут охватить всех, а другие интересные дела – собственные концерты, приглашения артистов и выходы в театры – так ведь это от случая к случаю, они не слишком влияют на развитие ребят. Вот и вертятся разговоры вокруг того, что подадут на обед, и будет ли на полдник молоко с печеньем или со сдобными булочками.

Ограниченность общения с внешним миром делает понятным увливание самых дошлых воспитанников от трудовых дел, узость их интересов и следование многих ребят тем негласным нормам, которые насаждаются самыми горластыми, агрессивными и физически сильными детьми. Безусловно, и в этих условиях многое зависит от работы воспитателя, но условия изолированности все-таки дают о себе знать.

Я видел, что ребятам нужны какие-то общие дела, которыми они бы увлеклись и в которых могли проявить свои творческие способности. Эти дела со своими линиями взаимозависимости и взаимоответственности должны выплеснуться за пределы интерната, ввести ребят в круг новых напряжений и создать новых лидеров, даже не подозревающих сейчас о своих возможностях.

Я перелопачивал книги по теории воспитания – там все было ясно и очень логично – так и хотелось броситься воплощать умные рекомендации в нашей каждодневной суете. Но в академической солидности ученых книг не было самого важного для меня: что надо сделать конкретно, чтобы девчонки и мальчишки засверкали улыбками, чтобы их энергия сторала разумно в играх, труде и учебе, и чтобы жизнь их была наполнена предчувствием необычайных открытий.

Вот как у К.Симонова:

Ложась в кровать, нам надо перед сном
Знать, что назавтра просыпаться стоит,
Что счастье, пусть хоть самое пустое,
Пусть мелкое придет к нам завтра днем.

Я уже понимал, что сколько бы не накручивалось ярких интернатских дел, без общей захватывающей цели все дела наши будут только отдельными мероприятиями – с их помощью трудно объединить ребят. Конечно, раскрывать перед пятиклассниками уж слишком далекие перспективы не стоит: к ним может пропасть интерес. Но увлечь чем-то ребят хотя бы на пару месяцев я считал необходимым. А потом поставить еще одну цель, а потом еще. И чтобы общая увлеченность при движении к цели меняла отношение ребят к другим делам, ранее не значимым для них. Например, к учебе и уборке спален. Умозрительно все это было правильным, только не находилось у нас общих длительных дел, ничего у меня не придумывалось. Затеяли мы ставить сцены из спектаклей-сказок, так вышли из этого одни раздоры: девчонки собираются на репетиции, а мальчишки, которые были сначала "за", теперь разбегаются по мастерским – там интересней.

Пятиклассники были готовы выполнять отдельные поручения, но чтобы всем вместе – такое случалось редко. Вот когда к нашим делам подключались старшие воспитанники, воз трогался с места. Семиклассники не только были терпеливей моих малышей, но представляли конечный результат наших репетиций и за уши вытаскивали мальчишек из мастерских.

Да, на репетициях начали появляться едва уловимые дружеские связи между моими ребятами, но ни на что это особенно не влияло – разве что ссор в классе стало чуть меньше.

В который раз я отмечал для себя полезность общих дел младших и старших. Малыши, допущенные в круг семиклассников, принимали их отношение к

репетициям, а старшие воспитанники, хоть в малой степени, брали на себя роли взрослых людей, и мне не нужно было следить за порядком или уговаривать главного героя наконец-то выучить текст.

И все-таки наше лицедейство до коллективных целей не дотягивало. В других интернатских делах я тоже ничего нужного для сплочения класса углядеть не мог. Делалось для ребят много:

"Огоньки", всякие пионерские сборы, конкурсы, спортивные соревнования. Но такого дела, о котором мечтают ночами, у нас не было. Временами у меня появлялось ощущение бесполезности своей работы. Все, что я мог, это потребовать выполнения режимных моментов и проконтролировать выполнение уроков. Ну еще развлекать ребят и немного образовывать их. За два года работы в школе я никогда не задумывался, что получится из моих учеников в будущем - вполне хватало сегодняшних забот.

Теперь же, взясь с пятиклассниками, я все чаще беспокоился об их дальнейшей судьбе - чтобы не выросли они склочными людьми, себялюбцами, чтобы помимо бытовых забот появились бы у них духовные интересы, и чтобы жить рядом с ними было надежно другим. Но как это сделать, я не знал.

Туристский лагерь

Я стоял в тихом вестибюле возле наших стендов с фотографиями последних соревнований. Ребята давно улеглись, разошлись по домам воспитатели, и притемненный интернат казался немного другим, торжественно-строгим, без привычных голосов, стука посуды в столовой и гула станков в слесарной мастерской.

Я часто уходил последним и потому удивился, услышав на лестнице медленные шаги. Подошла директор интерната, Валентина Ивановна, строгая и резкая женщина, скупая на похвалу и вгонявшая в страх молодых учителей своими вопросами: " Вы почему сидите без дела? Ах, нет урока. И нечем заняться? Ну-ну ". Учительская молодежь, заметив директора в коридоре, ускоряла шаг, показывая, что безумно торопится, а Валентина Ивановна останавливалась и сверлила свеженьких специалистов подозрительным взглядом.

Мне встреча с директором ничем не грозила - время было позднее, но Валентина Ивановна не изменила своей привычке:

- Вы почему еще здесь?

- Да вот, люблюсь стендами.

Валентина Ивановна взглянула на фотографии, и я уже приготовился к неизбежным замечаниям.

- Мне бы ваши заботы, - вздохнула Валентина Ивановна. - А я не могу распределить ребят по летним лагерям, - Шефы выделяют сорок путевок. Двадцать, ну, пускай, тридцать выбью еще у кого-нибудь, а остальные где взять?

И тут я, не подумавши, ляпнул:

- Давайте построим свой палаточный лагерь, и все проблемы отпадут.

- Это какой еще палаточный лагерь? - насторожилась Валентина Ивановна.

И я рассказал, как прошлым летом прожил с ребятами десять дней в лесу.

- Надо подумать, надо подумать, - сказала Валентина Ивановна.- До свидания.

Я забыл об этом мимолетном разговоре, но через неделю, случайно встретив меня, Валентина Ивановна резко спросила:

- Что уже сделано по лагерю?

Я сначала не сообразил, о чем речь, а вспомнив наш разговор, развел руками:

- Мы ведь ничего не решали, только поговорили...

- У меня нет времени впустую разговаривать, - оборвала Валентина Ивановна. - Зайдите ко мне.

Валентина Ивановна выслушала меня, быстро задала несколько вопросов, и в этот же день в учительской появился приказ о назначении меня начальником несуществующего туристского лагеря.

Времени было в обрез - всего два месяца. Я быстренько набросал план необходимых работ и список стройматериалов.

Требовалось не так уж и много: доски для настила под палатки, для стола и скамеек, да кирпичи для печки. Но оказалось, что достать все это законным путем невозможно - сметой такие расходы не предусматривались. Тогда я разослал ребят искать места, где разбираются старые деревянные дома. Как они

там разговаривали с начальством – не знаю, но две машины, доверху груженных полустгнившими досками, во двор интерната завезли.

Это были не просто доски, а доски с гвоздями – моя головная боль, потому что покупать их тоже не разрешалось. Оставалось достать палатки. Десять штук было в интернате, а нам требовалось двадцать! Я бегал по организациям, не имевшим к нам никакого отношения, что-то доказывал, особо упирая на заботу партии и государства о детях, и три дышащих на ладан палатки все-таки притащил. Две палатки достал Сергей Михайлович Голицын. Об этом удивительном человеке хотелось бы рассказывать долго. Высокий, худой и слегка сутулый, он смотрел на мир добрыми, чуть прищуренными глазами. За десять лет общения с ним я очень редко видел, чтобы Сергей Михайлович сердился на ребят. Но уж если сердился, то получалось это немного смешно и наивно: он начинал говорить путаясь и слегка заикаясь, а провинившиеся стояли перед ним, ничуть не боясь, изо всех сил стараясь изобразить на лицах полнейшее раскаяние. Отпустив – как он говорил – плохиша и поворчав ему вслед, Сергей Михайлович успокаивался и, обращаясь ко мне, довольно улыбался:

– Как я его распушил, а ?

Сергей Михайлович не был ни учителем, ни воспитателем. Он нес собственный крест, потому что был писателем.

Еще до нашего знакомства я учил ребят ориентированию и глазомерной съемке местности по его книге "Хочу быть топографом", а потом с удовольствием читал "Сорок изыскателей" и "За березовыми книгами" о поисковой работе в путешествиях воспитанников нашего интерната. Потом вышел

"Страшный Кракозавр и его дети", где главным героем был Михаил Владимирович Кабатченко, о котором я еще непременно расскажу. Две последних книги Сергей Михайлович написал для взрослых: "Сказания о белых камнях" с фотографиями Александра Сергеевича Потрясова, учителя по профессии и путешественника по духу, прошедшего с ребятами на байдарках многие реки нашей страны, и "Записки уцелевшего" – книга-воспоминание, книга-исповедь, наверное, главная в его жизни.

"Записки уцелевшего" сразу исчезли с прилавков магазинов, мне даже показалось, что книга и не попадала на них. Это един-ственная книга Сергея Михайловича в моей библиотеке без его дарственной надписи – он умер незадолго до выхода ее в свет...

Так вот, две палатки принес Сергей Михайлович из Союза писателей, резонно заметив, что ничего страшного не произойдет, если, уходя из лагеря в походы, ребята будут снимать с деревянных настилов свои палатки, и что моя мечта об излишках – это старорежимные замашки, о которых нужно забыть. На что я не преминул тут же ответить: "А вы сами – бывший князь!" На том и поладили.

Пока ребята стругали и фуговали доски, я колдовал над структурой лагеря и содержанием его работы.

Брать за образец пионерские лагеря не хотелось, и вот почему.

Основная ячейка пионерского лагеря – отряд. В отряде до тридцати человек и один вожатый (воспитателей тогда в штате не было). Руководящий состав отряда – его председатель и трое звеньевых с неопределенными обязанностями. Часто ребята знакомятся между собой и с вожатым только в лагере. И в такой, плохо знающей друг друга общности, вожатый должен проводить "мероприятия" и "воспитательную работу". Что это такое – воспитательная работа за двадцать четыре дня лагерной смены, – сколько мне ни втолковывали, я так и не мог понять.

Все отрядные мероприятия вожатый старается организо-вать с помощью председателя и актива, и это правильно. Но в отряде тридцать человек: девчонки, мальчишки, все по своим микрогруппам – дружеским, враждующим, нейтральным. А председатель – их сверстник. Может он руководить таким отрядом, с которым и взрослый справляется не всегда?

Чтобы не устраивать председателю адовой жизни, я решил сделать отряды по восемь человек, считая командира. Уж таким отрядом авторитетный сверстник – а своих воспитанников мы знали как облупленных – сможет руководить. А что будут делать оставшиеся семь человек? Как что? Тоже руководить!

И в каждом отряде появилось семь очень важных должностей:

1. Штурман – ответственный за разработку маршрута и его прохождение. Само название "штурман" мне не понравилось и я написал "первопроходец", но в

первые же дни лагеря ребята стали говорить "проходимец", и под этим названием должность вошла в наши анналы.

2. Завпрод - ответственный за продукты в походе и за сухой паек во время сельхозработ.

3. Завхоз - ответственный за походное снаряжение и за получение рабочего инвентаря в лагере (грабли, топоры, молотки и пр.).

4. Санитар - ответственный за гигиену ребят в отряде и за лечение болячек в походе.

5. Краевед - ответственный за походный дневник и за рассказ о походе всему лагерю.

6. Производственный сектор - организатор сельскохозяйственных работ в отряде. Он же ответственный за спортивные мероприятия.

7. Член Штаба лагеря. Здесь требуется пояснение. Штаб планировался из восьми человек - по одному представителю от каждого отряда плюс начальник лагеря. Чтобы не плодить туристскую аристократию, любящую командовать, но не любящую подчиняться, командиры отрядов в Штаб не назначались. Должности в Штабе дублировали должности в отрядах - Начальник Штаба, Главный санитар, Главный краевед и т. д. В результате получилась такая картина: члены Штаба, руководящие всей жизнью лагеря и приносившие ежевечерне в отряды нужную информацию, были в своих отрядах простыми рядовыми, представлявшими резерв, который могли использовать для своих надобностей ответственные за отдельные участки работ. Но на заседаниях Штаба они превращались в больших начальников, и теперь уже перед ними отчитывались и командиры, и другие отрядные сектора.

Кроме того, из дежурившего по кухне отряда назначался дежурный командир, отвечающий за точное выполнение режима дня.

Я рассматривал эту структуру с разных сторон, стараясь определить, где могут оказаться проколы. Все вроде было логично и не очень громоздко. По моим расчетам, структура не только обеспечивала организационную мобильность, но и не позволяла никому занять в отряде привилегированное положение: каждый был то начальником, то подчиненным, и нормальная жизнь отряда зависела от совместной работы всех его секторов.

Теперь следовало заняться кадровым составом. Сколько взрослых должно быть в лагере? Себя как начальника я утвердил без возражений. Не вызвало сомнения и присутствие Сергея Михайловича, бывшего фельдшера, а ныне возведенного в должность медбрата. Трех человек надо отправлять с отрядами в походы. Конечно, можно иметь еще одного туриста-инструктора на подмену, и повар для красивой жизни был бы не лишним, но я уже вывел для себя формулу: взрослых в лагере должно быть столько, сколько необходимо, и на одного меньше.

Только при этом условии можно серьезно рассчитывать на ребячье самоуправление, а не на игру в него, и только при этом условии почти у каждого может формироваться понятие ответственности - та нравственная категория, без которой любое начинание может с треском провалиться.

Значит, взрослых у нас будет пятеро на шестьдесят воспитанников из пятых, sixth и седьмых классов. Понятно, что воспитателей в отрядах не предусматривалось. И хотя я на всякий случай, не уведомляя ребят, закрепил за каждым взрослым по два отряда, это оказалось излишним и забылось само собой. Четвертый класс мне не отдали: и палаток для них не было, и, как сказала директор, жизнь - хорошая штука, и вычеркивать из нее малышкой она не позволит. Поэтому четвертый класс решили поселить в ближайшей от лагеря сельской школе под присмотром их воспитателя.

Ну, а дальше все было просто или почти просто. 5-е - 7-е классы получили задание найти лесную поляну в районе Звенигорода с удобными подъездами к ней и вблизи от Москва-реки. Этот район был выбран по двум соображениям: во-первых, он богат историческими памятниками и народными промыслами, а во-вторых, туда было удобно выезжать из нашего интерната. Конечно, мы посылали туристов не наобум, а указывали на карте места, где следует проводить поиски. Каждый класс подробно рассказывал о своих находках, до хрипоты доказывая, что лучшего места нет во всем Подмосковье, но мне не нравилось то одно, то другое, пока шестиклассники не поведали о двух больших полянах в двух километрах от Звенигорода, с крутым спуском к реке. Я выехал туда - место оказалось великолепным, и в тот же день без особых хлопот я получил разрешение в звенигородском горисполкоме и

лесничестве на строительство временного палаточного городка.

В последних числах мая ударная группа завезла на поляну строительные материалы, и работа началась. В темном провале леса, где недавно водились стаи непуганого воронья, поднялась печь, стрельнула первым угольком – и синий дымок, еще пахнувший сырой глиной, запутался и осел в соседних кустах.

Рядом соорудили непонятного жанра навес для столовой, а из подгнивших досок сколотили настилы под палатки, расположив их по самому краю поляны. Продукты нам обещали завозить еженедельно, поэтому вместо погреба мы воздвигли большой шалаш, обернув его клеенками – полиэтиленовых пленок тогда еще не было.

На пятый день вкопали перед палатками мачту для флага – вот, собственно, и все. Строительная бригада работала дружно по 9–10 часов, у каждой группы было свое задание и свой график, и подгонять никого не требовалось.

В день приезда воспитанников мы убрали территорию от строительного мусора и долго сидели на поляне, любуясь делом рук своих. Преподаватель труда Юрий Александрович и интернатский сапожник Алексей Иванович, под началом которых велись все работы, в ответ на мои восторги только довольно хмыкали: мол, чего уж, на том и стоим. Если бы мне три года назад сказали, что такой лагерь могут построить ребята, которых в обычной школе принято считать малышами и за которыми нужен постоянный догляд, я бы только рукой махнул.

Но вот она сидит рядом, наша строительная бригада – две девочки и трое мальчишек из моего пятого класса и пятеро шестиклассников. С такими же ребятами я начинал свои первые походы и чуть было не уверовал, что кроме буйства и лености, это младое незнакомое племя ни на что не способно. А тут оказалось, что наши строители совсем не похожи на своих крикливых и плохо управляемых сверстников. Почему?

Думаю, не ошибусь, если скажу, что многое определило присутствие Юрия Александровича и Алексея Ивановича, не делавших скидок на возраст своих помощников. Они говорили с ребятами на равных, изредка поругивая тех, у кого что-то не получалось, и так быстро, так ловко исправляли огрехи, что отлынивать от работ никому и в голову не могло прийти.

Я, как начальник лагеря, а пока начальник строительства, таскал ведрами воду из Москва-реки – а это по крутяку вверх, да еще с полкилометра до нашей поляны – или стучал молотком в паре с кем-нибудь из ребят. И то, что все делали общее дело, создавало тот особый настрой, когда ощущение собственной нужности не позволяло отвлекаться, и девчонки ругали нас, потому что обед или ужин стыли на грубо сколоченных и еще не покрытых клеенками столах. Мы не подводили итогов ежедневных трудов, а неторопливо беседовали за кружками чая о всяких разностях, как это бывает у хорошо поработавших людей. Но о чем бы ни говорили, разговор все равно поворачивал на строительство, и, посмеявшись над рассказом Алексея Ивановича о том, как он в первый раз доил корову, кто-нибудь спрашивал:

– А чего это навес над столовой еще только не покрыт?

– Гвозди ржавые, гнутся все время, – похлебывая чаек, говорит шестиклассник. – Да и работать неудобно: одной рукой стучишь, а другой за крышу держишься.

– Витек, ты бы ему лестницу сколотил, – говорит Алексей Иванович.

– Ладно.

Мне нравились эти вечерние негромкие посиделки, нравились спокойные мужские разговоры отдыхавших после работы ребят – я знал, что и в лагере они будут во всем помогать мне, потому что заботы теперь у нас были общими.

Во второй половине дня на поляну въехали два автобуса и грузовик с матрасами и спальным бельем. Пока шла разгрузка, я подошел к Валентине Ивановне. Как обычно сухо поздоровавшись и быстро спросив, все ли в порядке, она начала осматривать лагерь.

– Это, как я понимаю, столовая, – резко говорила Валентина Ивановна. – Крыша не течет? Почему не знаете? Ах, не было дождей. А когда пойдут, на что рассчитываете?

Не слушая объяснений, заглянула в продуктовый шалаш:

– Погреб поленились вырыть?

Мы переходили от заготовленных дров к рукомойникам, потом к выгребной яме, и везде что-то не нравилось нашему директору.

Наконец, обстучав печь и приподняв на плите конфорки, Валентина Ивановна сказала:

- Идите, занимайтесь своими делами. Мне провожатых не надо.

Дела у меня были не такими уж сложными: я должен был сидеть у своей палатки и ничего не делать. Всю заботу о приеме ребят взяла на себя строительная бригада. И первое, что она сотворила, - это поставила возле махты табурет и на веревке подвесила ватманский лист с крупным текстом: "Стол справок и ответов на глупые вопросы. Разговариваем только с командирами".

Отряды были сформированы еще в интернате, а теперь у палаток стояли таблички с их номерами, так что и спрашивать-то было нечего. Но мы все-таки пустили по лагерю трех ребят с планшетками на груди:

" Показываю, где туалеты, раковины и выгребная яма "

" Отведу к врачу"

" Принимаю потерянные вещи".

Я сидел у своей палатки и смотрел, как ловко управляют мои девчонки с выдачей постельного белья. Никого, кроме отрядных завхозов, специально выделенный шестиклассник из строительной бригады к ним не подпускал.

- Получай, - быстро говорили девчонки. - Восемь простыней, восемь пододеяльников, восемь наволочек и восемь полотенец. Пересчитай. Теперь распишись. Следующий!

Возле грузовика командиры отрядов получали одеяла, подушки и матрасы. И везде полный порядок, так что я мог, ни о чем не заботясь, беседовать с приехавшими воспитателями, готовыми немедленно рвануться в бой.

Мы не заметили, как из-за палатки вышла Валентина Ивановна. - Отдыхаете? - спросила она. - И заняться, конечно, нечем? Позвольте напомнить: вы не на курорт приехали.

Воспитатели встали, но так как работы у них пока не было, затоптались на месте, и неловкая пауза начала затягиваться.

- Валентина Ивановна, - сказал я, - вы доверили мне детей, так может быть, доверите и делать то, что сочту нужным.

- Не кипятитесь, - Валентина Ивановна тяжело опустилась на рюкзак. Она посмотрела на ребят, таскающих в палатки матрасы, и неожиданно улыбнулась:

- А вы молодец. В общем, все здесь хорошо. Садитесь, товарищи, - кивнула она воспитателям. - Напутствий никаких не будет. Вы люди взрослые, и я верю вам.

Мы поговорили о каких-то пустяках, и Валентина Ивановна поднялась:

- Соберите ребят, будем прощаться.

Это не очень вписывалось в мои планы. Я думал сначала потолковать с командирами и показать каждому место его отряда на линейке, но спорить не стал. Горнист протрубил сбор, и я прокричал, чтобы все бросили свои занятия и подошли к махте. Ну конечно же, ребята собирались долго - одни в это время стелились в палатках, другие распаковывали свои рюкзаки, и пришлось обратиться к воспитателям, чтобы они подогнали нерасторопных. На линейке началась толкотня и споры из-за места; я видел, как Валентина Ивановна поджала губы, и, упреждая ее замечания, громко скомандовал:

- Лагерь, равняйся! К рапорту директору стоять смирно! Равнение на середину!

Четко повернувшись, отпечатал к Валентине Ивановне несколько-ко шагов:

- Товарищ директор школы-интерната! Туристы лагеря по Вашему приказанию построены!

Я сделал строевой шаг в сторону, чтобы встать чуть за спиной директора, и на ходу сквозь зубы шепнул:

- Скажите " Вольно! "

- Что? - спросила Валентина Ивановна.

- Скажите " Вольно! " - просипел я.

- Вольно, - сказала Валентина Ивановна.

- Вольно! - прокричал я.

- Выдумщики! - сказала Валентина Ивановна и улыбнулась.

Заурчали машины. Строительная бригада толпилась возле Юрия Александровича и Алексея Ивановича, пожимая им руки по несколько раз. Им не хотелось уезжать, и с какой бы радостью я оставил в лагере этих двух педагогов без дипломов о педагогическом образовании!

Качнулся на повороте проселочной дороги кузов грузовика, разбрелись по

поляне ребята, и началась наша лагерная жизнь.

Ребячье самоуправление

Перед ужином я собрал Штаб лагеря, командиров отрядов и воспитателей. С планом работы все были знакомы, поэтому решались только текущие вопросы: порядок умывания в Москве-реке, распределение мест в столовой – словом, все то, что трудно было оговорить в интернате. Потом все вышли к линейке, и командирам указали, где будут стоять их отряды. Мне было жалко портить поляну, окапывая линейку бровкой, и командирам сказали, чтобы они просто запомнили свои места.

Мне еще с пионерских лет претили лагерные линейки. Долгие построения, сдача рапортов, заслушивание объявлений, подъем и спуск флага, когда надо держать руку в салюте – и все это минут двадцать, на радость нудно гудящим комарам. Торжественность ритуала блекла из-за ежедневных повторений, а смысловая нагрузка общего сбора не оправдывала времени, затраченного на него.

На первом заседании Штаба мы решили, что линейка не должна проводиться дольше 5-6 минут, а если потребуются дополнительное время, надо попросить разрешения у ребят. Естественно, встал вопрос, с какого момента вести отсчет времени – от сигнала трубы или когда отряды выстроятся на линейке. И тогда я выдвинул ну просто блестящее предложение.

– Вот что, – сказал я, – будем давать два сигнала: первый – предупредительный, а через восемь минут основной. И не только для построения на линейку, но и на любой общий сбор. И после второго сигнала дежурный командир начинает громко считать до двенадцати. На двенадцатой секунде построение должно быть закончено.

Ребята уже привыкли к моим выдумкам и начали обмозговывать, что из этого может получиться.

– А почему именно до двенадцати? – спросили воспитатели.

– Потому что это не круглое число, – сказал я. – И пусть все думают, почему до двенадцати – скорее запомнят.

– Не побегут, – сказал Сергей Михайлович. – А впрочем, это даже интересно.

Скажите честно, вы бы побежали? – спросил я членов Штаба и командиров.

– Мы бы побежали, а вот остальные...

– Которые, конечно, несознательнее вас, – закончил я недосказанную мысль. – Поверьте, если ребятам объяснить, что мы экономим их время и никому не позволим его транжирить, нас поймут. Предлагаю мое предложение не голосовать, а опробовать на линейке. Договорились?

Раз уж разговор зашел об экономии времени, я предложил изменить и форму проведения линеек.

Для чего нам нужны утренние и вечерние построения?

Прежде всего, для учета людей. Второе – для краткого объявления плана на день. Подробно говорить не нужно: члены Штаба есть в каждом отряде и сами расскажут там о своих решениях. Третье – для передачи дежурства от одного отряда к другому. И четвертое – для объявления людей, получивших благодарность или наряд от дежкома, если таковые будут.

Как уместить это в 5-6 минут? А очень просто. Растилкам ребятам все, что мы придумали на заседании Штаба, долго не пришлось – это было принято, как новая игра, и дня через три стало привычным. И тогда получилось вот что.

На двенадцатой секунде после второго сигнала трубы построение на линейке заканчивается. Отряды стоят один от другого на расстоянии метра, с командирами на шаг впереди. В пионерских галстуках – только командиры. Уже одно это позволяет мне и воспитателям пробежать взглядом по строю и увидеть, в каком отряде не хватает человека.

Вот теперь начинается отсчет времени.

Я говорю:

– Первый отряд!

– Все! – отвечает командир.

– Второй отряд!

– Все!

– Третий отряд!

– Четверо на кухне, остальные здесь!

- Четвертый отряд!
- Один в лазарете, остальные здесь! - И т. д.

На переключку уходит 15-20 секунд. Дежурный командир в своей тетради делает пометки.

- Слово дежурному командиру, - говорит начальник Штаба.

Отчет дежкома предельно краток. Перед линейкой он уже подробно отчитывался на заседании Штаба и - что существенно - сам выставлял себе оценку за дежурство, а члены Штаба или утверждали оценку, или корректировали ее. По первости дежкомы мялись и возводили глаза к небу, когда их спрашивали:

- Что же ты, проработал весь день - и не можешь оценить, как ?

Я видел - чем ближе к заседанию Штаба, тем больше волновался дежурный командир. Он подходил ко мне или к воспитателям и спрашивал, не много ли будет, если он поставит себе "четыре". Его успокаивали и советовали поставить "пять". Дежком соглашался, но на Штабе все-таки говорил: "четыре".

- Почему "четыре"?

- Так...

- Есть предложение: "пять". - И дежком облегченно вздыхал под одобрительные реплики своих товарищей.

И теперь на линейке дежком говорил:

- День прошел нормально. Благодарности получили за добровольную пилю дров такие-то. Нарядников нет. Оценка - "пять".

Обычно я благодарил отличившихся ребят, но затягивать линейку не имел права, поэтому отчет дежкома и мое выступление занимали не более двух минут. Затем начальник Штаба называл дежурный отряд на следующий день. Из отряда выходил назначенный заранее командиром новый дежком и принимал от старого повязку и тетрадь.

Начальник Штаба объявлял, какие отряды уходят завтра в поход, и вызывал туриста, предложенного дежурным командиром за особые заслуги на спуск флага (утром флаг лагеря поднимал дежурный командир).

Я командовал:

- Лагерь, равняйся! Смирно! Равнение на флаг! Командиры, салют! Флаг спустить!

Если не вмешивался наш писатель и врач Сергей Михайлович, лимит времени, отводимый на линейку, даже не исчерпывался.

Но у Сергея Михайловича почти всегда находились сверхважные темы для разговора именно на линейке. Он выходил к мачте и, дергая себя за пальцы, начинал объяснять, что любая царапина может привести к нагноению, если ее не смазать зеленкой, и как плохо поступил Юра Овчинников, сбжав из лазарета в поле на прополку капусты. Я знал, что такой разговор может тянуться бесконечно, и, извинившись, спрашивал ребят:

- Время линейки закончилось. Дадим Сергею Михайловичу слово?

- Дадим! - кричали ребята. Они любили Сергея Михайловича, хотя ни в грош не ставили его советы.

План нашей работы был составлен так, что почти ежедневно половина отрядов была в походах, а половина в лагере. На троих воспитателей легла большая нагрузка: две девушки выводили на маршрут по одному отряду, а мужчина - географ - возглавлял сразу два. Вернувшись, воспитатели получали два дня отдыха - только какой это отдых, если надо оформлять материалы похода и готовиться к вечернему отчету, да еще судить различные соревнования! Подозреваю, что воспитателям было даже легче в походах, чем в нашей лагерной суете; во всяком случае, они с радостью уводили на маршруты новые отряды. Мы знакомились с районом в радиусе 25-30 километров от нашего лагеря, составляли карты маршрутов и описания к ним в расчете, что этот материал пригодится в следующем году.

Каждый отряд прошел три двухдневных похода и один трехдневный. Ребята шли по местам боев Великой Отечественной войны, были на игольном заводе и на фабрике, мастерице гитары, облазили Саввинско-Сторожевский монастырь, и воспитатели говорили, что они очень довольны своими туристами.

В лагере с четвертью отрядами оставались я и Сергей Михайлович. Я выводил ребят на колхозное поле полоть капусту, организовывал после работы купание, а после тихого часа - снова купание и спортивные соревнования. Сергей Михайлович оставался с дежурным отрядом в лагере и помогал малышам стаскивать с плиты тяжеленные котлы.

Кстати, о купании. Почему деревенские мальчишки сидят в реке сколько им хочется, а мы должны только по несколько минут?

И я договорился с ребятами, что если, кроме меня, нет взрослых, в реку входит один отряд. Второй отряд следит персонально за каждым купающимся, а третий загорает на песочке. Купаться можно до посинения, но уж если вышел на берег, второй раз в воду неходишь. Когда самые настырные, стуча зубами, выскакивали из реки, в воду бросался второй отряд. А потом все начиналось сызнова. Как и предполагал, больше пяти-шести минут ребята в реке не засиживались, но все были довольны, что купаться можно без всяких ограничений!

Береженого Бог бережет. Я не сводил глаз с купающихся, но чтобы уж совсем быть уверенным в том, что никто не отправился на дно, ввел такое правило: входя в воду, каждый ставил на берегу свою пару обуви. Вышел из реки – забирай обувь. Кроме того, я постоянно объявлял:

- Восемь человек в воде!

- Один вышел, семь человек в воде!

- Двое вышли, пять человек в воде!

И когда обуви на берегу не оставалось, распределял, кто за кем будет следить – и очередной отряд начинал купание.

Возможно, это не лучший способ учета детей в воде, но другого я не придумал.

Жизнь в лагере нравилась ребятам. Еще бы! Полная свобода, кроме выполнения режимных моментов. Не хочешь участвовать в играх и соревнованиях – пожалуйста, иди в лес, только предупреди дежкома, когда вернешься. Хочешь половить рыбку – тоже никто не запрещает; но вот купаться самостоятельно нельзя. Об этом мы серьезно говорили с ребятами. Ну а если невтерпех? Что ж, скажи любому взрослому, и он пойдет с тобой к реке.

- Так и пойдет? – не верили ребята.

- Так и пойдет. С рекой шутить нельзя. Каждый уверен, что с ним ничего не случится, но ведь люди тонут! Зачем же по-глупому рисковать?

По правде говоря, в этом запрете и необходимости особой не было. Купались два раза в день, еще можно было окунуться утром после зарядки и на вечернем умывании. Ну, обратились

ребята к взрослым ради проверки, пару раз сходили на реку, а потом поднимались по крутой тропе в лагерь – кому охота? Так что о самостоятельных купаниях мы не беспокоились.

Структура лагеря оказалась удачной и практически не менялась все девять лет жизни нашего палаточного городка. Конечно, что-то в ней совершенствовалось и уточнялось, но основная идея, которая обеспечивалась структурой – широкое детское самоуправление – оставалась неизменной, и я строго следил, чтобы новые воспитатели не вмешивались в распоряжения ребят.

Надо сказать, что вмешательство взрослого, имеющего какую-то власть, но не познавшего сложности переплетения нитей руководства и подчинения в детском коллективе, может разрушить уже устоявшуюся организацию. Помню, как через несколько лет наша команда участвовала в районных туристских соревнованиях. Я предупредил ребят, что приду на бивак позднее, а с ними поедет воспитатель – назовем его Петром Степановичем.

Петр Степанович ходил со мной на городской слет, видел работу дежкомов и краеведческих групп и старался помогать всем и каждому, боясь, что мы не успеем оформить собранный в пути краеведческий материал. Эта необузданная ответственность не всегда устраивала меня, но я помнил свой первый велопоход со школьниками на городские соревнования, и нервозность Петра Степановича была понятна. Я все-таки просил дать ребятам возможность самим разобраться со своими делами и помогать им разве что советом. И теперь, передавая Петру Степановичу руководство командой, я снова напомнил, что одного его присутствия будет вполне достаточно: ребята опытные, и соревноваться им не в новинку.

На подходе к поляне слета я встретил наших девчонок, бегущих по трассе ориентирования.

- Ой, здрасьте! – закричали девчонки. – Идите скорее на бивак, там такое делается! Палатки не поставлены, ужин не готов, мы на бутербродах бежим!

- Вы не бежите, а болтаете, – сказал я. – Куда идти?

- Вон через тот лесок.

И девчонки снова начали рассказывать, что на биваке ничего не

получается и вообще ничего не получается.

- Вы на соревнованиях или на прогулке? - перебил я.

- Да выиграем мы, еще один КП остался. А знаете, Петр Степанович дежка за дровами уснул...

Я шуганул девчонок и поспешил на бивак.

Петр Степанович встретил меня чуть ли не криком:

- Это не туристы, а сплошные лодыри! Вы посмотрите - только одна палатка поставлена! Пошли за дровами, потом кто-то вернулся за топором, и теперь все его по лесу ищут! Ориентировщики чуть на старт не опоздали, им-то зачем было за дровами ходить?! Нет, вы посмотрите, что делается!

Я посмотрел. Двое мальчишек выдували из костра сиротливый огонек. Куча сушняка еще не наломана и не сложена в поленицу. Два кана с водой и рядом пустое ведро. Возле дерева свалены рюкзаки, и к одному приторочена пила в брезентовом чехле.

- Ладно, - сказал я, - давайте присядем.

К костру подошло еще трое ребят с бревнами на плечах.

- Ну вот что, - сказал я. - Прекратите работы и позовите сюда всю команду.

- Мы там бревно нашли. Сейчас возьмем пилу, распилим и вернемся.

- Успеется. Позовите ребят, и побыстрее.

Когда все, кроме ориентировщиков, собрались, я спросил:

- Кто у нас сегодня дежкой?

- Я.

- Ну так распорядись.

Дежкой вытащил тетрадь:

- Татьяна, продуктовую клеенку! Положишь здесь. У кого продукты на ужин? Доставайте. Мишка, ведро в руки и за водой!

Толик, возьми пилу. Четверо за дровами, дежурным готовить, остальным ставить палатки.

Дежкой повернулся ко мне:

- Вроде все.

- Вроде.

Мы сидели с Петром Степановичем у костерка и смотрели, как бивак обретает божеский вид.

- Они только вас и слушают, - сказал Петр Степанович.

- Да нет. Просто вы подменили дежкома, а он лучше нас с вами знает, что делать.

Пришли ориентировщики:

- Попить бы...

- Будь сде! - и дежкой снял подвешенный над костром котелок с чаем.

- Откуда котелок-то?

- У соседей одолжил. Знал, что придете взмыленные.

После ужина я попросил командира рассказать, что у них произошло.

- Только, пожалуйста, без эмоций.

- Можно и без эмоций. - И командир поведал, что Петр Степанович, как только пришли на бивак, послал всех за дровами. Дежкой сказал, что всех не надо, но Петр Степанович сказал, чтобы через минуту возле него никого не было.

- В общем, я не слышал, что у штабной палатки собирают командиров и ориентировщиков, поэтому чуть не опоздали на старт. А дежкой то за дровами ходил, то воду таскал.

Дальше командир мог не рассказывать. Петр Степанович, не желая того, нарушил привычную систему управления, и ребята, подчинившись воспитателю, ушли за дровами. Хвороста вокруг было мало - другие команды ведь тоже не сидели без дела, надо было искать бревна или сушины. А когда их нашли, оказалось, что топор и пила оставлены на биваке. Дежурные по кухне стояли у сушин, ожидая, когда обрубят ветки, чтобы принести их к костру, а должны были оборудовать очаг и начать готовить. Ну, а дежке вообще нельзя уходить с бивака: его дело - организовывать все работы.

Я не стал объясняться с Петром Степановичем, он и сам видел, что переусердствовал, и когда все палатки были поставлены, огорченно сказал:

- Черт его знает, почему все хочется сделать самому и побыстрее!

Утром он ни во что не вмешивался, только нервно ходил между ребятами на старте полосы препятствий и просил их не волноваться.

Мы заняли на слете первое место, и Петр Степанович успокоился окончательно.

Я вспоминаю об этом случае и мог бы вспомнить о других, подобных ему, чтобы еще и еще раз сказать: структура коллектива – вещь очень хрупкая, и повредить ее гораздо легче, чем создать. Возьмем обычный школьный класс. Есть там назначенный староста, есть выбранные председатель Совета отряда и звеньевые, есть ответственные за выпуск газеты, за успеваемость, за спорт, за культурные мероприятия. Все сделано разумно, и такая структура должна работать. Должна! А работает ли? Очень часто возложенные на ребят обязанности ни к чему их не обязывают. Но если так случается, значит, должны быть причины. И главные, на мой взгляд, – это отсутствие личной и общественной значимости в поручениях, которые даются ученикам. Уверен, что на заре пионерской организации ребята принимали любое задание, как боевой приказ:

Даешь учебу!

Даешь культуру!

Все на старт!

Это было необычно и увлекательно. Двоечников прорабатывали на общих собраниях и говорили, что они – чуть ли не скрытые враги, потому что республике Советов нужны знающие люди.

– Как так, не пришел на лыжные соревнования? Что значит – не мог? А коллектив для тебя – ничто? Ты будущий защитник страны – и не имеешь значка ГТО!

Так было. Я не говорю, хорошо это или плохо, но то, что в классе и в пионерском отряде формировали личностную значимость, тесно переплетающуюся с общественной, – несомненно.

Но постепенно борьба за знания подменилась отчетами школ в процентах за четверки и пятерки отдельно, за тройки – отдельно, а отчет с двойками – был такой период – даже нельзя было подавать. А когда между школами начинается процентное соревнование по успеваемости, сначала на уровне директоров, потом учителей – причем тут дети?

Что мог сделать староста с замшелыми двоечниками, которых затюканные администрацией учителя за уши тащили в благополучный процент? Указать им на призыв "Учиться, учиться и учиться", который, кстати, товарищ Ленин выдвинул совсем в другом контексте? Пристыдить на классном собрании? Да чихать они на это хотели! Учеба сделалась личным делом каждого и никак не отражалась на жизни класса.

Еще когда преподавал в обычной школе, случайно услышал разговор двух девочек:

– Люда, тебя Надежда Николаевна ищет. У тебя двойка в четверти. Она волнуется.

– Ничего, пусть волнуется. Все равно тройку поставит. Скажи – сейчас приду.

Система отчетов за все, что делается в классе, втиснула жизнь учеников вне уроков в сетку принудительных мероприятий. А где есть принуждение, там и сопротивление ему. Ребята с удовольствием поиграли бы в волейбол. Но требуется не просто побросать мячик, а участвовать в соревнованиях. Что из того, что они плохо играют? А честь класса?! И ребят гонят в спортивный зал на общее посмешище. Конечно, в следующий раз они постараются не придти. Что им за это будет? Ну, поругают на классном часе, так ведь всегда ругают, не за то, так за это – можно пережить.

А теперь надо провести митинг в защиту чего-то.

Кто собирает учеников? Староста, председатель Совета отряда?

Да нет – конечно, классный руководитель, человек, ответственный за все. И маются ребята в актовом зале, перекрикиваясь и дурашливо хлопая, не слушая, что там на сцене заученно говорят назначенные ораторы. И с гиком мчатся по своим важным делам, когда наконец их отпустят.

Так ранее действенная структура постепенно оказывается ненужной: исчезли общие, значимые для большинства цели, которых нельзя достигнуть в одиночку, а только всем вместе. Исчезла ответственность за порученные дела, которые теперь важны не столько ученикам, сколько учителям, и не столько учителям, сколько администрации для отчетности. Там, где нет целей и перспектив, о детском самоуправлении можно только красиво разговаривать, и любая совершеннейшая структура не поможет – ее просто негде применить.

Но допустим, определены цели, ради которых ребята не пожалеют ни личного времени, ни усилий. Что должен сделать педагог? Продумать все участки организации работ в рамках наиболее подходящей структуры. И это только начало: созданная модель может забуксовать с первых же шагов. Не так уж трудно распределить обязанности в группе и указать на их взаимозависимость. Если ребята понимают логику предложенной структуры, она будет принята. Но когда дело доходит до практики, начинаются ссоры и споры. Оказываются, многие не приучены действовать в предлагаемых обстоятельствах, не привыкли подчиняться товарищу и выполнять поручения точно в срок. Ребята не могут понять, почему они должны делать неприятную работу или тратить слишком много времени на общие дела. Постоянное ощущение неудобства и неудовлетворенности вполне может привести к тому, что раннее желанная цель будет выглядеть не такой уж привлекательной. Не в этом ли причина провала самых ярких начинаний?

Творческое и деловое содружество в группе создается не сразу – возможно, год или два, а шлифуется еще дольше. Поэтому я старался не допускать, чтобы в дела класса и туристского лагеря вмешивались люди, имеющие право распоряжаться, но не знакомые с нашей структурой. Проводится, скажем, субботник по уборке территории интерната. Каждый класс получает свой участок. Наш производственный сектор, зная, что инвентаря может не хватить, за несколько дней до субботника позвал мальчишек в мастерскую; вместе с преподавателем труда Юрием Александровичем сколотили пару носилок и насадили с десятком грабель на черенки. В день субботника опять же производственный сектор распределил между ребятами все работы, не забыв и меня – приставив к носилкам утаскивать мусор, который сгребали две девочки. Но едва мы начали свой коммунистический труд, как подошла старший воспитатель и забрала у девочек грабли:

– У вас этих грабель – девать некуда, а в других классах не хватает!

Мелочь, пустяк? Но мы с напарником и две девочки остались без работы. И кроме того, обидно: у нас хватает, а у других не хватает. Значит, у нас можно забрать?

Я подошел к старшему воспитателю:

– Так нельзя. Сколько грабель не хватает?

– Много. А у вас их...

– Мы дадим четыре штуки. Но эти верните.

Производственный сектор уже стоял рядом, но в разговор не вступал.

– Мы можем выделить четверо грабель? – спросил я.

– Трудно. Но если минут через десять, то дадим пять человек с граблями. Это устроит? – спросил я старшего воспитателя.

– Устроит! – старший воспитатель сердито вздернула плечи и сунула грабли девочкам.

Производственный сектор перебрал нас в соседнюю бригаду, мы быстренько убрали мусор, и бригада поступила в распоряжение старшего воспитателя.

Конечно, я мог бы обойтись и без помощи производственного сектора, уж как-нибудь догадался, куда пристроить освободившихся ребят. Но сегодня я подменяю производственный сектор, завтра спортивный, а послезавтра – дежкома. И прощай самоуправление, прощай персональная ответственность воспитанников за порученное дело!

Вот чтобы этого не случилось в нашем туристском лагере, я и запретил взрослым отменять распоряжения ребят, ответственных за какие-то дела.

– А если ответственные совершают явную ошибку?

– Что ж, посоветуйте, как можно сделать лучше – но только тактично. И никаких отмен детских распоряжений!

Был у нас в лагере такой случай. После тихого часа воспитательница занимается с потенциальным двоечником математикой. Это предусматривалось планом: вернувшись из походов, отстающие по математике занимаются после тихого часа по сорок минут. Подбегает отрядный физорг:

– У нас же футбол сейчас!

– Ничего. Позанимается и придет, – говорит воспитательница.

Физорг рванул к своему отряду. Потом снова к воспитательнице:

– Он же вратарь у нас! Мы же проиграем!

– Сказала – позанимается и придет.

И тогда физорг заорал:

- Я тебе приказываю - иди на поле!

Вот вам и ситуация: кого слушать - ответственного за игру или воспитательницу? Ведь оба правы. Но физорг не может вернуться к отряду без вратаря, иначе какой он ответственный?

А воспитательница должна проводить дополнительные занятия - у нее свой план!

И мальчишка помчался играть в футбол. Конечно, не из сознательного подчинения своему спортсектору. Скорее всего воспользовался прекрасным поводом, чтобы улизнуть с занятий.

А воспитательница побежала ко мне жаловаться. И я встал на сторону ребят. Я сказал, что мальчишка абсолютно прав, выполнив приказ физорга, потому что в данный момент для отряда ничего важнее футбола нет. А подвести товарищей - это большой грех.

Мы долго говорили о детском самоуправлении, и присутствовавший при разговоре добрейший Сергей Михайлович, подергивая себя за пальцы, довольно кивал головой.

На вечерней линейке воспитательница попросила слово и, рассказав о том, что случилось, закончила:

- Я хочу извиниться перед физоргом. Я была неправа.

А после линейки вратарь подошел к воспитательнице и сказал, что готов заниматься математикой хоть в тихий час, хоть после полдника и даже после ужина. По-моему, воспитательница согласилась.

И в дальнейшем, сколько бы на меня ни сыпалось шишек, я упрямо отстаивал лагерную структуру от посторонних наскоков и все вопросы, от финансовых и хозяйственных до самых незначительных, решал только с ребятами, которые по своей должности обязаны были их решать.

Неожиданно оказалось, что отдельные элементы детского самоуправления в лагере начали использоваться и в интернате.

В нескольких классах появились дежкомы, отвечающие за нормальное течение дня, и это освободило воспитателей от необходимости собирать, строить и куда-то вести ребят: достаточно было вечером на Совете отряда или на классном собрании подробно оговорить план на завтра - и дежурный командир (иногда не без помощи взрослого) старался его выполнить. Должность дежкома очень ответственна и особых радостей не приносит: ведь надо постоянно что-то требовать от сверстников, а бывает, и конфликтовать с ними. Ну как объяснить ребятам всю справедливость указания А. С. Макаренко, что детское самоуправление - это не вопрос дружбы, не вопрос товарищества, а отношение ответственной зависимости?

В лагере было проще: ошибка или недобросовестность дежкома могла отразиться на каком-то участке работы, а то и на всей жизни палаточного городка. А в интернате? Заходит дежком после утренней уборки в спальню и указывает старосте на грязь или плохо заправленные кровати. А тот: "Да брось ты! Кто заметит?" Руки в брюки - и до свиданья!

Расскажет об этом дежком на вечернем собрании? Один расскажет, другой нет: зачем ссориться с товарищем.

Я не уставал разъяснять своим, теперь уже шестиклассникам, выгодность для нашей жизни взаимоподчинения в коллективе. Я говорил, что прекрасно понимаю, как трудно быть дежурным командиром - зачем же доставлять ему лишние неприятности? Сегодня дежурит один, завтра другой воспитанник - что ж, будем постоянно конфликтовать?

Скорее всего не мои нравоучения, а нежелание меня обидеть удерживало многих ребят от споров с дежкомом, но только через год эта должность начала обретать истинный смысл.

Зато работа физоргов, культоргов и других "оргов" во всех классах, побывавших в лагере, стала значительно лучше - об этом говорили воспитатели и мне лично, и на совещаниях при директоре. А уж если Валентина Ивановна видела в чем-то пользу для дела, она вгрызалась в него, что называется, зубами.

- Будем строить лагерь для 3-х - 8-х классов, сказала она. - Что для этого нужно?

- По максимуму или по минимуму? - осторожно спросил я.

- По максимуму! Не будем мелочиться.

Я помчался в сапожную каморку Алексея Ивановича, по пути вытащив из столыarki Юрия Александровича. Ну что за прекрасные люди! Довольно потирая

руки, они начали раскручивать совершенно немислимые для меня планы.

- Значит, так, - говорил Юрий Александрович. - Делаем столовую на 150 человек.

- На 140, - поправляю я. - В лагере будет 140 воспитанников.

- А гости? Думаете, в такую махину никто не приедет? Что же мы их, во вторую смену кормить будем?

- Это же сколько бревен и теса пойдет, - чешет лысину Алексей Иванович.

Мы начинаем подсчитывать, плюсуем еще доски под настилы к палаткам - получается явно несуразная цифра.

- А если сделать столовую в металле... - прикидывает Юрий Александрович.

- Это как? - спрашиваю я. Мое мнение здесь десятое. Я могу только подкинуть идею, но уж никак не советовать опытным мастерам.

Юрий Александрович молчит и рассматривает стену. Потом начинает плавно дирижировать пальцем перед собой.

- Чапай думает, - говорит Алексей Иванович.

- Будет так, - Юрий Александрович замолчал и еще немного поруководил оркестром. - Будет так. Столовую делаем на трубах, из которых свинчивают конструкцию перед строящимися домами для настила мостков. Соберем каркас, сколотим щиты с крюками, навесим их на конек крыши, раскатаем толь - и порядок.

- Можно, - говорит Алексей Иванович.

- А где трубы возьмем? - спрашиваю я.

- На стройках выпросим. На одной, другой - много ли нам надо.

Мы были великими специалистами по выклянчиванию нужных вещей, поэтому я не стал вдаваться в детали. И так. трубы будут.

- И что удобно, - Юрий Александрович начинает загибать пальцы. - Демонтируем столовую, сложим ее в колхозе - у нас-то хранить негде; потом подгоним грузовичок - и никаких забот. Копать каждый раз ямы для столбов не надо: вгоним в землю трубы чуть большего диаметра, чем у столовой, а после лагеря закроем их втулками. Приедем на следующий год, вставим в трубы несущие опоры - и все дела. За два дня столовую соберем. Щиты для крыши тоже лет пять прослужат: снял, укрыл на зиму толью - чего им сделается!

- Мужики, - говорю я, - как бы сделать, чтобы палатки не провисали? Их бы на рамы натянуть...

- Подумаем, - Юрий Александрович черкнул у себя в тетради. - Еще что надо, если по максимуму?

- Погреб надо, - говорит Алексей Иванович. - Большой, с железной дверью. А его рыть - неделя уйдет.

- Погреб будет, - говорю я, прикидывая свои связи в Звениго-роде. - Когда начнем работы?

Юрий Александрович поводит огрызком карандаша по тетради:

- Тут обмозговать нужно. Тес и гвозди придется все-таки покупать. Ну, еще кое-что по мелочам. Давайте так: вы свою смету составляете - сколько палаток подкупить, рюкзаки там, канцелярию всякую - а я свою. И к Валентине Ивановне.

Через неделю я принес Валентине Ивановне наши предло-жения.

Валентина Ивановна просмотрела смету, графу за графой, и начала внимательно изучать мою физиономию.

- Вы не заболели?

- Нет, я здоров.

- Уверенны?

- Вполне.

- Садитесь, - сказала Валентина Ивановна. - Вы понимаете, что смета нереальная?

- Я понимаю, что большая. Что ж, давайте сокращать. Только вместе с лагерем.

Валентина Ивановна подтолкнула мне бумажки.

- Сократите на треть!

Несколько дней я колдовал над сметой, но сократить на треть не получалось: вместо сорока палаток оставил тридцать пять и убрал с десятков рюкзаков, а на стройматериалы даже не замахивался.

Валентина Ивановна снова читала графу за графой, но моим здоровьем уже не интересовалась.

- Приобретайте по частям. А я с шефами переговорю.

С нашим директором разговаривать было трудно, но работать можно. И это главное.

С началом работ мы решили не спешить. Тут ведь как получается: начнешь рано - у ребят постепенно пропадет интерес к делу, припоздаешь - начнется аврал, нервотрепка, и что-нибудь обязательно проглядишь. Поэтому до февраля мы закупали и доставали все необходимое, а потом вывесили план всех работ и недельный график их выполнения. Классы, получив задания, формировали небольшие бригады, и после приготовления уроков

интернат превращался в огромную мастерскую. Девочки четвертого класса шили номера для палаток, шестиклассницы - фартуки и колпаки для поваров. Мальчишки-пятиклассники изготавливали таблички с названием улиц и гнули из проволоки колышки для палаток. У старших - работы посложнее: здесь и сколачивание щитов, и покраска труб, и изготовление посудомойки - единственного моего изобретения, которым я очень гордился. Штаб лагеря ежедневно вывешивал сообщения о трудовых подвигах каждого класса, и я не помню случаев невыполнения работ к назначенному сроку. А вот перевыполнение плана, хотя и редко, но было. И тогда на доске объявлений появлялись "молнии" с фамилиями героев.

Из педагогического дневника:

" 20 марта 1960 г.

Я не знаю, чем вызван такой энтузиазм. Мечтой о лагере? Так ведь в нем были далеко не все воспитанники. Моим авторитетом?

Вряд ли. Я почти не контролирую выполнение работ - этим занимается Штаб. Возможно, играет роль удачная организация дела и ответственность старших ребят. Мы часто собираемся у меня в классе перед отбоем. Это не официальная планерка: приходят, кто хочет - и члены Штаба, и те, кому есть что сказать.

Юра Овчинников предупреждает, что у малышей кончается проволока для колышков, и ее надо "где-то надыбать". Тонечка Балашова приносит образцы номеров для палаток. Кто-то жалуется, что Юрий Александрович запирает слесарку, и бригада не успевает сверлить дырки в крюках... Но этим ребятам по должности положено беспокоиться, а откуда такое рвение у остальных? Есть же личный интерес у каждого, или, по крайней мере, какие-то побудители, не позволяющие уклониться от работ. Не поняв этого, я не могу дать гарантии, что наш график не сорвется в самый неподходящий момент."

Признаться, я и сейчас не понимаю, почему у нас все получалось так гладко, но, просматривая те давние записи, думаю, что немного лукавил: гарантию, что ничего не сорвется, я все-таки мог дать.

Законы лагеря

И снова строители выезжают под Звенигород. Мы переносим место лагеря на другую поляну, над самым косогором у Москвы-реки. Отсюда и купаться поближе, и колхозное поле недалеко. В первый день занимаемся планировкой, а потом застучали молотки, завжикали пилы и начал расти наш городок: три улицы - Пионерская, Туристская и Гагарина; столовая, волейбольная площадка, уголок тихих игр, Штабной шатер, шатер-лазарет и (наконец-то) продуктовый погреб. За всесоюзную валюту - две бутылки "Столичной" - я пригнал из города экскаватор, и за полдня была вырыта двухметровой глубины яма, выложенная бетонными плитами. Такими же плитами накрыли погреб сверху, и получилось что-то наподобие ДОТа, только вместо амбразуры - железная дверь.

Лет двадцать спустя я пришел с туристами на эту поляну, чтобы рассказать новому поколению о прошлых делах, и увидел, что погреб наш сохранился. Только дверь проржавела да ступени пообвалились...

По Сеньке и шапка. Колхоз выделил нам лошадь с телегой и несколько больших молочных фляг. Теперь мы будем возить воду из городской колонки, а не таскать ведрами метров двести вверх от реки, всякий раз ожидая, что нас прихлопнет за это первая же комиссия санитарных врачей. Интернат перевел деньги на местную продуктовую базу, и здесь наш транспорт будет как нельзя кстати.

Увеличивался штат лагеря. Если восемь отрядов из шестнадцати постоянно в походе, то по крайней мере пять руководителей должно быть. Это с учетом того, что один воспитатель выходит на маршрут с двумя отрядами. Мне очень не хотелось иметь в лагере лишних взрослых: всегда казалось, что они мешают

ребячьему самоуправлению. Но тут уж ничего не поделаешь – меньше пяти туристских руководителей никак не получалось. Отбирал их придирчиво, запугивая трудностями кочевой жизни, и те, кто соглашался на мои условия, работали в лагере по два-три сезона.

В первые дни после заезда ребят я увидел, что не хватает еще одного, быть может, самого нужного нам взрослого человека, и срочно вызвал из интерната нашу повариху – тетю Тасю, неунывающую и шумную женщину, под началом которой дежурные по кухне вертелись словно ошпаренные. Намучившись кашеварить без помощи взрослого, ребята организовали своей спасительнице торжественную встречу, поставили возле столовой отдельную палатку, а так как улицы из одной палатки не получилось, повесили табличку: " Тети Тасин тупик ".

Еще при строительстве лагеря я увидел, что ребята копают узенькие канавки от моей палатки к штабному шатру, к лазарету и к столовой.

- А это еще зачем ?

- А это сюрприз.

Раз сюрприз, допытываться нельзя. И хотя на другой день я догадался, что затеяли мои изобретатели, но делал вид, будто ничего не замечаю, и старался обходить канавки стороной. А потом меня пригласили в мою же палатку и протянули телефонную трубку:

- Поговорите со Штабом.

Я ахал и восторгался – детский телефон на батарейках работал не хуже настоящего! Это оказалось действительно удобно: за полчаса до подъема я перебрасывал клемму на столовую.

- Слушаю! – говорил дежурный командир.

- Доброе утро. Как дела? Завтрак не опоздает?

- Доброе утро. Все в порядке. Да вылезайте вы из палатки – на улице хорошо-то как!

Среди ночи можно было связаться с караульными и немного поболтать с ними. Для какой надобности мы ставили караульных, трудно сказать. Времена тогда были тихие, никто нас не беспокоил. Иногда заходили на территорию случайные люди, так их просили обойти лагерь по лесной тропке. Но ребята уходят в походы, и много палаток остаются пустыми на несколько дней. Опять же погреб с продуктами и посуда в столовой. В общем, мы решили, что охрана не помешает. А уж если охрана имеется, то надо делать все по-серьезному.

У дороги перед лагерем врыли грибок и поставили часового с малокалиберным ружьем. Боек, правда, мы спилили и патронов у нас не было, но все равно часовой при галстукке и красной повязке смотрелся здорово. Назначались часовые из дежурного отряда и стояли под грибком по часу, точнее, не стояли, а сидели на скамеечке, а вставать и брать ружье на караул им полагалось, когда я проходил мимо. По несколько раз в день я специально сворачивал к грибку, чтобы доставить ребятам это удовольствие, но в разговоры с часовыми не вступал, хотя имел на то право, как и дежурный командир, проводивший смену караула по установленному ритуалу. Когда к нам начали наведываться различные комиссии и делегации, гости с трудом сдерживали улыбки, глядя на четвероклассницу с ружьем, загораживающую им дорогу.

- Здравствуйте! Часовой Оля Филатова. Вы к кому?

Выслушав гостей, часовой снимал трубку и вызывал дежурного командира, который давал разрешение на проход в лагерь.

Ночная смена несла вахту попарно. Обычно ребята сидели в столовой возле погреба, но обязаны были время от времени обходить лагерь. Кто и когда будет дежурить, решал командир отряда. Через два часа караульные будили сменщиков и пере-давали им вахтенную тетрадь, где помимо времени сдачи дежурства были еще очень важные пометки, о которых следует рассказать, но с довольно большим предисловием.

Еще в прошлом году мы поняли, что нужно вводить в лагере какие-то законы, определяющие, что можно делать и чего нельзя. О том, как мы застраховались от самостоятельного купания, я рассказывал. Но ведь было много и других моментов, которые тоже требовалось вводить в законодательные рамки. Надо ли в тихий час лежать в палатках? А если там душно в солнечный день? А как быть с теми, кто заигрался в лесу и не пришел по сигналу в столовую? Ведь приход в столовую – это дополнительный учет людей. Мы не требовали хождения строем, но перед тем, как сесть за стол, отрядный санитар

проверял чистоту рук и отправлял грязнуль к рукомойникам, а командир отряда всенепременно докладывал мне об отсутствующих. А если после отбоя в палатке кого-то не оказалось? Таких "если" набиралось много, и Штаб предлагал составить целый список ограничений, вывесив его на самом видном месте.

Заглядывавшие на заседание Штаба воспитатели имели только совещательные голоса, но зато очень громкие и щедрые на всяческие запреты: не позволять уходить с территории лагеря, не позволять стрелять из луков, не разрешать детям ездить одним на продуктовую базу – и все это с указанием на неминуемые трагические последствия и мою личную ответственность.

Я соглашался, что какие-то запреты необходимы, но если уж что-то запрещать, то ребята должны твердо знать, что именно.

Поддерживая меня, воспитатели предлагали не только составить свод ограничений, но и завести специальную тетрадь, в которой все должны расписаться, подтверждая тем самым, что знакомы с нашими порядками.

И тогда я попросил:

– Назовите мне второй пункт из "Правил для учащихся". Не помните? Но ведь они вывешены на каждом этаже в интернате и напечатаны на обложках тетрадей. Ну хорошо, не помните второй – назовите третий. Тоже не помните? Тогда четвертый.

Конфуз был полный. Как не старались члены Штаба и воспитатели, ни одного правила так и не смогли назвать. Ни одного! Под общий смех вспоминали какие-то отрывки об обязанности не опаздывать на уроки, об обязанности вставать при входе учителя в класс – все то, что было хорошо известно и без всяких правил.

– Знаете, почему вы сели в калошу? – спросил я. – Потому что правил слишком много. Их трудно запомнить. Если мы примем все ваши запреты, надо несколько дней разучивать их с ребятами, а потом говорить: ты нарушил пункт пятый, а ты седьмой. И все равно найдется то, что мы не учли. Надо, чтобы законов лагеря было возможно меньше, но чтобы они охватывали все стороны нашей жизни. Предлагаю всего три закона:

В туристском лагере все можно

Режим дня не меняется ни при каких условиях

За самовольное купание – немедленное исключение из лагеря.

Я уже начинал привыкать, что взрослые иногда смотрят на меня как на ненормального.

– Насчет режима все ясно, – сказали воспитатели, хотя им еще ничего не было ясно. А в каком смысле "все можно"?

– В прямом. На улицах же нет табличек "Не бейте окна в домах!" или "Граждане, не плюйте в лицо друг другу!" Зачем говорить об очевидных вещах? Пусть у нас будет все можно, что не мешает другим и что не грозит опасностью человеку. А если не согласны, я буду настаивать на принятии такого закона:

"Запрещается дергать лошадь за хвост и подносить ей горящие спички к носу!"

Все расмеялись и ребята начали выдумывать запреты, один нелепей другого.

– Значит, в тихий час можно не спать? – с надеждой спросил кто-то.

– А если я скажу "нельзя", ты заснешь? Да не спи, пожалуйста, только не ори об этом на весь лагерь!

Тут уж воспитатели засыпали меня вопросами с самыми немислимыми вариантами нарушений. И оказалось, что если мы имеем дело с разумными людьми – а какими еще могли быть наши воспитанники? – то никаких особых запретов не требуется.

Мы проголосовали, и первый закон нашего лагеря приняли единогласно. Но когда я объяснил как понимаю слова "Режим дня не меняется ни при каких условиях", ребята притихли.

– Не сдюжим, – сказал наш бессменный завхоз Юра Овчинников.

– Ну, это уж слишком, – сказали воспитатели.

И только Сергей Михайлович Голицын, не вмешиваясь в споры, по-доброму шурился.

А ведь я ничего особенного не предлагал. Я сказал, что ежели у нас есть режим дня, то он должен выполняться с точностью до минуты. В противном случае можно написать:

"Подъем около восьми часов

После умывания – завтрак

Потом выход на сельхозработы..."

Надо ли всегда опаздывать? И где критерий, на сколько можно опоздать и на сколько нельзя? Я убеждал ребят, что это совсем нетрудно – приучать себя к точности. Вот у нас подъем в 7.30. Значит, дежком разрешает горнить именно в это время, а не в 7.31. И не надо торопить ребят: пусть проснутся, потянутся, пойдут в туалет. А дежком после сигнала громко говорит: "Доброе утро! Сегодня тепло, птички поют, вставайте скорее!" Или: "Идет дождь, но это совсем не страшно. Когда-нибудь все равно будет солнце!" Пусть каждый дежком сам придумывает какие-нибудь хорошие и ободряющие слова. И пусть ходит возле палаток и будит тех, кто еще не проснулся. Разве это трудно?

Все согласились, что не трудно.

- А дальше, - сказал я, - дежком громко предупреждает: "До выхода на зарядку остается 8 минут, 7 минут, 6" - и так далее. И ровно через восемь минут после горна командует выход на зарядку. И тут же начинает считать до двенадцати. Опоздавшим на одну секунду - наряд! В том числе и воспитателям. Освобождает от зарядки только Сергей Михайлович.

- Мы тоже должны к Сергею Михайловичу обращаться? - сконфузились воспитательницы.

- Этот серьезный вопрос мы обсудим отдельно, - сказал я. - Пойдем дальше. После зарядки - утренний туалет и приборка палаток. Здесь каждый распоряжается своим временем. В 9.00 - сигнал на завтрак. Сколько можно сидеть в столовой? При желании - и час, и более. А мы сделаем так: в 9.45 - выход на прополку. Опоздал на завтрак - твое дело, значит, будешь черпать ложкой побыстрее. Но в 9.45 в столовой никого не должно быть.

- Это что же, на поле голодным идти?

- Зачем же? Мы никого не наказываем. Попросим дежурных приготовить несколько бутербродов для опоздавших, а в отрядах еще сухой паек есть. Никто до обеда не умрет.

- А если завтрак задержится? Все равно выход в 9.45?

- Безусловно. Поймите, такая точность отучает от расхлябанности. Ну что хорошего: на работу соберемся в 10 часов или чуть позже - пятнадцать минут сюда, пятнадцать туда, какая разница! Начнем полоть часиков в одиннадцать - тоже неплохо. Зато окончание работы вы не прозевааете: в 12.45 идем купаться. Большая от нас помощь колхозу будет? Между прочим, лошадь и молоко нам не за красивые глаза дадут. Потом не хватит времени на вечернее купание и соревнования, потом отбой задержится на полчаса или час - распрекрасная жизнь начнется! И вы, члены Штаба и воспитатели, будете на это спокойно смотреть? Или переложите ответственность за выполнение режима на меня одного?

Я редко говорил резко с ребятами, мы вообще старались не обижать друг друга; но вопрос был принципиальный, и теперь, глядя на серьезные лица штабистов, я боялся, что останусь в меньшинстве. Ребята спокойно относились к опозданиям на несколько минут и не хотели понять, во что выльется к концу дня сумма попусту растроченного времени.

- Будем, как бешеные лошади, носиться по лагерю, - сказала воспитательница. - Ничего у вас не получится. Все равно опаздывать будут.

- Но ведь на линейку не опаздывают, - сказал я. - И носиться не надо, всегда дается предупредительный сигнал. К сожалению, я вас не убедил. Что ж, давайте тридцать секунд помолчим, подумаем и будем голосовать.

Затикал секундомер. Молчали ребята, молчали воспитатели. Сергей Михайлович поднял руку, чтобы что-то сказать, но я приложил палец к губам.

- Все. Тридцать секунд прошло. Кто за мое предложение - режим дня не меняется ни при каких условиях? Голосуют только члены Штаба.

И ребята, поглядывая друг на друга, начали поднимать руки. Против никого не было!

- Спасибо, - сказал я. - Поверьте, ничего страшного не произойдет, и дня через два все забудут про такое слово, как опоздание. После ужина мы задержимся в столовой, и я расскажу ребятам о наших решениях. А с теми, кто сейчас в походе, поговорю отдельно. Еще раз спасибо!

Закон о запрете самовольного купания даже не обсуждался - он фактически действовал с прошлого года.

Ребята разошлись, и ко мне подошел Сергей Михайлович.

- А вы хитрюга, - лукаво прищурившись, сказал он. - Я сразу вас раскусил.

- А в чем дело ? - как можно наивней спросил я.

Сергей Михайлович улыбался, подергивая себя за кончики пальцев:

- Неужели никто не заметил? Второй закон о режиме почти отменяет первый - о том, что все можно.

- А вот об этом громко говорить не надо.

Сергей Михайлович заговорчески подмигнул и заспешил по своим медицинским делам.

Я попросил ребят не расходиться после ужина и рассказал о новых законах. Строгое соблюдение режима никого не заинтересовало - точность так точность, подумаешь! И действительно, за всю лагерную смену опоздало на разные построения всего несколько человек. Их отправили драить кастрюли, а могли бы и не отправлять - дежурным и без них помогали друзья из других отрядов. Зато "все можно" взорвало ребячью фантазию:

- А можно на работу не ходить?

- Нельзя. Она относится к режимному моменту.

- А в тихий час в футбол можно играть?

- Нет. Какой же это тихий час? В шашки, шахматы играйте. Можно читать, вышивать. Но разговаривать громко не следует, ведь многие будут спать.

- А на ночную рыбалку ходить можно?

Вот этого я не предусмотрел. Мало того, что ребята пойдут одни к реке, так еще ночью! Но отступить нельзя, и я спокойно сказал:

- Конечно, можно. Только не забудьте рыбкой угостить.

Собрание длилось минут пятнадцать, и после него, как мне кажется, ребята новых законов не обсуждали - у нас и так была полная свобода.

Зато оживились рыболовы. Оказалось, что снасти привезли многие. Но днем ловить некогда - все время занято чем-то интересным. То ли дело ночью!

Перед вечерней линейкой ко мне подошло человек десять:

- Мы на рыбалку.

- Когда вернетесь?

Ребята переглянулись. Они были уверены, что под каким-нибудь предлогом их не отпустят, и о времени возвращения не подумали. Тут же началось быстрое, с уха на ухо, совещание.

- Часика в три не поздно будет?

- Чего ж поздно, в самый раз, - сказал я. - Отметитесь у дежкома и валяйте.

После отбоя я спустился к реке. Все рыболовы были на месте. У самых удачливых на куканах висело по нескольку мелких рыбешек, остальные ребята только ожидали своего счастья.

Кто-то выделил мне из своего запаса удочку, и я, с пафосом продекламировав из лермонтовского "Маскарада":

" Хочу я испытать, что скажет мне судьба

И даст ли нынешним поклонникам в обиду

Она старинного раба" - отошел в сторонку.

Не рыбалка, а сплошное наказание! Быстрое течение выбрасывает наживку вверх и прибывает к берегу. Тут во какие грузила нужны! Трава мокрая, присесть негде. А у комаров тоже своя охота. Но я решил терпеть до конца.

Ближе к полуночи двое ушли в лагерь. Около часа смотали удочки еще несколько человек, обнадежив меня, что к следующему вечеру ОНИ с грузилами разберутся. Но трое продержались до половины второго.

Мысль просидеть еще одну ночь у реки меня как-то не особенно грела, и я втравил в это дело единственного мужчину-воспитателя, только вернувшегося из похода.

Перед ужином я увидел, что рыболовы сколачивают низенькие скамейки, и понял, что с ночной рыбалкой надо кончать. Но как это сделать, когда у нас все можно?

Я лежал в палатке и слышал голоса рыбаков, приходивших с реки. Переговаривались они громко, что-то рассказывали караульным, потом долго укладывались и, конечно, будили ребят. Часов в пять снова заговорили - это поднимались любители посидеть с удочкой на утренней зорьке. Вот тогда я и вспомнил о караульных, единственных людях, способных остановить накатовающийся на лагерь кошмар.

Перед подъемом флага, сделав несколько объявлений, я между прочим сказал:

- Кстати, надо попросить рыболовов не разговаривать в лагере.

Не знаю, как остальные, а я ночью просыпался несколько раз. И еще. Рыбаки записываются у дежкома и сами указывают время возвращения. Вот пусть и приходят в свои сроки. Дежком передаст списки караульным, и те проследят, чтобы лишних хождений в лагере не было. Это удобно и для утренней рыбалки. По списку караульные поднимут записавшихся – зачем им всю ночь поглядывать на часы?

Выступление как выступление. Но я поговорил с каждой сменой ночного караула, и ребята дали слово никому не рассказывать о нашей беседе.

Как и ожидал, первый рыбак вернулся к полуночи.

– Стой, кто идет? – окликнули караульные.

– Сурков.

– А ну погодь. Давай отойдем, а то всех разбудим, – караульные, как было договорено, подвели рыбака к моей палатке. – Какой Сурков? Сурков на реке до часу сидит.

– Да бросьте вы! Клева сегодня нет. Сейчас и Мишка Михайлов придет.

– Вот видишь. Сначала ты перебудешь ребят, потом Михайлов.

Записался до часу – и лови до часу. И Михайлова предупреди, что никого в лагерь не пустим.

– А, идите вы! – Сурков развернулся к своей палатке, но караульные остановили его.

– Мы ведь все равно отметим, что вернулся раньше. Так что не ищи на свою голову приключений. Или Виктора Яковлевича разбудить?

– Вы чокнулись, что ли? – сказал Сурков и пошел к реке.

– Ну как? – спросили меня караульные через палатку.

– "Дебют хорош," – продекламировал я.

– "Конец не будет хуже," – продекламировал караульный.

Несколько раз я читал в походе сцены из "Маскарада", и теперь ребята любили козырнуть запомнившимися фразами.

К часу ночи вернулись все рыбаки. Караульные, сверяясь с вахтенной тетрадью, пропустили троих, а остальным в порядке исключения разрешили до контрольного срока посидеть в столовой – и то, чтобы было тихо.

Утром началось второе действие спектакля.

Караульные расстегнули палатку и подергали мальчишку за ногу.

– А-а, что... Чего вам?

– Тс-сс! На рыбалку пора, пять часов уже.

– На какую рыбалку?... Идите отсюда!..

– Не шуми. Ты записался на пять? Давай вставай.

– Куда вставать?... А-а... Я завтра пойду.

– Завтра тебя другие разбудят. Вылезай, вылезай, вон рыба плещется, аж отсюда слышно!

Караульные подняли еще четверых и, пожелав всем удачной охоты, отправили к реке.

Вопрос был решен! Через пару дней записывались на рыбалку только трое самых настырных, да и то редко и больше по утрам, когда и поплавок видно, и клев получше. А я возблагодарил небеса за чью-то идею выставлять в лагере ночной караул.

Вторым камнем преткновения стал Звенигород. Ходить туда было в общем-то незачем, но раз "все можно", то как не пойти? Старших ребят город не привлекал. Если что нужно, попросят водовоза купить батарейку или лампочку для фонарика, а самим ходить времени нет. Но зато малыши!..

Подходит такой шпингалет к дежкому:

– Я в город.

– Зачем?

– Дела у меня.

Дежком ко мне:

– Разрешать?

А я уже договорился со старшими ребятами и теперь подзываю кого-нибудь:

– Ты вроде в город хотел?

– Хотел.

– Вот тебе попутчик. Отметьтесь у дежкома и не опоздайте к ужину.

Ребята уходят. А до города – два километра по обочине шоссе, под грохот несущихся на большой скорости машин. И тут выясняется, что малышу надобности в городе никакой нет.

– Слушай, – говорит он, – давай лучше завтра пойдем.

- Смотри, говорит старший, - а я уж хотел сегодня волейбол пропустить. А у вас что?

- А нас Сергей Михайлович поведет с лесом знакомить...

- Что ж ты раньше не сказал! Знаешь, как интересно!

И ребята, едва выйдя к шоссе, поворачивают обратно.

Вот так у нас получалось. Раз "все можно", значит, и нарушать нечего. Значит, и ругать никто не будет. Сергей Михайлович несколько раз просил меня запретить взрослым вообще повышать голос на ребят - это ему нужно было для будущей книги, - но здесь я обещать ничего не мог и даже деликатно напомнил, как он сам накричал на малыша, сунувшего палку в муравейник.

Я втолковывал ребятам понимание свободы как осознанной необходимости (подковали меня все-таки в институте!) и это делало жизнь в лагере разумной, очищенной от нелепых ограничений. Новички-воспитатели быстро отбросили педагогическую чопорность и включились в ребятами дела, как в большую и сложную игру. Но то, что было понятно нам, не всегда понималось людьми, которым вроде по должности полагалось разбираться в педагогических тонкостях лучше нас.

Приезжает к нам на нескольких легковушках комиссия из МК комсомола. Такие пережившие молодость тети и дяди. Естественно, без уведомления. В пиджаках, при галстуках, с комсомольскими значками на груди.

Часовой останавливает машины, здоровается, вызывает дежкома, тот меня. А у нас тихий час, я только вздремнул.

Вылезаю из палатки в спортивных трусах, без майки.

Представляюсь.

- Вы всегда в таком виде ходите?

Посмотрел я на этих выпавшихся, хорошо одетых людей - и начал тихо заводиться.

- Почти всегда. Извините, я оденусь. Но предупреждаю: галстука у меня нет.

Натянул на себя тренировочный костюм, подхожу к гостям, а они уже часового разглядывают.

- Что же он так целый день без дела стоит?

- Во-первых, только один час, во-вторых, это и есть его дело - охранять лагерь, а в-третьих, он может присесть.

И тут комсомольская тетя сказала:

- Хоть бы книжку почитал, что ли.

Я захлебнулся от восторга. Бывают же такие совпадения!

Ведь точно о таком случае - один к одному - рассказывал в "Марше 30-го года" А. С. Макаренко. Прошло тридцать лет, мы разгромили фашизм, человек полетел в космос, величайшие открытия совершаются на планете Земля, а в дремотной педагогике нашей - науке о воспитании человека - по-прежнему задается вопрос, почему мальчишка-часовой не занимается самообразованием и не читает книжку на своем посту!

Но это было только начало. Комиссия двинулась вдоль Пионерской улицы и тут же наткнулась на лежбище девочек, спавших на вытасненных из палаток матрасах.

- У вас так принято - укладывать детей на землю?

- Матрасы не земля, а под матрасами - клеенки, мы об этом специально позаботились.

- Значит, это вы лично распорядились о такого рода отдыхе?

Я был знаком с риторической казуистикой, когда одно понятие подменяется другим и логически приводит к выводам, не отвечающим объективному положению вещей.

При таком подходе очень легко выстраивается примитивная цепочка рассуждений:

Начальник лагеря выдал клеенки, чтобы дети спали на земле.

Дети спят на земле.

Значит, начальник лагеря разрешает детям спать на земле!

О матрасах, конечно, можно не упоминать, и о том, что не все дети спят вне палаток, - тоже.

Мне очень захотелось показать переревшим комсомольцам кратчайшую дорогу из лагеря, но рабская привычка не спорить с людьми, имеющими власть и способными натворить кучу неприятностей, была уже прочной - за четыре года работы я убедился, что от таких споров пользы для дела не бывает, и потому

только попросил комиссию подсказать, куда девать ребят, которым душно лежать в палатках.

И мне указали, что нужно построить небольшую террасу вон в том уголке, добавив, что мне самому следовало об этом догадаться. Во что обойдется нам такая терраса, разговора, конечно, не было.

Мы прошли до конца улицы, где стояла пара сколоченных из досок теннисных столов.

И на одном, укрывшись простышкой, возлежал шестикласник Витя Сурков, неудачливый рыбачок, умница и остролов. Как оказался Сурков на теннисном столе, я не заметил, но мог поручиться, что минуту назад его там не было. Мы часто резались с ним в шашки, в поддавки, выставляя на кон полагающуюся нам к ужину воблу, и почти всегда я оставался без деликатеса. Хитрющий пацан, всюду совавший свой лисий носик и на все имевший собственное мнение, он не иначе как подслушал разговоры с комиссией, оценил ситуацию и решил помочь мне.

- Так, - сказала строгая тетя, - значит, у вас и на столах спать разрешается?

- Я не сплю, я читаю, - упреждая меня, сказал Сурков. - Здравствуйте!

- Мальчик, ты почему на столе лежишь?

Сурков сел, натянув простыню до подбородка, и приготовился к долгой и приятной беседе.

- Меня зовут Витя Сурков. А вас?

- Нина Андреевна. Так почему ты на столе лежишь?

- Понимаете, Нина Андреевна, - этот маленький негодяй просто не мог лишиться себя удовольствия все обстоятельно разобъяснить нежданым гостям. - Понимаете, Нина Андреевна, в палатках жарко, а здесь от реки ветерком тянет и комаров меньше. Вы подойдите к обрыву, посмотрите, какой отсюда красивый вид. А на том берегу за лесом - деревня Дунино. Там дача Пришвина. Знаете такого писателя?

Я делал Суркову страшные глаза, но он только нежно улыбался мне и уже готовился подробно рассказывать о недавнем походе в дом-музей известного писателя.

- Мы об этом несколько позже поговорим, ладно? А сейчас скажи: вам разрешают на столах спать?

- Так ведь у нас все можно, - легко перешел на новую тему Сурков. - А это значит - делай, что хочешь, только никому не мешай и не подвергай свою жизнь опасности. Правильно, Виктор Яковлевич? - это он щедро подключал к разговору меня.

- Ну, я думаю, что спать на теннисном столе не обязательно...

- Вот видите, - повернулся Сурков к комиссии. - Я никому не мешаю, и значит, имею право лежать где хочу. Девчонки вон на матрасах, а я здесь. И никто не может запретить. Даже Виктор Яковлевич.

- Порядки у вас...

- Хорошие порядки, - согласился Сурков. Вот у нас есть такой закон - режим дня не меняется ни при каких условиях. Знаете, что это значит? Я сейчас объясню...

- Хорошо, мальчик...

- Меня Витя зовут, - напомнил Сурков.

- Хорошо, Витя. Мы тут еще немножко посмотрим, а потом со всеми ребятами побеседуем.

- А хотите, я вам все покажу?

- Нет-нет. Ты отдыхай пока, а мы уж с Виктором Яковлевичем.

Мы повернули к столовой, и тут один из комсомольцев указал товарищам на высокое дерево. На толстой ветке, прислонившись к стволу, сидел старшекласник и читал книгу.

- Ну, а он зачем туда залез?

- Не знаю, - искренне сказал я. - Спросить?

- Не надо, - видимо, гостям вполне хватило беседы с Сурковым.

В столовой комиссия внимательно осмотрела расставленные для полдника кружки, заглянула на кухню, где дежурные в белых фартуках и колпаках нарезали хлеб и раскладывали печенье, и поитересовалась, куда подевался повар.

- Тетя Тася спит, - сказал дежурный командир.

Я не заметил, с какого момента комиссия начала говорить обо мне в

третьем лице.

- Начальник лагеря, видимо, не подозревает, что в рабочее время спать не полагается.

- У тети Таси рабочий день начинается в семь утра и заканчивается в девять вечера, - сказал я. - Сменщика у нее нет.

Может человек отдохнуть, когда на кухне делать нечего?

- Это похвально, что Виктор Яковлевич так заботится о людях, - сказал чуть лысеющий комсомолец, видимо, главный среди гостей. - Но было бы еще похвальнее, если бы такая забота проявлялась в отношении воспитанников.

Из-за столовой вышла лошадь, запряженная в телегу с молочными флягами.

- Куда это мальчишки поехали?

- За водой.

- А где воду берете?

- В Звенигороде из колонки.

- И дети едут по шоссе в город одни?! Да это же уголовное преступление!

- Спокойнее, товарищи, - сказал лысеющий комсомолец. - Здесь надо во всем обстоятельно разобраться.

Протрубил горн. Лагерь зашевелился. Ребята потянулись к реке.

- А как у вас организовано купание? Кто инструктор по плаванию? Место для купания огорожено? А почему одни пошли к реке, а другие остались?

Мне казалось, что с купанием у нас все в порядке, и я предложил гостям самим убедиться в этом. Гости подошли к началу крутого спуска и посмотрели на узкую полоску берега.

- Какие чудесные места, какой воздух - душой отдыхаешь! - вздохнула женщина.

Гости примерились к спуску, но посчитали, что лучше отдыхать душой на поляне.

- Не будем отвлекаться, товарищи, - сказал комсомолец, которого я принял за главного. - Где удобней поговорить с начальником лагеря?

- Можно начать здесь, - предложил я.

- Почему у вас лагерная линейка не оборудована?

- За ненадобностью. Каждый отряд знает свое место. А мне трибуна не требуется - вон пенек возле мачты есть.

Комсомольцы многозначительно переглянулись.

- А что это за железный ящик возле мачты валяется?

- Не валяется, а лежит на своем месте. Отряд уходит в поход и кладет в ящик записку с пофамильным списком, маршрутом и контрольным сроком возвращения. Такая же запись делается в штабном журнале выпусков на маршрут. Это очень удобно: дежурные командиры сменяются ежедневно, зачем им всякий раз журнал искать? Проще заглянуть в ящик, посмотреть, какие отряды и в котором часу возвращаются в лагерь, и можно готовить торжественную встречу. Кстати, в Штабе имеется карта, на которой флажками отмечают места ночевки каждого отряда.

- Любопытно, - сказали гости, - очень любопытно. И сбоек не бывает?

- Не бывает.

- Позвольте на карту взглянуть.

Несколько человек вошли в штабной шатер и сразу начали покрываться испариной.

Я предложил гостям сесть на грубо сколоченные лавки.

- Какие еще вопросы будут?

- Давайте выйдем на воздух. И захватите документацию.

- Вся документация перед Штабом висит. Другой нет.

- То есть?...

- А вот смотрите: законы лагеря, распорядок дня, план работы, график походов - что тут еще? - список членов Штаба, список командиров отрядов. А это сменяемые листки: таблицы соревнований, списки караульных на сегодняшний день. Больше ничего нет. Дубликаты хранятся у меня и у начальника Штаба.

- Мм-да... - сказали комсомольцы. Чуть наметившийся контакт растаял сигаретным дымком.

Протрубил горн.

- Это куда?

- Никуда. Просто предупредительный сигнал. А через восемь минут протрубят на полдник.

- При таких порядках даже на еду приходится по два раза звать, - сказала комсомольская тетя.

Я резко повернулся:

- При любых порядках нужно сначала разобраться во всем!

- Не надо нервничать, - сказал главный. - Мы для того и приехали, чтобы разобраться.

Я пригласил гостей в столовую, но свежее молоко, теплый черный хлеб и печенье уже не способны были растопить тот холодок открытого недоброжелательства, который подул между нами с первых минут знакомства. Гости негромко делились впечатлениями от всего увиденного, не обращая внимания ни на меня, ни на сидевших рядом воспитателей.

- Простите, - сказал я, - но мое свободное время кончилось. Через десять минут я должен быть на реке.

- Начальник лагеря у нас просто незаменимый человек, - пояснил кто-то своим товарищам.

- Начальник лагеря должен быть незаменимым человеком! - отпарировал я.

Назревал скандал, и главный понял это раньше других.

- Еще несколько минут, если не возражаете. И вас, товарищи, попрошу задержаться, - обратился он к воспитателям.

Гости положили перед собой одинаковые блокнотики в красных переплетах.

Тихо подошел Сергей Михайлович:

- Разрешите присутствовать. Правда, я не воспитатель, а только здешний лекарь...

- Да-да, конечно, что за вопрос, - главный посмотрел на нас и дружески улыбнулся. - Итак, чтобы никого не задерживать, проведем экспресс-беседу. Начнем с работы в отрядах. Вот вы у нас самая молодая, - обратился он к студентке-практикантке, - простите, не знаю вашего имени-отчества...

- Можно просто Аля.

- Очень приятно. Вы в каком отряде воспитатель?

- Ни в каком. У нас в отрядах нет воспитателей.

- Простите, не понял, - улыбка еще держалась на лице главного, но взгляд сделался жестким и пронзительным.

- У нас в отрядах нет воспитателей, - повторила Аля. - Всем заправляют командиры. А взрослые водят в походы, организуют досуг и купание.

Гости, не вмешиваясь в разговор, что-то торопливо записывали.

- Вы хотите сказать, что дети предоставлены сами себе и находятся без присмотра?

Аля растерянно оглянулась на меня:

- Я этого не говорила...

Главный в упор смотрел на нашу студентку, выстукивая пальцем незамысловатую дробь по краю блюдечка. Избитый прием - гипнотизировать взглядом человека, стоящего ниже собеседника на служебной лестнице, - конечно, подействовал на молоденькую воспитательницу: Аля то поднимала, то опускала глаза - и, смутившись окончательно, начала поправлять бретельки открытого сарофана.

- Думаю, этот вопрос ко мне как к начальнику лагеря, - я встал из-за стола. - Извините, но мне действительно надо идти. И остальным тоже.

- Минуточку, - сказал главный. - Полагаю, что воспитатели могут быть свободны. Раз они поставлены вне отрядов, разговаривать с ними не о чем. Есть другие мнения?

Комиссия быстренько зашептала и согласно закивала головами.

- Вы можете идти, товарищи, - дружески сказал воспитателям главный.

- Мы останемся, - сказала Аля.

- Вот как? - главный постучал пальцем по блюдечку. - Ну что ж, прекрасно. У меня вопрос к начальнику лагеря: как у вас поставлена политическая работа?

Я был уверен, что наша политическая работа - воспитать честных, ответственных за свое дело людей, знающих свой родной край и любящих его, но вопрос главного был явно не об этом, и я спросил:

- Что вы имеете в виду?

- Мы имеем в виду то, что имеет в виду наша партия.

- Тогда, чтобы было конкретнее, задавайте вопросы. Только побыстрее.

И комсомольцы, нацелившись ручками в блокноты, начали спрашивать один

за другим:

- У вас есть план политико-воспитательных мероприятий?

- Нет.

- Сколько проведено политинформаций?

- Ни одной.

- Какие выписываете газеты?

- Никакие. Покупаем в городе "Пионерку" и "Комсомолку", по пять экземпляров каждой, и оставляем в столовой.

- Проводится ли обсуждение программных статей?

- Нет.

Наступила пауза, закрылись блокноты.

- Ну, что же, товарищи, - сказал главный. - Вопрос о лагере и о его начальнике в частности будет решаться, разумеется, не здесь.

Очень жаль, что нам не удалось побеседовать более обстоятельно. А пока идите работать, товарищи. Желаем успеха! - и он снова дружески улыбнулся нам.

- Всего хорошего! - сказал я и уже двинулся из столовой, но Сергей Михайлович остановил меня:

- Виктор Яковлевич, очень прошу - задержитесь еще на пару минут, а я потом все объясню ребятам и извинюсь перед ними за опоздание.

Он повернулся к комиссии:

- Меня зовут Сергей Михайлович Голицын. Я не только лечу здешних сорванцов, но и пишу о них книги. Вы их не читали, как и многих других, полагаю, тоже.

Сергей Михайлович подергал себя за кончики пальцев.

- Позвольте высказать свое мнение. Меня удивила ваша предвзятость ко всем нам. И тон, который вы взяли при разговоре с нами. Предупреждаем, мы все любим Виктора Яковлевича и в обиду его не дадим. И я буду сражаться за наш лагерь и за наш коллектив на самых высоких уровнях. Запишите в свои блокнотики мою фамилию: Голицын Сергей Михайлович, член Союза советских писателей. И вам должно быть стыдно за свое поведение, потому что так поступать нельзя!

Сергей Михайлович взял со стола чайную ложечку, согнул ее, потом выпрямил - и не попрощавшись ушел из столовой. Мы тоже разошлись по своим делам, и больше я этих комсомольцев никогда не встречал и не жалел об этом.

После отбоя Сергей Михайлович присел рядом со мной на скамейке.

- Вы не огорчайтесь. Это просто злые и неумные люди.

- Да нет. Это же их работа, и они хорошо знают свое дело. Они ездят по пионерским лагерям, проверяют планы, беседуют со взрослыми и детьми, где-то похвалят, где-то пожурят, но все время сталкиваются с привычной, устоявшейся за многие годы обстановкой, определяемой десятками приказов, инструкций и положений. И в этой обстановке они как рыба в воде. А здесь они встретились с чем-то непривычным, когда вместо руководящих указаний требуется вникать в суть проблемы, может быть, даже поучиться чему-то. Согласитесь, что не всякому начальству это понравится.

- Нет-нет, вы не правы, - Сергей Михайлович посмотрел на темные ряды палаток. - Наш опыт надо не уничтожать, а распространять. Ведь мы вернули детям романтику первых пионерских лагерей 20-х годов. И мы с вами непременно напишем об этом, когда приедем в Москву. А всякие комиссии, - Сергей Михайлович пренебрежительно махнул рукой, - всякие комиссии были и будут. Но надо, чтобы в них входили умные люди.

- У нас сегодня были умные люди, - сказал я. - Просто нам в паруса дуют разные ветры...

Не знаю, какие выводы сделала комиссия в Москве, но для нас никаких последствий не было. Только приехавшая в лагерь директор интерната Валентина Ивановна сказала, что наши новации вгонят ее в гроб, и заранее пригласила нас на свои похороны.

Потом, в разные годы, к нам приезжали пионервожатые и начальники лагерей. Всем нравилось детское самоуправление, но многие говорили, что, к сожалению, в пионерских лагерях его организовать невозможно. Как невозможно ввести и наши законы: в лагерях собираются дети из разных школ, и за ними необходим плотный контроль. Я не жалел времени на беседы с гостями, потому что видел, что их по-настоящему интересует организация дела. Конечно, гостям многое было непонятно, например, как это дети работают без надзора

воспитателей на колхозных полях.

- Так у нас бывают дни, когда в лагере нет воспитателей, они все в походах, - объяснял я. - Да и зачем они в поле? Всем распоряжаются отрядные производственные сектора. Иногда я выхожу на прополку, но не для надзора, а работаю в одной из бригад. И кроме того, ребята понимают, как загружены воспитатели, и думаю, появившись они в поле, их немедленно отправили бы в лагерь с приказом отдыхать.

Начальников лагерей привлекала наша точность выполнения режимных моментов, а пионервожатых восхищало

"правило 12-ти секунд". Я предупреждал, что все это только составная часть детского самоуправления и отдельно работать не будет, но гости обещали непременно попробовать это новшество в своих лагерях. Уже зимой, при встречах на городских семинарах, вожатые говорили, что ничего с нашей точностью у них не получилось.

- Вы показали нам фокус, а секрета не раскрыли, - обиженно сказала молодая учительница.

Беседуя с гостями, я с огорчением убеждался, что они не знакомы с трудами А. С. Макаренко, а без этого все увиденное у нас действительно напоминало какой-то фокус. Соглашаясь, что психолого-педагогическое обоснование жизнедеятельности коллектива - вещь крайне нужная, гости не могли поддержать разговор о перспективных линиях его развития, о детерминантах активности личности или о соотношении потребностей с функционально-энергетическим потенциалом каждого индивида. Поэтому, выслушивая мои разглагольствования, гости вежливо переводили разговор на практические моменты, более всего интересуясь конкретными фактами, а не их обусловленностью. Мы рассказываем об отношении к деятельности, принимаемой детьми внешне, рационально или внутренне, а гостей интересует, каким образом это опредмечивается на практике - ну, скажем, при проведении отбоя. Для наших воспитателей отход детей ко сну давно уже не составляет проблемы, но они в свое время были вожатыми и хорошо помнят ежевечернюю нервотрепку с перебеганием из одной спальни в другую, с окриками и наказаниями не желающих утихомириться ребят. И помня об этом, воспитатели просят, чтобы я рассказал о нашем отбое поподробнее. А что тут рассказывать?

После вечерней линейки один из взрослых спускается к реке. Постепенно к реке подходят ребята. Отрядные санитары следят, чтобы все почистили зубы и непременно помыли ноги.

- А если не помоют? - спрашивают вожатые.

- Но мы же не играем с детьми в прятки. Большинство привыкло к вечернему туалету, а за другими присмотрит санитар, командир отряда или соседи по палатке. Важно, что все понимают необходимость привести себя в порядок перед сном, и отловленный лентяй не спорит с товарищами. Ему нужен дополнительный стимул для выработки полезной привычки, вот такого неряху и подтолкнут к воде. Один раз проконтролируют, другой, или на утренней линейке посмеются - кому хочется нарываться на неприятности? Да, забыл сказать: на вечернем умывании желающие, предупредив взрослого, могут купаться. Правда, таких немного.

В 22 часа 22 минуты дается предупредительный сигнал. Взрослые тут же забираются в свои палатки или собираются возле меня в столовой. А дежурный командир громко оповещает:

- До отбоя остается 8 минут, 7 минут, 6, 5, 4...

Ровно в 22.30 звучит горн, и ко мне подходят командиры отрядов сообщить о количестве ребят в палатках.

Иногда мы беседуем с командирами о прошедшем дне или решаем какие-нибудь завтрашние дела, но чаще я говорю:

- Спасибо, можете отдыхать.

А по лагерю ходит ночной караул и предупреждает тех, кто громко разговаривает в палатках.

- Значит, после отбоя можно разговаривать?

- Конечно. Ну, пошепчутся ребята пять-шесть минут - какая беда? В пионерских лагерях, насколько я знаю, вожатые и по тридцать минут укладывают детей.

- Бывает и дольше, - признаются гости. - А скажите: случается, что кого-нибудь вовремя не окажется на месте?

- Нет. В каждой палатке есть староста, и он немедленно доложит об этом

командиру. Всякие штучки о том, чтобы не выдать товарища, у нас не проходят. Ребята прекрасно понимают, что

лагерь не огорожен, рядом река. Напорется кто-нибудь в темноте на сук, пролежит на земле до утра – вот вам и дружеское прикрытие! Да и зачем и от кого таиться? Хочешь на ночную рыбалку – пожалуйста, только отметься у дежурного командира.

Не спится – вылезай из палатки, походи с караульными или почитай книжку при фонарике в столовой – тоже не возбраняется. Но таких случаев что-то не припомню.

– А если восьмиклассник с девочкой захочет после отбоя погулять, отпустите?

– Конечно. Надо же верить ребятам. Ну, а если мы запретим – что они, не найдут другого времени для уединения? Правда, никто с такими просьбами к дежкому не обращался. Я слышал, что после летних лагерей число детских аборт в Москве увеличивается, но как с этим бороться, не знаю. Видимо, надо проводить беседы с девочками, начиная с шестого класса. Этим у нас занимаются Сергей Михалович и воспитательницы. А влюбленность в этом возрасте естественна, как и тяга к противоположному полу. И здесь уж ничего не поделаешь. Может быть, к счастью.

Гости много записывали, многим интересовались, и мы всегда расставались довольные друг другом.

Иногда я спрашивал воспитателей, какие они видят проблемы в лагере. Воспитатели переглядывались и весело говорили, что никаких проблем нет и все великолепно. Мне тоже казалось, что если и не великолепно, то уж совсем неплохо. Все в лагере делалось ребятами и ответственные за различные участки работ хорошо понимали свою нужность в общем деле. Когда однажды утром поднялся ветер, смахнувший посуду со столов и срывающий рубироид с крыши, дежком приказал старшим мальчишкам прижать настил своими телами, и ребята распластавшись лежали на раскачивающейся столовой, но завтрак был приготовлен вовремя.

– Мы все-таки рискуем! – прокричал мне на ухо Сергей Михайлович.

– Поставьте возле столовой ребят, чтобы ловили тех, кто упадет, – прокричал я. – А дежком – молодец: режим дня не должен меняться ни при каких условиях!

Ребята знали, что они не понарошку хозяева лагеря. Расшатается скамейка – кто-то идет к завхозу за молотком и гвоздями. На пилку дров вообще назначать никого не требовалось: дежком кликнет добровольцев – и под навесом вырастает поленница. Это называлось работой по желанию, и за нее не полагалось никаких поощрений, кроме моего "Спасибо!"

на вечерней линейке.

Бывало и так: вижу, малыши начинают ссориться из-за ходуль или за право взобраться на качели. Останавливаю кого-нибудь постарше:

– Там наш горох скоро передерется, займи их чем-нибудь.

– А чем занять?

– Откуда я знаю!

И через минуту на площадке слышится смех – это миротворец показывает прыжки на ходулях и обещает выцганить у завпрода пару вобл для того, кто повторит его номер.

Хозяева-то хозяева, но самые старшие только подбирались к пятнадцати годам, и случалось, им в головы приходили идеи, с которыми взрослому человеку согласиться было нелегко.

Подходит ко мне командир отряда восьмиклассников:

– Мы хотим пойти в двухдневный поход без воспитателя.

– Смысл?

– Надо же проверить, на что мы способны.

– Вы способны на многое! – пытаюсь я обратить разговор в шутку.

– Нет, серьезно. Воспитатель же ничего не делает в походе. Или вы нам не доверяете?

– Не возражаешь, если я подумаю до вечерней линейки?

– Не возражаю.

Я посоветовался с воспитателями и разрешил.

Через пару дней отряд восьмиклассников сдал рапорт дежкому и вышел на маршрут. Вечером я отмахал километров двенадцать на велосипеде и заявился к ребятам на бивак. Все было в порядке – палатки поставлены, ребята поужинали

и негромко пели у костра. Командир сказал, что никаких замечаний к отряду нет, мы немного поболтали, и за полночь я вернулся в лагерь.

Мы организовали отряду торжественную встречу с традиционными кружками компота и воблой, но на линейке я попросил ребят с такими просьбами больше ко мне не обращаться:

- Запретить не имею права, уверен, что старшие могут обойтись в походе без взрослых, но поберегите мое здоровье - я всю ночь глаз не сомкнул.

А вот случай не столь серьезный.

Как-то на Штабе ребята спросили, нельзя ли немного улучшить питание.

- Вы что, бываете голодными?

- Да нет, просто хочется чего-нибудь вкусенького.

Я напомнил о лагерной смете, сверх которой нам ни копейки не дадут, но ребята уже все продумали и предложили в пределах недельного расхода заменить одни продукты другими.

- Ничего не выйдет, - вмешался завпрод. - Я и так еле концы с концами сожму!

Но штабисты настаивали, что надо попробовать и они сами поедут на базу с завпродом, выберут то, что повкуснее и не очень дорогое. Завпрод обозвал товарищей дураками и, конечно, при голосовании поднял руку против. Я благоразумно воздержался.

На следующий день в лагерь завезли родимых кур с пупырыш-ками и с пушком, копченую колбасу, шоколадки и несколько банок меда.

Повариха тетя Тася сказала, что кур для второго блюда маловато, их хватит раза на три для супа, и то маленькими кусочками. Колбасу резали на просвет, и завпрод заорал, что не позволит переводить добро и остаток отдаст в поход какому-нибудь отряду - пусть хоть там увидят, что им досталось на перекус. Шоколадки к полднику порадовали, но зато мед, налитый на печенье, по-настоящему разозлил дежурных. Они заявили, что теперь надо отмывать клеенки несколько раз теплой водой, и пусть этим занимаются те, кто привез эту липучую пакость.

Три дня мы хлебали куринный супчик и ели картошечку с сардинами в масле. А на четвертый - супчик был уже только с картошкой, и картошечка только с маслом. Члены Штаба предложили добавить в картошку традиционную тушенку, но завпрод показал им комбинацию из трех пальцев, сказав, что тушенка пойдет со следующей недели, а теперь пусть обходятся кашами на молоке. Даже малыши посмеивались над членами Штаба, а я, к счастью оказавшийся вне игры, назидательно процитировал им: " Беда, коль пироги начнет печи сапожник... "

С каждым годом наш лагерь богател и благоустроивался. Мы построили сборный фанерный домик для бесед, песен и чтения стихов во время дождя, Московский военный округ передал нам четыре байдарки, десяток саперных лопаток и три палатки-вагона, тоже не лишние при непогоде. Под руководством учителя географии ребята соорудили две лодки человек на десять, причем одну под парусом. С таким флотом можно было выходить в двухдневные походы - на большее мы не решались: возвращаться, выгребая против течения, оказалось трудно даже для старшеклассников. Поэтому флот чаще использовался для катания и, конечно же, на соревнованиях и при проведении ночных военных игр, когда требовалось захватить остров километрах в пяти от лагеря.

На звенигородской автобазе я предложил нелегальную сделку:

- Мы берем в лагерь за символическую сумму пятерых детей ваших работников, а вы предоставляете нам машину для привоза воды и продуктов.

Новые ребята легко вошли в наш коллектив и еще несколько лет, уже повзрослев, помогали строить лагерь и участвовали в походах. Так мы распространились с колхозной лошадью - теперь каждое утро возле кухни стояла цистерна со свежей водой.

В начале нового учебного года Сергей Михайлович сдержал обещание и подбил меня дать совместный материал на разворот " Пионерской правды ". Он не мог забыть наезд на лагерь комиссии перезревших комсомольцев и сказал, что это будет "наш ответ Чемберлену". Потом вышли его книги "Полотняный городок" и "Городок сорванцов", ставшие очень популярными среди подростков. Героев книг начали приглашать на читательские конференции, а меня - еще и на различные педагогические собрания, где часто приходилось видеть недоверие и скепсис на лицах слушателей.

На Педагогических чтениях в НИИ психологии АПН РСФСР, после привычных

уже вопросов: "А что будет, если..." и вопросов о ночной рыбалке, о самостоятельных поездках ребят за продуктами и вообще о последствиях чрезмерной детской самостоятельности один из оппонентов, подводя итоги, сказал:

- Наш уважаемый докладчик поведал о своей красивой мечте. Но он ошибся местом: здесь научная конференция, а не клуб любителей фантастики.

Тогда, не прося слова, поднялся Сергей Михайлович Голицын и, представившись, повернулся к залу:

- Я живу в лагере со дня его основания. И могу заверить, что все, о чем сегодня рассказывалось, - лишь малая толика того, что было на самом деле.

Раздались аплодисменты.

Эксперимент

В лагере по несколько раз в неделю я учил моих, ставших уже семиклассниками, ребят технике хождения по склонам, благо берега Москвы-реки были крутые, местами с разрывами песчаника и каменистыми выходами. Учил не ради забавы: после лагеря мы отправлялись в горное путешествие по Кавказу.

Все началось еще в интернате. Я не всегда был доволен шестым классом, в котором работал воспитателем. Особых претензий не было - уборка спален, дежурства по интернату и столовой выполнялись вроде бы неплохо. Но мне хотелось большей сплоченности между ребятами, хотя что это такое, я не очень представлял. Бихевиористические тенденции, определяющие группу как общность, совокупно реагирующую на внешние раздражения, меня не увлекали, так как от них попахивало муштрой и бездумной дисциплиной. Я безоговорочно принимал макаренковские определения коллектива, где ни слова не говори-

лось о единых интересах и потребностях людей. Каждый из моих шестиклассников жил своей жизнью, со своими сиюминутными заботами, со своими мечтами, наконец, со своими маленькими тайнами, правдами и обманами. Это не волновало меня, потому что, проецируя их жизнь на свою, видел, что в этом плане ничем не отличаюсь от ребят. Конечно, отношение к различным сторонам действительности у нас не всегда совпадало, и то, что я, как воспитатель, старался передать детям свой нравственный опыт, было естественным. Я знал, что люди, находящиеся в условиях формальных или неформальных объединений, постепенно вырабатывают собственные нормы жизни, не всегда совпадающие с общественными и даже антагонистические им. То, что в одной группе оценивается в положительных единицах, в другой не принимается или пресекается на корню. Вот эти нигде не зафиксированные нормы и не устраивали меня. Часть моих воспитанников жила по принципу - сделать поменьше, получить побольше. Удивляться тут было нечему: жизненный опыт многих воспитанников формировался в семьях, далеко не лучшей социальной характеристики. Безусловно, за два года работы с классом, включая лагерные сезоны, кое-что сделать удалось. Ребята начали больше читать, стали лучше относиться к своим обязанностям и друг к другу. Но я видел, что для многих воспитанников существует как бы две морали. Одна - официальная, где надо играть роли дисциплинированных учеников и активных пионеров, и другая - собственная, формируемая личным опытом и обеспечивающая наибольшее благоприятствие ее носителю. По этой морали не возбранялось списывание домашних заданий, решение споров при помощи кулака, порча интернатского имущества и многое другое, никак не согласуемое с общественными нормами. В лагере, где не было уроков и надоевшей уборки помещений, ребята преображались, и даже самые ленивые выполняли "работы по желанию" - возможно, чтобы заслужить мое одобрение, а если повезет, то и получить право спустить флаг на вечерней линейке, что считалось очень престижным.

Но начался новый учебный год, и повзрослевшие воспитанники снова входили в привычный круг отношений. Чтобы сохранить все положительное из туристского лагеря, нужна была иная организация жизни всего интерната, построенная на цепочке перспектив, ведущих к общей, значимой цели. Такая цель появилась только однажды - при подготовке к строительству нашего горного второго сезона. В дальнейшем подобного энтузиазма не было и не могло быть: общие задания кончились, а сборный домик и лодки мастерили человек десять старшеклассников, и это никак не затрагивало жизни остальных воспитанников. Только через несколько лет мне необыкновенно повезло: я вошел в коллектив, построенный на макаренковских принципах. А сейчас требовалось в не приспособленной для этого школьно-интернатской системе заниматься

сплочением ребят, зная, что даже при успехе все замкнется на одном моем классе, без выхода на воспитанников других возрастов. Это был не лучший вариант, но я все-таки открыл книги по психологии, чтобы определить, чем же эта сплоченность характеризуется. В самых общих чертах оказалось, что для сплоченности группы необходима устойчивость межличностных отношений и взаимодействий. Организовывать взаимодействия я уже умел, поэтому в своем педагогическом дневнике крупно выделил "Межличностные отношения" и поставил вопросительный знак.

Далее требовались эмоциональные связи. Как их формировать, признаться, не понимаю до сих пор, но чтобы не адаптировать проблему, заменил "Эмоциональные связи" на "Организацию лично значимой и эмоционально привлекательной деятельности" – здесь я чувствовал себя достаточно уверенно. Устраивало меня и то, что сплоченность возникает, в частности, при осознании людьми полезности группы для себя – в плане ли физической защищенности или достижения цели, неважно. Этим я уже занимался в классе и особых трудностей не предвидел. Итак, из всего прочитанного неясным оставалась организация межличностных отношений и эмоциональных связей – позитивной притягательности членов группы друг к другу и к группе в целом. Но я решил, что здесь все образуется само собой, и начал искать содержательную форму, в которой на практике будут реализовываться теоретические положения.

Прежде всего перед ребятами должна быть поставлена лично значимая и эмоционально привлекательная цель, для достижения которой стоит тратить время и усилия больше привычных.

Путь к цели должен быть нелегким, но реальным, чтобы каждый воспитанник осознавал возможность пройти его.

Достижение цели обеспечивается взаимодействием в микро-группах и между микрогруппами, вследствие чего должны возникнуть межличностные эмоциональные связи и положительная индивидуальная оценка всей группы.

Реализация этих положений неминуемо приведет к возникновению искомой сплоченности воспитанников! Что и требовалось доказать.

После тщательной подготовки и анализа всех pro et contra я выдвинул перед ребятами яркую и заманчивую цель – летнее путешествие по Кавказу. И не в какие-нибудь курортные места, а в настоящие горы, туда, где на вершинах не тают снега и ледники спускаются в темную зелень озер, где в прохладных ущельях рекут всклокоченные пеной реки, а нарзан можно пить сколько хочется, черпая его меж красноватых камней. Я расписывал горные красоты с таким упоением, что самому захотелось тут же бросить все и закинуть рюкзак за спину.

– А отдых у моря?! Кто из вас был у моря?

Шестиклассники замороженно смотрели на меня, стараясь понять, шутка это или серьезно.

– Да кто нас пустит в горы, – охладил мои восторги лагерный завхоз Юра Овчинников. – И денег нет.

– Пустят! – уверенно сказал я. – И деньги наскребем. Только... – я удрученно замолчал. – Только с такой успеваемостью, как у нас, разговаривать с Валентиной Ивановной о Кавказе – дело безнадежное.

И тут ребят прорвало. "Подумаешь, успеваемость! – кричали они. – Что мы, хуже других классов учимся? Да если захотим..."

– Вот-вот, – перебил я. – Если захотите. А на другие классы нечего кивать, они в горы не собираются.

Я смотрел на своих воспитанников и хорошо понимал, что творится в душах этих нигде не бывавших и ничего еще не видавших ребят. Только что перед ними раскрыли такую радужную, такую заманчивую цель, а тут – мышка бежала, хвостиком вильнула, яичко упало и разбилось.

– Вот что, – сказал я, – не будем галдеть и не будем торопиться. До конца полугодия остается чуть меньше месяца. Проверьте себя и постарайтесь получить в четверти поменьше троек. В первую очередь это относится... Ну, вы сами знаете, к кому. И тогда мы посмотрим, стоит ли затевать разговоры о Кавказе или все это пустая болтовня. Пусть лучшие ученики помогут двоечникам. А я за это время что-нибудь придумаю – как нам организовать учебу и как избавиться от лентяев, корчащих из себя дураков. Потому что уверен: лентяи среди нас есть, а дураков нет.

Почти ежедневно я так или иначе упоминал о будущем путешествии. То принесу свои старые фотографии с ледниками и снежными вершинами, то цветные

буклеты с видами гор, или заведу разговор об обороне Кавказа в годы войны. Я даже рисовал на доске схему хребтов в районе путешествия и советовался с ребятами, какой маршрут нам лучше избрать. Словом, я вел себя так, будто вопрос о поездке – дело почти решенное, и осталась самая малость: наладить успеваемость.

И лед тронулся! На самоподготовке ребята донимали меня просьбами пострее проверить устные предметы – русский и математику я сбрасывал сильным ученикам, и когда их подшефные благополучно выплывали на уроках, горячо хвалил и тех и других. На переменах ко мне в спортивный зал скатывались заматеревшие двоечники с криками, что они за контрольную получили четыре с минусом, а уж в следующий раз...

В общем, все получалось по науке: стремление к сформированной потребности требовало включения в деятельность, не являющейся предметом потребности! А так как затрата непривычных усилий отвечала функциональным возможностям воспитанников и, как правило, сопровождалась успехом, я посчитал вопрос решенным и приготовился к организации сплоченности.

К концу полугодия мы подошли с результатами значительно лучшими, чем в первой четверти. Правда, троечников меньше не стало, но это были твердые троечники, без дополнительных занятий и натаскиваний.

После зимних каникул я прикнутил к стене разграфленный ватманский лист, где на фоне снежных вершин и под заголовком "В первый раз на Кавказ!" были воткнуты на булавках флажки с фамилиями учеников.

– Мы начинаем путешествие! – объявил я. – Теперь за каждую оценку от трех до пяти вы будете получать соответствующее количество очков. Сколько оценок можно получить за неделю? Семь-восемь. Не будем жадными и остановимся на пяти. Значит, по минимуму можно получить 15 очков. Но это без всякого напряжения. Поэтому условимся: проходной недельный балл – 18 очков. Что это значит? Набрал за день 6 очков – флажок переносится на следующий день, не набрал – стоишь на месте.

– Так ведь могут не спросить, – заволновались ребята.

– Могут. Но пять оценок за неделю каждый непременно получит.

Бывает, за день получают по три оценки. Приплюсуйте их к вчерашним – и тогда перепрыгните не только через день, но и через два дня. – Я дал возможность переварить информацию. – Пойдем дальше. Спустились к субботе. На понедельник переносятся флажки тех, кто набрал 18 очков или больше. Так что при 24 очках окажетесь сразу на вторник. Это понятно? А теперь самое главное. Путешествуем по звеньям, то есть по рядам. Так вот, **ДАВАЙТЕ ДОГОВОРИМСЯ**, что если хотя бы один человек не переступит субботнюю черту, его ждет все звено. Вспомните: в походах темп движения строится по слабейшему. На маршруте таких разгружают, и здесь тоже отстающему надо помочь. Ну, а дальше все просто: в горы пойдут те, кто к 15 мая окажется за красной линией внизу. Кому непонятно, задавайте вопросы.

Вопросы посыпались, словно осенние листья в лесу.

Первым, конечно же, вскинул руку Витя Сурков, тот самый, что провел дружескую беседу с комсомольской комиссией в лагере.

– Я в горы не поеду – буду в деревне бабушке помогать. Должен я участвовать в соревновании?

– По-моему, должен. Хотя бы для того, чтобы проверить свои силы. Да тебе и беспокоиться нечего, все равно ты войдешь в первую пятерку.

Витя почесал свой лисий носик:

– Тогда я хочу спросить вот о чем. Если двоечник будет застревать на каждой неделе, все звено из-за него не поедет? Это неправильно.

– Теоретически так может случиться, а на практике – вряд ли. Посчитайте, сколько комбинаций может быть, чтобы набрать 18 очков в неделю: две пятерки и две четверки – это для сильнейших. Три четверки и две тройки могут получить практически все. А для тех, кто пока плетется в хвосте, реально заработать за неделю хотя бы две четверки и дотянуть до 18 очков тройками. Разумеется, двойки к очкам не приплюсовываются. Но я уверен, что скоро мы будем учиться лучше. Тем более что в каждом звене возьмут шефство над отстающими.

– Все равно неправильно, – упрямо сказал Сурков, – Один может подвести всех.

– А если кто-нибудь заболел и пропустит неделю, как тогда? – спросили ребята.

- Будем ставить его флажок на ту неделю, с которой он присупил к занятиям.

- Значит, болеть выгодно, - подсчитал кто-то. - Отставал, отставал, а тут раз - и вместе со всеми!

- Чего там выгодно! Поставить его неделей выше - и все дела.

Это уже начиналось серьезное обсуждение условий соревнования. Ребята уточняли детали, чтобы все было по справедливости, а я гнул свою линию, убеждая, что на Кавказ поедут все желающие, надо только немного подтянуть отстающих. Мы начали распределять, кто и кому будет помогать в своих звеньях, но когда дошла очередь до одного из слабейших учеников, он сказал, что ему помогать не надо.

- Думаешь, справишься один? - спросил я.

- Нет, - угрюмо ответил мальчишка. - Просто я никуда не поеду и в соревновании участвовать не буду.

- Почему?

- Не хочу подводить товарищей.

Сказано это было с такой болью, что первый червячок сомнения в правильности наглядного разделения класса на способных и неспособных зашевелился во мне.

- Ты не прав, - сказал я. - Нам без тебя будет трудно в горах. Все знают, что в походах ты работаешь больше и лучше многих. А как ты помогаешь на маршруте девочкам! Нет, без тебя мы просто не сможем обойтись. Правда, девочки?

Девчонки запищали, зазвенели своими голосками, а начальник Штаба лагеря Лена Гусева положила мальчишке руку на плечо:

- Ты, Мишка, не дури. Я из тебя хорошиста сделаю, увидишь!

Протрубили трубы, загремели литавры, развернулись знамена, и мы двинулись в свой нелегкий поход.

Через две недели завуч спросила:

- Что вы там сделали с классом? В журнале почти нет двоек.

Я коротко рассказал.

- Вообще-то соревнование по успеваемости не приветствуется, - сказала завуч. - Но результаты, как говорится, на лице.

Учителя говорили, что на уроках ребята прямо рвутся к доске, а при хороших оценках слабым ученикам даже аплодируют.

Я и сам видел, что учеба перестала быть личным делом - в каждом звене помогали друг другу, а с теми, кто не успевал приготовить уроки в установленный срок, занимались и после самоподготовки. И что важно: вчерашние лентяи не старались улизнуть с дополнительных занятий и парились еще минут сорок вместе со своими терпеливыми шефами.

- Ну что же ты третий раз на одной и той же строчке спотыкаешься! - удивляется Лена Гусева и передает подопечному басни Крылова. - Прочти внимательно. А теперь вслух и с выражением.

Лена чуть раскачивается в такт стихам, руками и мимикой показывает, как это надо - с выражением.

- Опять забубнил, - огорчается она. - И что ты, Мишка, на потолке ищешь? Смотри лучше в мои прекрасные глаза!

- Очень ты мне нужна, - смущается Мишка. - Ладно, давай в последний раз, а то мне в мастерскую слесарить надо.

На следующий день, в начале самоподготовки, Лена торжественно оповещает меня, что Мишка получил по литературе пятерку. Я выражаю предельное восхищение, а ребята аплодируют и кричат, что к концу года у нас появится новый отличник.

- Он хоть поблагодарил тебя?

- Ага, - кивает Гусева, - поблагодарил. Так по плечу треснул, что я аж присела.

Целый месяц три звена шли единым фронтом, штурмом беря одну неделю за другой. Вечерами мы подсчитывали с Леной наши победы, а тех, кто мог задерживать движение вперед, точнее, вниз, к субботней черте, брали под особый контроль. Часто подсаживались к нам старые лагерные волки - Сурков с Овчинниковым и будущий отличник Мишка. Я спрашивал ребят, не выдохнемся ли до конца четверти, и Овчинников бросал свое любимое словечко:

- Сдюжим!

Но тут, где-то в начале марта, затормозились сразу два звена. Да не

из-за одного, а из-за нескольких человек! Я бросил на подмогу лучших учеников класса, строй флажков выравнился, но к следующей субботе – снова остановка, и теперь уже трех звеньев.

Что-то у нас начало разлаживаться. Один из шефов вдруг заявил, что отказывается заниматься с товарищем, который вместо того, чтобы шевелить мозгами, постоянно ждет его помощи. Другие молчали, но я видел, что их подопечные тоже стоят им поперек горла. Эти недавние двоечники, уверовав, что им всегда и во всем помогут, вспомнили о прежней вольготной жизни и с какой-то снисходительностью позволяли шефам возиться с собой. Конечно, это раздражало сильных учеников, и, потеряв терпение, они просто отдавали своим подопечным тетради для списывания. Иногда в конце самоподготовки вспыхивали настоящие ссоры, когда один кричал, что все выучил, а другой – что ничего подобного! Я пытался разобраться во всем коллективно, но ничего, кроме взаимных обвинений, не получилось: те, кто рвался вперед, говорили, что их нарочно задерживают на каждой неделе, а недобравшие нужных очков кричали, что все это случайно и они еще покажут себя.

После двух таких общих собраний я не рискнул проводить третье из-за боязни, что ребята открыто начнут враждовать между собой. Лена Гусева и Юра Овчинников сказали, что класс начинает делиться на два лагеря, и те, кто плетется позади, радуются тройкам других учеников.

По счастью, третья четверть заканчивалась, и класс не успел окончательно пересобачиться. Хорошистов у нас прибавилось, а у остальных троек стало меньше. Я надеялся, что после весенних каникул страсти улягутся, и пока ребят не загрузили домашними заданиями, можно будет выравнять строй флажков.

Я собрал всех, кто шел впереди, и просил снова заняться с отстающими, ведь до контрольного срока остается всего полтора месяца. Всего полтора! Но разговор получился каким-то вялым, ребята уже не верили, что можно исправить положение, и мне показалось, что обида на тех, кто срывал горное путешествие, была даже сильнее желания поехать на Кавказ.

– Да ну его, этот Кавказ, – сказал Мишка. – Я, может, и не хочу никуда ехать, но ведь никого не задерживаю, правда?

– Правда, – сказала Лена Гусева. И что ты предлагаешь?

– Морду им набить надо, вот что!

– Первое предложение поступило, – улыбнулся я. – Какие еще будут?

Но ребята угрюмо молчали. Я пытался расшевелить их, убеждая, что ничего еще не потеряно – и когда ребята заговорили, сначала неохотно, а потом горячась и раздражаясь, узнал такое, о чем мне, взрослому человеку и воспитателю, следовало догадаться самому, прежде чем начинать жестокий эксперимент.

Ребята рассказали, что отстающие начали просто издеваться над ними и не хотят заниматься, а я ругаю не этих дураков, а их шефов; что те, кто всех тормозят, поддерживают друг друга и смеются над остальными, говоря, что все равно никакого Кавказа не будет; что у Лены Гусевой подруга в другом звене, и Лена свое звено еще, может быть, вытащит, а там, где подруга, ничего уже не получится. И подруга уже устроила истерику в спальне и тягала двоечницу за волосы. И что Лена без подруги на Кавказ не пойдет, а уедет с ней в деревню.

Юра Овчинников заявил, что Мишка только собирается бить морды, а он, Юра, уже набил, и пусть не думают, что на том кончится – они с Мишкой наведут в своем звене порядок.

Что было делать? Прежде всего я попросил забыть о кулаках и поискать какой-нибудь другой выход. Сплоченности класса все равно не получилось, и только по моей вине. Оставить всех без путешествия – значит перессорить ребят так, что это не забудется и в следующем году. Отказаться от соревнования тоже нельзя: в победителях останутся двоечники. Тогда что же? Решать надо сейчас. Переносить вопрос на начало четверти – все равно что не ставить его: в начавшемся раздразне предложения одной группы будет непременно срывать другая.

Мы так и сяк пересматривали условия соревнования, пока вездесущий Витя Сурков не сказал:

– Мое дело – сторона, я все равно еду к бабушке. А вам надо вот что сделать. Оставьте все как есть, но скажите, что с 15 апреля каждый двигается сам по себе. Кто хочет, пусть просит помощи, а кто не хочет – не надо.

- А дальше? - спросила Гусева.

- А что дальше? В горы пойдут те, кто 15 мая окажется за красной линией. Третью четверть мы всех тащили? А теперь один месяц пусть каждый поработает на себя. Это будет правильно.

- Неправильно, - сказал я. - При таком условии половина класса дома останется. А мы заинтересованы...

- Это вы заинтересованы, - перебил Мишка. - Мы что, мешали кому-то идти с нами? Ничего, кто хочет - догонит.

- Мишка прав, - Гусева раскрыла тетрадь со своими пометками. -

Смотрите: пока набирается команда из 11 человек. Когда скажем о новом условии, увидите - добавятся еще двое или трое. А остальные - хоть по-старому, хоть по-новому - все равно никуда не пойдут.

- Что, они такие уж безнадежные? - я попытался найти еще какой-нибудь вариант, чтобы дать возможность отстающим перебраться через заветную линию.

- Не безнадежные, а лодыри! - сказал Овчинников. - Задарма они бы пошли, а тут башкой думать надо. Вы посмотрите, кто всех тормозит - те же, кто и в спальне убирается шалей-валяй, и в столовой. Думаете, в походе они лучше будут?

- Ну, ты о самых отъявленных говоришь, - я показал на флажки. - А тут еще резерв человек в десять...

- Так кто им мешает? - Овчинников подошел к стенду. - Смотрите: вот, вот и вот - эти всего на неделю отстают, а эти на две. Захотят - сдуют.

Мы проговорили долго и приняли предложение Суркова.

Когда ребята собрались после каникул, я рассказал о нашем решении, предупредив, что обсуждать его не будем.

- Это нечестно! - зашумели те, которым уже ничего не светило.

- Честно, честно! - закричали те, у кого появилась надежда.

Я не позволил разгореться новой ссоре, но видел, что многие остались недовольны: одно дело, когда в горы никто не пойдет - все-таки не так обидно. И другое, когда пойдут избранные.

- Вы нарочно так сделали, - сказала девочка, отстающая на две недели. - Раньше надо было предупредить. А теперь поедут только ваши любимчики.

- Какие любимчики?! О чем ты?

- Ни о чем! Я все знаю! - зло сказала девочка и, не дослушав меня, выбежала из класса.

Последняя четверть была для меня мучительной. Те, кто уверенно приближался к 15 мая, радовались успехам догонявших товарищей, другие тоже радовались, но тогда, когда кто-нибудь срывался и не переходил на следующий день.

- Не догонишь, не догонишь,

Посреди реки утонешь! - распевали они новую дразнилку и разбегались, когда к ним медленно подходили - руки в карманах - Юрка Овчинников и Мишка.

Меня уже мало волновали результаты последней четверти. Все, что я успел сделать за два года работы с классом, рухнуло за несколько месяцев, и рухнуло с таким треском, что восстановить утраченное было невозможно. Мальчишки как-то быстро успокоились: нет похода - и не надо. После нашего туристского лагеря поедут в обычный пионерский - там тоже совсем неплохо.

Зато девочки смотрели на меня с открытой враждебностью, не отвечали на вопросы, только при крайней нужде цедили "Да" или "Нет" и тут же поворачивались спиной. Выдержать такое было очень нелегко, и Лена Гусева, не только начальник Штаба лагеря, но и командир будущего похода, как могла успокаивала меня.

В горы набралась команда из 16 человек. Пятеро ребят заранее предупредили, что на Кавказ поехать не смогут - значит, за бортом оказалось восемь неудачников. Я было заикнулся, не взять ли их тоже, но ребята наотрез отказались. И не только потому, что были недополучены нужные очки, а потому, что это были их враги, которые смеялись над догонявшими и распевали разные дразнилки.

Я не хочу подробно анализировать причины случившегося -

это увело бы в сторону от разговора. Достаточно открыть работы по психологии личности и социальной психологии, как многие вопросы отпадут. Я внимательно читал о детерминантах активности, о целенаправленном привлечении и притяжении к деятельности, о внутренних затрудненных условиях поведения, о редукции отрицательной модальности, но читал, как теперь понимаю, не так и

не с той стороны. Внешняя правильность моих рассуждений не учитывала побочных моментов, а они-то как раз и стали главенствовать в отношениях между ребятами и по отношению к цели, которую я поставил перед ними.

Из педагогического дневника:

" 17 мая 1961 г.

Мой теоретический багаж, скорее всего, достаточен для осмысливания крупных блоков деятельности, которой занимаюсь. И совершенно непригоден для тех нюансов, тех кирпичиков, из которых складывается целое. То, что произошло с классом, - не организационная, а психолого-педагогическая ошибка. Я рассматривал класс как коллектив - и не более того. А то, что в этом коллективе есть не только Гусева, Сурков и Овчинников, учитывалось вторым параграфом. Отсюда не только общая цель, но и общие требования при движении к ней. Отсюда организация взаимозависимости, когда невиновный отвечает за виновного. Флотская команда "Поворот все вдруг!" стала превалирующей, а то, что "все вдруг" может далеко не каждый, опускалось за незначительностью. Даже при индивидуальном соревновании конфликты в группе, особенно детской, более чем вероятны: отстающие начнут завидовать товарищам и постепенно найдут средства, как эту зависть опредметить. А дальше - консолидация по враждующим микрогруппам и деление класса на чистых и нечистых. Все это можно было предусмотреть...

... Соревнования по жизненно значимым моментам внутри одной группы недопустимы. Ни между звеньями, ни между спальнями, ни между отдельными людьми. Соревнование всегда предполагает победителей и побежденных, а таких в одной группе не должно быть. В ситуативных мероприятиях можно соревноваться сколько угодно - подвижные и спортивные игры, эстафеты - звено на звено, команда на команду. Проиграли, выиграли - оторчились, порадовались - и до следующей встречи!

Можно соревноваться индивидуально: настольный теннис, шахматы, бег, лыжи, викторины - результат тот же. Но выдвигать перед всей группой значимую цель, достижение которой связано с наличием у ее членов определенных и далеко не равных качеств, ни в коем случае нельзя. Я взял за критерий учебу. А почему не токарное мастерство? Или швейное? А еще лучше - бег по пересеченной местности. По крайней мере, он полезней для горного путешествия, чем знание басен Крылова. Вместо того чтобы мучить слабых учеников непривычными нагрузками, выставляя перед всем классом их несостоятельность, надо было просто помогать им. Я нахватался каких-то теоретических знаний и не смог правильно распорядиться ими. Ведь сформированная у детей потребность, лежащая в районе средней перспективы (Кавказ), позволяла заниматься с отстающими без сопротивления с их стороны. Им надо было только помочь (целенаправленное привлечение, преодоление внутренних затрудненных условий поведения). А я своими экспериментами поставил их в положение изгоев, всталовил против них вчерашних товарищей. Какого же результата, кроме того, что получился, можно было еще ожидать?

... А сплочение класса и улучшение успеваемости надо было организовать так:

1. На Кавказ едут все желающие.
2. Каждый ученик берет обязательство закончить четверть с определенными оценками.
3. Обеспечивается помощь слабым ученикам со стороны товарищей и воспитателя. Хвалить отстающих за малейший успех.
4. Обязательства контролируются еженедельно и только внутри звена. Никаких негативных последствий для не выполнивших обязательства, кроме группового обсуждения, не должно быть.
5. Сплоченность достигается за счет единства цели и подготовки к ее достижению: технические умения, физические качества, краеведческая работа, ремонт снаряжения - там, где нужно - по сводным отрядам и без всякой оглядки на успеваемость.
6. Различные дежурства - сводными отрядами и под руководством дежкома.
7. Участие в интернатских мероприятиях - под руководством назначенных ребят.
8. Успеваемость достигается за счет нежелания отстающих быть постоянно под прицелом негативной общественной оценки и закрепляется одобрением всей группы.

Больше ничего не надо!"

Сейчас, по истечении многих лет, я бы подписался под этими строчками, может быть, что-то добавив и чуть изменив формулировки.

Мы выехали на Западный Кавказ, в Теберду, сделали несколько радиальных выходов в горы, перешли в Домбай и через Клухорский перевал спустились в Сухуми. Конечно, все поражало ребят – и горы, и море. Но для меня путешествие было нерадостным. То и дело вспыхивали какие-то мелкие ссоры, пустяковые обиды, и самое неприятное – появились маленькие группки, почти не общавшиеся между собой. Посторонний человек, скорее всего, ничего бы и не заметил. Дежурства проходили нормально, на маршруте ребята помогали отстающим, вечерами долго и с удовольствием пели у костра. Но не было того оптимистического тона, который звенел в нашем туристском лагере, не было шуток и дружеских подначиваний, потому что в ответ на шутку можно было услышать что-то раздраженно-презрительное, и Лена Гусева шепотом рассказала мне, что две девочки плакали в палатке и хотят поскорее вернуться домой. Не думаю, что это были только плоды моего дурацкого соревнования, хотя кто знает. Погоня за очками вымотала ребят. Правда, после окончания учебного года прошло больше месяца, все вроде бы должно забыться, утрястись. Но, возможно, тогдашняя недоброжелательность к тем, кто едва не сорвал путешествие, все же сохранилась. Во всяком случае, сплоченности группе она не прибавила.

Кроме того, многие ребята уставали на маршруте – и опять же по моей вине: дополнительных занятий по физической подготовке в учебном году и в лагере не проводилось. А когда человек изо дня в день устает, ему уже не до шуток и не до дружеского общения.

Конечно, не все было так плохо. Ребята слушали мои рассказы о взметнувшихся перед ними вершинах и о том, что находится по другую сторону хребтов. Я давал время для рисования, и девочки обещали, что в интернате они переведут свои рисунки в краски и развернут целую картинную галерею.

Несколько дней на привалах вся группа отрешенно смотрела вдаль и склонялась над тетрадками – это ребята проверяли свои литературные способности. Есть в Домбае вершина под названием Сулахат, очень напоминающая лежащую на спине женщину. Я рассказал легенду о злом волшебнике, полюбившем красавицу Сулахат. Девушка бежала от него в горы и прилегла отдохнуть на гребне хребта. И злой волшебник, видя, что не сможет догнать Сулахат, превратил ее в камень.

Я предложил желающим написать об этом, но не как школьное изложение, а что-то вроде красивой сказки, пофантазировав и добавив свое. Возможно мне, преподавателю физкультуры, не следовало вторгаться в чужую епархию, но ведь литератора с нами не было, а мой помощник – учительница математики – трудилась вместе с ребятами. Мне приносили смятые тетрадки – чаще всего шедевров не получалось, и я как мог объяснял почему. Никто не обижался на замечания, но зато были споры с поисками новых слов и созвучий, и даже те, кто напрочь отказался от литературной славы, приходили на творческие семинары и предлагали что-то свое.

Когда закатное солнце окрасило алым снега на вершинах гор и мягкие сумерки спустились в долину, я прочел вслух несколько ребячьих работ. Мы по-доброму обсудили их, и я взял последнюю тетрадь.

– Прошел день и еще половина, – чуть нарапев, чтобы сохранить дух горной легенды читал я. – Прохладный ветер разбросал волосы Сулахат и высушил слезы на прекрасном лице...

... "Вот он, гребень хребта, а позади – никого, а там, по другую сторону и далеко внизу, за темным лесом и белой полоской реки, живут сильные и красивые люди – они примут и защитят меня", – думала Сулахат.

Ребята слушали так, будто сами не писали об этом. Ритмичные волны строк делали легенду какой-то новой, совсем не похожей на ту, которую рассказывал я.

– ... И легла Сулахат отдохнуть на холодные камни. Вечерний туман, клубясь, потянулся в ущелья, и первые звезды несмело и неярко замерцали над ней.

Я перевернул страницу и тихо закончил:

– Так и осталась лежать на горе красавица Сулахат, глядя в небо каменными глазами.

Ребята молчали. Таинственная сила слова объединила таких разных и часто

недружных тринадцатилетних людей – я никогда не понимал, почему и как это происходит, но знал, что в эти короткие минуты ребята становятся лучше и добрее.

– Хорошо! – сказал Мишка и удивленно посмотрел на девчонку, сотворившую маленькое чудо. – Как это у тебя получилось?

И все удивленно смотрели на девочку, обычно раздражительную и грубоватую, которую не каждый мальчишка в классе рискнул бы задеть. А девочка ломала тоненький прутик и растерянно улыбалась...

Мы вернулись домой, ребята разъехались кто куда, и собрались в интернате только в сентябре. Никто не вспоминал о конфликтах прошлого года, но я чувствовал, что какие-то нити между мной и воспитанниками оборвались навсегда. Скоро в интернат пришла новая учительница, и меня спросили, не соглашусь ли передать ей свой класс. Работа в спортзале и выездные соревнования требовали все больше времени. Я согласился, сожалея и радуясь, потому что для многих ребят стал чужим, а без взаимной любви в нашем ремесле ничего сделать нельзя.

Потом у меня были еще неудачи, но такого провала, как этот, который я сотворил своими руками и с самыми благими намерениями, уже не было никогда.

Однажды ко мне на урок зашла Элеонора Самсоновна Кузнецова, доцент педагогического института, руководившая у нас студенческой практикой. Несколько раз мы беседовали о разных вещах, но все это так, мимоходом. Полная и очень энергичная женщина, она молча наблюдала за акробатикой мальшей, а когда прозвенел звонок и зал опустел, сказала:

– Я присматриваюсь к вам целый месяц и знаю вас лучше, чем вы меня. Ближе мы познакомимся потом. Я ничего не понимаю в физкультуре, но вижу, что дети аккуратно одеты, у всех одинаковая форма и что занимаются они с удовольствием. Будем считать, что на этом преамбула закончилась. Я предлагаю вам читать курс педагогики в группах историко-литературного факультета. Как вы на это посмотрите?

– Но я никогда не читал лекции студентам...

– Все мы когда-то и что-то не делали, – оборвала меня Элеонора Самсоновна. – Так как же?

– Но я даже не знаком с программой...

– А вам и не надо с ней знакомиться. Для начала возьмем тему "Воспитательная работа в туризме и краеведении". Это, надеюсь, вам знакомо? Ну и чудесно. Программу составите сами и можете мне ее не показывать. Через две недели приступайте к занятиям. Желаю успеха!

Через две недели разъяренная Элеонора Самсоновна ворвалась в спортивный зал:

– Это что за фокусы?! Почему вы не явились на лекции?

– Простите, но мы ни о чем конкретно не договаривались... Ни о расписании, ни о группах...

– А вам нужны дипломатические договоры с подписанием протоколов на уровне правительства? – Элеонора Самсоновна тяжело опустилась на стул. – Послушайте, молодой человек, раз я сказала через две недели, то это не через две недели и два дня!

Вы что, рассчитывали, что расписание вам курьер принесет? Я, между прочим, вполне заметная женщина и бываю в интернате три раза в неделю, могли бы потрудиться подняться на этажи и выяснить, что там для вас неясно. У вас свободный день в четверг? Значит, в четверг и отправляйтесь на лекции. И чтобы такие разговоры у нас не повторялись. Всего хорошего!

Так я взобрался на кафедру в педагогическом институте, а Элеонора Самсоновна стала моим добрым гением на многие годы. С ее подачи я начал выступать на различных педагогических конференциях, вплоть до всероссийских, бывал на ее домашних педагогических средах, где познакомился с людьми, о которых только читал в газетах; она пригласила меня в авторский коллектив, работавший над новым учебником педагогики, и вела по тропам нашей профессии строго, не делая скидок на мое неумение и постоянную занятость. Когда я вошел в зрелый возраст, я тоже начал помогать студентам и молодым учителям, и на моих домашних посиделках собирался народ, вплотную рассаживаясь на полу, потому что стульев и табуреток на всех не хватало. Я не пытался сравнивать наши занятия с тем, что делала Элеонора Самсоновна – не тот уровень и не тот масштаб, – но сколько ее учеников продолжают собирать вокруг себя молодежь! А это и есть преемственность поколений – незримая

цепочка, имеющая начало и не имеющая конца.

* ЧАСТЬ ВТОРАЯ *

Разновозрастной отряд

Прошел еще год работы в интернате, и нас предупредили, что он последний - здание передается детскому дому. И когда начали трудоустраивать учителей, мне позвонил Михаил Владимирович Кабатченко, о котором я уже упоминал и обещал рассказать подробнее.

Мы познакомились в первый день моего прихода в интернат. Михаил Владимирович и Сергей Михалович Голицын только вернулись с воспитанниками из путешествия по Ярославской области и теперь отчитывались перед Валентиной Ивановной о всяких приключениях в пути. Через два года вышла книга "Сорок изыскателей", а пока Михаил Владимирович громыхал на весь директорский кабинет:

- Я работал как вол, а наш глубокочтимый писатель возился с бумажками, зарабатывая себе всесоюзную славу! - Михаил Владимирович влюбленно смотрел на Голицына и раскатисто хохотал, как это может делать очень уверенный в себе человек.

С первых же минут я позавидовал его шумной раскованности, веселости, какой-то внутренней силе: я никогда не умел так держаться даже с очень небольшим начальством, а тут передо мной сидел человек, не умеющий быть ведомым - прирожденный лидер так и выпирал из него. Высокий и атлетичный, с глазами чуть навывкате, он сразу притягивал к себе, но, как я потом увидел встать вровень с ним удавалось немногим. По крайней мере, из тех, кого я знал.

Мне дали пятый класс, а Михаил Владимирович руководил седьмым. Мы были ровесниками, скоро подружились и перешли на "ты". Я любовался его работой и не скрывал этого. Блестящий педагог с великолепным даром убеждения, Михаил Владимирович был кумиром воспитанников. Со стороны его работа казалась естественной и легкой, и хотя в долгих вечерних беседах Михаил Владимирович азартно обосновывал свое педагогическое кредо, я понимал, что талант его - от Бога и потому неповторим. Эти вечерние бдения были полезны обоим. Мы определяли побудители активности личности, искали перспективные линии развития коллектива в конкретных условиях, оттачивали теоретические формулировки. Видимо, в каких-то вопросах я был в то время подкован получше, но его цепкий ум сразу же ухватывал проблему, дробил на части и раскрывал с самой неожиданной для меня стороны.

Кабатченко не признавал дилетантизма в работе, считая, что каждое действие воспитателя, если оно логически обоснованно, должно приводить к запланированному результату. Мне это не казалось абсолютным, и я ссылался на американских социологов, обобщивших наиболее типичные внешние признаки (атрибуты) руководителя, позволяющие ему, при прочих данных, рассчитывать на успех. Сюда входили возрастные и антропологические показатели, манера поведения и речи, стиль одежды. Большинство параметров были буквально списаны с Михаила Владимировича и, к сожалению, никак не подходили ко мне. Михаил Владимирович соглашался, что внешние данные педагога могут играть значительную роль, и что молоденькая учительница, используя влюбленность класса, порой достигает известных результатов, практически не утруждая себя. Но строить на этом всю работу нельзя, поскольку такая ситуация непредсказуема и непрочна. Отсутствие внешних данных должно компенсироваться знаниями и умениями педагога и, конечно же, организаторскими способностями. Все это А. С. Макаренко определял как мастерство.

- Если человек с педагогическим дипломом, - жестко заканчивал тираду Михаил Владимирович, - не овладеет через пять-шесть лет основами мастерства, он должен оставить работу с детьми.

Как-то Михаил Владимирович заметил:

- Я думаю, что воспитателя можно определить по очень простому признаку: кто к кому бежит - он к детям или дети к нему.

Излишне говорить, что Кабатченко был ортодоксальным приверженцем идей А. С. Макаренко, и за год до закрытия нашего интерната, получив директорство

в только что отстроенной школе-интернате No 40, одним из первых в бывшем СССР ввел там разновозрастную систему, где класс рассматривался как учебная мастерская, а вся жизнь воспитанников проходила в отрядах с возрастными рамками от 9 до 18 лет.

Вот в этот, всего год проработавший интернат, и пригласил меня Михаил Владимирович: воспитателем ли, преподавателем физкультуры или то и другое вместе - на выбор.

Предстояло совершенно новое дело. По моей просьбе я был назначен воспитателем отряда, прочно занимавшего в интернатском соревновании последнее место. Итоги соревнования подводились еженедельно, и победивший за полугодие отряд награждался поездкой в Ленинград.

Система соревнования переводила в очки всю деятельность воспитанников: учебную, трудовую, культурную, спортивную и т. д. Причем не имело значения из каких достижений складывается сумма очков - важно, чтобы она была наибольшей. При таком раскладе и слабый ученик за свои трудовые подвиги мог притащить отряду столько очков, сколько не снилось и отличнику.

Я сразу увидел разницу между своим неумным экспериментом в шестом классе и нынешним соревнованием, которое проводилось между отрядами, а не внутри их. Соревнование исключало деление воспитанников на способных и неспособных: каждый член отряда мог бросить на алтарь победы личный вклад в меру своих возможностей, а пассивность отдельных ребят должна покрываться творческим напряжением всего первичного коллектива. Если такой коллектив будет создан. Этим я и предполагал заняться в своем отряде.

Встретили меня новые воспитанники сдержанно - я бы сказал с холодком. За год у них сменились два воспитателя; что ж, теперь будет третий - без разницы. Чужие хмурые лица старших ребят, равнодушные - малышей. Чтобы по первости было на кого опереться, я взял к себе трех девочек из закрывшегося интерната, и среди них, к великому моему счастью, теперь уже восьмиклассницу Лену Гусеву.

Одним из первых вопросов, который я задал своим новым воспитанникам, был такой:

- В Ленинград поедет один из отрядов. Объясните, почему это должен быть не наш. Объясните как можете, я пойму.

Ребята начали говорить о плохой учебе, о грязи в спальнях и в отрядной комнате, о нарушении режимных моментов, но видя, что слушаю их невнимательно, стушевались и замолчали.

- Все это чепуха, - сказал я. - Все это чепуха, потому что исправимо. В Ленинград поедем мы. А так как мы едем в Ленинград, неподготовленным людям там делать нечего. Мы начинаем изучать историю живописи и архитектуры. Это во-первых. Старшие должны уметь фотографировать. Это во-вторых. И в-третьих - пока в-третьих - вы должны научиться правильно говорить, потому что слушать вас тошно. Мы организуем занятия по риторике, будем становиться Цицеронами. И еще. Уборкой я заниматься не буду, мне неинтересно. За чистоту отвечаете вы. Работу организуем в парах с младшими. На малышей не орать и не шелкать их - вот за этим я прослежу лично.

Через пару дней воспитанники 8-10 классов собрались на первое занятие по истории живописи, а еще через день мы заперлись с ними в фотолаборатории.

- А кто будет следить в это время за младшими? - спросил я.

И тогда у нас получилась такая картина: с малышами - их было четверо - на прогулку отправлялись воспитанники 5-6 классов.

Они же вели кружок "Умелые руки" - что-то там вырезали, вышивали и клеили. Авиамодельным кружком для 5-6 классов руководил семиклассник. Швейным делом с девочками 6-8 классов занималась девятиклассница. На мою долю осталось всего ничего: занятия философией, историей искусств, риторикой, фото, гимнастикой и, конечно же, туризмом.

Скоро мы начали занимать первые места по различным видам соревнования, а в ноябре окончательно и с большим отрывом от остальных отрядов вышли в лидеры.

Группировавшиеся вокруг меня старшие ребята, для которых Ленинград стал желанной и, главное, реальной целью, отвечали за все дела в отряде, и это ни у кого не вызвало ни сомнений, ни

споров - на то они и старшие. Но и остальные, начиная с четвертого класса, постоянно меняли свои роли, становясь, в зависимости от ситуаций, ведомыми или ведущими. Мы ввели должность дежурного командира, и я

договорился со старшими о безусловном подчинении ему.

- Вы взрослые люди, и вас не убудет, если какая-нибудь кнопка скажет, что кровать застелена небрежно или коридор плохо вымыт, - говорил я. - Эти глазастые девчонки видят лучше нас, мужиков. И первое место за чистоту обеспечат нам именно малыши. Поэтому не спорьте с ними и следите, чтобы не спорили

другие.

Семнадцатилетним девушкам и юношам ничего не надо было долго объяснять. Малыши оказались полностью защищенными не только у себя в отряде, но и в интернате - со здоровяками-десятиклассниками ни у кого не было охоты связываться. Так макаренковский принцип взаимоотношения старших и младших получил у нас предметное воплощение, причем на таком высоком уровне, которого я даже не ожидал.

Хуже обстояло дело с учебой. С малышами мы разобрались быстро: каждую возрастную группу курировали воспитанники двумя классами выше. Сложнее было со старшими. Несколько человек настолько отвыкли учиться, что с превеликим трудом наверстывали упущенное. Между тем каждая двойка снимала с отряда 50 очков, и я представлял, каково было авторитетнейшим старшеклассникам выслушивать на ежевечерних собраниях, что их учеба зачеркивает все наши дневные достижения. Такие собрания-отчеты за прожитый день я считал крайне важными. Одно дело - когда мы видим на стенде соревнования, что за чистоту в спальнях нам поставлена тройка. Остается только принять к сведению. За что тройка, за какую именно спальню, кто виноват - неизвестно: санитарная комиссия проводит обход во время уроков, когда в жилых корпусах никого нет. А к собранию отряда дежком непременно все выяснит, и тогда можно поднять старосту спальни и спросить: как это он не заметил пыли на подокояниках или смятых подушек. Проверяли нас, постоянных лидеров, сверхстроого. Попробуй небрежно бросить в тумбочку книгу - сразу замечание. Книги должны лежать у стенки стопочкой. Книги отдельно, тетради отдельно. А в ящичке - туалетные принадлежности, и тоже не вразброс.

Собственно, никто не устанавливал, что, где и как должно лежать. Просто отмечали: в тумбочке беспорядок. И сразу галочка. Несколько галочек - получайте тройку. Поэтому и полотенца мы вешали на спинки кроватей по линейке, и подушки девочки научили мальчишек взбивать особым способом. Обычно никаких предложений наказать провинившихся на собраниях не было, но даже четверка по санитарии воспринималась как провал. Ребята не делали разницы между малышами и старшими: нет пятерки, значит, виноват - десять очков потеряно. Говорили об этом резко, с настоящей обидой за отряд. После одного такого обсуждения Лена Гусева подошла ко мне:

- Если бы я знала, что меня поднимут на общем собрании, я бы сбежала домой. Пусть лучше потом к директору, чем стоять перед ребятами.

Единственное, на что мы пока смотрели сквозь пальцы, - это на учебу старших. Пахали они по-черному, но ведь нельзя за месяц или два наверстать то, что упущено в прошлые годы. Я ободрял ребят, но они говорили, что дело не только в учебе, а в том, что им неловко распекать за двойки других - получается, что на чужом горбу в Ленинград поедут.

Однажды я подсмотрел такую сценку.

На коленях у командира отряда покойно устроился один из малышей.

- Толик, - нежно ворковал командир, - ты же умный мальчик, ты же можешь помочь всему отряду. Давай я с тобой позанимаюсь, а ты на каждом уроке поднимай руку. Четыре урока - это же четыре пятерки. Сколько это будет очков? Правильно, двести. Разве я могу столько заработать? Ты знаешь, какая программа в десятом классе? Ого!

И малыши таскали в отряд победные очки, восхищая старших воспитанников.

С великовозрастными неучами пришлось заниматься мне, хотя мои школьные знания по математике выветрились основательно. Мы совместно продирались сквозь математические дебри, споря и подтрунивая друг над другом, но все-таки двигались вперед. Для себя я запомнил, что незачем казаться энциклопедистом во всех областях, и что пробелы в собственном образовании можно тоже использовать: втолковывая мне математические премудрости, старшеклассники сами усваивали их.

Мысль Яна Амоса Каменского о том, что для прочного усвоения знаний надо найти слушателя даже за деньги, прилась здесь как нельзя кстати. В дальнейшем, уже в туризме, я требовал от ребят, усвоивших какие-то

технические приемы, учить этому новичков, и польза от такой учебы была обобщенной.

Меня не тревожило, что борьба за оценки на уроках, за чистоту и примерное поведение на самом деле была только погоней за победными очками, открывавшими путь в Ленинград. Пусть для начала это будет ведущим мотивом, раз другого у нас не было. Ребята преспокойно могли жить и в небуманных спальнях, и учиться как уж там выйдет. Но Ленинград манил своими дворцами и музеями – здесь уж я постарался, – и ради этой поездки стоило попотеть. Ну и конечно, то, что с последнего места мы за один месяц перескочили на первое, тоже нельзя сбрасывать со счета. Гордость за свои дела – не такое уж плохое качество, если есть чем гордиться по-настоящему.

Когда в интернат зашла бывшая воспитательница отряда, пятиклассник бросился к ней с криком:

– А мы теперь на первом месте!

Не "Здравствуйте!", не "Вы будете у нас работать?", а "Мы на первом месте!" И эту появившуюся гордость за отряд я мысленно записал в свой актив.

Погоня за очками иногда приобретала самые невероятные формы. На собрании командир отряда сообщает, что по его подсчетам за неделю мы окажемся на втором или даже на третьем месте – перебор с двойками, а тут еще наш третьеклассник неся по коридору, кого-то сшиб и врезался в старшую воспитательницу, вот ему и навесили сотню штрафных очков. А до подведения недельных итогов остается два дня. Как исправлять положение? И мы договариваемся с завхозом – и ночью перекладываем метров пять выбитого кафеля в коридоре на подходе к столовой. Ночью же наша умница-десятиклассница срочно готовит доклад для какой-то коференции, добивается выхода на сцену – и мы снова впереди.

Постепенно я начал замечать, что мои скромные познания в области педагогики и социальной психологии реализуются на практике. Отдельные моменты жизни отряда можно было хоть и с небольшими погрешностями, но прогнозировать.

Как и ожидал, борьба за поездку в Ленинград, оставаясь целью нашей работы, перестала требовать чрезмерных усилий: вопрос о поездке был решен – никто догнать нас в соревновании уже не мог. Но жизнь в отряде не затихала. Я не говорю о рабочих моментах, таких, как дежурство по столовой или уборка помещений – это выполнялось в полуавтоматическом режиме, а в оборудованную нами отрядную комнату в стиле "интернатский модерн" водили все заезжие делегации. Я говорю о досуге ребят, об их учебе и главное – о взаимоотношениях. Возрастные рамки в отряде как бы раздвинулись. Теперь не только семиклассники свободно общались со старшими ребятами – это было понятно: у них появились общие дела. Но и малыши не боялись тормозить семнадцатилетних, чтобы те поиграли с ними. А ведь совсем недавно третьеклассники на всякий случай уступали дорогу старшим ребятам, опасаясь получить хотя и незлобивый, но ощутимый тычок. Я видел, что взрослым парням нравилось возиться с малышами. Возможно, впервые старшие почувствовали свою нужность этим несмышленьшам, влюбленно крутившимся у их ног. Чуть грубоватая забота о младших напоминала отношения в семье.

– А ну, бегом к умывальнику – посмотри, на что у тебя руки похожи!

– Завяжи шнурок, а то грохнешься, возись потом с тобой!

– Настя, пришей ты этому лапоухому пуговицу, он же ее к вечеру потеряет!

Малыши даже начали терять чувство меры, нагтели и приставали к старшим в самое неподходящее время – во время приготовления домашних заданий или наших философских бесед. Одно время у малышни появилось что-то вроде новой игры: они прятались возле коридорной двери, ожидая прихода своих шефов с уроков, и с визгом повисали у них на спинах. Так и шли здоровенные парни к своим спальням с подпрыгивающими за плечами седоками. А я отворачивался, чтобы никто не видел моего идиотски счастливого лица...

Наши авиамодели и змеи кружились над интернатом, фотоработы украшали холлы, а вышивки – спальню комнаты. На занятия по истории живописи и философского кружка приходили старшеклассники из других отрядов, и дежурные воспитатели, устав ругать, за долгие сидения после отбоя, махнули на нас рукой. Иногда на наши занятия приходил Михаил Владимирович и тут же включался в дискуссии, громогласно отстаивая свою правоту. Когда на шум снова прибежала дежурная воспитательница, Михаил Владимирович с дурашливой

серьезностью пресекал ее возмущение, прикладывая

палец к губам и тарашил глаза – не мешайте, у нас тут важное дело! Дежурная улыбалась: обижаться на директора, вдруг становившегося большим ребенком, было невозможно.

– А как же с макаренковскими принципами точности и определенности в режиме? – ехидно спрашивал я, когда мы оставались одни.

Непробиваемый Михаил Владимирович разваливался в кресле и довольно хохотал:

– Знаешь, кто ты есть? Ты самый настоящий начетчик! Посмотри у Макаренко в пятом томе – там после этих принципов оговорены исключения!

– Оговорены! – не сдаюсь я.

– А мы их тоже оговорим, – смется Кабатченко. – Завтра же скажу, что воспитатели могут заниматься после отбоя со старшими. Думаешь, таких много найдется? – Михаил Владимирович становится серьезным. – Режим – не самоцель, и нарушать его так приятно. Если для пользы дела, конечно.

"Польза дела" у Кабатченко могла быть своеобразной.

Он мог заглянуть в класс до прихода учительницы:

– У вас какой урок?

– Геометрия, – отвечают семиклассники.

– Ребята, у меня свободный час. Погода хорошая, айда в футбол погоняем. Только бегом и на цыпочках, чтобы не застучали. А девчонки – болеть!

Минут через десять на площадку прибегает взволнованная учительница и видит директора в закатанных брюках и майке, выделывающего финты в куче ребят.

– Михаил Владимирович! Я вас обыскала, у меня урок сейчас!

– А-а, – огорчается Кабатченко, – что вы мне под ногу кричите! Из-за вас такой мяч потерял!

– Урок у меня!

– Ну и отдыхайте, раз нет урока! – кричит Кабатченко. Он отбивает мяч головой, перебегает на дальний край поля, принимает пас, обводит одного защитника, отталкивает другого и бьет мимо ворот. – Не мешайте работать! – кричит он издали.

Смеются ребята, смеется учительница – что взять с такого директора!

– Все! – смотрит на часы Михаил Владимирович. Конец! Быстро сполоснуться – и в класс! А ты, – он щелкает мальчишку по носу, – если будешь лягаться, я тебе в следующий раз две ноги отобью!

Оба хохочут, и мальчишка бросается догонять ребят.

После обеда вместо прогулки футболисты и болельщики собираются в классе. Михаил Владимирович – в белой рубашке и при галстук.

– Какая у вас тема сегодня? Так. Что ж, начнем.

Михаил Владимирович – историк по специальности – ведет урок геометрии свободно, будто ничем иным никогда и не занимался.

После урока он остается в классе и ждет, пока ребята выполнят домашнее задание, которое он получил от учительницы еще на перемене. Ну, и кто после этого бросит в нашего директора камень?

Мы часто засиживались с Михаилом Владимировичем после отбоя.

– Тут ведь какая штука, – устало откинувшись в кресле и вытянув большие ноги, рассуждал он. – У ребят не очень радостные судьбы, а мы их постоянно заталкиваем в монотонный режим. Понимаешь – изо дня в день, изо дня в день одно и то же! Подъем по горну, уборка, потом уроки от звонка до звонка. Даже в столовую надо приходиться в точное время. И вот так – одиннадцать лет! Ты бы смог выдержать?

– А как иначе?

– Никак, – вздыхает Кабатченко. – Иначе никак не получается.

Он грохает кулаком по подлокотнику кресла и хватается за ушибленную руку:

А, черт! Так надо же дать ребятам выбраться из этого одуряющего однообразия! Парню хочется дочитать книгу, а его усаживают готовить уроки. Да знаю, знаю! – останавливает меня Кабатченко. – Режим приучает к точности, к ответственности, к этому... Ну, подскажи – забыл.

– Это все из области ля-ля, – говорю я. – У тебя есть какие-то предложения?

– Нет. Нету у меня никаких предложений. Но уверен: в каких-то моментах режим может нарушаться. Да не кивай ты на свой лагерь! – взрывается он.

"Режим дня не меняется ни при каких условиях"! Подумаешь! Там совсем другое дело. Вы за счет режима увеличиваете свободное время ребят. Свободное! Когда каждый занимается чем хочет. А здесь... - Кабатченко замолкает и осторожно стучит кулаком по креслу. - Вот я прихожу на ваши занятия по философии. А почему? Потому что в спорах ребята орут на меня. На меня, на директора! Я же нарочно их завожу.

А когда я сдаюсь и поднимаю руки - в радость им это или нет?

В радость. И черт с ним, с режимом! А на футболе? Были бы у них отцы, они бы с ними играли. А здесь из воспитательниц дамский батальон сколотить можно. Кто с пацанами будет гонять?

- В футбол можно и во время прогулки, - говорю я.

- Можно. Но не так интересно, - Михаил Владимирович устало потягивается. - Интернат не должен становиться казармой, вот о чем надо подумать.

- Ловлю на слове. У меня есть кое-какие наметки. Но это уже со второго полугодия.

- Ну-ну, - Михаил Владимирович поднимается. - Уже час. Здесь ночевать будешь?

- Здесь.

- Давай.

Михаил Владимирович уходит в свою квартиру при интернате, а я - к себе в закуток возле отрядной комнаты.

До конца полугодия оставался месяц. К этому времени я несколько ослабил вожжи, позволяя старшим воспитанникам самостоятельно распоряжаться своим временем и готовить уроки, когда сочтут нужным.

Персональный контроль за учебой начал сменяться контролем общественной оценки: получать двойки стало зазорно. И еще я поставил перед старшими новую цель - готовиться к поступлению в институты, о чем никто из них не думал, рассчитывая отсидеться в интернате до дня выпуска.

Поначалу это вызвало даже не недоверие, а возмущение.

- Кто нас примет?! - истерично кричал командир отряда Саша Салазкин. - Рассказываете тоже! Что не знаете, везде и все по блату, а мы...

- Ты еще рубашку на себе порви, - подсказал я. - Хватит! И нечего козырять - мы безотцовщина, мы такие, мы сякие! Ах, запугал. Я тоже рос без родителей - ну, чем вы можете меня удивить? А теперь слушайте. Вам повезло, что учитесь в нашем интернате. То что обуты, одеты, накормлены - это само собой.

Но вам здесь предоставлена полная свобода. Цыц! - оборвал я чей-то смехок. - Полная свобода планировать свободное от уроков время. А как вы используете его? Шатаетесь без толку с этажа на этаж, девчонки по часу судачат в спальнях. А потом бьете себя в грудь - мы, мы! Мы интернатские, мы обездоленные! Вот я сейчас разрыдаюсь.

И мы договорились: я приношу программы вступительных экзаменов в институты, и десятиклассники занимаются по ним до одурения. Естественно, кто хочет. Но свободное время надо будет подсократить.

- В школах выпускники сидят в библиотеках до закрытия и жертвуют многим. А у вас еще одиннадцатый класс впереди. Успеем.

- А как же наши кружки и все остальное?

- Ничего не отменяется. Ложитесь часов в двенадцать, вот вам и лишние полтора часа.

- Так ведь спать хочется.

- Ну, мало ли!

Забегая вперед, скажу, что трое из четверых наших первых выпускников в институты поступили. Не на дневные, а как и рассчитывали - на вечерние отделения.

Так, начав борьбу за поездку в Ленинград, мы пришли к положению, когда многие наши дела, и в первую очередь учеба, сделались самооценными и не особенно нуждались во внешнем поддержании. Получилось прямо по науке: целенаправленное привлечение трансформировалось в целенаправленное притяжение.

Неделю мы провели в Ленинграде. Посещение по одному разу Эрмитажа и Русского музея, как указывалось в путевке, нас не устраивало, и ребята на другой день, после экскурсионной программы, снова занимали очередь в кассы.

Интернатские занятия по истории живописи не пропали даром: ребята издали узнавали знакомые полотна и подолгу стояли возле них, сравнивая с репродукциями в нашей отрядной комнате.

- Это поздний Дега, - объяснял мне шестиклассник, как только мы входили в новый зал.

- По-моему, ранний, - нерешительно говорил я.

- Да что вы, конечно, поздний, - упорствовал свежее испеченный знаток живописи и обращался за поддержкой к товарищам.

- Тебя разыгрывают, - улыбались старшие и поднимали за спиной пацана большие пальцы: мол, знай наших!

- Разыграешь меня, как же! - довольно говорил шестиклассник. - А давайте еще на Рембрандта сходим. Там знаете как старик написан!

На улицах мы останавливались возле прекрасных зданий и спорили об архитектурных стилях. А старая наша игра - определять ордера колон по базам и капителям - уже не получалась: ребята сразу говорили - это дорический, это ионический, а вон коринфский ордер.

Зато у нас появилась другая игра. Я рассчитывал занять ею 6-8 классы, но к нам тут же пристроились старшие, и после ужина около часа мы проводили в ожесточенных спорах.

- Сегодня мы отправляемся из Москвы в Хабаровск, - объявляю я. - Самолет отменяется. Идем по крупным городам, без всяких там железных дорог.

- Я высыпаю на стол конфеты "Снежок". - Начали!

- Горький! - тут же кричит кто-то.

- Бери конфету, - говорю я. - Дальше.

- Казань!

- Конфету.

- Куйбышев!

- Получишь фантик.

Старшие делают вид, что их путешествие не интересует, но долго не выдерживают.

- Челябинск, - равнодушно говорит командир отряда.

- Спорно, но можно допустить, - я покачиваю перед носом командира конфеткой. - Точнее было бы Свердловск. Ну что, путешественники, подкормим начальство?

- Подкормим! - кричат ребята.

- Получай! Дальше!

Еще в Москве я по линейке промерил с десятков маршрутов и теперь пользуюсь шпаргалкой, но ребятам ни за какие коврижки ее не показываю.

- Новосибирск!

- Правильно! Дальше!

А дальше народ безмолствует.

- Приехали, - злорадствую я и демонстративно сую конфету в рот. - Вкусно!

Старшие сбиваются в кучку и начинают бурное совещание.

Ого, уже образовались две команды! Малыши пуляют все, что придет в голову:

- Алма-Ата!

- Мимо!

- Ташкент!

Я берусь за вторую конфету.

- Может быть, Иркутск? - неуверенно говорят старшие.

- Правильно! Ну, еще два города. За каждый по три конфеты!

- Владивосток! - кричат малыши, - Якутск! Магадан!

- За казенный счет туда поедете! - смеются старшие. Но сами они тоже выдохлись. Я набавляю цену:

- Четыре конфеты! Пять! Пять конфет хотя бы за один город!

Нет, больше никто не помнит. И когда я называю Читу и Благовещенск, старшие хватаются за головы.

Сначала мы путешествовали по Союзу, а потом перешли на дальние страны. В мальчишечей спальне игра продолжалась даже в постелях.

- Давайте, - предложил я, - чтобы скорее уснуть, каждый самостоятельно отправится в какой-нибудь город. Предположим, в Дели. Договорились? Поехали. Спокойной ночи!

Около часа меня разбудил пятиклассник.

- Что случилось?

- Ничего. А в Дели с какого вокзала? ..

После Ленинграда мы повесили в отрядной комнате политическую карту мира, и игра продолжалась еще несколько месяцев. Теперь маршруты разрабатывали сами ребята, и часто малыши сажали в лужу и старших, и меня. Потом мы изменили игру и начали спрашивать, какие страны лежат на экваторе в Южной Америке или с какими государствами граничит Иран.

Так, начав в Ленинграде свои незамысловатые путешествия, ребята все лучше знакомились с картой.

Все свои тощие сбережения воспитанники растрачивали на книги, даже малыши жалели деньги на дешевые леденцы. Мне пришлось напомнить, что надо привести какие-нибудь сувениры домашним. Ужасно, но я не мог сказать - родителям: большинство ребят жили только с мамами или у дальних родственников...

Во втором полугодии интернатское соревнование продолжалось - теперь все боролись за поездку на теплоходе по Волге. Но нам это было ни к чему: еще в ноябре мы начали подготовку к путешествию по Южному Уралу, создав для этого небольшую туристскую группу. В том, 1963 году, выводя в походы по 10-12 человек, я, конечно, не думал, не предполагал во что превратится эта группа через несколько лет - просто мы решили, что путешествие по тайге интересней парашютной экскурсии. Поэтому мы договорились с Михаилом Владимировичем, что если снова займем первое место, на теплоходе с другим отрядом поедут наши третьи классы и те, кто не пойдет на Урал. А то, что мы будем победителями, в отряде не сомневались - редко в какую неделю мы оказывались не впереди.

Но однажды мы откатились по санитарии даже на четвертое место.

Вечером я молча сидел в старинном, с высокой прямой спинкой кресле, притасенном специально для меня ребятами с какой-то свалки. Все ждали, что я скажу, и когда начнем вытряхивать душу из дежурного командира и старост спален. Но говорить было не о чем - четвертого места у нас не было давно, и все, что надо сказать, было уже сказано тогда.

- Разбирайтесь сами, - сказал я и ушел в свою каморку.

Через неделю командир отряда принес с общей линейки очерелные выпела победителей. Выложив их передо мной, он взял выпел по санитарии и насмерть приколотил его к дверям спальни.

- Все. Так он у нас до конца года провисит!

Больше я чистотой в отрядных помещениях не занимался.

То, что мы постоянно были впереди, радовало меня и отряд, но не Михаила Владимировича.

Как-то после отбоя я заглянул в директорский кабинет. Михаил Владимирович и Людмила Яковлевна Новикова - бывшая пионервожатая, а ныне учительница математики и старшая воспитательница, просматривали результаты соревнования за неделю.

- Легок на помине, - сказал Михаил Владимирович. - Садись.

Мы с Люсей тут потолковали и решили тебя в соревновании немного притормозить.

- Это как?

- Придумаем как, - хмыкнул Кабатченко. - Но на первом месте ты больше не будешь!

- Почему?

- Да потому, что из-за тебя соревнование дышит на ладан! - озлился Михаил Владимирович. - Отряды перестают бороться, раз победитель известен заранее.

- Пусть подтягиваются.

- Не понимаю, он действительно тупица или только прикидывается, - повернулся Кабатченко к Людмиле Яковлевне. - Пойми ты, движение вперед будет, только когда большинство отрядов идут почти вровень, когда у каждого есть возможность вырваться в лидеры! Я не упрекну отряд, идущий последним, если от первого его отделяет допустимое количество очков. Последним ведь кто-то должен быть. Но это не значит - худшим!

- А знаете, друзья, - сказал я, - такой разговор уже был.

- Когда? - удивился Михаил Владимирович.

- Да не с вами, умниками. Еще в том интернате ко мне заехала директор

детской туристской станции. Не участвуйте, говорит, больше в городских слетах, а то из-за вас никакой борьбы не получается. А мы вам почетный кубок приподнесем. Я успокоил ее, сказав, что мы закрываемся. Так она хоть кубок предлагала, а вы что нам подарите?

Кабатченко весело перемигнулся с Людмилой Яковлевной:

- А вот это уже деловой разговор. И мы подарим, не беспокойся.

Для начала возьмешь в отряд Рыкова. Чем не подарочек?

Эти злодеи обо всем договорились заранее, и я не стал спорить. Тем более что Михаил Владимирович был прав - к соревнованию начал пропадать интерес, и только два отряда еще пытались догнать нас.

- Это еще не все, - сказала Людмила Яковлевна. - Мы забираем у вас Моисеенкова.

- Да вы что?! - возмутился я. - Витьку не отдам! Он отрядный завхоз, какого поискать - раз. Я его планирую завхозом в Штаб туризма - два...

- И будет командиром девятого отряда - три, - рассмеялся Кабатченко. - Ты поднял пацана - спасибо. Что ж тебе, орден за это? За полгода пусть немного подтянет отряд, а в восьмом классе из него такой командир получится!

- Как хотите, а Витьку не отдам!

- Еще как отдашь! - грохнул по столу кулаком Михаил Владимирович. - Он же должен расти. А у вас ему выше завхоза хода нет.

- Да вы хоть соображаете, что делаете?!

Ладно, - рассмеялся Кабатченко и повернулся к Людмиле Яковлевне. - Давай сегодня на этом закончим, а то его кондрашка хватит. Поставь чайник.

На отрядном собрании я передал просьбу директора, сказав, что полностью согласен с ним.

- Конечно, жалко отдавать Маиса, но в девятом полный развал. А кто должен помочь, если не мы? Разумеется, Моисеенков остается в нашем отряде, будем считать, что он в командировке. И пусть не сомневается - во всем будем ему помогать.

- А Витька согласен?

- Согласен. Мы уже поговорили.

Мы перенесли вещи Моисеенкова в другой отряд, а его место в спальне занял Сережа Рыков, тоже семиклассник и авторитетнейший в интернате двоечник.

Михаил Владимирович слов на ветер не бросал. Прошло две недели, и нам дали теперь уже шестиклассника-переростка, да не какого-нибудь, а самого Толю Калякина! Это был подарочек!

Учиться Калякин не хотел по принципиальным соображениям:

- А на кой мне? Что я, в академики, что ли, лезу?

- В академики не обязательно. Но девять классов надо закончить.

- Ха! Перекантуюсь у вас, а там на работу. Еще больше вас всех, больно ученых, загребать буду.

Толю побаивались ребята и постарше его. И не только потому, что мог звездануть между глаз. Были и другие причины.

Играют ребята в футбол. Калякин бьет, вратарь ловит.

- Ну, гад, погоди! - говорит Калякин.

С вечерней прогулки вратарь приходит с расквашенным носом и синяком под глазом. Рубашка в крови.

- Что случилось?

- Так...

Ребята рассказывают, что на вратаря налетело несколько незнакомых парней, повалили и начали бить ногами. Пока сбегали за старшими, те смылись. А Толя стоял рядом и ухмылялся.

Калякина, естественно, к директору.

- Твоя работа?! - нависает над ним Михаил Владимирович, и глаза бешеные.

А Калякин, чуть скособочась, руки в карманы и носочком так по коврику:

- А вы докажите.

Идет "Огонек" в отряде, где тогда подвизался Толя. Мы - гости. Вдруг гаснет свет. Выглядываем в коридор - никого. Включаем свет, а через минуту он снова гаснет. Выглядываем - никого. У дверей становится восьмиклассник. Снова гаснет свет, восьмиклассник тут же выглядывает и хватается за руку Толю.

- Ну зачем ты? - говорит восьмиклассник. - Лучше заходи, послушаешь.

- Еще чего! - Калякин вырывает руку. - А ты, гад, смотри!

Следующим вечером восьмиклассника приводят к директору с разбитой головой.

Михаил Владимирович прячет за спину свои кулачища:

- Что теперь скажешь? - спрашивает он Калякина.

Толя - в своей обычной позе, и снова носочком по коврику:

- А вы докажете.

- Я его когда-нибудь убью! - шипит Михаил Владимирович, когда мы остаемся одни. - Сяду, но убью. Увидишь!

Невероятно, но у Калякина был высокий покровитель - сама Людмила Яковлевна Новикова, старший воспитатель! Она свято верила, что Толю можно исправить, что этот, в общем, неплохой мальчик озлоблен на весь мир, потому что с детства лишен домашнего тепла.

Мы с Михаилом Владимировичем откровенно хохотали над ее рассуждениями, но уж такая была наша Людмила Яковлевна, что если втемяшится ей что-нибудь в голову, то переубедить ее - только время терять.

Вечерами она приглашала Толю в свой кабинет, занималась с ним математикой и вела душевительные разговоры под чаек с печеньем. Толя снисходил до таких приглашений, но, как бы это помягче сказать - чихал он на все эти дополнительные занятия и разговоры за жизнь.

Когда Новикова подарила ему на день рождения часы, он вышел из кабинета и, показывая подарок ребятам, громко сказал:

- Вот дура!

Теперь Толю отдали в наш отряд со строгим наказом перевоспитать его.

Хорошая у нас началась жизнь! Наши новые товарищи, Рыков и Калякин, ежедневно принесли за учебу не меньше двухсот штрафных очков. Мы перекрасили ночью плитку на кухне, в другой раз вставили разбитые стекла в коридоре, но разве сможешь этим! Одна неделя - второе место по учебе, потом - третье. Кабатченко и Новикова довольно улыбались, а я сатанел.

Ну, Сережа Рыков хоть стеснялся своих двоек и добросовестно отработывал их на ином поприще. А Калякин просто сбегал с самоподготовки, и я посылал старших разыскивать его по трем интернатским корпусам.

Ежедневно я помогал Сереже готовить домашние задания - это была поразительная запущенность. Ни складывать, ни вычитать он толком не умел, не говоря уже о более сложных арифметических действиях. Но он старался. И когда через месяц Сережа принес первую четверку, отряд торжественно и даже в стихах поздравил его.

Зато Калякину можно было кол на голове тесать.

- Давай проверю алгебру, - предлагает одноклассник.

- А в морду хочешь?

Однажды застаю Толю, хлюпающего носом в коридоре.

- Ты что? - спрашиваю.

- А чего он...

- Кто - он?

- Командир ваш, Салазкин... Сильный, да?

Иду к Салазкину:

- Что там у вас с Калякиным произошло?

- Мало я ему, подлецу, съездил.

- Может быть, все-таки объяснишь?

- Так понимаете, он дежурный по коридору. Я ему раз сказал, чтоб вымыл пол, два сказал, а он - "Сейчас, сейчас". Я ушел на уроки, а он - не знаю куда. Только пол за него другие вымыли. Ладно. А после обеда захожу в спальню прямо перед санитарным обходом, а этот ваш Калякин...

- Наш, - поправляю я.

- Хорошо, наш. Так он по кроватям прыгает и подушки ногой сшибает. Ну, я и врезал... Позвал девчонок, и пока комиссия их спальни проверяла, они у ребят порядок навели. Едва успели.

Что можно сказать Салазкину? Что надо было провести с Толей разъяснительную беседу? Так глупо же.

- Не знаю, командир, не знаю. Знаю только, что битые - не метод.

Слушай, а может, ты все-таки извинишься перед ним...

- За что? - изумился Салазкин.

- Не знаю, за что. Но человек же он...

На вечернем собрании Салазкин сказал:

- Ты, Калякин, извини, что я тебе врезал. Извини... Но ты все-таки

подлец.

А вот еще.

Заканчивается отрядное собрание. И тут малыш, покойно устроившийся на коленях Салазкина, тыкает в сторону Калякина пальцем:

- Он опять сегодня по кроватям бегал.

- Ну, гад, - приподнялся Калякин.

- Сидеть! - резко сказала Лена Гусева.

- Что, опять морду бить будете?

- Да нет, - спокойно сказал Салазкин, - морду бить не будем. Но ты его, пожалуйста, даже случайно не задень.

А малыш сидел на коленях у командира и поглядывал в окно, словно все это несколько его не касалось.

Калякин понимал, что никакие уличные друзья ему не помогут: наши старшекласники могли сами навешать кому угодно. Приходилось подчиняться. Но как был он чужим в отряде, так и остался до самого своего исключения из интерната. Случилось это через год.

Перед ужином Михаил Владимирович проходил по застекленному переходу. И тут сквозь брызнувшее стекло над головой директора пролетел кусок кирпича. Кабатченко оглянулся и при свете фонаря увидел убегающего за угол Толю Калякина.

- А вы докажите, - нагло улыбался Калякин, когда его вызвали на Совет командиров.

- Так я же тебя сам видел!

- А вы докажите.

- Что будем делать? - спросил Михаил Владимирович.

И тут понеслось:

- Исключить! - сказали командиры. - Хватит! Сколько с ним можно возиться!

- Как это - исключить? - Кабатченко, всегда сидевший на Совете в углу кабинета, встал и перешел к своему столу. - Вы думаете, что говорите? Куда он денется?

- В школу пойдет или в ПТУ, - сказали командиры. - А на следующий год, если одумается, пусть приходит. Тогда и поговорим.

Кабатченко и я пытались урезонить ребят, но ничего не получилось.

- Будем голосовать, - сказала председатель Совета.

Я на Совете командиров голоса не имел, да это ничего б не решило. Михаил Владимирович остался в меньшинстве, и как он утрясал вопрос с районным начальством, не знаю, но Калякин из интерната ушел. Людмила Яковлевна в это время была в загранкомандировке и перед отъездом умоляла нас проследить за Толей, чтобы он чего не натворил. Мы обещали, но ...

Через несколько лет нам сказали, что он ограбил таксиста и получил срок. А потом Людмила Яковлевна встретила его уже взрослого. Разговор не клеился, но Толя благодарил Новикову за все доброе, что она делала для него. Больше о Калякине я ничего не слышал.

Из педагогического дневника:

" 4 мая 1966 года.

Кто виноват, что Калякина исключили? По нашей педагогической логике, конечно, я - его воспитатель. Но почему, разве я мало с ним возился? Или виноват только потому, что не сумел сделать то, что мне по должности полагается уметь? Но я не умею, не научился. Я действительно не знаю, как быть с такими, как Калякин! В прошлом году в Прибалтике он в троллейбусе, на глазах вежливых рижан, саданул кулаком по лицу одноклассника. Вечером у костра мы хором втолковывали ему, что драться - ах, как нехорошо. А Толя сидел на пеньке и ухмылялся:

- А вы отправьте меня домой.

Людмила Яковлевна чуть ли не на коленях умоляла Толю поехать с нами, а он кочевряжился - чего я там не видел!

А теперь он смотрит на Новикову и ухмыляется.

Я прокручиваю два года жизни Калякина в нашем отряде - нет, ничего иного, чем то, что делал индивидуально и через коллектив, придумать не могу. Но ведь если нет результата, значит, где-то допущена ошибка. Но где?.."

Потом у меня случались еще неудачи, когда не мог довести человека до ума. Но там я хотя бы находил причины, видел недоработку, а Толя Калякин так и остался для меня загадкой, тем педагогическим браком, который, наверное,

бывает у каждого, кто занимается нашим ремеслом.

"Дети" и "взрослые"

А пока только начался 1964 год. Несмотря на происки Кабатченко и Новиковой, отряд снова шел впереди и не уступал первого места никому в дальнейшем. Михаил Владимирович уговорил двух наших девушек перейти в отряд, наступавший нам на пятки – был в интернате такой Юрьев день, когда разрешалось менять отряды, – а нам подкинул пятиклассника с пушистым хвостом приводов в милицию. Подкинул и через неделю сказал:

- Хватит, переборщили. Больше никого не дадим. Живите спокойно.

Но жить спокойно мы не хотели. Я напомнил Михаилу Владимировичу наш разговор о нарушениях режима и сказал, что буду водить ребят по музеям и театрам вместо самоподготовки. Ожидая возражений, я приготовил сокрушительные аргументы, но директор, не дослушав, спокойно сказал:

- Что ж, води, если надо.

Кабатченко умел схватывать идею на лету!

Теперь разика два в месяц я занимал очередь на какую-нибудь выставку, звонил в интернат и просил к телефону командира.

- Саша, я возле Пушкинского музея. Знаешь где?

- Знаю.

- Вези всех, начиная с пятого класса. Через час жду.

После выставки мы не торопясь гуляли по вечерней Москве. Однажды мы остановились возле ограды Александровского сада.

Тихо падал крупный снег, чуть серебрясь у неярких фонарей.

Тяжелая кремлевская стена притемняла дальнюю часть сада, и только внизу под нами высвечивалась безлюдная аллея с редкими скамейками у припущенных снегом деревьев.

- Посмотрите, – сказал кто-то. – Если бы на скамейке сидела девушка в короткой шубке, опираясь рукой о скамейку – помните, как у Беклемишева – и еще чтобы негромкая музыка...

- Какая? – тихо спросил я.

Ребята долго молчали.

- Может быть, "Сентиментальный вальс"?.. И назвать это...

- Не надо названия. Здесь для каждого свое...

- А если назвать "Состояние"?

Даже негромкие реплики нарушали тончайшую атмосферу непонятной печали. Ребята почувствовали это и снова замолчали надолго.

Только у входа в метро я спросил, знают ли они, с чем повстречались.

- С чем? – не поняли ребята.

- С прекрасным. Такие встречи не часты, их надо сохранять в душе и в памяти.

С той поры у нас повелось:

- Готовьтесь, – говорил я. – Через неделю мы идем на "Лебединое озеро". Будет встреча с Прекрасным.

Потом, когда мы начали ездить в горы, ребята останавливались перед панорамой снежных вершин и говорили: "Еще одна встреча..."

За оставленных в интернате малышей мы не беспокоились.

Знали – уроки будут приготовлены и перепроверены, и на полдник малыши пойдут самостоятельно, и замечаний от дежурного воспитателя не получат. Такое доверие малыши ценили и одергивали друг друга: Виктору Яковлевичу попадет, если что!

Кстати, меня в этот год перестали называть Виктором Яковлевичем, а постепенно и осторожно перешли на "Вэ-Я".

Это прозвище почему-то прилипло ко мне на всю жизнь. Зато других кличек я никогда не имел.

После ужина и оставленного нам полдника старшие садились за уроки, и никаких проблем из-за нарушения режима не возникало. Но мне нужно было дать ребятам еще большую самостоятельность.

- Слушай, – сказал я Михаилу Владимировичу, – хотелось бы пойти с ребятами в поход в учебный день.

- Рехнулся?

- Ты послушай. В каждом классе из нашего отряда – по два-три человека. Какая беда, если они пропустят уроки? А вечером они возьмут домашние задания у товарищей и все выполнят. Гарантирую.

Михаил Владимирович молчал, и я начал тихонечко давить на него:

- Представляешь, какая ответственность ложится на малышей - весь день провести одним и без всяких замечаний. А старшие? Им ведь надо после похода готовить уроки. А они нашагались, надышались, им спать хочется. Вот тебе и дополнительный тренаж на пересиливание себя.

- А в воскресенье пойти в поход никак нельзя?

- Можно, но так интересней, - напомнил я Михаилу Владимировичу наш разговор о нарушениях режима. - И кроме того, надо же ребятам побывать в воскресенье дома и отдохнуть от надоевшего меня.

- Михаил Владимирович расмеялся:

- У вас получаются нарушения режима как система, а соблюдение его как частность! Ты подумал, что скажут учителя?

- Большинство поймет, остальным ты объяснишь. Дело стоящее.

- Хорошо, - сказал Михаил Владимирович. - Быть по сему! Но только раз в месяц, а еще лучше в два.

Мы уже начали подготовку к путешествию по Южному Уралу и потому не только отмеряли километры на лыжах. Еще в походах первого полугодия заработали группы краеведов, топографов, геологов, синоптиков и ориентировщиков. Ребята переходили из одной группы в другую, пока не находили то, что им больше по вкусу. Теперь у нас появились хорошие специалисты во многих областях. После каждого похода составлялся сводный отчет с картой маршрута, с указанием азимутов, мест для отдыха и краеведческими описаниями.

Отчеты хранились в Штабе туризма и краеведения - специально выделенной нам большой комнате, - и теперь любой отряд, собираясь в поход, пользовался ими и получал у дежурного консультанта нужную информацию.

Штаб туризма был нашей гордостью. Мы оборудовали его так, что знакомство с интернатом всех делегаций, своих и иностранных, начиналось только с него. Стенды по туристской технике и с туристскими советами, фотоотчеты, карта Подмосковья с маршрутами походов занимали все стены. А между стендами - грамоты, вымпела и кубки за победы в различных соревнованиях. Ответственный за кабинет Витя Моисеенков, а попросту Маис, уже серьезно поглядывал на потолок, примериваясь, нельзя ли разместить грамоты и на нем. На каждого члена нашего отряда была заведена специальная карточка с указанием маршрутов и пройденных километров. По этой картотеке оформлялись значки "Турист СССР" и спортивные разряды. Скоро к нам начали приходить воспитанники из других отрядов - и так, неожиданно для меня, образовалась туристская секция. Новички сразу приняли стиль отношений, сложившийся в нашем отряде: никаких покрякиваний на младших, полное подчинение дежкому, помощь уставшим. О такой группе я мечтал в своих первых выходах со школьниками. Конечно, гладко не все получалось, но я видел, какие возможности таятся в разновозрастном туристском коллективе, и неизбежные на первых порах огрехи воспринимал достаточно спокойно. Как и в интернате, старшие - а это девятые, десятые, а через год и одиннадцатые классы - задавали тон в походах, и попробуй теперь послушаться дежкома-пятиклассника, когда за ним вся мощь и авторитет старших ребят. И никаких проблем с установкой лагеря: в каждой палатке рядом с малышами - ребята по 16-17 лет.

Уютней стало и у нашего костра. Ни визга, ни толкотни. Старшие рассаживают малышей между собой, и теперь они не мешают негромкой беседе и охотно поют со всеми туристские песни. Оказалось, что в походах можно не поднимать темы, которые скучны малышам. Я пересказываю новеллу Цвейга об ошибке маршала Груши, и четвертые классы слушают с не меньшим интересом, чем старшие. Или стихи К. Симонова. Здесь только разный уровень восприятия. Но я чередую симоновскую лирику со стихами военных лет и люблю внимательными лицами малышей.

Хотели того старшие или нет, но они вынуждены играть роли старших. На привалах они затевали возню с младшими, в палатках укладывали их по центру, согревая своими телами, водили умыться к реке. Я видел, как девушки слюнявят платочки и вытирают сажу с лиц малышей, что-то поправляют в их одежде или просят снять ботинки и щупают, сухие ли носки.

Там, где позволяет дорога, малыши всегда рядом со старшими: идут, держась за руки, и серьезно беседуют о чем-то.

Вторые и третьи классы оставались на время походов в интернате под присмотром одного из старших ребят. Придавленные грузом доверия, малыши

демонстрировали чудеса ответственности: спальни и отрядная комната блистали чистотой, и уроки приготавливались сверхстарательно. Кроме того, малыши знали, что с туристов причитается: на следующий после похода день старшие организовывали им катание на специально сколоченных огромных санях.

Как раз в это время в педагогических журналах развернулась дискуссия о целесообразности разновозрастных групп. Было у них много противников, упиравших на несовместимость интересов школьников 12 и 17 лет и на то, что старшие непременно будут эксплуатировать малышей.

Доказательность этих статей была невелика, создавалось впечатление, что авторы никогда не работали со смешанными группами или, потерпев неудачу, не искали ее причин.

Сторонники же разновозрастных объединений ссылались на собственный опыт и опыт А. С. Макаренко; но так получилось, что дискуссия постепенно заглохла, не дав никаких результатов.

О разновозрастных группах в туризме речь, сколько помню, вообще не шла. Только через много лет появились диссертационные исследования, обосновывающие эффективность совместного выхода на маршруты младших и старших школьников. Мне казалось, что достаточно взглянуть на нашу туристскую группу, как всякие сомнения в ее полезности отпадут. Я не учитывал, что мне тут же укажут на возможность единичных случаев, которые нельзя обобщать. Например, на удачный подбор ребят или на влияние личных качеств руководителя.

С личными качествами, как я уже говорил, у меня всегда были напряженные отношения. Понимая, что педагог должен обладать определенной волей, организаторскими способностями и профессиональными знаниями, я не ощущал в себе этого в избытке. Если что-то мне и удавалось, то прежде всего потому, что я научился соединять теоретический багаж с практикой, научился просчитывать последствия своих деяний. К сильным своим сторонам я относил умение убеждать ребят и ставить перед ними заманчивые цели, достижение которых требовало самодисциплины, хорошей учебы, деловых и дружеских связей. Но ведь это умеет делать практически каждый учитель! Следовательно, речь должна идти не столько о личных качествах руководителя, сколько об организации системы его работы, нацеленной на запланированный результат. И вот здесь я и другие сторонники разновозрастных групп часто наталкивались на полнейшее непонимание. Тем более когда речь шла о туристских отрядах.

Сакраментальный вопрос: "а что будет, если..." задавался на всех семинарах и совещаниях:

- А если младшим не под силу проходить столько километров, сколько проходят старшие...

- А если старшие будут помыкать младшими...

- А если старшие научат младших чему-нибудь дурному...

Спорить на таком уровне было бесполезно, и я отвечал:

- А если не научат? А вдруг научат хорошему?

Но этому не верили и потому не принимали всерьез.

По существу, те, кто боялись подпускать старших к младшим, расписывались за брак в собственной работе. Ну, воспитайте старших нормальными людьми - без матерщины в разговоре и без звякающих бутылок в рюкзаках, такими, чтобы были примером для малышей, тогда и не нужно будет возводить между поколениями бетонную стену!

Я уже в то время мог, что называется, навскидку перечислить многие сильные стороны групп разного возраста. Возьмем хотя бы преемственность поколений. Классная руководительница ведет школьников пять-шесть лет. Никто не измерял, сколько труда вложила она в своих питомцев. И вот они уже на выпускном вечере - красивые, культурные, многознающие. Между ними прекрасные отношения, которые сохраняются на годы. Но затихли последние аккорды "Школьного вальса" - и прощай, учительница добрая моя! А ей, доброй учительнице, все начинать сызнова. Снова вокруг нее несмышленишки-четвероклассники, и получится ли с ними так же, как с прошлым выпуском - неизвестно. Это ведь новое поколение, иная возрастная когорта. Здесь и понятия о жизни несколько иные, и другие песни. А те старшие, выпестованные, которые могли бы помочь и передать малышам все лучшее от себя - где они? Да, они не забывают свою "классную" и заглядывают к ней. Но только к ней, а не к ее ученикам - ведь они их не знают!

А в смешанной группе выпускники приходят к своим вчерашним подшефным. У

них есть общие дела и общие интересы. А те, кто занял место старших, готовятся к этому несколько лет, теперь они у руля и на них лежит ответственность за сохранение всего лучшего, что было и есть в группе. Это не значит, что руководитель стоит в стороне и наслаждается своими трудами прошлых лет. Но работа его качественно иная: совершенствование системы, отсекание отжившего, раскрытие новых перспектив.

Я соглашался со своими оппонентами: интернат и школа – вещи разные. Но во внеклассной работе, в том числе и туристской, объединение возрастов и в прикладном, и в нравственном планах

позволяет достигнуть результатов значительно больших, чем в группах одного возраста. В этом я убеждался не единожды, наблюдая за туристскими отрядами на различных соревнованиях и при встречах в пути. Позднее я познакомился с исследованием Е. Дымова о результативности взаимодействия школьников в группах одного и разных возрастов. Эксперименты в лабораторных и естественных условиях показали значительно большую эффективность в деятельности смешанных групп. И обеспечивалось это лидерством старших ребят.

Мне, при подготовке к уральскому путешествию, любые выводы из экспериментов ничего бы не дали: в секции теперь занимались 4-10-е классы, и не взять с собой кого-то по малолетству было бы несправедливо. Старший воспитатель Людмила Яковлевна тоже считала, что отсеивать никого не надо. Формально в маршрутных документах Людмила Яковлевна Новикова числилась помощником руководителя. Но и на Урале, и во многих-многих других путешествиях работа Людмилы Яковлевны не вписывалась ни в какие должностные рамки. Все организационные и хозяйственные вопросы мы решали совместно, и я редко что предпринимал, не посоветовавшись с ней. Единственное, во что Людмила Яковлевна никогда не вмешивалась, – это в обучение ребят туристской технике и в мои распоряжения на маршруте. Так в группе появился второй руководитель, прошагавший рядом со мной около тридцати лет.

На Урал мы выезжали после нашего туристского лагеря, все оборудование которого я перетащил из прежнего интерната в нынешний. Это был мой последний лагерный сезон: налаженная работа могла быть передана другим людям. А я занялся подмосковными походами, подготовкой команд к районным и городским слетам и дальними путешествиями.

Структура лагеря осталась прежней, но теперь отряды были разновозрастные, и командирами в них, естественно, оказались старшие воспитанники. Это значительно облегчило работу руководителей походов. Все-таки в прежнем лагере, при всей организованности туристов из четвертых-пятых классов, они многого не умели, да и многое им было просто не по силам. Завалить сушину или быстро поставить в непогоду палатки – с этим у малышей всегда были трудности. И нести продукты даже на четыре дня они не могли. А теперь в каждом отряде было несколько человек по 15 – 17 лет. У них самые тяжелые рюкзаки, они помогут отстающим, приструнят озорников – в общем, сделают все, как положено взрослым людям.

Но лагерь с разновозрастными отрядами запомнился не только этим.

Мне сказали, что километрах в шести от нас, в деревне Дютково, есть какой-то музей с потрясающим экскурсоводом.

Я привел туда один из отрядов. Нам указали на обычную деревенскую избу с табличкой "Народный музей на общественных началах имени А.П. Чехова, И.И. Левитана и С.И.Танеева". Встречает нас невысокий плотный мужчина, уже в достаточных летах. Застиранная серая рубашка, поношенные брюки – видно, оторвали мы его от огородных дел или строительных работ.

– Павел Федорович Колесов, – представляется он. – Директор, хозяйственник и смотритель всего этого. Проходите, пожалуйста, в дом, осмотритесь, присаживайтесь, а я буду через несколько минут.

Ребята входят в большую комнату и удивленно оглядываются на меня. На бревенчатых стенах – репродукции картин в самодельных рамках, множество переснятых фотографий незнакомых людей, какие-то документы. Такие музеи, и даже побогаче, мы видели во многих школах. Незаметно вошел Павел Федорович в парадном синем костюме и тихо встал у окна. Я прошу ребят рассаживаться по лавкам, потому что сейчас начнется вступительная беседа. Но я ошибся: не было вступительной беседы, а был необыкновенный рассказ влюбленного в свое дело человека.

– Итак, мы находимся в музее имени Чехова, Левитана и Танеева, – голосом доброго сказочника начинает Павел Федорович. И постепенно

раздвигаются стены бревенчатого дома, и перед нами старая Москва с извозчиками, дремлющими под газовыми фонарями. Снег искрится на их черных армяках, фыркают и тихо вздрагивают лошади. Мимо снуют лотошники, гуляет "чистая публика"...

Вместе с Павлом Федоровичем мы идем темными коридорами Строгановского училища, где под лестницей ночует мальчишка Исаак Левитан, потому что в Москве ему жить негде. А вот суровый сторож, - Павел Федорович горбится и берет с подоконника тяжелый подсвечник, - а вот суровый сторож шаркает валенками по паркету. "Исаак", говорит он, заглядывая под лестницу, "а ну выходи!"

Павел Федорович прикрывает свечу рукой, наклоняется - и мы вместе с ним вглядываемся в воображаемую темноту...

... - День, день, день, - Павел Федорович трясет колокольчиком, - это едет к Танею в гости Антон Павлович Чехов...

... Мы входим в торжественный зал московской консерватории, сидим на репетициях Художественного театра, и те, кого мы только видели на портретах - Чайковский, Шаляпин, Саврасов, Станиславский - становятся ближе и понятнее нам...

Не знаю, сколько времени длилось это волшебство. Павел Федорович закрывает глаза, склоняет голову - и мы снова очутились в большой комнате, где на бревенчатых стенах теснятся репродукции в самодельных рамках...

С давних лет скромный бухгалтер Павел Федорович собирал репродукции левитановских картин, а выйдя на пенсию, купил заброшенный дом в деревне, где летом отдыхал Танею, и открыл бесплатный, ни от кого не зависящий музей.

Я начал отправлять к Павлу Федоровичу отряд за отрядом, а после музея ребята брались за лопаты, грабли и молотки - чинили крышу, приводили в порядок участок. Через год на стенде с перечнем друзей музея был вписан и номер нашего интерната, а у меня сохранился пожелтевший от времени документ: приглашение приходить с ребятами в музей без очереди, которая часто выстраивалась вдоль деревенской улицы. Дружба с Павлом Федоровичем Колесовым продолжалась до его кончины. Мы помогали строить большой амбар, торжественно именуемый концертным залом - выступать в нем почитали за честь многие известные музыканты. Павел Федорович бывал у нас в интернате, ездил с ребятами в Ленинград, и тогда не надо было томиться у касс Эрмитажа - директора ленинградского и дюльковского музеев обеспечивали нам зеленую улицу.

У меня всегда был пунктик: отчаянное стремление приобщить ребят к литературе, истории, театру и живописи. Поэтому знакомство с такими людьми как Павел Федорович Колесов и Сергей Михайлович Голицын, я принимал как подарок судьбы. Мне же, дремучему дилетанту, приходилось вертеться. Ночами я готовился к экскурсиям, просматривая альбомы с репродукциями

и перечитывая нужные книги. Обычно я сам вел ребят по музеям, поэтому выглядеть неподготовленным было никак нельзя.

В Третьяковке и в Пушкинском музее мы не только лицезрели картины: по манере письма мы старались определять художественный почерк авторов и спорили, к какому направлению они принадлежат. В лексиконе туристов появились такие слова, как импрессионизм, дадаизм, экспрессионизм. Часто я останавливал ребят и говорил:

- Эту картину вы не видели. Кто автор?

И радовался почти безошибочным ответам: Ренуар, Манэ, Пикассо, Робер...

Когда в походах ребята любовались подмосковными пейзажами, я почти всегда спрашивал:

- Красиво?

- Красиво.

-А почему?

Туристы смотрели сквозь сделанную из пальцев рамку, чтобы найти завершенность сюжета, и говорили об уравновешенности кадра, о переходах цвета, о передних и задних планах. Не думаю, что мы только "поверяли алгеброй гармонию". Ребята учились видеть Прекрасное, видеть то, на что раньше не обращали внимания.

В нашем путешествии по Уралу картинных галерей не планировалось. Но я был уверен, что тайга, скалистые хребты и озера не оставят ребят равнодушными. Помимо прочего, целью путешествия был сбор геологической

коллекции и составление крупномасштабной карты маршрута – подробных карт, по соображениям секретности, в то время не выпускалось. Когда на Ильменьской турбазе старший инструктор увидел нашу карту, он заявил, что ни под каким видом не отдаст ее. Еще бы! По масштабу в одном сантиметре пятьсот метров можно было идти только что не с закрытыми глазами.

Старший инструктор был потрясен не только нашей картой.

Перед заходом на базу мы послали вперед двух десятиклассников – попросить разрешения поставить на территории палатки и, если можно, выдать справки о прохождении маршрута второй категории сложности. Посмотрев на могучих ребят, инструктор сказал, что организует торжественную встречу, пусть только группа задержится на полчаса.

И вот мы входим в ворота между двумя шеренгами отдыхающих на базе взрослых туристов. За мной идут старшие, а дальше – все мельче и мельче, и так до замыкающего-второклассника, племянника Людмилы Яковлевны.

– Это они прошли вторую категорию?! – поражается инструктор.

– Они.

Ломаются строй взрослых: смех, аплодисменты, крики "Ура!"

У малышей снимают рюкзаки, старших спрашивают о маршруте. Приходит директор базы и приглашает в столовую – уж как-нибудь таких героев сегодня бесплатно покормят...

Утром ко мне в палатку заглянул старший инструктор:

– У нас после завтрака туристская полоса препятствий. Не захотят ли дети участвовать? Заодно и поучатся на таких соревнованиях.

– Захотят, – говорю я.

Дети, чемпионы московских первенств, сразу вырвались вперед. Один этап, другой, третий – и стоп! Нужно разжечь костер и вскипятить воду в котелке. Об этом этапе нам забыли сказать.

Пока собирали с дорожки какой-то мусор, пока кто-то подкинул нам несколько хворостинок, соперники уже ставили перед финишем палатки. А когда вечером началось награждение, победители отдали нам противень с пирогом, а мы им – свой кулек конфет за третье место.

– Таких орлов можно и в третью категорию выпускать, – сказал старший инструктор.

Ну, до маршрутов третьей категории сложности нам еще надо было расти, но свой мы прошли полностью.

В этом уральском путешествии появились у нас новые законы и традиции. Известно, что законы – понятие юридическое. Они принимаются каким-либо руководящим органом с указанием санкций за их нарушение. Были у нас законы туристского лагеря, из которого в походы перешло "Правило 12 секунд" и безоговорочное выполнение распоряжений дежкома. Как говорили ребята – "дежурный командир отдает приказание через плечо". Это значит, что любое приказание, отданное дежкомом даже мимоходом, должно выполняться. А что последует за неподчинением? Каюсь, пресловутая чистка ведер у нас так и осталась. С придумыванием наказаний у меня всегда не вытанцовывалось потому что не мог разобраться в чем, собственно, их смысл. Доставить человеку неприятность? А что дальше? Расчитывать, что больше проступок не повторится? Тогда всю педагогику надо свести к одному только реестру наказаний. И как только накажем по последнему пункту – готово, получайте нравственно сформированную личность! Но ведь если человека постоянно наказывать, он постарается скрывать проступки, чтобы избежать неприятностей. И результат наказания получится обратным: не осознание неправильных действий, а сокрытие их. Сколько школьников подтирают оценки в дневниках, чтобы избежать домашних скандалов и воспитывающего отцовского ремня! Ну вот швырнул пятиклассник в спальне ботинком в товарища – игра у них такая – и попал в оконное стекло. Что теперь с этим швыряльщиком делать? Ругать? Заставить неделю драить длинный коридор на этаже? Но ведь пацан и сам понимает, что набедакурил, уже напереживался – ведь не нарочно он стекло высадил, а мы ему еще и коридор или что-нибудь понеприятней. Не проще ли смыться из спальни – пойдешь узнаешь теперь кого наказывать!

А может быть лучше так: покаются мальчишки воспитателю, а воспитатель им: "Шалопай вы, шалопай. И когда только повзрослеете. Бегите к завхозу, выпросите стекло, и со старшими вставьте. И заодно поинтересуйтесь, сколько это стекло стоит – деньги ведь нам не с неба валяются."

Возможно, я ошибаюсь в своих рассуждениях, но твердо уверен: поведение

человека не должно определяться боязнью наказания.

Поэтому в интернате я никаких наказаний в отряде не вводил, ограничиваясь беседой или обсуждением на вечернем собрании.

А старших, начиная с восьмого класса, старался и на собрание не выставлять – неудобно же в самом деле, это все равно, что родителей при детях отчитывать. Наряды давались, но не в интернате, а только в походах. Да и что это за наряд, когда рядом с наказанным ведра дряют добровольные помощники дежурных? Бывало, кто-то не выйдет во время из палатки при подъеме, дежком ему на вечернем собрании: "Наряд!", а опоздавший: "Да я уже отработал давно!" Случалось, наряды получали я и Людмила Яковлевна – и что поделаешь, отрабатывали как все. Да что мы – наряд получил однажды на городском слете сам Михаил Владимирович Кабатченко, директор интерната! Не помню за что, но сидит директор на травке, голый по пояс, и – терочкой, терочкой по ведрышку. Подходит слетное начальство:

- Что это вы, Михаил Владимирович?

- Да вот, провинился, а меня застукали.

- Михаил Владимирович, может быть оставите это занятие, поговорить надо.

- Не могу, – смеется Кабатченко, – для меня отдельно законы не пишутся! Я шепнул дежкому:

- Отпусти ты Михалыча, неудобно же – люди ждут.

А дежком мне:

- Я-то отпущу, но он сам не уйдет. Кабатченко не знаете, что ли?

Да, наряды давались, но их с годами становилось все меньше, и воспринимались они не как наказание, а скорее, как некий символ, обозначающий незначительный проступок. Поэтому человек, уже отмывший ведро, мог обратиться в Штаб путешествия с просьбой вычеркнуть наряд из тетради дежкома, потому что наряд дан несправедливо. Если просьбу удовлетворяли, наряд получал дежком. Так тоже бывало.

За серьезные нарушения полагалось обсуждение на общем собрании, и это было самым неприятным для человека, хотя никаких наказаний не следовало: поговорят, повыспрашивают, выскажут свое мнение, часто на большом эмоциональном накале, – и свободен. Но все понимали: выслушивать товарищей, когда знаешь, что виноват – далеко не праздник.

Я всегда следил, чтобы законов в группе было возможно меньше.

И как ни подмывало меня предложить что-либо новое, сдерживал себя. Но все-таки два закона мы на Урале приняли. Сколько ни просил ребят обходиться без грубостей, сколько ни стыдил, ни ругал – ничего не помогало. "Дурак", "Чокнутый", "Малахольный", "А ну давай отсюда!" – все еще проскакивало у нас, особенно среди младших. На одном из вечерних собраний я предложил закон, запрещающий оскорбительные выражения, начиная с обращения "Эй, ты!"

Девчонки обрадовались: "Теперь дежурным не надо будет ведра чистить!"

- А цитатами грубить можно? – спросили старшие.

- Это как?

- Ну, вот я говорю: "Идиот" – и тут же добавляю: роман Достоевского.

- Цитатами можно.

Дня три ребята ловили друг друга на грубостях, а потом поутихли, и словесный мусор начал исчезать. Через двадцать и через тридцать лет какой-нибудь турист, обругает в сердцах товарища, а в ответ – смех и аплодисменты:

- Попался! Ведро ему!

Второй закон был посерьезней.

Девчата часто жаловались, что во время дежурства по кухне мальчишки только натаскают дров – и считают себя свободными. Ну, еще ведра почистят. А чтобы варить, так их не допросишься.

Мы выслушивали это с улыбкой, но когда одна девушка по-настоящему обиделась на напарника, начали думать, как это безобразие прекратить.

- Мы пилим, рубим, разжигаем костер, чистим ведра, – возмущались юноши, – а им трудно поварешку в суп опустить! – Есть же, в конце концов, мужская и женская работа!

- Кесарю кесарево, – напомнил я.

- Ну да. И кроме того, мы и варить толком не умеем.

- Правильно, – вдруг сказал командир. – Поэтому предлагаю новый закон: "Девочек от приготовления пищи отстранить. Они выступают только в роли

консультантов."

Ох, какой поднялся гвалт! Девочки радостно визжат и хлопают, мальчишки, особенно среднее звено, кричат, что они никогда не варили и всех поотравляют, да и старшие не выражают предельной радости и что-то бурчат в адрес командира.

- В походах готовить должны уметь все, - говорит командир. - И дома это пригодится. В общем, будем голосовать.

Я с Людмилой Яковлевной, конечно, "за". Девочки - тоже.

Несколько парней улыбаются и поднимают руки. Принято!

- Кто завтра дежурный? - спрашиваю.

- Я, - удрученно говорит пятиклассник.

- Поздравляю!

И пошло-поехало. Под смешинки девчонок мужская часть группы начала осваивать новую профессию. И ничего, постепенно начало получаться. Но через год закон пришлось отменить. Девочки сказали, что так они сами разучатся готовить и уж лучше кашеварить вместе. Но дело было сделано: теперь любой мальчишка мог оставаться у костра один и на спор приготовить самые неудобные блюда - например, вечно подгорающую рисовую кашу.

Труднее обстояло дело с выработкой традиций.

В самых общих словах, традиции - это апробированные формы и способы поведения, передающиеся из поколения в поколение. Разница между законами и традициями существенна.

Законы принимаются, и нарушение их пресекается санкциями. Традиции же большей частью возникают как удобные для всех действия и отношения. Их соблюдение гарантируется только общественной оценкой. Нельзя, например, принять закон: "Поднявшиеся первыми на перевал обязаны спуститься за рюкзаками отставших". Тебе тут же скажут: "Мы сами еле залезли. Что мы ишаки, что ли!" Или нарочно притормозят, чтобы не выполнять лишнюю работу.

Да и какими бы правильными ни были наши законы, они не охватят всех мелочей нашей жизни - это задача традиций. Еще Шарль Монтескье, не последний по блеску ума человек на земле, заметил: "Не следует законом достигать того, что можно достигнуть улучшением нравов". Но ведь традиции, помогающие нравственному совершенствованию не принимаются по распоряжению. Я не говорю о каких-то периодически повторяющихся мероприятиях, которые называют традиционными - слеты туристов, дни книги, фестивали песни. Все это организуется сверху и вставляется в календарные планы. Я имею в виду традиции, нигде не фиксируемые, но лучше всяких законов определяющие стиль и характер отношений между людьми.

В путешествии по Уралу мы принесли несколько хороших традиций, которые появились еще в подмосковных походах.

Я постоянно напоминал мальчишкам, чтобы не торопились на призыв поваров - пусть сначала подойдут девочки. Не приказывал, а говорил об элементарных правилах вежливости. Постепенно, со скрипом, это стало привычным. Галантные юноши начали даже обслуживать девушек и приносить им миски

с едой. Правда, заодно наполняли и свои. Но это нормально - зачем подходить к ведрам еще раз. А потом начали уступать девочкам лучшие места у костра. Выходило на маршрут человек 25-30 - на такую ораву и бревен для сидения не всегда найдешь.

Приходилось садиться на рюкзаки или стоять за спинами товарищей. И опять я указывал, что негоже девочкам ютиться на задворках, надо бы их усадить поудобнее. К этому тоже привыкли. Подойдет девочка к костру - кто-нибудь из мальчишек тут же подвинется или встанет, уступая ей место. Потом мы догадались брать в подмосковные походы складные стульчики, а сибариты таскали даже складные кресла, но все равно забота о девочках сохранялась в десятках мелочей.

Где-то я вычитал, что затраты энергии на забрасывание за спину тяжелого рюкзака равны одному получасовому переходу.

Я рассказал об этом, и мальчишки начали поднимать девчоночьи рюкзаки, помогая им продевать руки в лямки. Конечно, мальчишку не накажут, если он первым подойдет к поварам, не уступит девочке место у костра или не поможет надеть рюкзак. Но посмотрят косо, а то и упрекнут: не принято у нас так поступать, нехорошо. А это уже внешняя оценка, влияющая на отношение к человеку в группе.

Однажды в Крыму я видел, как юноши соседней школы каждый раз после

прогулки в горах мчались наперегонки вниз к своему лагерю.

- Куда это вы?
- Обедать!
- А зачем же бегом?
- Чтобы больше досталось!

Оказалось, что самые расторопные наполняют миски по краешки, да еще получают добавку. Припоздавшим вычерпывают с доньшка.

Тоже традиция.

А. С. Макаренко писал, что его колонисты живут в сетке традиций, не задумываясь, как и когда они возникли - " так у нас было всегда ". Уверен, что при нормально налаженной работе дурные традиции в группе появляются редко. Их зарождение можно заметить и легко пресечь. Появилась у нас забавная игра - " Матросский счет ". Выбрасывают двое или несколько человек по сигналу пальцы на руках - кто сколько хочет, а потом считают. На ком счет закончится, тот моет личную посуду играющих. Я, грешным делом, тоже играл - авось повезет и не пойду к холодной реке. Но потом начали играть на куски тушенки из второго или на выдаваемые для перекуса конфеты. Тогда мы с Людмилой Яковлевной серьезно поговорили с ребятами, указав, что проигравшим не только обидно - " представляете, у кого-то по нашей вине испорчено настроение!", но проигравшие лишаются калорий, так нужных на таежных переходах!

Больше ни на что, кроме мытья мисок, не играли, да и то редко, а в другие года об игре даже не вспоминали.

В каждой группе время от времени возникают совершенно не планируемые, но очень удачные действия и отношения. Руководитель обязан подмечать их и найти способы для повторения, сделав привычными для ребят.

Поднимаемся мы на Откликной гребень. Круто, идем в прямом смысле на четвереньках - я даже остановил группу, чтобы каждый мог полюбоваться товарищами со стороны. Где-то на середине подъема командир сбрасывает свой рюкзак и берет рюкзак отстающей девушки. Он заносит рюкзак на хребет, бежит вниз, забирает еще чью-то поклажу и потом возвращается за своим рюкзаком. Вечером, по моей подсказке, девушки благодарили командира, а я произнес целую речь, указав, что командир помог уставшим не потому, что он самый сильный - в группе полно здоровых парней - а потому, что ответственность за группу у него, видимо, развита лучше, чем у других. И что помощь девочкам на маршруте - это долг настоящего мужчины.

Когда начались песни и всякие разговоры, я подсел к старшим ребятам и сокрушался, что, как и они, не догадался помочь уставшим.

- Хотя кто знает; это сейчас хорошо говорить "помог бы", а тогда на подъеме - самому бы долезть, не то что другим помогать...

Через пару дней мы снова полезли в гору - не такую крутую, как прошлая, но все-таки. Я кивнул дежкому, чтобы он вел группу, и заспешил наверх. За мной - командир и несколько старших. Влезли, перевели дух - и тут же вниз, за рюкзаками девочек.

Начало было положено. Потом в подмосковных походах, рассказывая о нашем путешествии новичкам, я непременно вспоминал и восторгался подвигами старших ребят.

- Ну и что? - говорили новички. - Мы бы тоже смогли.
- Богатъри! - улыбались старшие.

Через год старшие ушли из интерната. Без них мы съездили на Алтай, а еще через год - на Кавказ. И повзрослевшие ребята вслед за мной спускались с перевалов и затаскивали наверх рюкзаки отстающих. Прошло еще время - и это сделалось настолько обычным, что, кроме благодарности в тетради дежкома, ничем не подкреплялось. Однажды на леднике услышал, как девушка говорит подруге:

- Давай пойдем чуть быстрее, а то ребятам далеко до нас будет спускаться.

Мысль о том, что ребята могут не спуститься с перевала, им в голову не приходила. Так появилась новая традиция. Но чтобы она закрепилась, понадобилось около четырех лет. А спроси теперь: зачем это надо, бежать по леднику вниз, - никто толком не ответит. "Так у нас было всегда".

Такая забота о девочках, естественно, находила отклик в их нежных сердцах. Подходит девушка к парню:

- Снимаю треньки, я залатаю.

- Да я сам...
- Ты залатаешь!
А со средними так вообще без цермоний:
- Мальчишки, все рубашки в одну кучу! Мы стирать идем.
Какими законами все это можно отрегулировать?

На подходах к большим горам

Снова интернатские будни. По заведенному порядку одиннадцатиклассники сдавали свои полномочия: теперь все силы и время – только на учебу. Командиром отряда избрали Лену Гусеву, ветерана наших туристских лагерей. В принципе, с таким командиром я мог бы по несколько дней вообще не появляться в интернате: Лена прекрасно разбиралась во всех сложностях нашей жизни и вполне могла бы работать воспитателем.

Рядом с Леной были еще трое десятиклассников, подросли младшие, и я поставил перед отрядом новую задачу – глобальное самообразование. Для каждой возрастной группы вывесили список литературы, который надо прочесть до конца года. Здесь были отечественная и зарубежная классика, поэзия, история, спорт. Заставлять почти никого не требовалось. Единственное, чего нам не хватало, так это времени, и старшие часто засиживались после отбоя. А чтобы ребята могли блеснуть знаниями, мы начали выпускать "Ребусник", примерно такой же, какой был в колонии А. С. Макаренко. На большом стенде каждый мог приколоть бумажку с вопросом и пометить, сколько очков получит тот, кто ответит на него. Причем надо было указать, в каких книгах есть нужная информация. Если ответ неправильный, очки достаются спросившему. Если ответят несколько человек, очки делятся между ними. Игра идет среди 2-3, 4-6, 7-8 и 9-11 классов. Ответы бросают в ящик под замком. В конце каждого месяца специальная комиссия проверяет ответы и подсчитывает очки. Победители в каждой возрастной группе получают призы. Мы договорились, что никаких подсказок не будет, особенно чтобы старшие не лезли с помощью к своим подшефным. Игра продержалась у нас около года, когда интерес к ней начал ослабевать.

В этом же году начались походы с ночевками в зимнем лесу.

Раньше мы обустроивались в сельских школах, но это было довольно хлопотно: в середине недели в школу ехал старший воспитанник договариваться с директором о ночлеге. Отказов не было, но много времени тратилось, чтобы утром привести помещение в порядок. А это – по нашему уговору: оставить его в лучшем состоянии, чем приняли. Закончив уборку, приглашали директора школы, строились и благодарили за гостеприимство. Осмотрев высокoblенные классы, коридор и туалеты, директора приглашали нас приходить почаще...

Чтобы не зависеть от школ и посидеть вечером у костра, мы рискнули устанавливать палатки прямо на снегу. Выгребали мисками яму до мерзлой земли и устанавливали в нее две палатки, вдетых одна в другую. Потом мы понаделали из нержавеющей стали планшеты примерно 40 x 60 см с веревочной петлей на одном конце и прорезью для руки на другом – получились хорошие лопаты для расчистки снега. Когда появились полиэтиленовые пленки, необходимость во внутренней палатке отпала: тепло было и в одной, укутанной в полиэтилен. Правда, брезентовые палатки к утру становились влажными от дыхания и несколько тяжелее, но при одной ночевке этими неудобствами можно было пренебречь. Мы постоянно совершенствовали технику зимнего ночлега, пока вовсе не отказались от палаток. Уже лет двадцать наш бивак оборудуется самым примитивным способом. Перед сном несколько групп человек по 10-12 выгребают в снегу лежбище. В него укладываются полиэтиленовые пленки, на них – туристские коврики, покрытые спальниками-одеялами. На эту подстилку ложатся туристы в тренировочных костюмах – тепло создается не за счет одежды, а взаимным согреванием. Ноги непременно в шерстяных носках, на головах – платки или вязаные шапочки. Накрываются оставшимися спальниками и легкими одеялами. Сверху это сооружение затягивается еще одной полиэтиленовой пленкой, подтыкаемой со всех сторон, кроме изголовья, под коврики. Получается большой полиэтиленовый мешок, в котором если не жарко, то уж никак не холодно. Головы на свежем воздухе – на надувных подушках или на свернутой верхней одежде. При желании можно зарыться в спальник с головой. Обувь в мешочках тоже укладывается под голову или сунется в ноги – так она не промерзнет и подсохнет. У каждого лежбища под пленку засунуты дежурные валенки большого размера, чтобы при необходимости ночью можно было

прогуляться без проблем.

Обычно лежбище устраивается между двумя деревьями. На них натягивается веревка, через которую перебрасывается третья пленка, образующая крышу-шатер. Это защита от ветра и снегопада. Края пленки прижимаются бревнами. Строительство идет при свете факелов из оргстекла, воткнутых в снег, и занимает не более получаса. Конечно, и при таком ночлеге спальники оказываются чуть влажными, но зато какая экономия веса из-за отсутствия палаток! Несколько раз я ходил с таким жильем на Кавказ и Памир. Даже во время непогоды, когда палатки срывало ветром, в нашей конуре особых неудобств не было. Опустим крышу на пленку, прикрывающую спальники, придавим ее к земле тяжелыми камнями - и спим, ни о чем не заботясь. В крайнем случае завалит снегом, так это даже теплее. Утром выползем наружу, встряхнем пленки, скатаем их влажной стороной внутрь и вперед. А на каком-нибудь привале разложим пленки и спальники на камнях - они и просохнут минут за десять. Но летом в средней полосе под пленками спать нельзя - заедают комары. Последние лет десять мы начали шить палатки из синтетических материалов, по легкости не уступающих пленочным жилищам. Многие быстро привыкли к комфорту. Но остались консерваторы, в том числе и я, предпочитающие зарываться в снег.

Организация зимних ночевков не намного сложнее оборудования летних биваков, но требует четкого взаимодействия и умения преодолевать себя в самых неблагоприятных условиях. А это уже психолого-педагогическая сторона вопроса. Мы беседовали с новичками перед походом, втолковывая необходимость прежде всего заниматься сбором топлива, а не жаться к еле разгорающемуся костру - особо подчеркивая, что все наставления очень хорошо воспринимаются здесь, в теплой комнате, и забываются на морозе в лесу. Двигаться и работать, работать - тогда никакой мороз не страшен! Ну а когда запылывает костер, тогда и куртки снимаются, и рукавицы - жарко. Домашняя подготовка новичков подкреплялась беседами у костра, под натопленный из снега чай с дымком. А за малышами, чтобы не задубели, следили опытные туристы. Беседы о внутренних затрудненных условиях поведения - состоянии лени, усталости, робости, неуверенности в своих силах - были полезны всей группе: ребята начали понимать, какие механизмы побуждают их к деятельности или отталкивают от нее. Я пересказывал работы известных психологов, приводя примеры из нашей походной жизни, учебы, самообразования. Часто такие беседы превращались в бурные дискуссии, когда забывались и песни, и чтение стихов.

Вот я выкладываю ребятам сформулированный мною тезис: "Человек всегда поступает во имя чего-то, но никогда вопреки себе". С этой точки зрения, - говорю я, - никаких подвигов на земле не существует. Ведь подвиг - это только внешняя оценка поступка другими людьми. А человек, о котором говорят, что он совершил подвиг, поступает так потому, что по-другому, даже при возможности выбора, поступить не может. Это будет против его убеждений, против его понятий о нравственности. И человек сознательно совершает поступок, даже зная, что наверняка погибнет, но не вступает в разлад с самим собой, не поступает вопреки себе!

- Значит, героический поступок - это естественное для человека действие? - пытались подловить меня ребята.

- Не передергивайте. Это действие, выходящее из ряда обычных. Часто человек даже не знает, как он поведет себя в тех или иных обстоятельствах, а потом совершает то, что люди называют подвигом. И дело не только в масштабах поступка. Нам важно понять, что сплошь и рядом бывают ситуации, когда человек должен преодолеть себя, пойти навстречу опасности или просто включиться в деятельность, зная, что она связана с неприятными ощущениями - холодом, усталостью, с дискомфортом. Одни идут на это, потому что иначе поступить не могут - вот вам "во имя чего-то и не вопреки себе"; другие с удовольствием бы вышли из ситуации, но преодолевают себя...

- Ага! - кричат ребята. - Преодолевают - значит, поступают вопреки себе!

- Нет. Преодолевают, потому что понимают необходимость действия - раз. И потому, что выход из ситуации чреват негативной оценкой со стороны товарищей - два. А кому охота выслушивать постоянные упреки? Значит, в конечном счете опять получается "во имя чего-то, но не вопреки себе". Другое дело, когда для человека удобнее быть наказанным, чем что-то выполнить. Он выбирает для себя лучший вариант и опять же поступает "не вопреки себе".

- Смутно все это...

- Хорошо. Давайте представим такую картину. Человек в одиночку попадает в зимний лес и, чтобы не замерзнуть, должен собрать хворост и разжечь костер, так?

- Так.

- А ему больше всего на свете хочется сесть, сунуть руки под мышку, сжаться и ничего не делать. Но он вынужден, вопреки своим желаниям, леденеющими пальцами обламывать веточки, чиркать гаснущими спичками и раздувать исчезающий огонек. По-вашему, он поступает вопреки себе. А на самом деле он старается избежать большего зла: ведь не разведя костер, он погибнет. Это опосредованная потребность, о которой мы поговорим в другой раз. А сейчас важно понять: у человека почти всегда есть выбор. Одни идут по пути наименьшего сопротивления, обеспечивая себе сиюминутные удобства - например, не слушают объяснений на уроках или не выполняют домашних заданий. То есть поступают так, как им хочется - не вопреки себе. Но они не просчитали последствий и вырастают неучами, а потом жалуются на жизнь. Запомните: преодоление себя для достижения поставленной цели только кажется поступком "вопреки себе". Здесь важно не столько отношение к процессу деятельности, которая может быть неприятна, сколько к результату - то есть к благу, к осознанию достигнутого и удовлетворения от сделанного. Разве это - "вопреки себе"?

- Надо понимать, что если человек образцово работает, - размышляет философ-десятиклассник, - а работу свою ненавидит, то он поступает вопреки себе. Но так как работа дает ему деньги и авторитет, то в результате он работает во имя чего-то и не вопреки себе. Это хорошо или плохо?

- Это несколько из другой области. Мы еще будем говорить о мотивах и потребностях. Но в общем, ты прав. Определить, чем руководствуется человек в своей работе, сложно. Поэтому будем пока оценивать только результат деятельности - например, кто и как работает на биваке. Кстати: многократное включение в одну и ту же деятельность превращает ее в привычную и не такую уж трудную.

- А как научиться преодолевать себя?..

Даже пятиклассники поворачивали носы от одного оратора к другому и нетерпеливо ерзали, пытаясь немедленно войти в разговор. Основное направление беседы - умение преодолеть себя во имя значимой цели - запоминалось туристами и, смею думать, помогало им в учебе и в наших походах. Ребята привыкли к ночевкам на снегу - это стало обычным делом, и я даже пошел на довольно жестокий эксперимент. Увидев, что к вечеру температура опустилась к тридцати градусам, сказал, что мы будем моделировать ночевку в горах на леднике. Никаких костров, но чтобы все были в тепле и накормлены.

В палатках загудели примуса - от них и тепло, и надежда на скорый ужин. Подхожу к каждой палатке, спрашиваю, все ли в порядке.

- Нормально, - отвечают ребята.

Но пока обходил палатки, бедра замерзли так, что пришлось долго оттирать их под спальниками.

Старшие заталкивают в палатки кастрюли с кашей, потом разносят чай.

- А воду для посуды согреть можно?

- Грейте, - кричу. - Заодно и грейтесь.

За ночь никто не погиб, но утром, при чуть ослабевшем морозе, хлеб пришлось распиливать ножовкой.

После завтрака, для полноты впечатлений, я устроил спуски на веревках с крутых склонов.

- Умрем! - кричали ребята. - Вниз одни сосульки скатятся!

- А если такая погода прихватит в горах? Терпите!

И ребята терпели. Зато потом, на горных маршрутах, любые капризы погоды они принимали только как неудобство, но не как трагедию.

Годы спустя, на Тянь-Шане мы застряли под перевалом на две ночевки. Снегопад, ветер, С противоположного склона сходят лавины.

- Ну как? - спрашиваю.

- Нормально.

В каменной нише гудят примуса, все накормлены, лежат в тепле, отсыпаются. Нормально!

На Матчинском горном узле - это на Памиро-Алае - поднялись мы на

перевал Щуровского. Вниз и за поворот уходит ледник.

- А где будем ночевать? - спрашивает девушка.

- Сразу за поворотом, - указываю я на поджимающий ледник хребет.

- А-а, - кивает девушка. - Часа полтора еще идти.

Я не понял вопроса. Меня спросили не о том, где мы будем ставить палатки, если везде лед и снег. Это девушку не волновало. Она спрашивала о конкретном месте для бивака.

Мы перестали бояться погодных условий и теперь можно было делать наши маршруты все более сложными. Надо только усилить техническую подготовку туристов. Но тут мы затормозились, и не по моей вине.

Советская школа вновь перешла на десятилетнее обучение, а из интерната вывели старшие классы. Для меня это было как ножом по живому: менялась если не система, то содержание работы - теперь вся опора на четырнадцатилетних ребят. И хотя старшие приходили в отряд и не прекращали походы, заменить их восьмиклассниками было трудно.

И все-таки мы с Людмилой Яковлевной решились на совершеннейшую, как я теперь понимаю, авантюру: взяв 42 человека из 4-8 классов, отправились в путешествие по Прибалтике, используя только появившиеся "Автостопы".

Интернатский автобус довез нас через Ленинград до пушкинского Михайловского, а дальше: Тарту-Таллин-Рига-Смоленск-Москва - только на попутных машинах. Разбив отряд на группы со своими командирами, мы назначали вечерний пункт сбора - и до встречи! Нас отговаривали от путешествия, предупреждая, что в Прибалтике плохо относятся к русским, - это оказалось полнейшей ерундой. Нигде мы не чувствовали даже намека на недоброжелательство. Когда мы затемно приехали в Раквере и попросили у заведующей уже закрытой столовой разрешения вскипятить чай, нам позволили переночевать в зале, только сказали, чтобы утром расставили по местам сдвинутые столы. Несколько раз мы ночевали в школах, а

в пути незнакомые люди подробно объясняли, где лучше в ближайшем лесу поставить палатки. Это был первый предметный урок интернационального воспитания для ребят. Потом, в каких бы уголках страны мы не бывали, национальных проблем никогда не возникало: русские, грузины, таджики - какая разница!

Едем мы рейсовым автобусом из Сухуми в Зугдиди, чтобы подняться оттуда в Сванетию - мы уже определили для себя на будущее тему путешествий: изучение истории установления Советской власти в труднодоступных местах страны. Спрашиваем пассажиров, можно ли петь.

- О да, пойте, пожалуйста!

Подсаживается к ребятам мужчина. Слово за слово - куда едете, зачем, где будете ночевать.

- Слушай, - говорит мне мужчина. - Зачем искать, где ночевать?

Пойдем со мной, всем хорошо будет!

Мы приходим на окраинную зеленую улочку. Тут же под дерево выносятся столы, с ветки спускается лампочка, включается радио.

- Что вы там будете варить! Обидеть хочешь, да?

Ребят разбирают по домам: какие палатки, это вам что, горы?!

Я и Людмила Яковлевна, как и все, осоловели от обильных угощений, упрашиваем хозяев позволить ребятам отдохнуть и выспаться на улице...

В Сванетии все повторяется заново. Идет серьезная краеведческая работа, и единственное, что затрудняет ее - это непременные пиршества в каждом доме, куда заходят ребята.

Откровенно говоря, я думал, что в Грузии, стране горячих мужчин, надо будет присматривать за девочками. Но ни в этом путешествии, ни в других неприятностей не было: как мы относимся к людям, так и они к нам, и национальность здесь ни при чем.

Под Андижаном мы работаем несколько дней в совхозе на сборе персиков: набираем витаминки перед выходом на Центральный Памир. Людмила Яковлевна едет в Ош, откуда начинается Памирский тракт - поискать место для ночлега и прозондировать почву насчет машин.

Привожу вечером группу.

- Как с ночлегом?

- Пойдемте, - говорит Людмила Яковлевна.

И приводит во двор частного дома. Под чинарами на достарханах выставляются плов, фрукты и обязательный кок-чай. А нас - больше тридцати

человек!

- Может быть, возьмете деньги? - спрашиваю хозяина.

- Разве можно! Вы - гости. Кушайте, пожалуйста. Отдыхайте.

На горных переходах всякий раз, увидев кошару, я сходил с тропы и поворачивал к ней. Сначала ребята удивлялись: зачем?

- Нельзя проходить мимо. Путники здесь редки. Надо подойти, поздороваться, рассказать новости.

Мы выкладываем на кошму свои угощения, чабаны - свои. Начинается неторопливый вежливый разговор. А наши врачи осматривают ребятшек, оставляют таблетки и лекарства. И никто никогда не спрашивал нас о национальности. Зато нужная помощь оказывалась всегда. За все годы путешествий - на Кавказе, на Памире или Тянь-Шане - я ни разу не слышал от ребят неуважительных слов в адрес местного народа: здесь мы с Людмилой Яковлевной свою задачу выполнили.

Но до Памира и Тянь-Шаня нам еще шагать и шагать. А пока полным ходом идет подготовка к поездке на Алтай. Мы изучаем историю гражданской войны в горно-таежных районах, пишем в музеи Барнаула и Горно-Алтайска и просим прислать адреса бывших красногвардейцев и партизан. По этим адресам отмечаем флажками на карте села, с жителями которых началась переписка. Каждый участник путешествия имеет свой флажок.

Писем приходило много. Отвечали нам и участники гражданской войны, и родственники их. Присылали фотографии, документы, приглашали в гости, обещая рассказать о том, что не умещалось в письмах. Я не тешил себя мыслью, что ребята сразу и с великим энтузиазмом бросятся изучать историю далекого Алтайского края. Вкус к поисковой работе надо еще привить. Для этого и понадобились переписка и флажки на карте. Вот когда начали приходиться письма, когда ребята сели за ответы и получали новые адреса, а следовательно, и новые флажки - тогда и появился интерес к делу. У одних уже была стопка писем - эти сидели над картой, рассматривая места партизанских боев; другие сетовали на то, что ответов мало, и выпрашивали у товарищей лишние флажки. Самые удачливые даже получили московские адреса и ходили в гости к бывшим красногвардейцам. Удивительно, как пожилые люди сохранили документы и фотографии пятидесятилетней давности. И эти дорогие для них реликвии они передавали новому поколению, возможно, впервые заинтересовавшемуся делами их молодости.

Я постоянно остерегал наших краеведов от праздных вопросов.

- Нехорошо, если вы напишете: "Расскажите, как вы воевали". Так поисковая работа не ведется. Кроме того, помните, что это старые люди, им трудно и непривычно рассказывать о себе, да еще в письмах. Поэтому сначала объясните, от кого получен адрес, что вы знаете о гражданской войне в этих местах и на что бы хотели получить ответ при личной встрече.

Теперь ребята сидели за книгами, присланными из алтайских музеев, их знания становились все основательней, а мне, чтобы не ударить лицом в грязь, приходилось образовываться ночами.

Конечно, ребят интересовал и таежный маршрут путешествия. Разработку его я отдал на откуп всем желающим, предупредив, чтобы учитывали длительность переходов, вес рюкзаков и силы участников. Надо было продумать и запасные варианты кратчайшего выхода к населенным пунктам на случай ЧП.

За этой работой карта путешествия была изучена досконально. Я безжалостно "зарубал" любые предложения за малейшие огрехи.

Мы много спорили, возвращались к уже отвергнутому, соединяли несколько вариантов в один, и ребята учились видеть карту как бы с птичьего полета: жирные линии и пунктиры превращались в заросшие лесами хребты и таежные тропы. Реки, пересекавшие путь, становились непреодолимым препятствием - к веревочным переправам я четырнадцатилетних туристов еще не

подпускал. В общем, гладко было на бумаге, да забыли про овраги - а по ним ходить.

Такую подготовку я считал и считаю необходимой. Пусть будут ошибки, даже самые несуразные, но ребята не должны идти за руководителем вслепую и, вернувшись домой, не знать толком, где были. А ведь такие случаи не так уж и редки.

Спрашиваешь школьников, где они путешествовали.

- На Кавказе.

- А конкретнее - в каком месте, через какие перевалы ходили?

И бывает, что, кроме Пятигорска, куда они приехали, и Баксанского ущелья, откуда начинался маршрут, такие горе-туристы ничего не могут назвать.

Уж если ребятам повезло и их вывезли в далекие незнакомые места, то и готовиться к встрече с этими местами надо заранее. Тогда будет узнавание того, с чем знакомились дома по книгам и картам, будет представление о том, что находится за пределами видимости, а не бездумное перетаскивание рюкзаков из одной точки в другую. Ведь не зря же кто-то придумал определение для таких путешественников: "Турист есть существо, старающееся унести возможно больше пищи как можно дальше, чтобы там ее съесть".

Всем хороши дальние путешествия, но без денег никуда не уедешь. Группа у нас была значительно больше, чем оговаривалось для получения городской дотации, и чтобы пополнить свою казну, мы взялись сколачивать по заказу почты ящики для посылок. Работали все, без различия пола и возраста, и намеченный план перевыполнялся почти ежемесячно.

Но я видел, что денег на такую дальнюю поездку будет в обрез, и какими-то совершенно немыслимыми теперь путями добрался до самых верхов Министерства гражданской авиации, и нам разрешили продать билеты на самолет за четверть стоимости!

Директор Горно-Алтайского музея Зоя Ерофеевна Панова собрала для встречи с нами ветеранов гражданской войны из окрестных деревень. Пришли они в военной форме 20 - х годов, с крестами и орденами на бантах. В клубе при музее мы пели для ветеранов и читали стихи, нам благодарно хлопали, и ребята довольно подмигивали мне. А потом встала Зоя Ерофеевна и, обращаясь к ветеранам, задорно крикнула:

- А ну, пионеры, на сцену!

Выстроились старики в три ряда, расправили седые бороды - и вдруг свистнули, гикнули и обрушили на нас незнакомые казачьи песни. С дроботом, с переплясом, вприсядку и с шашками над головой. А Зоя Ерофеевна подзадоривает:

- Давай, молодежь, давай! Знай наших!

Разве забудешь такое?

Ребят растащили по деревням на день, на два - ведь у всех были знакомые еще по зимней переписке. Возвращались с тетрадями, полными записей, и новыми документами. Материалов было столько, что пришлось отправлять их бандеролями в Москву. Нас пригласили на радио, рассказали о юных краеведах в газете "Звезда Алтая" - ребята видели, что их поисковая работа полезна и волнует многих.

Все собранное в путешествии мы передали в музей Вооруженных Сил СССР, кое-что выставлялось в залах, и ребята гордились этим больше, чем очередной грамотой за первое место среди экспедиционных отрядов школьников столицы.

Потом о нашей работе рассказал журнал "Пионер" и даже такой серьезный орган, как "Наука и жизнь".

Ребятам уже не надо было объяснять всю важность подготовки к будущим экспедициям, и приходящие к нам новые воспитанники включались в работу с не меньшим азартом, чем опытные краеведы. Это стало традицией, и значит, не обсуждалось.

Но мне алтайское путешествие запомнилось не только поисковой работой.

В Горно-Алтайске мы познакомились с группой старшеклассников из Магнитогорска. Вечером собрались в школе, где они ночевали. Вместе пели, делились впечатлениями. А когда распрощались, я спросил наших заметили они, какие отношения в магнитогорской группе.

- Заметили, - сказали ребята. - Там две девушки вошли, так парни им сразу места уступили. А когда девушка взяла чайник, у нее тоже парень забрал. И вообще они очень вежливые.

- А почему же вы себя так не ведете?

- Мы ведем, только не всегда получается.

Да, с уходом из интерната старших классов уровень общения между воспитанниками заметно понизился. Больше стало крикливости и ничем не оправданных повелительных интонаций. Мы с Людмилой Яковлевной не раз указывали ребятам на излишнюю горячность по незначимым поводам. Ребята соглашались с нами, обещали контролировать себя, но то и дело приходилось охлаждать их пыл.

- Куда рукавицу подевала? - раздраженно кричит мальчишка своей напарнице. - Видишь, сейчас каша убежит!

- Вон она у тебя под ногами валяется, слепой что ли? - в тон ему отвечает дежурная.

- А чего на землю кидаешь? Вот же пенек рядом!

- Тебя не спросила!

Вроде бы проехали. Никто не ссорится - просто деловой разговор. Но это для ребят. А для руководителей?

- Какой прекрасный диалог! - говорю я. - И какая экспрессия! Давайте повторим. Как у вас начинается - "Куда рукавицу подевала?" А может быть лучше: "Оля, ты не видела рукавицу?"

Оленька, подавай реплику!

Оленька понимает куда я клоню и вступает в игру:

- Вон она у тебя под ногами лежит. Извини, уронила.

- Реплику! - кричу я, обращаясь к мальчишке, видя что у костра собираются любопытные зрители.

- Благодарю, - говорит мальчишка и приподнимает картуз.

- Не стоит благодарности, - отвечает Оленька и делает книксен.

- Ну что ты, что ты, очень даже стоит. А я - то думаю, какая дур..., какая рассеянная девочка рукавицу на пенек забыла положить!

Зрители аплодируют и предлагают свои варианты диалога.

Так изо дня в день - поправляя, упрекая и высмеивая мы учили ребят правилам хорошего тона.

Уже под Москвой, после алтайской экспедиции, мы подошли к костру взрослых туристов. Люди слаженно и негромко пели. Мужчина вытащил из угольев палку, прикурил и бросил палку в костер. А она отскочила от бревна и упала на колени одному из туристов. Тот не прекращая пения, взял ее за необузданный конец и аккуратно подкинул к костру.

И все ребята заметили этот незначительный эпизод! И возвратившись к своим палаткам, говорили какой бы поднялся хай, если бы такое случилось у нас.

Я пытался продолжить разговор, но ребята остановили меня:

- Не надо, Вэ-Я. Мы уже взрослые и все прекрасно понимаем. Ну, срываемся иногда, так с кем не бывает?

Стиль отношений старших воспитанников постепенно вернулся в нашу группу, и теперь ребята сами одергивали новичков, рассказывая им и о магнитогорских школьниках, и о попавшей на колени туриста горячей палке.

Была у нас на Алтае еще одна встреча.

На старте таежного маршрута к нам подошла группа московских старшеклассников. Как обычно, поговорили, пораспрашивали кто и куда. И тут руководитель отвела меня в сторону:

- Вы не можете нам? Взяла на свою голову хулигана, он всех ребят терроризирует. Делать ничего не хочет, и никакой управы на него нет. У нас еще экскурсии по городам, а с ним - хоть сейчас на поезд. Помогите.

- Чем же мы можем помочь?

- Возьмите его к себе. Группа у вас, я вижу, дружная - может быть, он поутихнет.

Я посоветовался со своими. Посмотрели мы издали на парня - здоровый, длиннее всех наших.

- Сколько же ему в рюкзак можно нагрузить ... - задумчиво говорит командир группы.

В общем, ребята не против, Людмила Яковлевна - тоже.

- Давайте вашего хулигана!

Пришел нахмуренный парень, сбросил рюкзак и буркнул:

- Алик меня зовут.

- Нас не запомнишь сразу, - сказал я. - Так что не стесняйся, спрашивай. А вот с этими девочками познакомься, у них как раз одно место в палатке свободно. Народ они тихий, стеснительный, ты уж не обижай их.

Несколько дней я приглядывался к Алику. Нормальный, работающий парень. Увидит пустое ведро, сразу к реке. Придем на бивак - вместе со всеми за дровами. Песни наши с ребятами разучивает, и девочки его хвалят:

- Палатку ставит, проверяет, чтобы спальники застегнуты были, и старается часть наших продуктов к себе в рюкзак положить.

- А как насчет шаловливых ручек? Не распускает?

- Да что вы! Он к стенке прижимается. Мы даже пригрозили, что между собой его положим.

Наконец я не вытерпел и, выбрав паузу в разговорах у костра, спросил:

- Так за что же тебя подкинули к нам ?

- А, - рассмеялся Алик, - и вспоминать не хочется.

- Ты все-таки вспомни, интересно же, - зашумели ребята, предчувствуя, что рассказ будет веселым. - Тебя вроде как на перевоспитание нам отдали, так что давай, колись!

- В общем так, - улыбнулся Алик. - Приехали мы в деревню, где с вами встретились. Пошли по тайге, чтобы через пять дней вернуться. Ну и сразу девчонки заныли, что рюкзаки тяжелые. А парни разгружать их не хотят. Не могу же я за всех нести. Сказал одному - он ни в какую. Сказал другому - он вроде не слышит. Ну, я ему врезал. А потом дождь пошел. Анна Петровна за дровами посылает, я начал таскать, гляжу - все по палаткам сидят. Зову парней, а они не идут. Заглянул в палатку, говорю - что же вы ? А один меня послал...

- А ты ему врезал, - развеселились ребята.

- Ну, врезал... Нос разбил...

- А тебе - втык! - ребята хохотали, как на цирковом представлении.

- Попало, конечно, - улыбнулся Алик. - А на другой день трое со мной потолковать хотели...

- И ты врезал! - ребята валились друг на друга от смеха. - А тебе опять втык!

Ага, - рассмеялся Алик. - Вот я и решил ни во что не вмешиваться. Никто не идет за дровами, и я не иду. А Анна Петровна говорит, что я самый здоровый и должен вкалывать. А я говорю, что если все будут, то и я...

- А тебе сказали, что ты - хулиган.

- Да ну вас! - Алик смеется вместе со всеми. - Хорошо, что с вами встретились. Вот теперь с какими красавицами живу! - Алик прижимает к себе девчонку. - И поход настоящий, а не туда-сюда-обратно.

Мы славно повеселились, а потом я долго разговаривал с Людмилой Яковлевной.

Она сразу сказала, что дело не в плохой или хорошей руководительнице, а в неподготовленности группы к таким походам. Уже то, что женщина одна вывезла ребят так далеко от дома, говорит, что в туризме она не новичок. Видимо, она не раз ходила с этой группой, но по простым маршрутам, а тут - тайга, непогода, вот ребята и раскисли.

- А как же она проглядела такого хорошего парня, как Алик?

- Ну, по-разному может быть. Представляешь: один подойдет с синяком, другой... Девчонки наговорят всякого. По результатам он действительно виноват. А тут еще отказывается работать. Как ты на это посмотришь?

Мне все-таки казалось, что подготовленность группы и действия руководителя - вещи взаимосвязанные. Причем подготовленность группы не в физическом плане - что тоже важно - а в плане отношений между участниками путешествия.

К этому времени я уже достаточно наслушался разговоров о великой воспитывающей силе туризма, когда школьники попадают в условия, изолированные от негативных внешних влияний, и сами обстоятельства походной жизни формируют у них в короткий срок необходимые нравственные качества.

С тайной завистью я слушал рассказы учителей, как, взяв в путешествие достаточно разболтанный класс, они приводили домой сплоченный коллектив - такая сказочная метаморфоза мне никогда не удавалась, и я дотошно выспрашивал, что же такое делали мои коллеги для достижения столь блистательных результатов. На личном опыте я, к сожалению, нередко убеждался в обратном: в лучшем случае - какую группу выводил на многодневный маршрут, такую и приводил. Кто-то сдружился в пути, кто-то рассорился - обычная ситуация, какая бывает при смене обстановки, например, при выезде в пионерские лагеря.

Но бывает, что класс возвращается из путешествия со значительно худшими показателями, чем имелись до выхода на маршрут. Поэтому я давно уже не уповал на хождение под рюкзаками как на воспитательный момент, полностью соглашаясь с А. С. Макаренко, что любое средство само по себе нейтрально к процессу воспитания и становится действенным только при правильном его использовании.

Бесспорно, условия социальной изоляции, а если точнее – условия относительной социальной изоляции, накладывают отпечаток на отношения и действия людей. Можно привести огромный список литературы, включая и мемуарную, о жизни групп вдали от привычных условий – в тайге, в горах, на полярных станциях, на кораблях, в космосе – подтверждающей возможность значительных изменений в психике и оценках действительности у тех, кто надолго остается в замкнутой среде без возможности выхода из нее.

И чем лучше подготовлены люди к предстоящей работе, тем вероятность таких изменений меньше. Это же относится и к школьным путешествиям.

Дело в том, что, помимо рюкзаков, туристы несут с собой груз представлений, ценностей, установок, сформированных под влиянием общества и личной жизнедеятельности.

Соответственно и поведение их будет определяться опытом, сложившимся еще до выхода на маршрут.

Если нравственные качества школьников еще не сформированы или не получили достаточной устойчивости, нет никаких гарантий, что они будут укрепляться в путешествии. Может случиться, что встреча с трудностями как раз и приведет к деформации нравственных представлений, и каждый участник путешествия начнет искать наиболее комфортных условий только для себя, пусть даже за счет товарищей. Уровень дружеских связей и общественной активности при такой ситуации будет, естественно, стремиться к своему нижнему пределу. Постоянные вынужденные контакты с членами группы могут создать состояние напряженности, переходящей в открытые конфликты. А сложившаяся нездоровая обстановка, если ее не удастся изменить педагогическими средствами, неминуемо приведет к образованию нейтральных или враждующих между собой микрогрупп, что, конечно же, не способствует формированию положительных качеств у школьников. Поэтому обольщаться какой-то волшебной воспитывающей силой туризма вряд ли стоит.

Если же нравственные качества школьников и уровень отношений между ними сформированы еще до выхода на маршрут, то можно надеяться, что трудности путешествия укрепят жизненные позиции членов группы и помогут правильно действовать даже в экстремальных ситуациях.

В этом сложнейшем вопросе человеческого взаимодействия не может быть однозначных решений. Не исключен вариант, когда в силу сложившихся обстоятельств у людей формируются новые качества и новые отношения, противоположные изначальным. Здесь большую роль играют индивидуальные особенности членов группы – характер, темперамент, уровень воспитанности, интеллект, понимание долга. Еще большее значение имеет степень воздействия на группу ее руководителя и наиболее авторитетных туристов.

Но опять же: новые качества и отношения не формируются на пустом месте – они возникают в результате сложной и противоречивой борьбы старых и новых представлений, а значит, соотносятся с тем нравственным багажом, который был у школьников перед началом путешествия. Поэтому и говорят, что полной изоляции от мира не бывает. Даже Робинзон на своем необитаемом острове использовал те знания и умения, которые получил раньше, живя среди людей. Точно так же и в путешествиях, вдали от большого общества, руководитель начинает свою работу не с нуля. Он должен хорошо представлять, каким жизненным опытом уже располагают его туристы, и чего можно достигнуть в работе с ними, находясь много дней в пути. Тогда условия относительной социальной изоляции могут сыграть положительную роль.

Этот разговор можно было бы и продолжить. Наш опыт путешествий с группой школьников разных возрастов привел к казавшемуся бы парадоксальному выводу: нравственный климат в смешанных группах создается легче, чем в одновозрастных. Правда, при одном "пустычном" условии: старшие ребята должны обладать достаточным уровнем воспитанности.

Правильная организация путешествия позволяет преодолеть сопротивление отдельных туристов общегрупповым требованиям, и анализ различных ситуаций убедительно показывает всем, что нравственное поведение каждого – это действия, наиболее выгодные для группы. Как для межличностных отношений, так и для успешного прохождения маршрута. Если носителем групповых норм выступает не только руководитель, но и авторитетные школьники, эти требования обычно принимаются (вынужденно, рационально или внутренне) всеми участниками путешествия. В данном случае отсутствие посторонних влияний и невозможность выхода из ситуации существенно облегчают работу носителей

нравственных норм.

Естественно, что при разновозрастном составе носителем требований будут старшие члены группы. От того, какие нормы и каким способом они привнесут в группу, в значительной степени будет определяться ее социальная характеристика. Пример старших становится эталоном, которому младшие стараются подражать. С другой стороны, старшие вынуждены подавлять в себе даже спонтанно вспыхнувшие негативные поведенческие проявления, чтобы оставаться на уровне отведенной им роли и не разрушать того образа, который уже создан в представлении о них у младших товарищей. Отсюда и поддержка сложившейся структуры, и безусловная помощь нуждающимся, и соответствующий стиль отношений между участниками путешествия. Но все это достигается отнюдь не на маршруте, а только при длительной подготовке к нему. Если такая подготовка не проведена, отношения старших и младших в путешествии могут стать непредсказуемыми.

Предварительная работа необходима и с группами одного возраста, но там есть ряд моментов, затрудняющих ее. Это борьба за лидерство между сверстниками, отсутствие нужного нравственного опыта у школьников среднего звена и критическое отношение к распоряжениям товарища у старших.

Как уже говорил, работа с группой школьников одного возраста не предполагает сроков более пяти-шести лет – до момента их выпуска из школы, в то время как в структуре разновозрастной группы заложена преемственность поколений.

Но с какой бы группой ни шел руководитель, психолого-педагогические вопросы должны постоянно находиться в центре его внимания.

Скорее всего такая работа не велась в группе, передавшей нам "хулигана Алика". После Алтая он еще год ходил с нами, но окончив школу, потерялся из виду, оставив по себе самые теплые воспоминания.

Десять дней мы шли по тайге. Один раз сбились с маршрута – я завел группу в болото, и ночевка была не из приятных, но даже поставив палатки на кочках и подмокая снизу, ребята не ныли, а только незлобиво посмеивались надо мной. На последнем спуске с хребта в долину реки Чулушман, вдоль которой шла тропа к Телецкому озеру – конечному пункту нашего путешествия – девочка подвернула ногу. Не то чтобы серьезно, но идти не могла. Ее тут же разгрузили, она проковыляла немного и села. Такую ситуацию мы проигрывали на тренировках. Теперь опустошили мой рюкзак, усадили девочку в ляжки и, страхуя меня на крутых местах, двинулись дальше. Правда, на тренировках "пострадавшего" носили ребята, но им все-таки по 14-15 лет, и я считал, что лучше им наблюдать за спуском со стороны. Меня радовало, что старшие постоянно предлагали пересадить девочку к себе за спину, в крайнем случае нести ее поочередно – это был тот уровень взаимоотношений, который необходим в каждом путешествии.

Мы спустились к реке и, по счастью, встретили пастуха на лошади, едущего на стойбище как раз в нужном нам направлении. Договорившись, что пострадавшая переночует у него – это километрах в тридцати от нашей стоянки, – усадили девочку позади пастуха и, распрощавшись, пораньше улеглись. Во второй половине дня пришли на стойбище – девочка уже могла неторопко ходить, и мы, не задерживаясь, снова встали в походную колонну. Продукты были на исходе, а катер на турбазу ходил от нашего края Телецкого озера через день, так что надо было спешить. Я видел, что ребят шатало от усталости, но вел группу до темноты. На ночном привале только вскипятили чай – есть никто не хотел, – и ребята сразу повалились на палатки: устанавливать их не было сил. Поднял группу, едва рассвело. У всех ноют плечи, а походка – ноги врозь и вперевалочку. Приказал самостоятельно разминаться. Начали приседать, наклоняться – стонут, кряхтят и смеются друг над другом.

Мы с санитаром выкладываем на пенек аптечку:

– Кому нужна помощь, становитесь в очередь.

Первым к нам дохромал семиклассник. Из одного кеда выглядывает носок, а другой прибинтован к натертой ноге.

– Болит?

– Ох, болит.

– Пройдет. Следующий!

Грохнул смех. Очередь распалась: наши интернатские мало обращали внимание на всякие ссадины и болячки.

После построения и сдачи рапорта я сказал:

- До озера всего десять километров. Катер отходит через два с половиной часа. Надо успеть. Пойдете по этой тропе, каждый в своем темпе. Я с Людмилой Яковлевной выйду последним через десять минут. И сделайте так, чтобы мы никого не догнали. Все понятно? Тогда вперед.

Вчерашний сорокакилометровый переход вымотал ребят, но я надеялся, что они выдержат и к пристани придут вовремя. Иначе сутки придется сидеть на полуголом пайке.

Идем мы с Людмилой Яковлевной - и видим отдыхающих старших.

- Вы-то почему отстаете?

- Так задумано. Сейчас догоним последних, немного разгрузим, еще посидим, потом новые отстающие появятся.

- Выдержите?

- А то!

Впереди две девушки ведут за руки пацана. Сейчас-то он бизнесмен, на "Мерсе" ездит, а тогда - 12 лет и самый щедушный в группе. Девушки уже разгрузили его - сняли с плеча фотоаппарат. Мы идем рядом, я киваю, что надо ускориться, девушки понимающе улыбаются и говорят мальчишке:

- А давай в ногу шагать, под счет: раз, два, раз, два - левой! А хочешь, мы тебе песни петь будем?

Мальчишке уже все равно, лишь бы дойти. Но ведь идет!

Мы успели к приходу катера, а на вечернем отчете дежкома ребята не очень понимали, за что я хвалю их: надо дойти - значит, надо, обычное дело. А помочь товарищу - так разве можно иначе?

Была у нас такая традиция - в удобный для группы день мы с Людмилой Яковлевной брали отпуск и уходили из лагеря: пусть ребята пораспоряжаются сами. На этот раз мы ушли в туристский лагерь "Медвежонок", куда приезжают школьники со своими учителями. Их водят по достаточно сложным маршрутам, обучают туристской технике, чтобы потом они могли ходить в походы самостоятельно. Накануне наша группа встретила с туристами лагеря. Ребята рассказывали о своей поисковой работе и о таежных переходах. Им задавали много вопросов о группе и ее делах - получилась долгая и непринужденная беседа. И начальник лагеря, фанатично преданный своему делу, пригласил нас, руководителей, продолжить беседу следующим вечером у него в домике. До двух ночи мы просидели за всякими педагогическими разговорами, а когда утром вернулись к своим палаткам, стоявшие рядом взрослые туристы-москвичи сказали:

- Ну и ребята у вас! Заметят фантик на земле - кто бросил? Вечером собрание устроили, кого-то там прорабатывали. Дисциплиночка! А потом пели у костра - так не только мы, с турбазы народ собрался.

С этими туристами мы потом лет десять ходили под Москвой, двое осели в нашей группе, прошли памирские и

кавказские маршруты, а один отпраздновал в ней свою свадьбу. Потом в группу пришли их дети.

Через несколько лет об отпуске руководителей перестали вспоминать: в группе появились взрослые люди, и необходимость в проверке самостоятельности школьников отпала.

Мы вернулись в интернат к учебным будням, самообразованию и романтике походных костров.

Алтайское путешествие показало, что ребята готовы и к более сложным маршрутам. Мы с Людмилой Яковлевной тщательно проанализировали возможности группы и решили, что пора целиком переключиться на горы, сделав их нашей туристской специализацией.

По скалам и ледникам

Здесь все, что вдоль, маршрутом не зовут -

Живущие внизу поймут едва ли,

Что горным называется маршрут,

Когда он тяготеет к вертикали, - читал я ребятам свои топорные вирши.

Это ведь только так говорится: прошли через столько-то перевалов. А что за этим? Выматывающие душу подъемы по крутым тропам и мелкая осыпь камней, когда увязаешь по щиколотку и больше топчешься на месте, чем идешь вверх. Это рыхлый снег и разрубленные трещинами ледники. Это веревочные переправы через бурные реки, в которые надо еще не побояться войти, где при малейшей ошибке тебя сбивает с ног, и тащат тогда туриста к берегу на страховке аки

бревно - бывает и такое. Это переправы по веревкам над водой - тоже не для слабонервных. Это веревочные спуски по склонам, близким к отвесу, и нехватка воздуха на высоте, когда спички только шипят и пускают едкий дымок. И непогода - снег, дожди, ветер. Случается всякое. Не на каждом маршруте и не каждый день, но вполне хватает, чтобы понять, куда тебя занесло. И если рядом нет хороших товарищей, если не ждешь ни от кого помощи, если нет шуток и смеха на привалах, то зачем все это терпеть? Счастье горных дорог - это не только любованье красотой и не только возможность испытать себя. Общение с близкими по духу людьми, хорошие песни под крупной россыпью звезд запоминаются не меньше, чем трудные переходы, и не будь этого, прелесть горных маршрутов не была бы столь яркой.

И вот, посчитав, что ребята готовы к встрече с горами, мы вывезли их на Кавказ, а через год - в Среднюю Азию с расчетом пройти через Центральный Памир к Сарезскому озеру. Ничего у нас с этим не вышло - пропуска в пограничный район мы не догадались оформить, но все-таки нас пропустили в Алайскую долину, и ребята увидели мощнейший Заалайский хребет и пик Ленина, и другие пики, и кишлаки, и кибитки - все то, что вряд ли видели многие школьники больших городов. Мы поднялись на перевал Тенгизбай, откуда Федченко открылся ледник, впоследствии названный его именем. Потом побывали в Шахимардане, Фергане и ошалело ходили среди древних мечетей и медресе Самарканда, еще не зная, что будем в этом удивительном городе много раз.

Что ж, не получилось с Центральным Памиром - выберем другой маршрут. Пораспросив инструкторов на самаркандской турбазе, я увел группу в Фанские горы, в такие места, что ребята сказали: мы напились красотой на всю жизнь.

Мы влюбились в горы Средней Азии и в ее седую историю. За несколько сезонов прошли весь Алайский хребет, проехали по Памирскому тракту от Оша до Хорога и вдоль границы с Афганистаном в Душанбе, добрались до Сарезского озера, были на Тянь-Шане и всегда заканчивали путешествия поездкой по городам - Пенджикент, Исфара, Коканд, Самарканд, Ташкент, Бухара, Хива... Став взрослыми, ребята ездили по заграницам и тоже повидали немало, но все равно говорят, что наши путешествия остались самыми памятными.

Еще перед Алтаем я потребовал от туристов обязательных пробежек по 15-20 минут ежедневно. Теперь же, готовясь к выходу в большие горы, мы начали тренироваться посерьезней, добавив к бегу силовые упражнения. Год за годом мы меняли систему общей физической подготовки, но какой бы совершенной она не была, проверять ежедневные самостоятельные занятия ребят в интернате, а тем более, бывших воспитанников, я не мог.

Тогда мы ввели контрольные нормативы, не выполнив которые человек лишался права участвовать в горном путешествии.

Теперь за два месяца до выезда в горы туристы демонстрировали свои возможности: юноши должны были пробежать за час двенадцать километров, а девушки десять. Это выполнялось всеми сравнительно легко. Второй норматив - 12-ти минутный бег по стадиону. Для юношей - 2800 м, для девушек - 2600. Здесь уже без самостоятельных тренировок не обойтись. Скоростная выносливость редко кому преподносится при рождении, ее надо вырабатывать достаточно долго. Но я говорил ребятам, что наш 12-ти минутный бег по затратам энергии, в какой-то степени, равен подъемам на горные перевалы, и готовиться к напряженной работе на больших высотах надо внизу. Последний норматив - приседание на каждой ноге по десять раз. Конечно, можно было ввести еще несколько тестов из альпинистских программ, но тогда слабейшие наверняка бы отсеялись, а мы никогда не ставили во главу угла прохождение маршрутов повышенной сложности, у нас были другие задачи.

Прежде всего, мы хотели, чтобы в горы пошли все желающие, и относительная доступность нормативов это позволяла. При известных усилиях, разумеется.

В первом же кавказском путешествии ребята убедились, что без дополнительных тренировок не обойтись. Технически простой, хотя и снежно-ледовый, перевал Бечо многим показался не таким уж и легким. Правда, шли через него 6-8 классы и старшие были основательно перегружены. Да и высота за 3000 м давала о себе знать. Но ребята выдержали - не зря же водили мы их по уральской и алтайской тайге! После Кавказа спортивные тренировки стали непременной частью подготовки к будущим путешествиям, такими же обязательными как и занятия по горовосходительной технике. До сих пор никто не учил ребят как надо ходить по осыпным и снежным склонам. Альпинистского

снаряжения у нас еще не было, а без него можно прокладывать маршруты только через простенькие перевалы. Для первых путешествий большего и не требовалось, но ведь ребята повзрослеют, не наскучит ли им хождение по избитым путям? Я полагал, что постепенное усложнение маршрутов поставит перед ребятами дополнительные задачи.

Надо будет научиться скалолазанию и работе с веревками – это в предсезонный период. А в горах потребуется серьезная взаимопомощь, страховка на подъемах и спусках, наведение переправ, разведка перевалов – и, значит, появление новых ситуативных лидеров, которые сейчас могут быть в тени.

Когда мы уже прочно осели в горах, я увидел, что не ошибся.

Пришел к нам перед одним из памирских путешествий молодой худощавый мужчина с какого-то завода. Не особо разговорчивый, но зато работающий и всюду поспевающий. Прижился он в группе быстро, хотя в наши дела особо не вступал и в споры у костра не вмешивался. Перед отъездом в горы меня предупредили, чтобы использовал Толика только как тягловую силу и ни в какие разведки не посылал.

- Почему?

- Лучше не надо.

Мы сделали дневку перед первым перевалом, и я спросил не хочет ли кто-нибудь прогуляться наверх, посмотреть, сколько еще идти завтра до предперевального цирка.

- Я схожу, – вызвался Толик.

- И я с ним, – сказал наш крепыщ-десятиклассник.

- Шести часов на туда-обратно хватит?

- Хватит, – сказал Толик, взглянув на карту.

Через пять часов Толик сбежал по тропе к палаткам.

- Ты почему один? А где напарник?

- Сейчас придет. – Толик глотнул протянутый ему компот. – Значит так. Здесь прямо по линеечке до цирка часа два идти. Тропа хорошая – забрасывать продукты к перевалу не надо, все сразу утащим. А спуск на ту сторону крутой. До тропы метров сто мелкая сыпуха...

- Постой, ты что же на перевале был?

- А чего? Надо же посмотреть.

Десятиклассник притащился в лагерь совершенно вымочаленный. Ничего от него добиться мы не смогли.

- Так сколько же подниматься до цирка?

- Не знаю. Шли быстро, потом Толик вперед убежал – это не человек, а танк какой-то. Пока я до цирка шел, он уже с перевала спустился. Разговаривайте с ним, а мне дайте компота и я спать пойду.

По моим прикидкам мы должны были занести наверх сначала ящики с продуктами, а лагерь сворачивать на следующий день. Но раз до цирка не больше двух часов, можно идти с полной выкладкой – не за два, так за три часа дойдем.

Мы вышли по утренней прохладе, и скоро я проклял и хорошую тропу, и свою доверчивость. Воды нет, вокруг только блестящие на солнце камни, а за каждым взлетом появляется новый – даже хребта, на котором наш перевал не видно.

Через три часа я спросил Толика скоро ли дойдем.

- Да кто его знает, вроде бы давно должны. Тянемся медленно, – Толик подкинул на спине свой рюкзак весом под сорок килограммов. – Тут, смотрите, по линеечке и сразу в цирке.

Это "сразу" обернулось для нас еще двумя часами.

Так появился в горах не знающий усталости новый лидер. На Памире и на Кавказе Толик всегда впереди. Возглавить группу заброски продуктов, разгрузить девчонок, провести разведку (мы его обтесали, втолковав что к чему), лучше Толика никто не мог. Не говоря уже о работе с примусами в самую непогоду. Толик стал авторитетнейшим человеком в группе. Спустившись с гор, он отходил в сторону – в городах появлялись новые лидеры – но отношение к нему не менялось: ответственность и надежность ценились у нас очень высоко.

Таких лидеров у нас появлялось немало. И эти самые умелые, самые опытные ребята, чьи возможности внизу не могли быть востребованы полностью, почувствовав свою нужность, прикипали к группе, входили во многие ее дела – без них теперь никакие вопросы, связанные с горными маршрутами, не решались.

С усложнением маршрутов начали появляться проблемы, о которых мы раньше

не задумывались. Одно дело пройти два простеньких перевала, не требующих особых технических умений. Берешь продуктов на несколько дней и шагай себе.

Но если маршрут планируется на две недели, да еще с перевалами за 4000 м, тут уже надо позаботиться об уменьшении веса рюкзаков. Постепенно мы научились доводить дневной рацион до 700 граммов на человека, но все равно с учетом личного и общественного снаряжения средний вес рюкзаков зашкаливал за 30 кг, а это уже многовато для нашей группы.

Поэтому первые дни мы относили продукты и снаряжение поближе к перевалу, или, еще лучше, перетаскивали часть продуктов на другую сторону хребта через несложный перевал, чтобы придти к ним, закончив половину маршрута.

Еще одна забота, с которой мы раньше не сталкивались, это выход на маршрут группы в 30-40, а иногда и в 50 человек.

На подъемах и особенно на спусках, вылетевший у кого-то из под ноги камень, может запросто попасть в нижестоящего.

Чтобы этого не случилось, мы создали несколько отделений. идущих друг от друга в пределах видимости, а когда у нас появились рации, то с временным интервалом в двадцать минут.

Безусловно, время дневных переходов несколько затягивалось, но это учитывалось при разработке маршрутов и не беспокоило нас. Зато первое отделение успевало до прихода остальных навести переправу через реку или навесить веревки на сложных участках. Все эти тактические ухищрения появлялись по мере надобности и требовали четкого взаимодействия отделений и очень хороших отношений между ребятами.

Какие бы нами ни выбирались маршруты, прежде всего надо заботиться о безопасности людей. Я постоянно втолковывал ребятам, что всякое лихачество и необдуманные действия в горах рано или поздно могут привести к травмам и даже к трагедии. Усваивалось это не всеми и не сразу.

Вот мы пересекаем довольно крутой каменистый склон. Ледоруб в это время надо держать на изготовке и штычком к склону, чтобы в случае потери равновесия опереться на него и сохранить устойчивое положение. Вроде бы элементарно и давно освоено на тренировках. Я иду впереди, и перед неприятным участком даю команду: "Ледорубы на самостраховку!". Склон в общем-то безопасный, навешивать веревочные перила не требуется. И вдруг: "Ах!" Оглядываюсь: девушка кувыркается по мелким камням, ее разворачивает головой вниз и накрывает рюкзаком. Далеко она не уехала, только исцарапалась хорошенько. Выйдя на ровные площадки, выясняем как могло такое случиться. Да, собственно, и выяснять ничего не надо: девушка замечталась и перебросила ледоруб штычком от склона, а значит лишила себя дополнительной опоры.

- Почему же идущий сзади не упредил ее?

- Да как-то не обратил внимания...

Снова и снова я убеждаю ребят, что в технике хождения по горам не бывает мелочей, и что накопленный опыт безопасности оплачен кровью многих альпинистов. Ребята все прекрасно понимают, тем более, что исцарапанная девушка предметно подтверждает мою правоту. Но должно пройти время, чтобы умения ребят сделались устойчивым навыком, когда практически не задумываешься, выполняя то или иное действие. Как не задумываешься, застегивая пуговицы или завязывая шнурки на ботинках. Поэтому в первые годы наших горных путешествий я всенепременно напоминал туристам о правильном выполнении технических приемов, напоминал даже тогда, когда надобность в этом отпала. Но пойдя угадай, что взбредет в головы новичкам!

На одном из склонов с большими вкраплениями снежников мы съезжали как на лыжах, притормаживая в случае надобности ледорубами. Скользит мимо меня девчонка-первогодок. Лицо вдохновенное, волосы в разные стороны разлетаются.

- Вэ-Я, - кричит девчонка, подняв ледоруб над головой - я такая счастлива...

И тут же, споткнувшись, врезается лицом в жесткий снег.

Эта эйфория и вскинутый вверх ледоруб обернулись для красавицы разукрашенной зеленкой физиономией.

Ладно девчонка, ей всего-то шестнадцать годков. Но взрослая женщина, преподаватель педагогического училища, когда тропа начала вылаживаться и пошли травянистые склоны, вдруг вырвалась из колонны и с криком "Эй-гей!" по-козлинному запрыгала вниз. Все заорали, да поздно: распираемая восторгом туристка уже набрала скорость, ноги ее как у тряпичной куклы мотались в

разные стороны, перекрещиваясь и расходясь, и то что она не упала, сэкономив нашу аптечку и позволив продолжить маршрут - просто незапланированное везение.

Я тут же обрушил на голову женщины всю искренность своих чувств, не стеснясь присутствия ее учеников. Молодая педагогичка удивленно хлопала глазами, не понимая, что это вдруг на нее нашло. А ведь я много раз напоминал, что подняться на перевал - это не значит пройти его: после подъема еще бывает и спуск. Выйдем на травянистые площадки, тогда и поздравляйте друг друга, выпускайте пары. Новички всепонимающе смотрят на меня, а потом это "Эй-гей!" Ну прет радость из новичков, что тут сделаешь.

Мы всегда разбирали такие случаи, их становилось все меньше, и когда наши маршруты усложнились, необдуманных выходов уже никто не допускал.

Второе, а может быть, первое, к чему надо было приучить ребят - это к безусловному подчинению распоряжениям руководителя. Никаких советов при выборе пути, а тем более, при прохождении сложных участков. Основные тактические моменты разрабатываются с наиболее опытными туристами и доводятся до сведения остальных еще до выезда в горы. Здесь каждый может возражать и советовать сколько угодно. План завтрашнего перехода растолковывается на вечернем привале. И здесь мы слушаем тех, кому есть что сказать. Но на этом кончено: теперь любое замечание руководителя - это приказ.

Подходим мы к довольно бурной, но мелкой реке. Говорю, что будем натягивать веревку.

- Зачем? - протестуют ребята, - Мы и так. Только время потеряем.

В принципе, можно объяснить, что страховка не мешает - течение быстрое, вдруг кого-то снесет, а нам это надо?

Но я тут же обрываю ребят - пусть привыкают: демократия не для горных маршрутов. А потом ребята видят как борется с напором воды здоровенный парень, перетаскивая веревку на противоположный берег. И на себе чувствуют силу реки, хотя вода не выше колен.

Еще в студенческих горных путешествиях я убедился, что надо очень хорошо подумать, прежде чем лезть к руководителю со своими советами.

Руководитель долго готовился к маршруту, не один раз мысленно прошел его, наметил тактические варианты, составил график движения, а тут объявляется человек и предлагает что-то свое, чаще всего несуразное, но на первый взгляд вполне логичное. Например, предлагает остановиться на ночлег вот на этой удобной площадке, а не тянуться на ледник, где и холодрыга приличная, и палатки будет ветром трепать. А народ нашагался за день, устал и поддерживает умника. И никто не думает, что утром до перевала надо будет идти часа два, и что спускаться придется при солнышке, когда камни оттают и начнут валиться на головы. И что следующая стоянка планируется за снежными полями, которые тоже раскиснут на жару, а это не только промокшая обувь, тут, проваливаясь, и ноги вывернуть недолго. Удовольствие от позднего выхода на перевал группа почувствует потом, но даже если никто не травмируется, все будут косо поглядывать на руководителя: что же он натворил такое!

Когда я однажды увел ребят с прекрасной стоянки у горного озера под самые ледники, да еще приказал вернуться за дровами, притащенными к озеру снизу, да еще заставил у каждой палатки соорудить ветрозащитную стенку из камней, ребята тоже недовольно бурчали. А к ночи, едва успели поужинать - разметала костер снежная буря, и не поставь мы стенки у палаток, остались бы от них только теплые воспоминания. И на перевал мы успели подняться по морозцу, благо вышли на маршрут в шесть утра.

Конечно, руководитель не должен быть самодуром и диктатором, но советовать ему можно только при очевидных промахах. Вот заглядываю на спуск с перевала, а там обрыв метров на десять, о котором не подозревал. Значит, надо разматывать веревки - прокатимся немножко. А командир группы подходит ко мне и тихонечко говорит:

- Вз-Я, за камнем расщелина с хорошей тропой.

- Да ну?!

- Точно.

Захожу за камень - и вправду тропа. За такие подсказки, конечно, спасибо, но чаще новички брякают, что в голову придет, и только отвлекают руководителя от работы на маршруте.

Стоим мы на леднике, обозреваем хребет. Я разворачиваю карту и

негромко, ни к кому не обращаясь, вопрошаю себя: "Так где это, который наш перевал?" А мальчишка тут же показывает на ближайшую седловину: "Вот он!" Сейчас парень - мастер спорта по альпинизму, а тогда - стручок зеленый, первый раз в горах.

- Почему "Вот он" ? - спрашиваю.

- А где же еще?

Я прикрикнул на мальчишку - не вмешивайся не в свое дело!

- Представь, - говорю, - что послушался бы тебя. С этого перевала спуск на две веревки, а с нами полно новичков! Мы бы там целый день провозились. А ты бы сразу в сторонку: я только свое мнение высказал...

В первых наших горах от советчиков отбоя не было:

- Вз-Я, здесь проход лучше!

- Вз-Я, давайте по борту ледника пойдём!

- Давайте по снежнику скатимся!

Иногда я поддавался таким советам: действительно, проход лучше. Но этот проход выводил на трудные скалы или под стенки с летящими камнями. А О ТОМ, что у борта ледник подтаивает, и образуются трещины - ранткюфты - часто забитые снегом, ребятам почему-то забывали. Наконец я попросил ребят держать свое мнение при себе до поры, пока не спрошу его. Тех же, кто не проникся моей просьбой, грубо обрывал.

Постепенно советы руководителю на маршруте прекратились, хотя несколько раз прислушаться к ребятам было бы полезно.

Стоим мы на памирском перевале. Достая карту и фотографии из отчетов тех, кто ходил уже в этих местах:

- Вон, - говорю, - на том хребте наш следующий перевал.

А командир группы сверяет карту с местностью и поправляет меня:

- Вроде наш перевал правее.

- С чего ты взял?

- Да вот карта...

Смотрю: действительно, вроде бы правее. Но на фотографии - стрелочка и название перевала, как раз того, что в левой части хребта. Один к одному.

- Мало ли что на самодельной карте нарисовать можно! - уверенно

говорю я. - А фотография с этого места сделана, так что ошибка исключена.

Никто не спорит, тем более, что подъем к хребту все равно один. Дойдем на следующий день и на развилке разберемся. Спустились к реке, походили вдоль берега, определяя место для утренней веревочной переправы и разошлись по палаткам. Ребята уснули, а я все просчитываю, на какой же перевал будем подниматься. А вдруг на фотографии ошибка? Нет, таких случаев не припомню. На картах ошибки бывали, да и при калькировании наши топографы могли что-то напутать. В общем, как не крутил, а по всему выходило, что надо подниматься на левый перевал.

Подшли к хребту засветло. Ставим лагерь, осматриваемся. Справа - крутой, укрытый снегом ледник, разорванный широким бергшрудом - глубокой продольной трещиной. А слева - заваленный камнями склон. Выше мелкие камни - сыпуха. Но высоко за поворотом явно угадывается понижение.

- Ну, что, знатоки, - насмешливо говорю ребятам, - кто из нас прав?

Те, кому не положено вмешиваться в разговор, молчат. Опытные туристы соглашаются, что надо идти по камням. Но командир и еще одна девушка-ветеран упрямо указывают на ледник.

- Идем на левый склон! - прекращаю я дискуссию. - До перевала не больше трех часов хода.

Утром потянулись наверх. Крупные камни прошли легко, а на сыпуче увязли. Делаешь шаг-другой и плавно съезжаешь по склону. В колонне идти нельзя - бомбишь камнями тех, кто пониже. Разворачиваемся в шеренгу, теперь каждый идет своим путем, держа за ориентир скальные выходы на повороте к перевалу. Добираемся к скалам, а они рыхлые: ухватишься - словно ящик из стола каменюгу на себя вытаскиваешь. Хорошо, если успеваешь затолкать каменюгу на место, а нет - кричи, предупреди нижних, чтобы увертывались. Проковырялись мы на скалах около часа, вылезли наверх, глянули на ту сторону, а там отвес веревки на две. А главное - сразу видно: не туда залезли, не в нужную нам долину спуск ведет.

Теперь уже ребята насмешливо посматривают на меня.

- Ну что ж, - говорю, - и на старуху бывает проруха. Откуда мне знать,

что фотография врет, а не карта.

Съехали обратно быстро, не вспотев, а вечером командир умные слова сказал:

- Вэ-Я правильно поступил, хотя и ошибся. Он руководитель, ему решать.

- А если бы такие ошибки были частыми? - удрученно спросил я.

- Тогда бы вы не были руководителем, - сказал командир.

В другой раз остановились мы перед подъемом на перевал Казнок, что в Фанских горах. Ходил я через него давно, где начало тропы, теперь не помню. Знаю только, что за большими камнями под склоном. А тут подходит к палаткам парень, местным инструктором представляется. Ну я его так, на всякий случай спрашиваю, куда завтра направление держать.

- Да вот на тот гребешок, - небрежно кивает парень.

Стоящий рядом со мной взрослый турист - разрядник, примкнувший к нам после алтайского путешествия, засомневался:

- Это же отрог, мы в эту же долину спустимся.

- Еще чего! - говорит парень. - Я здесь раз двадцать ходил.

Парень ушел, а разрядник негромко говорит мне:

- Вэ-Я, не ошибся ли инструктор? Смотрите: залезем, спустимся, обойдем отрог и сюда же вернемся.

- Да ладно, - говорю - сам вижу, что отрог. Наверху разберемся. Может перевал за поворотом, отсюда не видно. Знающий ведь человек показывал. В крайнем случае, не теряя высоты, пройдем вдоль склона и уткнемся в тропу. Лишний час на это затратим - не страшно.

- Ну-ну, - сказал разрядник, - вам решать.

Мы протоптали по мелкой осыпи слоновью тропу и крепко вымотавшись, убедились, что залезли не туда. Пошли поперек склона к настоящему перевалу, а тут надвинулись тучи, загромыхало, и я дал команду ставить палатки вразброс, где придется на узких полочках.

Утром увидели, что по нашей тропе поднимается еще одна группа. Начали кричать, указывая нужное направление, но они только приветственно помахали нам.

Через пару дней мы встретили эту группу внизу на Алаудинских озерах.

- Какие-то дураки протоптали тропу на отрог, - возмущенно сказал их руководитель. Мы из-за них часа два потеряли!

Мы скромно промолчали. А потом для себя назвали этот перевал "19-д" - "Девятнадцать дураков". Через несколько лет в группу пришел человек, который вспоминал, как в молодости тоже ходил через Казнок, и что их тоже вывели по нашей тропе на ложный перевал. Даже в одном из отчетов в городском турклубе появилось предупреждение: "Вправо от основной тропы по склону пробита четкая тропа. Но она ведет на отрог хребта, с которого по веревкам можно спуститься в долину, из которой вышли". Видимо, не одна группа вслед за нами проторила путь в никуда.

И за этот промах ребята не упрекали меня: от ошибок никто не застрахован, а действия руководителя в горах не обсуждаются. Все претензии только по окончании путешествия.

Больше таких ляпсусов я не допускал, как и не допускал любого вмешательства в мои распоряжения. И это не раз избавляло нас от неприятностей.

Мы заканчивали маршрут на Памиро-Алае. Перед последним хребтом группа разделилась: одно отделение уходит на довольно простой, но высокий - 4500 м - перевал, а я увожу ветеранов на соседний перевал посложнее. Через два дня, еще на спуске, видим палатки наших ребят, поставленные на зеленой полянке под самым хребтом. Радостная встреча, нас угощают компотом, все делятся впечатлениями о пройденном пути. А когда ребята наговорились, я возвещаю, что будем переносить лагерь подальше от хребта к шумной реке, и площадки для палаток придется расчищать от крупных камней.

Смотрю на ребят и вижу, как они пытаются понять: шучу я или говорю серьезно.

- Зачем? - не выдерживает кто-то. - Здесь же так хорошо.

Действительно: ровное место, зеленая трава - что может быть лучше для ночлега? Но я поднимаю один камень, потом второй и все видят, что под ними тоже зеленая трава. Даже пожухнуть не успела.

- Улавливаете? - спрашиваю. - Камни сегодня утром или вчера с хребта свалились. В смертников захотелось поиграть?

- Ничего не будет, - попыталось возразить отделение, уже поставившее палатки. - Мы же к хребту прижимаемся, камни через нас перелетят.

Но я только молча посмотрел на ребят.

Перенесли мы лагерь метров на двести к самой реке, а через два дня, когда уже стояли в широкой долине, качнуло горы землетрясением в четыре балла, загромыкали по склонам валуны и черная пыль еще долго стояла над ближним хребтом.

А тряхани горы чуть раньше, и будь руководитель попокладистей, неизвестно, что могло бы случиться.

Поэтому через несколько лет, уже на Кавказе, ребята не спорили, когда при безоблачном небе я остановил группу в часе ходьбы от перевала и приказал немедленно ставить палатки и пробивать отводные канавки - скоро начнется гроза с градом.

Едва мы закончили все работы, как по палаткам забарабанило так, что многие одели каски - градины были по два сантиметра в диаметре. Специально замеряли.

Молотило нас часа три, и те, кто поленился сделать отводы от палаток, вычерпывали из них воду мисками.

- Как это вы догадались, что будет гроза? - спрашивают ребята.

- Не надо же только под ноги смотреть, - говорю я. - Вон из-за того хребта поднялись шапки башнеобразных облаков. Никто не заметил? Напрасно. С каждой минутой облака поднимались выше. Потом начали темнеть. Тоже никто не видел? Даже командиры отделений? Ну, молодцы. Там же целый грозовой фронт над хребтом завис. Что из того, что до хребта больше километра? У нас жара, безветренно, куда всю эту бяку понесет? Не обратно же за хребет. Вот я и просчитал, что ливанет у нас минут через тридцать. А вам пора бы самим предугадывать такие вещи - не первый раз в горах.

Сам я понимал, что моего студенческого опыта горных путешествий маловато для руководителя, и хотя, уже работая в интернате, закончил школу инструкторов, продолжал читать все, что попадалось из альпенистской литературы, осваивая незнакомые технические приемы умозрительно, но так прочно, что уверенно демонстрировал новшества на тренировках. Да и не только в технических приемах было дело. Я учился по книгам распознавать скрытые под снегом ледовые трещины, определять места возможных камнепадов и сходов лавин, словом, старался сделать все, чтобы наши горные путешествия проходили безаварийно и с большим запасом надежности. И учил этому ребят, а при случае ставил перед ними вопросы, ответы на которые они должны были сами найти.

Скажем, спускаемся мы с памирского перевала. Идем по крупным моренным валам. Рядом поблескивают ручьи, временами уходя под камни, и тогда только слышно как журчит вода под ногами. Останавливаемся на большой утрамбованной площадке. Снежные поля остались позади, склоны уже поросли хвойным лесом, и на площадке полно белых как кости, высушенных солнцем до звенящего стука обломков толстых веток. Но воды нет. Последний ручей ушел под камни в полчасе ходьбы от нас. Ребята огорчаются: такое место для лагеря теряем! Значит, еще идти неизвестно сколько, вон по той узкой расщелине, прижатой к хребту высоким травянистым бугром, с разбросанными по склонам чахлыми елями.

- Вода будет через десять минут за бугром, - уверенно говорю я.

- Откуда вы знаете? - удивляются ребята. - Бывали уже здесь?

- Нет. Но вода будет.

- Почему?

- Подумайте.

Начинаются всякие предположения. Я прошу не гадать, а внимательно осмотреться. И постепенно ребята выстраивают логичную цепочку рассуждений: на склонах и на бугре деревья. Дожди здесь редки, значит подпитка идет грунтовыми водами.

На гребне хребта снега нет - ручьи текли только от снежников нашего перевала и только вдоль хребта. Далее: бугор у подошвы в сочной траве, а то что наверху деревья подсохли, так это вода не дотягивается до них. Куда же она девалась - ведь в начале спуска было много ручьев? Ну, ясно: ручьи текут глубоко под камнями - даже журчания не слышно. Значит? Значит ручьи объединившись, пропилили проход под бугром и выплеснутся мощным напором с другой его стороны. Что и требовалось доказать!

Мы быстренько сбегали вниз и увидели как из под бугра хлещет водопад чистойшей отфильтрованной воды.

Все эти премудрости походной жизни постепенно усваивались ребятами. С каждым годом они чувствовали себя в горах уверенней, и удивленно вспоминали нелепости, которые случались со многими в наших первых путешествиях. А мне уже не нужно было беспокоиться, что кто-нибудь выкинет необдуманный номер: тех, у кого не хватает ума, тут же остановят товарищи.

Как-то наш директор Михаил Владимирович сказал мне:

- Ты не обращал внимания - почти во всех отрядах на выборных командных должностях стоят туристы.

- Не может быть.

- Точно! - расмеялся Кабатченко. - А почему? Потому что они самые активные и принципиальные. И еще - правда, это неуловимо - за каждым туристом чувствуется моральная поддержка товарищей. Понимаешь, они защищены авторитетом всей твоей группы и потому могут защитить других.

- Не преувеличиваешь?

- Нет. Сколько у нас туристов?

- По списку - около шестидесяти.

- Будем считать пятьдесят. И еще человек двадцать рядом вертится. Представляешь, какая сила! - Кабатченко помолчал. -

Печально, если наш - нет, нет, я не примазываюсь - печально, если твой опыт пропадет. Мы очень щедро теряем все, что однажды найдено, нельзя так.

Видимо, что-то тревожило Михаила Владимировича, и он, не закончив разговор, ушел в кабинет.

Через месяц Кабатченко заглянул в Штаб туризма.

- Надо поговорить, - он по привычке вытянулся в кресле и забарабанил по подлокотникам. - Так складывается, что в следующем году я уйду из интерната. Да, пригласили в аспирантуру, - Михаил Владимирович закрыл глаза и долго молчал. - И не только в аспирантуре дело... В общем, подумай - останешься здесь или еще куда.

- А как же с ребятами?

- Да, тяжело, - вздохнул Михаил Владимирович. - Здесь грядут большие перемены... Очень большие. - Михаил Владимирович встал:

- О нашем разговоре знает только Людмила Яковлевна. Год доработаем как обычно. А дальше... - он махнул рукой и, не попрощавшись, ушел.

Я долго раздумывал, как поступить. С одной стороны - отряд, с которым сроднился. Но старших ребят уже нет, уйдут и нынешние восьмиклассники - я вдруг почувствовал, что выдохся, что ничего нового придумать уже не смогу. Четыре года, без оглядки на время, в интернате. Полтора часа на дорогу только в одну сторону. Читаю урывками, все больше в метро. А потом - как будет без Михаила Владимировича? Ведь не на мне, а на нем держится вся система коллектива из разных возрастов. Кто взвалит этот груз на свои плечи? В интернате таких людей нет. А новый директор - как он еще покажет себя?

Ничего я решить не смог и понадеялся на весну - авось, что-

нибудь да прояснится. Перед вылетом на Алтай я заглянул в Отдел народного образования того района, в котором начинал десять лет назад, и мне, по старой памяти, тут же предложили школу-восьмилетку, где директором был тоже учитель физкультуры, и по идее мы должны были найти общий язык. Так и случилось.

Территориально школа располагалась очень удачно: рядом парк для лыжных занятий, в пяти минутах ходьбы - стадион. А из окон актового зала была видна школа, из которой я нырнул в интернатскую жизнь. Один виток сделан, теперь все надо начинать сначала.

Школьная группа

Но сначала начинать не пришлось. С учениками быстро установился нужный контакт: уроки, секции, соревнования, спортивные праздники - все, как и должно быть. Я собрал желающих в туристскую группу, соединив ее с интернатской, с которой не порвали связей и бывшие воспитанники. Теперь в походы выходили люди от 12 до 18 лет. Осталась с нами и Людмила Яковлевна, уже работавшая в другой школе, и наше туристское объединение начало приобретать какой-то неопределенный статус. Вроде бы это школьная секция, но в ней много людей из других учебных заведений, и сколько это доставит мне хлопот и неприятностей в будущем, я тогда не догадывался.

Михаил Владимирович ушел в аспирантуру. Защитив диссертацию, работал в

Министерстве, потом каким-то начальником в Африке, потом в ЮНЕСКО в Париже, объездил полмира, вернулся, стал ученым секретарем в НИИ, затем вице-президентом чего-то очень академического – словом, занялся бездетной педагогикой. Мы изредка перезваниваемся, еще реже встречаемся, и вспоминая прошлое, Михаил Владимирович говорит, что лучшие его годы прошли в интернате...

Новый директор интерната на первом же педсовете заявил:

- Детей надо учить, а не экспериментировать над ними.

Интернат перешел на обычную классную систему, перестали работать многие кружки, среди прочих закрыли туристскую секцию, в кабинете туризма сделали кладовую, отказались от нашего палаточного лагеря. Несколько воспитателей ушли в школы, а интернат начал хиреть, и превратился в заурядное учреждение, лишней раз подтвердив справедливость замечания А. С. Макаренко о том, что создать детский коллектив очень сложно, но развалить легко. Доказав это на практике, новый директор ушел на повышение, став заведующим РОНО.

А в школьной туристской секции все шло заведенным порядком. Более того – добавилось новое дело: на весенние каникулы мы выехали в Крым для занятий скалолазанием на хребте Демерджи. К школьникам подсоединились бывшие воспитанники интерната, поэтому я не сомневался, что первый выход новичков в горы будет успешным.

Неодобрительно поглядывают пассажиры на ребят, втаскивающих в вагон тяжелые рюкзаки. Кто-то споткнулся о ящик с продуктами, кого-то задела альпенштоком, и в адрес туристов летят нелестные реплики. Тогда в деликатные переговоры с недовольными вступают наши ветераны, и все быстро улаживается: нам отдают пять смежных купе, и ребята обещают вести себя тихо.

Вечером проводим заседание Штаба.

- После отбоя – никаких хождений по вагону и никаких разговоров! – говорит командир нашей поездки Саша Иванов.

Саша – ветеран из первого интернатского поколения, а ныне токарь и студент географического факультета пединститута. Он великолепно знает законы и традиции группы и сейчас негромко втолковывает новичкам, что рядом с нами едут посторонние люди, и нарушать их покой нельзя.

- Ответственные за порядок после отбоя – старосты по купе и дежурный командир. Дежкой ложится последним, а завтра доложит, кто пытался нарушить дисциплину. Еще предложения по отбою есть?

- Есть. И не только по отбою, – говорит медсестра, тоже из поколения ветеранов. – Санитары отделений должны проследить, чтобы все умывались перед сном, а перед едой мыли руки. И нечего тут улыбаться! – одергивает она новичков-штабистов. –

Нашли чем шутить! Сегодня перед ужином я отправила двоих умываться, а завтра, если это повторится, санитары получают наряд. Еще предлагаю проводить влажную уборку купе и не затруднять этим проводников.

Предложение принимается, и завтрашний дежурный командир делает в своей тетради пометки.

Еще одна ночь в поезде – и ребята упаковывают рюкзаки: скоро Симферополь.

- Вэ-Я, – испуганно окликает меня дежурный командир, – там вас пассажиры спрашивают.

- Что-нибудь случилось?

- Не знаю. Только они всех ребят собрали и вас ждут.

- "Не знаю", – передразнил я дежкома. – А кто должен знать? Ну, пойдём.

В центральном купе и вдоль по коридору стояла, наверное, половина пассажиров нашего вагона. Ребята жались по углам и свешивались с верхних полок.

"Дело, видимо, серьезное", – подумал я, перебирая все мыслимые наши грехи.

- Здравствуйте. Вы руководитель этих туристов? – женщина средних лет поглядывала на меня сквозь стеклышки очков.

- Доброе утро. Я слушаю вас.

- Мы все, – женщина блеснула очками в сторону обступивших ее пассажиров, – мы все хотим поблагодарить вас за хорошее воспитание детей. Когда вы пришли с рюкзаками, мы думали, что не дадите днем отдохнуть и ночью выспаться. А дети у вас оказались замечательными.

С верхней полки раздался смешок, я стрельнул туда взглядом – и чья-то

голова тут же спряталась.

- Это Женя Мухин балуется, - улыбнулась женщина. - Знаете, мы тут со всеми вашими детьми перезнакомились. И Аннушку знаем, и четверых Саш, и обеих Маринок. Они так интересно рассказывают о своих походах и о всей группе. И поют очень хорошо. Нам всем понравилось, что дети поддерживают чистоту в вагоне, вот и проводница вас хочет поблагодарить.

Много приятных слов сказали нам пассажиры. Я с удовольствием слушал, потому что хорошо помнил свои первые поездки со школьниками в электричках, когда ничего не мог сделать, чтобы обуздать кричащих, свистящих и затевающих потасовки ребят. А ведь они были одного возраста с нынешними моими учениками, только не было рядом старших товарищей, на которых хотелось бы походить...

Погода в Крыму этой весной не заладилась. Мы обучали ребят простейшим приемам хождения по скалам и травянистым склонам, не обращая внимания на постоянно морозящий дождь: на Кавказ, куда мы собирались летом, погода могла быть и хуже. Я видел, что новичкам трудно. В зимних походах они привыкли работать в мороз и слякоть, но каждый знал, что надо потерпеть всего сутки, а потом - горячая ванна и чистая постель.

А здесь на склонах хребта - на ветру, под дождем, в плохо просушенной одежде - надо изо дня в день хвататься за осклизлые камни, карабкаться вверх, спускаться, держась за грязные веревки - это совсем не просто для девчонок и мальчишек 11-13 лет. И не будь рядом старших, ничего бы у нас не получилось. Бывшие интернатские обучали новичков, пресекая баловство и лихачество, их оптимизм создавал нужную атмосферу, и то, что было наработано в группе за прошлые годы, легко принималось школьниками. Но все-таки на заключительном собрании, когда по традиции высказывались о каждом члене группы, в том числе и о руководителях, старожилы говорили, что новички не всегда справляются с трудностями и даже бывали случаи небрежных дежурств по кухне.

И тут в неправильных действиях неожиданно упрекнули взрослых.

- Конечно, вы опытней нас, - заикаясь от волнения, сказала чудесная пятиклассница Аннушка Баранова. - И больше умеете...

Только зачем, чуть что, все делаете сами, а мы, как маленькие, только смотрим?... Воду принести или костер разжечь - сразу вы бежите. Ну, пусть мы сделаем это медленней, но ведь нам тоже надо учиться. Никто не спорит, когда помогаете на скалах - там мы одни не справились бы. А на Штабе зачем все первыми говорите, а Вэ-Я недоволен, что мы молчим? А что мы можем сказать, когда вы уже все сказали?

Аннушка оглянулась на согласно кивающих школьников и, зажмурившись, выпалила:

- Вэ-Я удобней, когда все старшие делают, так у него хлопот меньше - вот что!

Возражения опытных туристов и мои доводы не произвели на ребят никакого впечатления, и они остались при своем мнении.

В Москве мы не раз возвращались к поездке в Крым, и новички старались вспомнить даже самые незначительные случаи нарушения принятых в группе норм, и прямо указывали товарищам, когда и почему они поступали не так, как следовало бы. Не обо всем из услышанного я знал лично, но это несколько не тревожило, а только укрепляло в уверенности: все то, что не заметит руководитель, будет постоянно находиться под контролем общественной оценки всех членов группы.

Летом мы взяли старших школьников на Кавказ, и никакой разницы между старожилками и новичками не было.

Осенью в группу пришла пионервожатая школы Валентина Ивановна Юхацкова, и работать в паре стало значительно легче. Валентина Ивановна не прощала новым туристам даже пустячных промахов. Она удивительно точно помнила все проступки ребят и сразу указывала на них. И попробуй сказать: "А че я?" - Валентина Ивановна тут же перечислит не только нынешние, но и все прошлые твои грехи. У нас действительно было не все гладко: кто-то набедокурил на перемене, кто-то нахватал двоек. Так что отвести душу на ребятах было нетрудно. Конечно, можно махнуть рукой и уйти из группы. Но как тут уйдешь, когда готовится новый поход в снежном лесу, да еще без палаток, когда скоро туристский вечер, когда весной - новая поездка в Крым, а летом уже маячат Карпатские горы? Вот и приходится сидеть и слушать Валентину Ивановну и

ребят. А потом еще и от старших влетит. Наши старожилы не так уж часто заходят в школу: десятый класс, работа – их можно понять.

Но в походах мы вместе, и тут среди бесед и песен у костра всегда находится время, чтобы поговорить о делах новичков. Нет, старшие не ругают школьников, они только спрашивают: почему не помогли, почему не одернули? А что тут скажешь?

Новички уже знают, что любой их поступок – это победа или поражение группы. Все чаще мы говорим не о художествах школьников, а о том хорошем, что они могли сделать, но поленились или не догадались. Покрасили без помощи взрослых пол в спортивном зале – великолепно, иначе и быть не могло. Но в седьмом классе есть прогульщики и двоечники. Почему не взялись за них? Ах, они не члены группы? Но они же учатся в вашей школе!

Однажды в походе я сказал, что недоволен новичками. Да, они стали лучше учиться; да, не отказываются ни от каких поручений. Но ведь это туристы! Наши младшие товарищи. Мы вместе в школе, вместе в походах. Неужели они не видят, как мне бывает трудно? Ведь я исполняю обязанности директора школы, я секретарь парторганизации – дел уйма! Но ни один из новичков не подошел и не спросил, надо ли в чем-нибудь помочь!

Разговор получился бурный. Тут уж школьникам припомнили и безалаберное хранение туристского инвентаря, и неинтересные пионерские сборы, и поломанные стулья, которые они вот уже несколько недель обещают починить. Бывшие воспитанники интерната, видно, забыли, что им от меня доставалось за то же самое, и потому выводы из разговора были сделаны совершенно неожиданные для меня: не брать новичков в летнее путешествие!

Честно говоря, мне стало не по себе: как же так? Столько готовились, мечтали – и вдруг все прахом. Ведь речь шла не об отчислении ребят из группы. Занятия, тренировки, походы – все это будет. И провожать отъезжающих на Карпаты новички тоже придут – такова традиция. Но каково тем, кто останется дома не из-за своих личных дел, а подчиняясь решению четырехмесячной давности?!

Защитить новичков в сложившейся ситуации я не мог, а при голосовании знал, что останусь в меньшинстве. Девочки уже начали всхлипывать, и в неловкой тишине командир новичков Саша Орлов спросил, можно ли побеседовать с товарищами отдельно от старших.

– Конечно, можно.

И ребята побрели за кусты к реке.

Не знаю, о чем они там совещались, но вернулись не скоро и только попросили: пусть голосование состоится через месяц, а потом еще через месяц, а потом еще...

К чести новичков надо сказать, что к этому вопросу мы больше не возвращались, и на Карпаты поехали все.

Конечно, мы понимали, что не великая сознательность свалилась вдруг на головы школьников, а мечта о Карпатах заставляла сидеть за учебниками и удерживала от многих лихих деяний. Собрался у нас разный народ – хорошие ученики и двоечники, тихони и сорви-головы. У каждого были свои дела: кто музыкой занимался, кто спортом, а кто и просто баклуши бил по дворам. Жили они спокойно, не слишком общаясь друг с другом, и к нам пришли – одни с интересом, а другие так, от нечего делать. А тут – походы и ночевки в зимнем лесу или на холодных камнях в черных лабиринтах подмосковных пещер, тут песни у костров и взрослые люди, с которыми так интересно говорить и спорить, тут планы, от которых кружатся головы: летом Карпаты, а через год – Кавказ или Памир. Как уйдешь от всего этого? И постепенно школьники начали понимать, что строгость старших – это не дежурные нотации и не только забота об их сегодняшнем дне, но и о том, какими они станут в будущем.

Так внешние требования становились для новичков требованиями к себе. Новички крепко сдружились и старались быть вместе не только на переменах, но и после уроков, собираясь в пионерской комнате, где Валентина Ивановна всегда находила для них какие-то дела. Новые интересы, плотные спрессованные новыми заботами дни не оставляли времени на празднотания, заставляли строже оценивать свои поступки и поступки товарищей. Помню, как новички набросились на нашу Маринку за безобразное поведение на уроках черчения. Я не слышал начала разговора, но подойдя к костру, застал девочку в слезах.

– Не понимает, – огорченно говорили ребята. – Целый год в группе, а не понимает, что всех нас позорит.

- Да не в этом дело, - вскинулась Аннушка Баранова, теперь уже шестиклассница, казначей и член Штаба. - Позорит - это конечно. Но ведь она сама не учится и другим мешают. Может быть, ей не стыдно, а нам стыдно за нее, вот что!

Ребята загалдели все разом, и на бедную Маринку посыпались горькие слова упреков.

- Ну и подумаешь! - огрызнулась Маринка. - Все вы хорошие, одна я плохая. А мне не стыдно! Слышите - не стыдно, и все! - Маринка вскочила. - Уйду я от вас! Совсем уйду! Из группы!..

И, расталкивая ребят, бросилась в темноту.

Ужинать она не пришла, бродила по лесу и со мной говорила неохотно, сквозь зубы.

- Не слишком ли круто вы взялись за нее? - осторожно спросил я ребят.

И ребята наперебой начали объяснять, что нельзя в одном месте вести себя хорошо, а в другом плохо только потому, что в одном месте интересно, а в другом скучно.

Из группы Маринка, конечно, не ушла и уроки черчения тоже не полюбила, но учиться стала прилежней, и жалоб на ее поведение больше не поступало.

Возможно, я ошибаюсь, но полагаю, что школьники все больше начали интересоваться делами и жизнью друг друга, нередко обращаясь ко мне или Валентине Ивановне с просьбами или за советом:

- Андрей может получить двойку в четверти. Что делать?

- Знаете, почему Витя таким хмурым ходит? У него отец выпивает. Вы бы поговорили с отцом.

И я приглашаю витинового отца в школу и долго разговариваю с ним.

- Вз-Я, Дима опять прогуливает. Все думают, что он болеет, а он во дворе в футбол играет.

Ох, уж этот Дима! Второгодник, переведенный из другой школы, он несколько раз ходил с нами в походы, но месяца через три бросил, не выдержав наших требований. И теперь ребята разыскивают его по дворам, чтобы усадить за книги. А когда у них ничего не получилось, за Диму взялись "старичкки".

- Что вам от меня надо, - ерепенился Дима, - я же теперь не в вашей группе!

- А вот мы соберем Штаб и постановим, чтобы ты жил у кого-нибудь из старичков. Не волнуйся - прокормим и уроки проверим. С твоей матерью тоже договоримся, можешь не сомневаться.

Дима знаком с работой нашего Штаба и потому ни в чем не сомневается.

То, что для старожилов группы было естественным, сначала удивляло школьников. Внимательно слушают они разговоры у костра.

- У Нины трудновато с деньгами, надо помочь.

- Люда опять переходит на другую работу - в чем дело?

- Саша готовится в институт, а дома вечерами не бывает - почему?

И Люда, и Саша отвечают на вопросы, а новички привыкают к тому, что в группе не может быть людей, равнодушных друг к другу.

Нет, они не были идеальными, наши ребята. Хотелось бы, чтобы новый командир, семиклассник Саша Орлов, с большей уверенностью руководил группой, а эмоциональный заряд Аннушки Барановой был чуть самокритичней. Не мешало бы и обеим нашим Маринкам ближе сойтись с коллективом, а Борису Отставнову - человеку недюжинной силы и неиссякаемой доброты - научиться, наконец, правильно говорить, а не "мекать" на общих собраниях под добродушный смех товарищей. Были у нас и трое мальчишек, в которых уж очень прочно засел дух уличных компаний. Преданность группе великолепно сочеталась у них с умением при случае схитрить на работе или переброситься между собой такими словечками, за которые у нас полагался не только наряд, но и вызов на заседание Штаба. Все это не позволяло руководителям рассчитывать на безмятежный отдых во время новой поездки в Крым и в летнем карпатском путешествии.

Как бы ни были интересны для ребят наши туристские дела, все-таки главная должна оставаться учеба.

Сразу после зимних каникул школьники дали письменные обязательства: с какими оценками они предполагают закончить третью четверть. Все обязательства тщательно разбирались, и сами ребята указывали друг другу, по каким предметам они могут учиться лучше, чем обещали. Нескольким уж очень скромным туристам пришлось вносить в свои обязательства существенные

поправки.

- Вэ-Я, а если мы не выполним обязательств, что тогда будет?

В Крым не возьмете, да?

- Ну почему же, в Крым поедут все. Мы только хотим посмотреть, как вы умеете держать слово. Да и силу воли у некоторых не вредно проверить.

Ребята недоверчиво улыбаются, а потом откровенно смеются:

- Вы хитрый! И вовсе ничего вы не хотите проверить, вы только учиться нас хотите заставить, и все!

Я тоже смеюсь вместе со всеми, а потом резко обрываю веселье.

- Хорошо, будем говорить откровенно. Вы что, действительно уверены, что мы ходим в походы только для вашего удовольствия? Да грош цена такому туризму, если все, что он дает, не выходит за рамки обычного развлечения. Нет, друзья, в походах мы приобретаем самое важное для вас - знания. Те знания, которые не всегда имеет возможность дать школа. В походах мы учимся жить и действовать в коллективе, и каждый из вас проверяет свои нравственные качества, а мы, взрослые, стараемся заметить все положительные и отрицательные стороны в характере каждого, чтобы сделать из вас настоящих людей. Иными словами, в походах, как и в школе, мы занимаемся вашим воспитанием, и надеюсь, это ни для кого не составляет такой уж великой тайны.

Ребята охотно соглашались. Они не раз слышали споры старичков о системе А. С. Макаренки, о методике создания коллектива и проектировании личности. Проблемы воспитания, может быть, даже слишком часто поднимаются у нашего костра.

- Теперь подойдем к вопросу с другой стороны, - продолжаю я. - Вы посещаете школу для того, чтобы получать знания. Большинство же учится хуже, чем может, а некоторые - из рук вон плохо. Подумайте сами, что получается: приходите в школу за знаниями - и не хотите этих знаний получать! Но ведь образование - это не только ваше, но и государственное дело. Старшее поколение передает вам свой опыт, а вы будете со временем наставниками тех, кто идет за вами. Если бы это было не так, я не стоял бы здесь и не вдалбливал вам в головы такие элементарные вещи. Что же из этого следует? А следует то, что вы слабовольны и нецелеустремленны, что нет у вас твердого убеждения в необходимости взять у школы максимум того, что она может дать. Значит, вас еще нужно воспитывать. Воспитывать до тех пор, пока в каждом не появится стремление к самовоспитанию. А чтобы это стремление появилось возможно скорее, мы будем всеми способами вас к нему подталкивать. В частности, обязательствами по учебе, которые вы должны выполнить не из боязни наказания, а из уважения к группе и к самим себе тоже.

Наверное, я говорил достаточно энергично, и разговор у нас получился серьезный. Ребята сказали, что выполнят обязательства, и слово свое сдержали.

Через год мы поставили вопрос об учебе без троек, сделав исключение по нескольким предметам только троим, и ребята снова выполнили наши требования, хотя многим это далось очень и очень нелегко.

Как всегда, у нас появилась проблема со свободным временем: до двух часов - уроки. На домашние задания тоже надо часика два-три. А тут еще наши туристские дела, занятия в спортивных секциях, общественная работа - как выкроить что-то на свое личное? Но для Карпат нужны деньги. Основную часть мы получим от бухгалтерии, остальное доплачивают родители школьников. Я сказал ребятам, что негоже трепать семейный бюджет, и надо хотя бы немного, но заработать самим. Три месяца, по свободному графику, школьники трудились на картонной фабрике, и когда наш казначей подвела итоги, оказалось, что вместо 80 рублей родители будут доплачивать от 20 до 40, а двое ребят полностью оплатили свою поездку.

Даже те мамы и папы, что сначала возражали против наших походов, скоро увидели, что дело это благое. Дети стали лучше учиться, а если они долго не приходят из школы, значит, сидят в пионерской комнате или занимаются в спортивном зале.

По воскресеньям, когда нет походов, тоже можно не беспокоиться - пошли в музей или еще куда, но опять же со мной и Валентиной Ивановной. Да и прийти пожаловаться на своих чад есть к кому - родители знают, что наше слово для ребят не пустой звук, и сами рассказывают, что дома то и дело слышат: "Вэ-Я сказал" или "Валентина Ивановна велела". Ну, а раз детям

хорошо с нами, то родители, чем могли, помогали туристам. Одна мама договорилась у себя на фабрике, и нам в порядке шефской помощи выписали поролон для ковриков, отец понаделал на заводе сотню легчайших кольшкков для палаток, кто-то привез обломки оргстекла для разжиг костров и освещения ночных биваков. Так, с миру по ниточке, мы понемногу обогащались всякими нужными мелочами, а контакты с родителями позволяли лучше узнать ребят.

Весной мы снова были в Крыму, и теперь я устраивал ребятам такие веревочные спуски и подъемы на скалах, что Валентина Ивановна призналась: больше всего ее радует отсутствие родителей на тренировках. Год общения с ветеранами группы пошел на пользу – все, что касалось дела, выполнялось по-взрослому спокойно и основательно. Уже можно было поручить восьмиклассникам позаниматься с новичками на травянистых склонах или ставить на веревочную страховку, зная, что они будут сверхвнимательны. Бытовые заботы полностью перешли в руки дежурных командиров, а если казначей или завпрод о чем-то шушукались с Валентиной Ивановной – так им же только по 13 лет! Конечно, наши школьники еще не были опытными туристами, но почти каждый прошел больше двадцати подмосковных походов, два раза ездил в Крым, и значит, для несложного путешествия в бесснежных карпатских горах был вполне подготовлен.

На Карпатах с погодой не повезло – почти каждый день ливневые дожди. Но ребята выдержали, и даже когда одно отделение, свернув не на ту тропу, потерялось в горах и полдня шло без взрослых, никто не запаниковал. Мы искали потерявшихся, переходя с одного склона на другой, вымотались до предела – и только в сумерках услышали далеко внизу чей-то голос. Командир группы Саша Орлов бросился напрямик через кусты и минут через пять закричал, чтобы мы спустились.

... У реки, привалившись к камням, сидит дежурный командир. Он хочет встать, но я удерживаю его.

– У нас все в порядке, – докладывает дежком. – Мы уже поставили лагерь, это метрах в пятистах отсюда. Ребята готовят ужин, а я пошел на разведку – думал, может быть, найду вас...

Дежком вновь приваливается к камням.

– Ребята, – тихо говорит он, – вы извините, но я не смогу помочь донести рюкзаки.

– Что с тобой? – пугается Валентина Ивановна.

– Ничего. Только устал очень...

Откуда-то из темноты выныривает неунывающий Борис Отставнов, довольно шмыгает носом и подхватывает чей-то рюкзак. Мы едва плетемся за ним, но уже бежит навстречу потерявшееся отделение, и девчонки, наши милые смешные девчонки, пытаются отобрать рюкзаки у мальчишек, которые только устало отмахиваются от них.

У костра нам рассказывают, как дежком упрямо вел отделение вверх. Он нашел хорошую тропу, но она скоро уткнулась в реку, а обломки моста валялись в стороне. Тогда старшие ребята прощупали дно и перенесли на другой берег девочек.

– А я бы и сама смогла, – перебила рассказчиков Аннушка. Я уже прыгнула на камень, а Витя кричит: "Назад!" Конечно, если б он не был дежкомом, я бы дальше пошла, а так что же... Только хотела назад прыгнуть, а он кричит: "Стой!" Это же не кто-нибудь, а дежком приказывает, вот и стояла, пока он с Борисом всех не перенес, а меня последнюю. Только, если бы не запретили, я бы и сама смогла...

Мальчишки-семиклассники несколько раз уходили на поиски нашего отделения, оставляя на видных местах записки, а на последних переходах подносили рюкзаки уставших товарищей. Традиции старичков продолжали действовать и здесь, когда ветеранов группы рядом не было!

В Киеве проводим заключительное собрание. Как обычно, сначала дается общая оценка путешествию.

– Да, все понравилось. Порой было трудно, но это и хорошо – трудности надо учиться преодолевать. Что больше всего запомнилось? Ну конечно, горные переходы. И еще воскресный день в Рахове, когда все вокруг ходили в ярких гуцульских одеждах. И еще автобусная экскурсия по Львову. И еще картинная галерея. И еще... – перебирают ребята день за днем.

– А что можно сказать о нашем коллективе?

Теперь слово берут трое старичков.

- Что ж, группа хорошая, - говорят они. - Ребята дружные и все стараются делать как надо. Только вот четкости в работе не было. Вы посмотрите тетрадь дежкома - что ни неделя, то два-три наряда дается. А за что? То не сразу поручение выполнил, то в городе задержался или нагрубил кому-нибудь. Разве это дисциплина? Конечно, и сами дежурные командиры виноваты: у хороших дежкомов нарядников не бывает. А некоторых даже подстраховывать приходилось, словно они впервые в походе!

И все согласились, что нормальная жизнь отряда во многом зависит от деловитости дежурного командира.

Не вызвала особых возражений оценка личных качеств и поведения каждого члена группы. Ребята прямо указывали на недостатки друг друга и хвалили самых достойных.

Несколько неприятных минут пришлось пережить Аннушке Барановой.

- Конечно, она настоящий товарищ, - сказали ребята. - Работает хорошо и всегда в бодром настроении. Но не слишком ли часто Аннушка пытается распорядиться, когда рядом дежком или командир отделения? И не слишком ли часто Аннушка поругивает других за те оплошности, которые допускает сама? Такая оценка личных качеств туристов запоминается надолго.

Проходили годы, и повзрослевшие ветераны вспоминали, как они переживали каждое замечание и старались впредь вести себя так, чтобы о них говорили только хорошее.

Встречаясь со мной, родители школьников довольно подробно пересказывали итоговое собрание, как правило соглашаясь с оценкой своих детей. Но случалось, что мне приходилось успокаивать расстроенных мам, уверявших, что их ребенок не заслуживает упреков товарищей. Сами же школьники принимали похвалу и осуждение очень серьезно, не сомневаясь, что их поведение оценивается справедливо и доброжелательно.

По традиции собрание заканчивалось разбором действий руководителей.

С тайным злорадством ожидал я, когда очередь дойдет до Валентины Ивановны. Не раз мы спорили с ней о соотношении форм осуждения и степени проступка. Мне не казались правильными резкие выступления Валентины Ивановны на ежевечерних заседаниях Штаба по таким пустякам, как отсутствие косынки у девочки во время приготовления пищи или копти на ведрах. Чрезмерными представлялись постоянные требования наказывать за перерасход продуктов и снизить оценку поварам за подгоревшую кашу. Тревожило, что вслед за Валентиной Ивановной кое-кто из штабистов начинал приобретать дурную привычку отыскивать во что бы то ни стало погрешности в дежурствах и поведении товарищей, возводя любую оплошность до Бог знает какой величины. Я говорил, что мелочные придирки только мешают нашей работе, потому что обижают ребят и создают впечатление о крупных неполадках, которых в действительности нет. Но все мои доводы разбивались об ортодоксальность нашей пионервожатой, не желающей видеть, что мы имеем дело с детьми, пусть организованными и дисциплинированными, но все-таки детьми, которых еще надо многому терпеливо учить, а не одергивать и не упрекать по всякому поводу.

И вот теперь, на итоговом собрании, сами ребята должны были поставить точку в нашем затянувшемся споре. Я даже пересел на другое место, чтобы лучше видеть поражение несостоятельной педагогической доктрины.

Но торжествовать мне не пришлось.

На разные голоса ребята принялись распевать хвалебные оды в честь Валентины Ивановны.

Они превозносили ее требовательность.

Они восхищались ее принципиальностью.

И громче всех били в литавры как раз те, кто больше других страдал от ее тирании!

Итог подводили "старичкки".

- Пусть Вэ-Я не обижается, но прежде он строже требовал выполнения всех наших законов. А сейчас он стал добреньким, и этим кое-кто пользуется.

- Мы уверены, - сказали "старичкки", - что, не будь с нами Валентины Ивановны, беспорядка в группе было бы значительно больше.

Меня упрекнули, что постоянно ношу самый тяжелый рюкзак, и постановили на будущее запрещать мне перегружаться.

Вот и опять поднялся вопрос о личных качествах руководителя. Ну не умею я быть сверхстрогим, как Валентина Ивановна или Людмила Яковлевна. Меня тянет на смешинку, на розыгрыш. Чаще стараюсь убедить ребят в своей правоте.

Как-то мне попалось стихотворение Безыменского на смерть Патриса Лумумбы. Были там такие строчки:

Я знаю, что всех ваших бед причина -
Ваш мягкий характер и добрый нрав.
Не раз история нас учила;
Нельзя быть мягким, когда ты прав.

Но ведь строгость или жесткость - это еще не доказательство правоты. Есть и другие аргументы. Я был уверен, что если у меня что и получается в работе, то, в частности, потому, что я весьма демократичен как руководитель. Правда, уже взрослые люди признавались, как в юности, в своих первых походах, боялись подходить ко мне - таким я казался неприступным в окружении старожилов, - и как завидовали тем, кто садился со мной рядом у костра. А уж не выполнить моего поручения, брошенного даже мимоходом, им казалось просто невыносимым!

- Так строгий я или нет? - допытывался я у ветеранов.

- Как вам сказать... Когда сердитесь или вспылите, то лучше от вас подальше. А так, наверное, не очень...

Вот и разберись тут! Но почти на каждом собрании меня упрекали за излишнюю мягкость, и каждый раз я давал себе слово закручивать гайки потуже, зная, что не смогу этого сделать - не тот характер.

Еще в первом уральском путешествии мы вручали участникам недорогие памятные подарки. Теперь ребята предложили за счет сокращения расходов на питание купить сувениры всем членам группы, оставшимся в Москве. Так появилась новая традиция. И когда мы прочно обосновались со своими путешествиями в Средней Азии, встречать нас приходили совершенно бескорыстно, но с авоськами, потому что каждый встречающий получал громадную дыню с бухарского или самаркандского базара.

Через год я начал выводить школьников на городские туристские соревнования, и отдохнувшим от наших побед соперникам снова пришлось потесниться: ниже третьего места мы не опускались.

Для меня были не столь важны завоеванные места, хотя что говорить, это приятно, да и зачем соревноваться, если не рассчитываешь на победу? Но на туристских соревнованиях нельзя выиграть без дружной команды: одних надо освободить от дежурства по кухне - они уходят на старт ориентировщиков, другие еще раз повторяют установку палатки, третьи бегут по трассе. Постоянно надо кого-то заменять, что-то перетасовывать.

Если ребята будут отказываться от внеочередных дежурств, если каждый не следит за чистотой на биваке, если никто не догадается вынести к финишу кастрюлю с компотом - ничего путного не получится. Все, что накоплено в команде за месяцы подготовки, пружинно выстреливается на туристских слетах ступком умений и тем высоким уровнем отношений, которые не менее ценны любой победы.

Я Помню как на один из городских туристских слетов приехал директор только открывшейся школы-интерната Леонард Леонович Микельян. И привез с собой две коробки с тортами.

Я уже пристроился вкушать на дармовщину, но Леонард Леонович прикрыл коробку рукой:

- Это для ребятшек. Награда за победу.

- Да они у тебя в жизнь не выиграют!

- Возможно. Но с тортами и поражение будет не столь горьким, - серьезно сказал Леонард Леонович. - Понимаешь, ребята в первый раз на слете. Мы их готовили, они уже сбились в дружную кучку, я уверен, что это будущий актив интерната.

Конечно, они проиграют - опыта еще никакого нет. И, конечно, расстроятся. Скорее всего, даже ссориться будут - виновные в проигрыше ведь всегда найдутся. А тут я со своими тортами: "Молодцы ребята, все прекрасно, не ожидал от вас такой прыти!"

А то, что не выиграли, так мы же в первый раз на слете - только заявили о себе, только отметились. Будем готовиться еще лучше и победы от нас не уйдут." И отношения в команде, которые уже начали складываться, не исчезнут. Понимаешь? Так что убери руки от торта, не порть мне музыку.

Мудрый Леонард, награжденный потом за свою работу орденом, знал, что говорил: отношения между ребятами и отношение к порученному делу важнее занятых мест.

Ради этого я и выводил туристов на различные соревнования, нацеливал на борьбу. Ну, а если не будет победы, разберемся – причины-то всегда можно найти.

У ребят начал появляться вкус к соревнованиям. Особенно им нравилось встречаться со взрослыми людьми, которым и проиграть не стыдно.

Приходит ко мне в школу незнакомый мужчина.

– Я из молодежного туристского клуба. Говорят, у вас ориентировщики хорошие.

– Да какие хорошие! Но компас с часами не перепутают.

– Мы вас приглашаем на лыжные соревнования по ориентированию. Обоснуемся на ночь в пионерском лагере, устроим самодеятельный концерт, а утром на старт. Мы для затравки даже приз за первое место выставили: у нас бронзовый лыжник в клубе есть, килограммов этак на десять. – Мужчина улыбнулся:

– Мы бы не рисковали лыжником – вещь казенная. Но наши все равно выигрывают, а школьникам полезно лишний раз по трассе пробежаться.

Собрал я туристов и спрашиваю:

– Кто надеется на свои силы? Дистанция километров 15 будет.

Ребята молчат, переглядываются. А потом один говорит: "Я пойду", и другой согласен.

Мы с Валентиной Ивановной смотрим как ребята отбирают участников. Все амбиции отброшены в сторону: Юра пробежать сможет, но с картой у него нелады, а Коля – лыжник так себе, ему летом бегать... Ну, а из девчонок надо только лыжниц ставить: им что карта ориентировщика, что выкройка – все едино.

Выехало нас на соревнования человек тридцать. Без болельщиков нельзя: они и подбодрят, и чай на трассе подадут. Да и провести лишний вечер вместе – это ведь тоже много значит.

Затерялись наши восьмиклассники среди взрослых лыжников.

– Вы хоть вернитесь, чтобы вас до вечера в лесу не искать! – напутствуют ребят болельщики.

Закончились соревнования и судьи что-то уж очень долго совещаются у себя в комнате. А потом приглашают меня.

– Видите какое дело, – смущенно говорит молодой человек. – Как-то так получилось, что ваши ребята выиграли. А статуэтку мы отдавать не можем – бронза все-таки, она у нас на балансе. Вот мы вам картину в раме приготовили. Может возьмете и разойдемся красиво?

– Давайте, – говорю, – картину. – Но ребят поздравьте как следует.

В другой раз пригласили нас на какие-то неофициальные соревнования.

– Елизаров! – вызывают на старт лыжника-ориентировщика.

– Я! – откликается наша восьмиклассница.

– Так здесь же мужская трасса!

– А какая разница! У нас парня в команде недостает. А я – Елизарова. Пробежусь для зачета.

И снова первое место. Не иначе нам кто-то ворожил.

Потом мы зачастили на соревнования, организуемые республиканской детской туристской станцией. На них было много любопытных моментов, ведь новичков никто всерьез не принимал. Сначала надо повариться в соревновательном котле, оглядеться, разобраться что к чему, а потом уже мечтать о призовых местах. А тут приходит неизвестная школа, да еще с двумя командами – 5-6 и 7-8 классов!

Но заканчиваются соревнования, и на торжественной линейке объявляют победителей по отдельным видам двухдневной борьбы.

Первое место за организацию бивака – младшая группа нашей школы.

Первое место за ориентирование – снова наши младшие.

Конкурс поваров – они же.

И младшей команде вручается приз за общее первое место – фотоаппарат!

А когда за грамотами начал выбегать капитан старшей команды, его остановили:

– Не вертись, стой возле судей!

И все грамоты и все выпелы за первые места по всем видам соревнований начали передовать ему.

– А фотоаппарат? – закричали ребята.

– Обойдетесь. Хватит с вас и одного.

Был с нами на этих соревнованиях семиклассник Витя Санчиков, непробиваемый двоечник. И так и сяк мы с Валентиной Ивановной подъезжали к нему – ну не хочет пацан учиться и все тут. Но к нашим туристам он прилип основательно, был среди них уважаемым человеком, и мы уже поговаривали с ним о летнем кавказском путешествии, вот только с оценками надо бы разобраться.

Вручил я Санчикову наши грамоты и выпелы:

– Давай, Витя, развесь все награды возле спортивного стенда в школе, да так, чтобы для всех это был сюрприз. Придумай как все это разместить, может планку какую к стене приколотить или еще как.

– А почему я?

– Ты же во всех соревнованиях участвовал. Здесь и твоя победа.

Да и надоело все время слышать: Санчиков – двоечник, Санчиков – прогульщик. Хватит! Ведь какой ты на самом деле никто не знает. А тут Санчиков – чемпион! Улавливаешь? А с оценками сам утрясешь – я же вижу: тебе самому опротивели все эти проработки в классе и на педсоветах. В общем, действуй, но так, чтобы для всех был сюрприз.

И Санчиков начал действовать. Он не пошел на первый урок, разложил на банкетках в опустевшем вестибюле наши награды и уже примеривался как позффектней их развесить, но тут же попался под руку завучу. И на большой скорости был водворен в мой директорский кабинет.

– Вот полюбитесь! – завуч подтолкнула Санчикова к моему столу. – Я спрашиваю, почему он не на уроке, а он мне про какие-то победы и сюрпризы талдычит. Да его не в походы брать, его давно из школы пора выгнать!

Завуч бушевала, а Санчиков стоял спокойно, в давно знакомой мне по разборкам с другими шалопаями позе, стоял и поглядывал в окно.

– Что скажешь?! – тряхнула его завуч

– Можно я грамоты и выпелы соберу, а то утащит кто-нибудь, – пробурчал Санчиков.

– Собери и положи в канцелярии. А сам до звонка в вестибюле посиди.

Я рассказал завучу о моем поручении Санчикову и о том, что не догадался предупредить его, чтобы сюрприз готовил не за счет прогула урока.

– Да он, скорее всего, и без моего поручения на урок не пошел, отсыпался бы после соревнований. Не в первой же ему. А тут парня похвалили, дали серьезное задание, вот он и хотел выполнить его как лучше.

– Вы считаете, что развешивание каких-то грамот – повод для пропуска уроков?

– Не считаю. Только не каких-то грамот, а наград за его труд. Ведь боролся он не за себя, а за свою команду, за честь школы!

Ну, представьте: вы не поволокли его ко мне, а расспросили о соревнованиях, и за что получена каждая грамота. Поохали бы, повосхищались, даже не поверили бы, что Садчиков мог совершать такие подвиги, словом, дали бы ему возможность заново пережить все перепетии борьбы. И посоветовались бы с ним, как лучше все эти грамоты развесить. И заодно, конечно, упрекнули за пропуск урока. А потом зашли бы в класс и еще раз поздравили его. Думаю, это было бы полезней очередного разноса, на который ему наплевать. Ну, чем мы можем его наказать? Объявить выговор, записать в дневник? Так дома дневник никто не смотрит. Нет, здесь надо что-то другое. А что именно, не знаю, давайте порассуждаем вместе.

Тут я увидел тонко сжатые губы завуча и замолчал.

– Виктор Яковлевич, – сказала завуч, – вы еще молодой директор...

– Исполняющий обязанности, – поправил я.

– ... и вам еще многому надо учиться, а не учить людей опытней и старше вас! Иначе долго в этом кресле не усидите.

Завуч хлопнула дверью и наш умный педагогический разговор не состоялся. В другой раз завуч остановила меня в вестибюле.

– Виктор Яковлевич, по моему вы забываете, что вы директор школы, а не учитель физкультуры. Ну можно ли являться на работу в телогрейке и с рюкзаком? Вы же роняете свой авторитет!

Я схватил за вихры пробежавшего мимо шестиклассника:

– А ну, быстро: я в телогрейке роняю свой авторитет?

Пацан вскинул на меня удивленные глаза и засветился радостной улыбкой:

– Не-к!

– Топай дальше! – я дал пацану подзатыльник и повернулся к завучу:

- Устами младенца...

Но большинство учителей понимали меня.

Хотя и не часто, но в моем кабинете собирались опытные учителя и молодежь, и разговоры о наших педагогических проблемах затягивались до темноты. Без всякой повестки дня и протоколов.

А ребят моя субботняя телогрейка не шокировала. Тем более, что в кабинете я переодевался и поднимался на этажи как и положено большому начальнику - в костюме и при галстуке.

Школьники и студенты

Вскоре после карпатского путешествия возрастной состав нашей группы значительно изменился. В пединституте мне предложили вести секцию туризма. На занятия собиралось много народа, и я, не мудрствуя, объединил школьников и студентов. Начался новый этап истории группы, который мы сейчас называем золотым веком.

Студенты принесли в группу новую информацию и новые интересы. Теперь мы не зависели от интернатского режима и чаще ходили по музеям и театрам, начали организовывать литературные вечера.

Скоро я заметил, что туристы-восьмиклассники, прихватив малышей, ездят по несколько раз в неделю через весь город в студенческое общежитие. Сначала я тактично указывал на нежелательность поездок: студентам надо заниматься и отдыхать. Когда же увидел, что уговоры не действуют, просто запретил такие визиты. И тогда студенты зачастили в школу. Оказалось, что у всех есть друг к другу неотложные дела: одни занимались починкой инвентаря, другие оформляли фотостенды и походные дневники, третьи подтягивали до нужных кондиций неуспевающих, а кто-то приезжал пообщаться. Общие интересы, связанные с подмосковными походами и новой поездкой на Кавказ, нивелировали разницу в возрасте, и отношения в группе начали напоминать отношения в большой дружной семье. Какое-то время студенты уступали школьникам в туристской технике, и девушки-первокурсницы сначала побаивались командира группы, восьмиклассника Сашу Орлова; но совместные тренировки постепенно уравнивали всех. Зато стиль общения и знания студентов были примером, и мне не требовалось указывать школьникам на огрехи в поведении - теперь рядом были взрослые люди, как-то незаметно ставшие у руля группы. В походы начало выходить до 70-ти человек - зрелище, надо сказать, внушительное, - и мы разделились на отделения со своими командирами и создали новый Штаб, проследив, чтобы в нем были и школьники, и студенты.

Новая структура в дальнейшем почти не изменялась.

В Штабе были я и Людмила Яковлевна, командир группы и командиры отделений, казначей и завхоз. Это для подмосковных походов. Должность завпрода оказалась лишней - продуктами каждый раз занимался новый дежурный командир. Для дальних путешествий в Штабе появлялись завпрод, санитар и краевед. Остальные туристы распределялись по краеведческим группам внутри отделений.

С появлением студентов усложнились наши двухдневные походы.

Теперь можно было не беспокоиться, что пятиклассники не одолеют маршрута - основной груз несли взрослые. Малышня была просто влюблена в студентов, которые постоянно затевали с нею какие-то игры, ходили за хворостом и за водой, помогали кашеварить у костра. Я даже начал опасаться, как бы малыши не избаловались. Но приглядевшись, понял, что во всей этой возне взрослых и пятиклассников есть главное - передача нравственного опыта и того стиля отношений, которого слишком часто недостает детям 10-12-ти лет. И то, что малыши, держась на равных со старшими во время игр и отдыха у костра, без споров подчинялись их замечаниям, а в рабочих моментах тянулись за взрослыми людьми, делало походы осмысленными и полезными для всех возрастов. Студентам было интересно в группе: ведь общение со школьниками - их будущая профессия, они шутили, что это незапланированная практика; кстати, ее так и засчитывали в институте, заменив практику в пионерских лагерях участием в наших путешествиях.

Как-то я вез на школьный туристский слет группу шестиклассников. На одной из станций в вагон метро протискивается высоченный студент с рюкзаком. Он обменивается с малышом рукопожатием, и они заговаривают об очень важных для обоих вещах. Шестиклассники завистливо поглядывают, как их сверстник, задрвав голову, на равных беседует со взрослым дядей.

- Это твой брат? - не выдерживает кто-то.

И мальчишка, не прекращая разговора, бросает:

- Да нет - товарищ.

Такое отношение студентов к малышам испортило мне однажды затеянное анкетирование.

Я попросил каждого написать на листочке фамилии трех членов группы, которых он пригласил бы на свой день рождения. Видимо, я хотел уточнить дружеские связи или выявить наиболее авторитетных туристов - теперь не помню.

Так вот, обрабатывая анкеты, я обнаружил, что все взрослые вписали в них только малышей. Причем в нескольких анкетах указывались не три, а четыре фамилии, а в одной поперек листа

было выведено фломастером: "Я приглашу всех!!!"

- Как же так, - обратился я к студентам. - Почему в анкетах одни малыши? У вас что - больше товарищей нет?

- Но вы же ограничили нас в выборе. Конечно, пригласили бы и взрослых, но сначала малышей. Они же обидятся, если без них.

В свою очередь малыши, начертав в анкетах фамилию сверстника, добавляли к ней старших по возрасту членов группы.

Мне поначалу казалось, что студенты будут скептически относиться к дежурным командирам-пятиклассникам: как так -

подчиняться двенадцатилетним девчонкам и мальчишкам!

Да и работа дежкомов значительно усложнилась. В интернате мы получали продукты по завизированной директором накладной. Дежком приходил в кладовую со своими помощниками и уволакивал коробки, пакеты и ящики.

Теперь надо было самостоятельно распределять, кто и что закупит, в походе собрать с каждого туриста оговоренную сумму и расплатиться с закупщиками. Оставшиеся деньги приходовал казначей в общую кассу. После ночевки новый дежком получал от своего предшественника тетрадь с перечнем инвентаря - ведер, половников, терок, а в дальнейшем - примусов и канистр с бензином, проверял по начальному списку, все ли на месте, и раздавал это хозяйство своему отделению.

Я не был уверен, что пятиклассники справятся с такой работой, и попросил командиров отделений назначать дежкомами ребят постарше. Через много лет бывшие школьники и студенты, вспоминая свою молодость, признавались, с каким волнением заступали они на пост дежкома: что-то не предусмотреть или сделать не так - это же опозориться перед всей группой!

Но довольно скоро, уступая просьбам малышей, мы начали подключать их к руководству - правда, под негласной опекой командиров отделений. Дело пошло, и постепенно уж если не с пятого, то с шестого класса дежурными командирами работали все. Конечно, у малышей были проблемы с составлением меню и раскладкой продуктов - здесь им помогали опытные туристы; но главная трудность - это организация работ на ночном биваке. Хотя малыши знали, что спорить с дежкомом нельзя, все-таки они не решались подходить со своими распоряжениями к взрослым.

- Что же ты, - шепотом говорю пятикласснику. - Костер разожгли, а ведра пустые.

- Так все же дрова таскают...

- Ну, как все? Вон Петр стоит, - киваю я на комодоподобного студента, беседующего с девушкой.

- А он послушает?

- Это уж как попросишь.

Пятиклассник подходит к студенту и осторожно дергает его за край штормовки:

- Воду принести надо...

- Иду! - Студент подхватывает ведра и бежит к ручью.

Дежком удивленно смотрит ему в спину и поворачивается к девушке:

- А ты что стоишь? Давай за дровами!

- Ух ты! - улыбается девушка и уходит в лес.

Такое благополучное положение дел в группе даже немного тревожило меня. Я не видел перспектив ее развития - что будет через два, через три года, через пять лет? Что должно быть определяющим в нашей жизни? Ведь не единым туризмом жив человек. А у нас - два раза в месяц походы с ночевками, участие в соревнованиях, организация школьных и студенческих слетов, выпуск

фотостендов, ремонт и изготовление снаряжения; все это требует времени, которого и так не хватает на учебу. Но мы же не ставим задачу готовить только туристских инструкторов.

Значит, нужно что-то еще, более важное, чем походы, но неразрывное с ними, иначе одна деятельность будет подменяться другой. Я записал это в своем педагогическом дневнике, но оставил без ответа, надеясь, что как-нибудь разберусь на досуге. И здесь мне очень помог один разговор со студентом, ставшим к тому времени командиром группы.

Мы сидели у меня дома и философствовали о педагогической диалектике. Я сказал, что меня беспокоит отсутствие конфликтов в группе, способных определять ее развитие. Ведь без столкновения мнений по принципиальным вопросам не может быть движения вперед. А у нас – все и всем довольны, словно уже достигнут идеал. И не приведет ли нынешнее спокойствие к оглушительному взрыву в будущем?

– У нас конфликтов не может быть, – сказал командир. – Ни на групповом, ни на межличностном уровне. Любое предложение будет выслушано и обсуждено. А ссоры между людьми – так кто же у нас будет ссориться? Но вы правы: повторяющиеся из года в год дела постепенно станут привычными. Надо найти для каждого члена группы индивидуальную жизненную цель.

– Легко сказать. А какая, к примеру, цель у тебя?

– Стать хорошим специалистом – раз, – сказал студент. – Уметь отдыхать, вот как в наших походах – это два. И в-третьих, но это в перспективе, – создать семью, которую не хотелось бы развалить.

Здесь было что-то похожее на программу, над которой стоило празмыслить. Но индивидуальных жизненных целей для такой большой группы, как наша, я ставить не умел, да и сейчас не верю, что этого можно достигнуть на практике. Работа в связке "учитель-ученик" так и осталась одним из слабых звеньев в моей профессиональной подготовке. И хотя многие повзрослевшие туристы говорили о моем влиянии на их духовное развитие и выбор жизненного пути, я не отношусь к этому серьезно, потому что никакой системы индивидуальной работы у меня не было. Все, что получали люди в нашей группе, шло от ее деятельности и форм, в которой эта деятельность осуществлялась. Конечно, мое слово и слово Людмилы Яковлевны было весомым, и наш авторитет в группе был неколебим, но назвать это индивидуальной работой нельзя. Скорее всего, наше влияние определялось самим присутствием в группе, разговорами, какими-то запоминающимися репликами. Как-то одна учительница сказала, что высшее образование она получила благодаря мне. Я попросил уточнить.

– Я закончила колледж и решила, что по моим способностям этого достаточно. А вы у костра, поздравив свеженьких специалистов, сказали, что надо двигаться дальше. Для меня это было как приказ.

Девушка не учла, что я постоянно говорил о необходимости для педагогов высшего образования как в профессиональном, так и в житейском планах, и что практически все наши туристы поступали в институты. Поэтому не столько мое слово, сколько пример старших членов группы заставил ее еще четыре года вечерами корпеть над учебниками. Если это индивидуальная работа, то в таком ключе она, безусловно, велась.

Но командир группы был прав: мы вышли на тот виток развития, когда появилась возможность предложить нашим туристам задуматься о своем жизненном пути.

Конечно, многое в этом направлении делалось и раньше, но теперь хотелось бы создать цепочку ненавязчивых воздействий, подкрепляемых беседами, сформулировать общие задачи, из которых каждый возьмет что-то для себя.

Я сказал командиру, что для меня пока ясны две позиции: мы должны воспитывать нравственных людей – по Моральному ли кодексу строителя коммунизма или по библейским заповедям, без разницы. И получение специальности здесь не играет никакой роли. Второе, на что следует обратить внимание – это на приобщение группы к духовным ценностям человечества. Зачем это надо и наше ли это дело – затрудняюсь сказать, но уж коли люди попали на нашу орбиту, то пусть они учатся мыслить и ценить красоту.

– А вы уже занимаетесь этим, – сказал командир.

– То есть?

– Так ведь ваши рассказы у костра и чтение стихов и есть приобщение к мировой культуре. Не знаю, как школьники, но студенты часто откладывают свои

дела и идут в поход даже перед зачетами, только чтобы послушать вас. А вы иногда отказываетесь, говорите, что больше ничего не знаете, и просите, чтобы пели. Между прочим, такие поэтические вечера еще больше сплачивают ребят.

Я не поверил и дотошно начал спрашивать командира.

- Ну, во-первых, - сказал он, - слушать вас просто интересно. - А во-вторых, у костра создается атмосфера общего единения. Или вы считаете, что это неважно?

Я так не считал - и с тех пор начал готовить целые программы из стихов и прозы, а потом и тематические композиции. Даже один перечень авторов занял бы слишком много места. Здесь были русская классика и символисты, советская и зарубежная поэзия, отрывки из спектаклей, а иногда и спектакли целиком. В общем - театр одного актера.

Теперь редко какой походный вечер обходится у нас без чтения стихов. Я просто физически не успеваю создавать новые программы - ведь читаю наизусть по часу и более, и тогда ребята просят повторять слышанное многократно ранее и, что более ценно, сами готовят поэтические вечера. Но об этом ниже.

Что значит - читать ребятам стихи у костра? Конечно, это не демонстрация того, сколько ты можешь запомнить, хотя поначалу это удивляет новичков. Сначала я подбирал вещи с интересным сюжетом, опасаясь, что неподготовленным школьникам быстро наскучит чистая лирика. И только когда поэтические вечера стали традиционными, начал читать все, что считал нужным. Одна журналистка написала, что моему исполнению могут позавидовать многие профессиональные актеры, но это, конечно, не так - обычный комплимент в юбилейном очерке. Но я много работал над каждой вещью, стараясь передать ее основную мысль и музыкальное звучание, благо с театральной литературой был на любительском уровне знаком. Вот это "донесение мысли" и привлекает слушателей, которые не всегда могут сами увидеть то главное, ради чего создаются талантливые вещи. Когда школьники и студенты дружно заявили, что не понимают Маяковского, я сказал, что попробую читать из него, и пусть меня останавливают на непонятных местах.

Я прочел первую часть "Облака в штанах".

- Нравится?

- Да!!!

- Читать дальше?

- Да!!!

Закончил вторую часть:

- Все понятно?

- Все! Читайте дальше!

И так все "четыре крика четырех частей".

Потом ребята слушали "Юбилейное", "Сергею Есенину", "Если звезды зажигают..." - весь вечер только Маяковский. И когда я окончательно выдохся, ребята сказали, что сегодня открыли для себя гениального поэта.

В какой момент можно начинать читать стихи? Конечно, не перед ужином, когда только рассаживаются у костра, звякают посудой и переговариваются о своих делах. А сразу после еды?

Думаю, что рановато. Пусть попоют, обсудят какие-то вопросы, еще попоют, и когда наступит пауза, кто-нибудь непременно попросит:

- Вэ-Я, почитайте...

Но и здесь надо уловить, готовы ли ребята слушать или, может быть, лучше еще немного попеть. Врываться со своим чтением в еще не созданную для этого атмосферу - значит не донести многое из того, что заготовил, потерять те нюансы, которые ребята могут не заметить, самостоятельно открывая поэтические томики. Как определить этот ничем не обозначенный момент готовности - сказать не могу, но он, безусловно, существует, и ребята хорошо чувствуют, пришло или не пришло время для чтения стихов. Из разговоров у костра я знал, что после таких вечеров многие студенты и школьники начали интересоваться поэзией, а в горные путешествия брали книжки любимых поэтов. Если к этому добавить посещения театров и музеев и мои беседы о истории и живописи, то можно сказать, что первый шаг наступления на мировую культуру был сделан. Кто-то из туристов назвал нашу просветительскую работу ликвидацией темноты, а короче - ликтемом. Название прижилось, и перед походом кто-нибудь обязательно спрашивал:

- А сегодня ликтемом будет?

Спустя какое-то время мы начали готовить для дальних путешествий сцены из спектаклей. Наверное, со стороны это было любопытное зрелище: сидят под ледником человек сорок, чуть светится костерок из притащенных вверх сучьев, а два человека читают в лицах пушкинского "Моцарта и Сальери" или сцену у фонтана из "Бориса Годунова".

Но не только литературные вечера были у нас. Неожиданно оказалось, что забава, придуманная мной для коротания времени в электричках, тоже влияет на ликвидацию темноты. Я начал проводить викторины с вопросами из литературы, истории, географии, живописи, музыки и спорта. Кто первым ответит – получает приз: конфету, печенье или яблоко. Призы ребята захватывали из дома и сваливали мне на колени. Вопросы мог задавать и любой желающий. Если никто не отвечает, приз достается спросившему. Ажиотаж начинался страшный. Я поднимал конфету над головой:

– Каким спектаклем в 1898 году открылся нынешний Художественный театр? А кто играл главную роль?

– "Чайка"!

– Нет!

– "На дне"!

– Мимо!

К игре подключаются пассажиры:

– "Плоды просвящения"!

– Фамилия автора совпадает! Никто не отвечает? Забираю конфету себе!

– "Царь Федор Иоаннович", – улыбаясь, подсказывает пожилая женщина. – В главной роли – Москвин.

Аплодисменты. Наши эрудиты отчаянно стучат себя кулаками по лбам, а женщине из рук в руки передается заслуженный приз. Когда запасы призов иссякают, их тут же пополняют пассажиры, и мы играем до самого выхода из вагона. А пассажиры благодарят нас за чудесно проведенное время.

Очень быстро появилась небольшая группа всезнаек из студентов и старшеклассников, захватывавшая львиную долю призов. На какие-то вопросы я просил их не отвечать или шел на хитрость, спрашивая о том, чего они знают, как правило, не могли:

– Самое крупное озеро в центре Памира?

– Сарезское! – радостно кричат наши ветераны, побывавшие уже в этих далеких местах.

– Водопад на Телецком озере?

– Корбу! – сразу отвечают участники алтайской экспедиции.

Победители щедро делились призами со стыдливо молчавшими товарищами, а я нещадно добивал молчунов, обращаясь с вопросами непосредственно к ним. Прошли годы – и уже взрослые люди признавались, как им было неловко за свои пустые головы и как они набрасывались на те списки литературы, которые я давал им, предупреждая, что вопросы будут из рекомендованных книг.

– Я даже принесла первую выигранную конфету домой, – вспоминала вагонные викторины сорокалетняя учительница. – Не поверите, но для меня это был такой праздник!

Кто не знает такую простенькую игру, как "Города"?

Один называет город, следующий должен назвать город, начинающийся с буквы, которой оканчивался предыдущий: Москва – Архангельск – Клин и так далее, все по очереди. Не назвал – выбываешь из игры. Я вызывал на бой всю группу и всегда оказывался победителем. Еще где-то в седьмом или восьмом классе мы увлекались этой игрой, и я по алфавитному списку в атласе вызубрил множество городов, начинающихся и кончающихся на букву "А". И теперь был неуязвим.

– Москва, – начинал я.

– Архангельск, – не ожидая подвоха, говорили ребята.

– Калуга.

– Астрахань, – предвкушая легкую победу, отвечали знатоки.

– Нарва.

Через пару минут ребята улавливали методу и становились осторожней. Теперь они совещались, отыскивая города, с началом и окончанием на "А":

– Анапа!

– Алушта, – спокойно говорил я.

– Анкара!

– Аделаида! – укладывал я на лопатки довольно потиравших руки знатоков.

Наконец, даже студенты озлились и пообещали вскорости разделаться со мной. Но я поставил условие – не только называть город, но и указывать, где он находится. Вроде бы чепуховая игра. Но всей группе, в предвкушении грядущей победы, пришлось рыскать по карте, а значит, пополнять свои знания. Игра была у нас в моде много лет, пока не появился студент-географ, сражавшийся со мной на равных. Наскучили "Города" – и я предложил называть полотна художников с изображением батальных сцен, потом перешел на музыку и на что-то еще; короче, постоянно искал возможность подтолкнуть ребят к знакомству с материалом, который не умещался в школьную программу. Так без всякой принудительности члены группы приобщались к тому, что раньше лежало вне круга их интересов.

Сложнее было с нравственным воспитанием. Ну да – бытие определяет сознание. Есть общественное и индивидуальное бытие, как и общественное и индивидуальное сознание. Они взаимосвязаны, причем эталоном служат общественные ценности. С этими азами социальной психологии – а в мои годы это называлось историческим материализмом – знакомят еще в школе. Значительную роль в формировании нравственных представлений играет конкретная среда обитания индивида. И здесь было все ясно: "Человек – продукт обстоятельств и воспитания". В общем, я был готов, не сходя с места, написать обстоятельный реферат о детерминации личности всем, чем угодно, ссылаясь на Маркса, Рубинштейна и на работы отечественных и зарубежных исследователей. Но ведь человек обитает в разных средах – семья, дворовые компании, школа, институт, производство – и нравственные понятия в этом множестве не всегда совпадают, а на бытовом уровне не всегда согласуются с общественными. Это я тоже усвоил еще на студенческой скамье. Неясным оставалось одно: как сделать нашу группу той средой, где нравственные представления ее участников будут формироваться и трансформироваться в стойкие убеждения. У меня были примеры разного поведения ребят в группе и вне ее. В одних случаях это было вынужденное приспособление к нормам иной среды, в других – смена, без всяких внутренних конфликтов принятых в группе норм на новые, которые мы не могли одобрить. Конечно, если жизненные принципы находятся только на уровне понятий, их можно припрятать подальше, чтобы не лезть в чужой монастырь со своим уставом. А как быть со стойкими убеждениями в обстоятельствах, где отстаивание своих позиций принесет не только кучу неприятностей, но и навредит делу? Жизнь есть жизнь, и дороги ее не всегда вымощены первоклассным асфальтом. Приходится маневрировать, отступать, идти обходными путями. Согласуется ли это с нравственными принципами? В пьесе В. Соловьева "Победителей судят" один из персонажей говорит:

" И знайте – истина лежит обычно между."

А другой отвечает:

" Не истина, а только компромисс."

И этот компромисс, как и любой, непрочен.

Я буду на своем настаивать опять."

Надо ли быть столь категоричным? И в каких случаях?

Мы учим ребят честности, а сами у них на глазах лукавим и находим этому оправдание.

Появилось, к примеру, такое мудрое постановление: в дальние путешествия могут отправляться люди только из одного учреждения и приписанные к одному спортивному обществу. А у нас в группе – школьники, студенты, учителя, рабочие; кто числится в "Юности", кто в "Буревестнике" или в "Труде". Доказывать что-либо, упирая на нашу специфику, бесполезно: на маршрутных комиссиях понимающе кивают, но сочувственно разводят руками – существует инструкция! И тогда я толкаю ребят на прямой подлог: говорю, чтобы с помощью родственников и знакомых обзавелись справками о работе дворниками, сторожами и уборщицами в школах, ЖЭКах и детских садах – прямое свидетельство того, что все мы дышим одним "спартаковским" воздухом. Маршрутные комиссии прекрасно знают, что все это липа, но инструкция соблюдена!

Несколько лет одна сердобольная мама ставила печать на нашу "Заявочную книжку", подтверждая, что все мы – работники ее конторы. Нравственно ли это? Но иначе – сиди дома или путешествуй в пределах своей области. Когда стало совсем невмоготу, я опубликовал в "Московском комсомольце" большой подвальный материал, на который тут же посыпались отзывы отчаявшихся туристов, и постановление через год отменили.

Такие жизненные коллизии постоянно вызывали споры у нашего костра, но к однозначному ответу приводили редко. Как-то я рассказал о прекрасном парне, отличнике, председателе Совета командиров интерната и командире нашей туристской группы. После восьмого класса он перешел в обычную школу. Новые товарищи быстро распознали в нем сильного ученика – и как водится, попросили списать домашнее задание по математике. А наш парень – будем называть его Володей – сказал: на первый раз списывайте – и кончено. Кому нужно, давайте заниматься после уроков. Это пропустили мимо ушей, но когда в следующий раз потянулись за володиной тетрадкой, он твердо сказал, что поможет любому, но списывать не даст.

После занятий его остановили на улице несколько одноклассников. Бить не били, но по физиономии съездили и предупредили, что так будет ежедневно. Утром, едва Володя вошел в класс, у него потребовали тетрадь. И Володя снова сказал, что будет заниматься со всеми желающими, но списывать не позволит – в школе надо учиться. Так появилось новое развлечение: не даешь тетрадь – получаешь пару затрещин. Уразумев, что Володю не переломить, его избили уже основательно. Занимались этим трое парней, а весь класс заинтересованно наблюдал, чем же кончится дело. Володя пришел в интернат и спросил меня и Михаила Владимировича, как поступить.

– Не буду же я затевать на улице драку, но ведь к этому идет. Так что делать?

– Бить! – заорал Михаил Владимирович. Ты же самбист. Какой у тебя разряд – второй? Вот и расшвыряй эту мерзость!

И Володя расшвырял, да так неудачно, что сломал одному руку. Естественно, вызов мамы в школу, естественно, проработка на педсовете: ну как же – едва появился новичок в классе, и тут же руки товарищам ломать! Сразу видно – интернатский! Кончилось это постановкой Володи на учет в детской комнате милиции. А спустя какое-то время в начале урока Володя поднял руку.

– Что тебе? – спросила учительница.

– Прошу поставить мне двойку. Я не приготовил домашнее задание.

Класс расхохотался. А учительница, видимо, приняв смех на свой счет, тут же навела порядок:

– Мало того, что ты известный хулиган, так ты еще и наглец! Издеваться надо мной вздумал! А ну, вон отсюда!

Володе пришлось перейти в другую школу.

– Ну и чего он добился? – спросили ребята. – В школе списывали и будут списывать. Отдал бы тетрадь – и товарищем хорошим оказался, и относились бы к нему как к отличнику: тут и характеристика в институт, и уважение...

– Но он же не специально нарывался на конфликт, – не соглашались другие. – Он хотел как лучше! И потом, есть же у человека принципы, через которые он не может переступить.

– Бороться можно, если есть хоть малейшая надежда на успех. А здесь поражение можно было загодя предсказать!

– Вы считаете, что Володя потерпел поражение? – спросил я.

– Конечно! Он ушел из школы, а в классе все осталось по-прежнему. Плетью обуха не перешибить!

– Можно, я скажу, – попросила молодая учительница. – Есть у меня в девятом классе мальчишка, который больше тройки по физике не тянет. И по математике у другой учительницы – будем говорить мягко – до четверки не дотягивает. Но самое главное – он и не рвется в хорошисты. А тут конец четверти, и ему все выставляют четверки. А у меня – три. Вызывает меня завуч: так и так, понимаете, ваша тройка снижает процент качества знаний. Примите меры.

– Какие, – говорю, – меры? До конца четверти неделя, что он – весь трехмесячный материал за один раз усвоит?

– А это уж дело ваше, но у мальчика должна быть четверка. И запомните: портить успеваемость школе вам здесь не позволят!

– Ну, я расстроилась, конечно, даже поплакала в уголочке, а потом вызвала парня и спросила по последней теме. Ну не получается четверка – и все тут! Договорились, что придет через два дня. А он не явился. Звоню домой. А он говорит: да ладно, ставьте тройку. Я и поставила. И знаете, будто камень с души свалился. Но отношение ко мне со стороны завуча и классной руководительницы стало – не дай Бог! А теперь понимаю: поставила бы

тогда четверку - и ушла бы из школы навсегда.

- Так я и ушел, - сказал недавний учитель. - Два года ходил как помоями облитый - и ушел. Не смог ставить липовые тройки и четверки. Должна же быть совесть у человека.

- А если на новой работе придется пойти против совести, снова уйдешь? - спросил кто-то.

- Так я теперь программист. Мое дело - справиться с заданием в срок. А это только от меня зависит. Так что за мою совесть не беспокойтесь.

Я вернул разговор к начатой теме. Мы долго спорили, и многие говорили, что есть обстоятельства, когда приходится если и не отказываться, то поступиться своими убеждениями, а если не можешь, то надо сменить место работы или круг общения.

Я пытался говорить о цельности личности - но у ребят, особенно у студентов, был свой жизненный опыт.

- Представьте, - говорили они, - человек имеет твердые принципы, но по своим качествам характера - предположим, застенчивость или робость - отстаивать их не умеет. Или не находит нужных аргументов. Ему начальник говорит: "Тут у нас небольшая неувязочка с балансом. Сведи-ка концы с концами."

А он: "Это незаконно."

А начальник: "Ты еще учить меня будешь! А не хочешь - вон отдел кадров, по коридору налево. Забирай документы!"

Что он, судится побежит? Да за это время все бумаги в ажуре будут. А он только кляузником прослывет, и его рано или поздно с работы выживут. Вот вам и вся борьба за свои принципы!

Но у меня тоже были сторонники, говорившие, что убеждения - не вещь, которую можно сегодня отбросить, а завтра подобрать. И что разлад с самим собой приводит к душевному дискомфорту, страшнее любого наказания.

Я, конечно, не уповал, что наши дискуссии немедленно изменят отношение ребят к своим поступкам, но что они запомнятся, не сомневался.

Разумеется, нравственные убеждения легче всего формируются в той среде, которую человек считает для себя эталонной. Такой средой мы и старались сделать нашу группу. Но одной перспективой участия в дальних путешествиях здесь ничего не достигнешь - мало ли групп, в том числе и школьных, топчет землю, не становясь от этого нравственно богаче. Значит, требуется так организовать нашу жизнь, чтобы принятые в ней межличностные отношения и отношения к действительности воспринимались как единственно возможные. Иными словами, пребывание в группе должно стать для каждого лично значимым и эмоционально привлекательным. Я скрупулезно раскладывал по полочкам, что для этого уже сделано и что еще необходимо добавить. И когда вывел актив и пассив, пришел к выводу, что ничего особенного делать не нужно и что нравственные качества туристов будут формироваться в процессе деятельности, построенной на деловом и дружеском взаимодействии. Тем более что жизненные позиции старших были примером для школьников, и единственное, что я решил добавить - это проведение этических бесед и дискуссий, иногда заранее подготовленных взрослыми, но чаще возникавших спонтанно у наших костров. А.С. Макаренко говорил, что формирование нравственных качеств должно проходить в условиях, где они более всего необходимы. Здесь нам ничего не требовалось моделировать: в горных путешествиях не обойтись

без волевых напряжений, ответственности и взаимовыручки, которые отрабатывались в наших двухдневных выходах. Здесь же складывался и характер межличностных отношений. Поэтому горные путешествия я рассматривал как лакмусовую бумажку, определяющую успехи и промахи, занесенные на ледники из нашей городской жизни и подмосковных походов. В одних ситуациях нравственные качества туристов могли укрепляться и совершенствоваться, в других могли происходить сбои - это требовалось замечать, исправлять или корректировать, но сетовать на чье-то неудовлетворительное поведение надо не в горах, а внизу, где и формируется нравственный, физический и технический уровень группы. Конечно, горы, как набор естественных препятствий, а порой и тяжелых погодных условий, могут деформировать привычный уровень взаимодействий и отношений. Но опять же, это задача руководителя - так подготовить группу, чтобы она могла достойно выходить из трудных положений за счет наработанных уже умений и моральных качеств, приобретенных ранее. В этом я лишний раз убедился в первом же выезде со своими новыми школьниками на Кавказ.

Проверка на прочность

Мы что-то не рассчитали зимой – и вот оказалось, что студенты могут принять участие в путешествии только в августе.

Школьникам же оставаться два месяца в городе не было резона, да и родители их, зная, что поездка будет в июне, тоже распланировали свое время. Поэтому решили, что сначала мы с Людмилой Яковлевной и Валентиной Ивановной пойдем со школьниками, а затем я выведу на маршрут студентов. Для нас, руководителей, появилась возможность проверить, как поведут себя 12-15-летние туристы, оказавшись в горах без старших товарищей.

Учитель соседней школы попросил, чтобы его группа старшеклассников шла позади нашей. Он в первый раз выходил в горы и хотел на всякий случай подстраховаться. Я подумал, что будет полезно сравнить поведение ребят в двух группах, и согласился. Но уже в поезде увидел, что сравнивать особенно нечего. У нас – дежурства и трехразовая уборка, негромкое пение, викторины, чтение стихов. В вагоне соседей – грязь на столиках, разбросанные вещи, заглушающие стук колес песни и постоянная возня на полках. И это в 16-17 лет!

Я сказал руководителю, что надо бы навести порядок, ведь рядом посторонние люди, но он только плечами пожал – мол, ничего страшного, ребята отдыхают, и никто на них не жалуется.

Под Пятигорском мы неделю работали в совхозе на сборе черешни. И опять же: у нас бригады по 3-4 человека, у каждого норма выработки, если не успеваешь – помогут товарищи. У соседей – все по отдельности. Нормы тоже есть, но о них не вспоминают: сколько соберут ящиков, столько и ладно.

И что удивляло – руководитель старшеклассников почти не появлялся в саду, а оставался возле палаток и следил за приготовлением пищи. А без него ребята, полакомившись сочными ягодами, спокойно отдыхали в тенечке. Я тоже отлучался из сада по разным делам, но знал, что работа не остановится. А когда был в саду, пристраивался по очереди к каждой бригаде, чтобы никого не обидеть. Ну хорошо – у них своя музыка, у нас своя. Но и в нашем оркестрике прозвучала однажды фальшивая нота. Выдул ее восьмиклассник Женя Мухин, с которым в группе возились уже два года.

Пришел он к нам за месяц до первой поездки в Крым, увешанный двойками, как новогодняя елка игрушками, и сразу спросил:

- А меня в Крым возьмете?

Вопрос был, что называется, в лоб, и ребята рассмеялись.

Действительно, с какой стати? Мы тренировались, занимались полгода, а тут... Этак в группу придут записываться за день до отъезда – мало ли кому захочется погреться на крымском солнышке! Но Женя, нимало не смущаясь, ждал ответа.

- Как же тебя брать, если ты в двойках погряз, – пряча улыбку, спросил Саша Орлов.

- А без двоек возьмете?

Саша оглянулся на товарищей:

- Без двоек возьмем.

- Не врете?

- Возьмем, – твердо пообещал Саша.

И Женя Мухин окончил четверть без двоек.

В Крыму Женя особой расторопностью не отличался, но ребятам нравилось его добродушие, а скорее всего, они согласились с его ролью простачка, которому можно простить и незлобливые пререкания с дежкомом, и опоздание на зарядку. Все поручения Женя выполнял неряшливо и нелепо, охотно принимал помощь товарищей, вслух удивляясь, почему это у них все получается так быстро и хорошо.

Прошло время – и ребята перестали улыбаться жениным выходкам, да и сам он увидел, что жаргонные словечки и постоянное шутовство особой цены у нас не имеют. Тогда оказалось, что работать Женя умеет не хуже других и полезными идеями не обделен. На Карпатах, после того как он выполнил поручение, требующее инициативы и самостоятельности, и заработал уже не первую благодарность, я спросил, почему же в школе он ни в чем хорошем не проявляет себя.

- А меня там за дурачка считают. Учусь-то сами знаете как, – тихо ответил Женя, но, заметив, что нас слушают ребята, соорудил простецкую рожу

и весело добавил:

- А мне так и жить легче. С дурачка-то какой спрос?

И столько в этой веселости было неподдельного отчаяния, что никто из ребят даже не улыбнулся.

Где и когда начали убивать в человеке человеческое достоинство, мы не пытались выяснять. Сидел перед нами четырнадцатилетний товарищ, Женя Мухин, растягивал в усмешке непослушные губы - а в глазах затаилась тоска, и всем нам было неловко и от этого взгляда, и от наступившей тишины.

В классе Женю снова никуда не выдвигали и ничего ему не поручали. Так и остался он в глубоком пассиве, и вспоминали о нем только при разговорах об успеваемости. В двух местах его уважали: в туристской группе и в темном подъезде среди нечесанных фигур с поднятыми воротниками. Но в группе требовали учебы, активности и дисциплины, в подъезде же было достаточно скабрзного анекдота. Все чаще Женя оставлял подъезд ради походов, поэтому мы до самого отъезда не сдавали его билет на Кавказ, готовя Женю к переекзаменовке, которую он все-таки умудрился получить.

И вот мы работаем на сборе черешни. Никакого контроля за ребятами нет, только вечером дежком подводит итоги.

На Штабе докладывают: недобрали три ящика.

Как недобрали? Каждая бригада сдала свою норму, откуда же нехватка? Пошумели, погалдели, но так ничего и не выяснили.

На следующий день снова испарились три ящика. Пересчитываем еще и еще раз - не сходится сумма с цифрами бригадиров, и все тут!

Скликаем ребят. Каждый говорит, сколько ящиков собрал, но с какого боку ни приходи - в сумме на три ящика меньше.

Тут уж начали вспоминать, где укладывали ящики, кто их грузил на тракторный прицеп - и наконец докопались, что Мухин посылал малыша украдкой притаскивать в свою бригаду чужие ящики с черешней, приготовленные к отправке.

- А вы видели? - тут же взвился Мухин. - Если моя бригада раньше других закончила, значит, мы ящики утащили? А доказать сможете? Ну кто сможет доказать, кто?

- Не кричи, - остановил Женю его дружок. - Я могу доказать. Притаскивали тебе ящики, я видел.

Тут уж Мухину высказали все, что думают по поводу такого выполнения плана.

Мухинскую компанию немедленно расформировали и, не спрашивая согласия провинившихся, отправили их по другим бригадам.

- Ни в какую бригаду я не пойду! - заупрямился Мухин.

Мне показалось, что сейчас вспыхнет спор, что Женя упрется и ни за что не будет работать в чужой бригаде. Но видно, ни я, ни Мухин недооценили силы нового Штаба. Ребята не обратили на женину реплику никакого внимания и перешли к обсуждению хозяйственных вопросов. На следующий день Мухин трудился в другой бригаде, а там лодырей не уважали.

- Влип? - спросил я Женю после собрания.

- Влип, - сказал Женя. - Бывает.

- Бывает, - согласился я.

- Забудем? - спросил Женя.

- Постараемся.

Совхозный агроном заметил однажды:

- Ведь вот как интересно получается: при вас ребята созорничать могут, ну там побегать или черешней кинуться. А как одни в саду, так от деревьев не отходят. Я так понимаю, что вроде боятся вас подвести.

- Возможно, без меня у ребят ответственности больше?

- Ответственности? - Агроном усмехнулся. - Ответственности - это конечно. Только ответ-то они перед кем держат? Перед вами. А вы перед кем? Перед мной. Вот и выходит, что боятся ребята осрамить вас.

Агроном снова усмехнулся.

- Ты, мил человек, не думай: я все понимаю. У вас тут свое дело - воспитательное, а у меня свое - план. Но ребята справные, ничего не скажешь. Лядящих среди них нет.

Агроном посмотрел на длинные ряды ящиков, полные ягод, черкнул что-то в записной книжке - и неожиданно закончил:

- Я вам машину на субботу организую. Под Эльбрус прокатитесь.

А ребятам скажи: от агронома, мол, подарочек. За ответственность.

Я договорился о машине и для соседней школы, предупредив руководителя, чтобы его ребята захватили плащи и теплые вещи: погода в горах меняется часто, пусть не обольщаются здешней жарой. Но к совету прислушались не все – я это видел по тощим рюкзакам старшеклассников. Нескольких человек мы все-таки отправили за вещами, но самые старшие уже вовсю брэнчали в автобусе на гитаре – мол, видели мы всякое, и нас не запугаешь!

В Баксанское ущелье приехали в сумерках. Недавно здесь крепко ливануло, а теперь только нудно и с перерывами моросит.

Водители сказали, что вернутся за нами завтра во второй половине дня, и пожелали хорошего отдыха.

– Как же здесь ночевать? – тихонько спрашивает меня руководитель старшеклассников.

– Будем ставить палатки.

– В такую-то сырость?

Я киваю в сторону наших ребят. Две палатки уже поставлены, и дежурные возьмется у костра.

– Пойду все-таки посоветуюсь со своими, – неуверенно говорит руководитель.

У нас уже полыхает костер, а соседи только начинают устанавливать громоздкие импортные палатки. Никто не командует работами. Юноши ушли за дровами, а девушки не могут разобраться во множестве растяжек, и палатки напрасно мокнут под усиливающимся дождем. И, как при всякой неразберихе, начались крики и взаимные обвинения.

Мне казалось, что руководитель соседей должен немедленно остановить все работы и организовать их заново по своему усмотрению.

Но, видимо, растерявшись, он начал подтрунивать над своими туристами, то и дело кивая на нашу группу, чем вконец расстроил и без того сникших ребят.

– Вз-Я, посмотрите, как они костер разжигают, – ухмыльнулся Саша Орлов.

– Перестань. Им помочь надо, а не смеяться. И вообще, что это вы здесь крутитесь. Другого занятия не нашли?

– Может, им и ужин сварить? – съязвил Женя Мухин.

– Понадобится – и ужин сварим. А сейчас выделите троих ребят, и чтобы через пятнадцать минут костер у соседей горел!

– Помоги ближнему своему и воздастся тебе, – пробормотал Женя, направляясь к соседнему биваку.

– Проследи, чтобы все было тактично, – сказал я Саше Орлову. –

А то начнете изображать из себя бывалых людей.

– Да что вы, все будет в порядке, – Саша поплотнее укутался в плащ. – Там у них дужка от ведра потерялась, так я им наше ведро дал. А что ребята смеются – так как же: люди идут в горы, а костер разжечь не умеют. Хорошо, что мы рядом, а то намучились бы.

– Ладно, ладно, командир. Иди работай.

Скоро у соседей разгорелся костер, но поддерживать его они не сумели и после долгих пререканий решили ложиться без ужина.

Наши давно поели, вымыли посуду и улеглись. Костер продолжал бесполезно гудеть ровным сильным пламенем, и я убедил соседей доварить ужин на нашем очаге. Кончили они кашеварить где-то во втором часу.

Всю ночь дождь неумно барабанил по палаткам. Разбудил меня негромкий стук топора. Откинув полог, я увидел в слякотной серости рассвета Бориса Отставного, подбрасывающего веточки в костер. Густой едкий дым то и дело менял направление, и увертываясь от него, Борис потешно бегал вокруг очага.

Плащ он для удобства сбросил и, конечно, давно промок до костей.

– Ты почему один кашеваришь? А где остальные дежурные? – громким шепотом спросил я.

Борис на секунду остановился, заулыбался, закашлялся и снова ударился в бег.

– А я не дежурный, я так просто. – на ходу объяснил он. – А девчат я загнал в палатку, чего им под дождем-то?

– Ты сам в палатку ступай. На тебе же сухой нитки не осталось.

Дождь скоро кончится, тогда и доварим. Да перестань ты, наконец, кружиться. залезай в палатку, тебе говорят! – видя, что уговоры не действуют, прикрикнул я.

Борис вынырнул из клубов дыма, вытер мокрые руки о выдавшие виды штаны и подсел ко мне.

- Чего там дождь, погода нормальная. А варить ничего не надо, все готово уже. Вэ-Я, какую я там гору видел! - восторженно зашептал он. - Сверху стесанная и в снегу вся. Она так сразу открылась, а потом снова облаками заволокло. Вот бы куда сбегать!

- Это Чипер-Азау-Гвиди-Чегет-Кара-баши, - как можно равнодушной сказал я, но увидев ободленные глаза Бориса, не выдержал и рассмеялся:

- Да нет, я серьезно. Гора действительно так называется. А короче - просто Чегет. По ней почти до вершины протянута канатная дорога. Вот позавтракаем - и поедем кататься.

- Так можно, я ребят разбужу? Ведь стынет же все, - заволновался Борис и с криком "Подъем!" бросился к палаткам.

Перед завтраком ребята упаковали рюкзаки и приподняли днища палаток для проветривания. Надежно укрытые полтэтиленовыми пленками, палатки после дождливой ночи были только чуть влажными от дыхания.

Хуже обстояли дела у соседей. Еще вечером старшекласники, спасаясь от дождя, залезали в палатки, не снимая верхней одежды и обуви. Ужинали они тоже в палатках при свечах, а на улицу выходили, набрасывая на себя спальные мешки. За ночь плохо натянутые палатки провисли и начали пропускать воду.

Мне, к сожалению, не один раз приходилось встречать неряшливые туристские отряды, но то, что я увидел сегодня, выходило из всех мыслимых границ: днища палаток покрывал слой жидкой грязи, перемешанный с размокшими кусками хлеба, крошками печенья и остатками какого-то варева. К рюкзакам и спальным мешкам прилипли раздавленные конфеты и ошметки застывшего воска. Но больше всего поражало равнодушие, с каким почти взрослые люди встретили мои упреки. Завтрак соседи решили не готовить, хотя дождь едва моросил; от приглашения пойти на канатную дорогу отказались, сказав, что будут дожидаться машины из совхоза, и смотрели на нас не по-доброму, словно мы виноваты в их неурядицах.

В который уж раз я увидел, как по-разному может восприниматься одна и та же ситуация. Для соседей дождь, темень и холод оказались неодолимым препятствием, чуть ли не трагедией. Во всяком случае, нормально жить в такой обстановке они не могли.

Для нашей группы непогода была только небольшой помехой, требующей минимума дополнительных усилий для обеспечения необходимого комфорта.

При разборе поездки мы спросили ребят, в чем же разница между нашей группой и отрядом старшекласников.

- Мы опытней...

- Мы больше умеем...

- Мы ко всему привычны...

- У нас каждый знает, что делать, никого подгонять не надо...

На вопрос, что бы случилось, если бы мы тоже не сумели разжечь костер и правильно поставить палатки, ребята отвечать отказались, потому что такого даже теоретически представить себе не могли. Я все же настаивал, и тогда Борис Отставнов сказал:

- Ну, сначала укрыли бы от дождя рюкзаки и девочек. Потом выдали бы всем сухой паек. Потом... разожгли бы костер и поставили палатки.

Ребята повалились от хохота.

- Чего вы? - удивился Борис. - Конечно, разожгли бы костер. Как же без костра-то?

- Так ведь костер, - захлебывалась Аннушка Баранова, - так ведь костер мы... мы не умеем разжигать!...

- И дров у нас нет...

- Да ну вас! - отмахнулся Борис. - Как это - дров нет? Мы что, не знаем, куда идем? Скажут тоже - дров нет... А нет, тогда и на сухом пайке можно. А спать без палаток, под пленками.

- Следовательно, ты аварийных ситуаций не допускаешь?

- Не допускаю. Разве только камнепад там или лавина...

- Подожди, - остановил Бориса Саша Орлов. - Давайте я скажу.

Мы понимаем куда клонит Вэ-Я. Конечно, такой ругани, как у соседей, у нас никогда не будет. Дело не в том, что они костер разжигать не умеют, а в том, что каждый только о себе заботится.

Перетрудиться боятся. Одному обидно, что он под дождем мокнет, а

товарищ в палатке отсидивается. Товарищ кричит, что уже отработал свое, теперь пусть другие вкалывают. А третий заявляет, что ужинать не будет и костер ему ни к чему. Вот и рычат друг на друга... Конечно, у нас кое-кто тоже любит побазарить – вот Женька, например. Но если до дела дойдет, тогда уже все вместе. А над Борисом зря смеетесь, он прав. Какие могут быть аварийные ситуации, если все заранее предусмотрено и если на друга надеешься?

Мы, руководители, с удовольствием слушали наших ребят, не сомневаясь, что свой первый маршрут через снежные перевалы они пройдут успешно.

В совхозе я поговорил с руководителем старшекласников, сказав, что его группа не подготовлена для горного похода и лучше ему обосноваться на турбазе, делая из нее радиальные выходы.

– Ребята не согласятся, – сказал руководитель. – Мы уже говорили об этом. А в общем, они не такие уж плохие. Ну, растерялись в первый раз – теперь умней будут. А то, что увидели, как ваши работают – так это на пользу. Я им устроил разнос, так обещают, что все будет в порядке. Давай оставим, как договаривались: вы впереди, мы за вами.

– Ну, смотри. Маршрут не такой уж трудный. Но если будете собачиться, начнете отставать. А выбиваться из графика нельзя – продуктов в обрез, сам знаешь.

Горы. Круто забирающие вверх тропы и предательски скользкая трава на спусках. Ребята усердно пытаются скрыть усталость, и когда я останавливаюсь, пропускаю мимо себя отряд, вымученно улыбаются мне. Сколько ни просили, ни требовали, чтобы каждый предупреждал, когда уж слишком устанет – все молчат, из последних сил стараюсь поспевать за товарищами. Но мы все-таки вылавливаем уставших. Тогда на очередную жертву направляется карающий перст дежурного командира, и раздается короткая команда: "Разгрузить!"

К рюкзаку отчаянно сопротивляющегося туриста сбегается вся группа. Начинается веселая свалка – каждый старается захватить себе побольше вещей. Запомнилось: из-под борющихся тел вылезает растерзанный Борис Отставнов, победно поднимая над головой ботиночные шнурки – единственное, что досталось ему...

Неожиданно под бдительной опекой оказался и я, руководитель. Начинается перераспределение продуктов – мне приносят самый легкий мешочек или не дают ничего. Надеваю рюкзак – всегда рядом кто-нибудь из ребят, чтобы помочь. Отбирают топор, когда иду за дровами; тут же бегут навстречу, увидев, что несу охапку хвороста. Я пробовал протестовать, но Саша Орлов грубовато остановил меня:

– Вы лучше не спорьте. Нужна будет ваша помощь – скажем. А пока сами справляемся. Так что сидите у костра и отдыхайте. Для вас что, карпатское собрание не указ?

Я, конечно, помнил постановление собрания – запрещать мне перегружаться, но не думал, что оно будет выполняться так рьяно. Впрочем, нет худа без добра. Во время нескольких дождливых дней, когда всем смертельно не хотелось забираться на мокрые склоны в поисках сушняка, я брал топор и неторопливо уходил от палаток. Тут же за моей спиной раздавался шепот:

– Ребята, Вэ-Я за дровами пошел.

Меня догоняли, просили вернуться, но я указывал, что это тот случай, когда тоже имею право работать, и запасы топлива быстро пополнялись.

Как бы ни были трудны переходы, радость бытия переполняла ребят. Потому что синее небо, потому что высокие горы, потому что близкие звезды ярко застыли над головой. И еще потому, что мы вместе. А раз вместе – значит, ничего не страшно, значит, все у нас будет хорошо.

Где-то в середине пути я начал замечать, что дежурные командиры не слишком утруждают себя работой. Не то чтоб они ничего не делали, но их руководство на биваках перестало быть таким заметным как прежде. Проведет дежурный командир подъем, примет рапорт – а вечером спокойно докладывает на Штабе:

– День прошел нормально. Нарядников нет. Ставлю себе оценку "пять". – И ребята утверждают отчет, хотя всем ясно, что ничем особенным дежурный командир себя не проявил.

А ведь совсем недавно должность дежкома была одной из самых трудных в группе: проследить за выполнением намеченного на день плана, организовать

все бытовые работы, а главное – сделать так, чтобы не было ни одного случая нарушения дисциплины и чтобы все распоряжения выполнялись быстро и без пререканий. Получить отличную оценку было делом достаточно сложным – ребята придиричиво наблюдали за работой дежкома и редко не находили в ней никаких упущений. Поэтому меня несколько удивила либеральная линия Штаба, но, приглядевшись, я увидел, что ребята правы. Дежурным командирам зачастую действительно нечем было распоряжаться: все работы выполнялись с упреждением указаний, а о конфликтных ситуациях мы давно позабыли.

Чтобы не болтаться без дела, дежурные командиры, оглядев лагерь, чаще всего пристраивались к поварам, которые всегда нуждались в помощниках. Изменилась и атмосфера на заседаниях Штаба. Больше стало доброжелательности в разговорах, больше шуток, появилась та раскованность, по которой видно, что люди хорошо знают свое дело и не высасывают проблемы из пальца. Собственно, это были уже не заседания Штаба, а общие собрания, потому что на отчет дежкома собирался, как правило, весь отряд. Правда, при голосовании учитывались только штабисты, но руки тянули все, создавая, как говорили ребята, здоровое общественное мнение.

От того времени, когда по понятиям новичков Штаб должен быть прежде всего карающим органом, остались только дружеские подтрунивания, но начинались они столь серьезно, что трудно было сразу понять – шутит ли человек или старается вскрыть крупные неполадки. Скажем, прошел отчет дежкома, и Саша Орлов задает стереотипный вопрос: "Замечания по отчету есть?" И тут кто-нибудь из ребят начинает пространную речь, упрекая Штаб в верхотряпстве и в компанейских отношениях с дежкомом. А между тем каждому непредвзятому человеку ясно, что дежурный командир не заслуживает "пятерки", а Штаб во главе с Орловым пытается защитит его.

- У тебя есть факты? – обрывает выступающего Орлов.

- Есть. И не только у меня, но и у него, и у него, – указывает оратор на удивленных товарищей.

Тут выясняется, в чем основная претензия к дежкому: на тропе сегодня было слишком много камней, а дежком не удосужился убрать их. Это обвинение подхватывается всеми; уже вспоминают, что солнце припекало сильнее вчерашнего, поэтому ставить "пятерку" дежкому никак нельзя. Теперь дежком должен с серьезным видом принять или опровергнуть возводимые на него обвинения, и длительность перепалки целиком зависит от его остроумия. Возможно, суровым педагогическим зубрам, свято отстаивающим чистоту воспитательного процесса, все эти пересмешки и розыгрыши на заседании Штаба покажутся неуместными, но нам они нисколько не мешали. Ведь шли по горам люди 12-15 лет. Шутки и смех снимали напряжение после трудного дня, а хорошее настроение, по философскому определению Жени Мухина, всегда лучше подгорелой каши...

Несмотря на непренужденную обстановку на заседаниях Штаба, он оставался авторитетнейшим органом, и ребята хорошо понимали, что тому, кого вызовут на Штаб для объяснения своего проступка, будет не до шуток. Уже в Москве Аннушка Баранова, теперь восьмиклассница и секретарь комсомольской организации школы, говорила мне, что самое страшное, что может случиться с человеком – это вызов на заседание Штаба.

- Почему же самое страшное? – спросил я. – Ведь Штаб, как правило, ограничивается только обсуждением проступка.

- Ну как вы не понимаете?! В Штабе же свои ребята... И стоять перед ними, когда знаешь, что виноват!... Нет, уж лучше на педсовет, пусть даже вы отругаете – но только не на заседание Штаба!

Соседняя группа шла за нами в пределах видимости, но на ночевку располагалась подальше от наших палаток. Что-то у них происходило неладное. Руководитель говорил, что ссорятся ребята постоянно, не хотят помогать отстающим, и как бы сделать, чтобы подсократить маршрут.

Мы посоветовались на Штабе и решили пожертвовать одним перевалом, чтобы поскорей вывести соседей к морю.

Три дня мы отдыхали на Домбайской поляне, облазили все, что можно было успеть, и ранним утром подъехали к дороге на Клухорский перевал. Обещаю ребятам легкий день: перевал хотя и снежный, но технически несложный, да и рюкзаки у нас пустые, с запасом продуктов всего на два дня.

Подъем начинаем быстро – и скоро обгоняем большую группу школьников из Кишинева. Еще в Домбае я предупредил их руководителя, директора школы, что

для перехода через Клухор его ребята плохо экипированы: почти у всех спортивные сумки вместо рюкзаков, нет альпенштоков, а главное, совсем неподходящая обувь – ребята обуты в кеды, туфельки и даже сандалии. Директор и сам видел просчеты в снаряжении, но какой-то безответственный товарищ в Кишиневе обнадежил, что на перевал ведет прекрасная дорога, по которой даже ездят на велосипедах.

Мы договариваемся, что при необходимости поможем кишиневцам пройти опасный предперевальный участок, и спешим вверх, к Клухорскому озеру. День выдался жаркий, на небе ни облачка. Озеро слюдяно блестит в кольце сползающих к нему снегов, в темную гладь воды опрокинулись вершины гор и между ними островками застыли голубоватые льдины.

- Вэ-Я,- просят ребята, указывая на озеро, – можно?..

- Ни в коем случае! – Я отворачиваюсь, давая понять, что разговор окончен.

- Ну, Вэ-Я, – тянут ребята. – Вот увидите, мы не выйдем из графика.

Что можно простудиться, купаясь в ледяной воде, им и в голову не приходит.

Мы уже отдохнули, перекусили. Солнце нестерпимо печет, а озеро – вот оно, рядом.

Оглядываюсь на Людмилу Яковлевну и Валентину Ивановну, но они отводят глаза и смотрят куда-то в сторону.

- А-а! – махаю я рукой на все медицинские рекомендации. – Купайтесь!

На ходу сбрасывая одежду, отряд мчит к воде. Подняв над головами ботинки, ребята плывут к льдинам, помогая друг другу, взбираются на них – и, гребя альпенштоками, устраивают живописное катание по озеру.

Вскоре подходит кишиневская группа, а нам пора уходить – итак, уже полтора часа потеряно.

По пробитой в снегу тропе поднимаемся к перевалу. Я задерживаюсь у озера, чтобы сделать снизу несколько снимков.

Все выше уходят ребята, вот они превращаются в маленькие черточки на блестящем снегу – теперь уже и телеобъектив бесполезен; я складываю аппаратуру и начинаю подъем.

Там, впереди, самое неприятное место: узкая снежная полочка над крутым склоном. Один неверный шаг – и покатишься вниз, обдираясь о жесткий снег и острые камни. Инструкторам, ведущим плановые туристские группы, здесь особенно много хлопот: людям, впервые попавшим в горы, идти по скользкому краю снежного склона все-таки страшновато, и подстраховывать приходится практически каждого. Но плановые группы давно прошли, а за наших ребят беспокоиться нечего. Так и есть – вон они в ожидании меня, залихватски гикая, скатываются на ногах по снежнику, ловко тормозят альпенштоками и снова поднимаются на тропу. Но подойти к ребятам я не могу: узкую полочку заняли наши попутчики-старшеклассники, и заняли, видимо, надолго. Несколько человек боятся идти по самому опасному месту, а стоящие сзади не рискуют сойти с тропы, чтобы помочь товарищам. Увещевания руководителя и мои советы не действуют на испуганных ребят. Тогда, страхуясь ледорубом, спрыгиваю с тропы, обхожу группу снизу и возвращаюсь с Сашей Орловым и Борисом Отставновым. Мы натягиваем веревочные перила и переводим старшеклассников на безопасное место. Оставляю Бориса и Сашу дожидаться кишиневцев – и поднимаюсь к своим. Смотрю вниз, по другую сторону перевала: ого, сколько снега! В прошлые годы его было значительно меньше. Начинаем спускаться, захватив с собой нескольких девушек из соседней группы. Идти трудновато – снег успел подтаять, мы скользим и проваливаемся в самых неожиданных местах. На небольшой проталине останавливаемся на отдых. Солнце жжет немилосердно, словно на тело направлено увеличительное стекло. Прошу ребят одеться и не снимать защитных очков. Но уже потирают ребята покрасневшие плечи и с удивлением смотрят на выскочившие волдыри. Тренировочные костюмы не спасают от солнечных лучей, а натягивать куртки не хочется – жарко. Надо скорей уходить из этого царства слепящих снегов и пронзительной яркости синего неба. Но подходят старшеклассники и рассказывают, что кишиневская группа застряла на полочке еще по ту сторону перевала. Что там у них случилось, они точно не знают, но как будто один из туристов сорвался с тропы и сломал руку, а другой потерял сознание. Орлов и Отставнов остались с кишиневцами и просят помощи. Последнее старшеклассники говорят одной Людмиле Яковлевне, потому что все мы уже спешим к перевалу, до которого не меньше километра

тягучего подъема.

Все оказалось не таким страшным, как нам рассказали. Действительно, одной девочке стало плохо, и кто-то сорвался с тропы, но был задержан Орловым. Мы забираем у кишиневцев рюкзаки и спортивные сумки, поддерживаем под руки самых уставших – и понемногу все три группы собираются на месте нашего недавнего отдыха. Директор школы взволнованно благодарит наших ребят, а они, не привыкшие к таким торжественным, хотя идущим от сердца словам, смущенно посмеиваются и никак не могут настроиться на соответствующий моменту лад.

Теперь уже ясно, что график движения сорван и в Сухуми сегодня попасть не удастся. Но никто не вспоминает об этом – надо выводить из снегов кишиневцев, которые слишком устали, чтобы идти самостоятельно, да и обувь у них такая, что можно сорваться на самом безобидном склоне. Идем очень медленно, но все равно кишиневцы отстают, часто падают и на скользких участках опираются на наших ребят. У нас просто не хватает людей, чтобы помогать всем. Мальчишки и так уже несут по два рюкзак, а девочки на спусках выстраиваются цепочкой, принимая на себя скользких школьников.

Где-то на двадцатом километре снега кончаются, и идти становится легче. Мы прощаемся с кишиневской группой и пытаемся уйти вперед. Но тут сдают уже наши ребята. Первой останавливается Маринка, сбрасывает рюкзак и, прислонившись к скале, беззвучно плачет.

– Что с тобой?

– Ноги сторели, не могу идти...

Забираем ее рюкзак, а через какое-то время на сторевшие руки и ноги жалуются еще несколько человек. И снова мальчишки идут с двумя рюкзаками, но это уже не страшно, потому что до Южного приюта осталось не более пяти километров.

– Вэ-Я как в воду глядел – действительно легкий денек выдался, – проходя мимо меня, бормочет Женя Мухин. – И как это Вэ-Я все заранее предусмотреть может...

Висящий у меня на груди рюкзак мешает щелкнуть по затылку нахала, но Мухин на всякий случай оглядывается и ускоряет шаг.

– Зато какой сегодня шашлык к ужину будет! – мечтательно говорит Борис Отставнов.

– Шашлык? – удивляется Аннушка Баранова. – Откуда еще шашлык?

– Ну как же, – кивает Борис на ковыляющих впереди ребят. – Жареным от них за версту пахнет. Подперчить только придется.

Даже в такой, в общем, нелегкий день, когда усталость припечатывает к земле и многие обгорели на солнце, ребята не склонны впадать в уныние. Только войдя в домик приюта и повалившись на спальники, они затихают в спокойной дреме.

– Ужин пойдут варить, кто способен двигаться, – говорит дежурный командир. – Девочкам отдыхать.

Через полтора часа мы собираемся у костра. Ребята отдохнули и теперь добродушно посмеиваются над сегодняшним переходом. Такими черепашьими темпами мы еще никогда не ходили: на тридцать пять километров затратили тринадцать часов вместо запланированных девяти. Никто не удивляется, что наши соседи-старшеклассники сразу ушли вниз, даже не подумав помочь кишиневским школьникам. Я перестал наблюдать за соседями еще до Клухорского перевала. Все было ясно: собрали случайных людей, провели два подмосковных похода – и сразу в горы. Могла получиться хорошая группа, а могла и не получиться – это уж как сложится.

При жестком руководителе, держащем в кулаке все нити управления, хотя бы внешний порядок среди старшеклассников можно было навести. Но для этого нужен человек с определенными личными качествами. А без такого человека тон начали задавать самые сильные и нахрапистые – знакомая картина – и уж какая там помощь посторонним людям, когда и на своих внимания не обращают!

– Интересно, зачем они пошли в горы? – сказала как-то Валентина Ивановна. – Все время кричат, спорятся, а вечерами – посмотрите – сплошной торг: кому за дровами идти, а кому ужин готовить.

– Ну как же, – усмехнулся Саша Орлов. – Здесь они научились ценить домашний уют. Больше их в горы ни за что не заманишь.

Утром мы спустились к ближайшему селению и поздно вечером прикатили на прекрасную туристскую базу в Сухуми.

Целая неделя на море! Купание, экскурсии, а вечерами оформление материалов путешествия – вычерчивание карт и составление описания к ним.

Перед отъездом – традиционное общее собрание.

От маршрута в восторге. Друг о друге говорят только хорошее. Одобряют работу Штаба, лестно отзываются о Людмиле Яковлевне, Валентине Ивановне и обо мне. Но больше всего говорят о группе в целом. Это уже не выступления, а какие-то торжественные хоралы. И наконец, вопрос ко мне:

– Вэ-Я, а наша группа еще очень отличается от группы старичков?

– Вопрос нелегкий, – медленно говорю я. – "старички" дольше, чем вы, знают друг друга, и пожалуй, дружеские связи у них крепче. Но надо учитывать, что все они жили в одном интернате и постоянно находились вместе. Если же говорить о прикладных навыках и отношениях друг с другом, то никакой разницы между двумя группами нет. Больше того, мне кажется, что никаких двух групп не существует, а есть один большой коллектив, и все мы – члены этого коллектива. Уверен, что, как бы ни сложилась судьба каждого, вы навсегда останетесь такими же честными, принципиальными и трудолюбивыми, какими были в этом путешествии. Так давайте считать, что наш поход не кончается сегодня, не закончится и в следующем году на Памире; давайте считать, что мы постоянно находимся в большом и прекрасном походе, имя которому – жизнь!

Мы стоя аплодировали друг другу. И море шумело рядом.

И свет фонарей, словно искры походных костров, вспыхивал в густых кипарисовых ветвях...

Спортивный зал школы сегодня отдан туристам. На стендах развешаны фотографии нашего кавказского путешествия, дружеские шаржи, веселые лозунги, а в дальнем углу построен импровизированный буфет – батареи фруктовой воды, пирожные, торты и конфеты.

Приходят туристы нашей школы, их родители, "старички", студенты и взрослые люди, с которыми мы познакомились на таежных и горных тропах. Гостей встречают новички группы – пятиклассники, успевшие побывать с нами в нескольких подмосковных походах. Сегодня они выполняют первое серьезное поручение – обслуживают туристский вечер. Еще днем они вымыли и украсили спортивный зал, по окончании вечера должны будут снова убрать его, а сейчас, здороваясь с гостями, малыши принимают у них лакомства для нашего буфета и походные кружки, потому что брать посуду из школьной столовой мы не решаемся.

Специальная группа в белых колпаках и фартуках обходит гостей. Пятиклассники увлеклись и начисто позабыли наши наставления: подойти к человеку, неназойливо предложить угощение – и поблагодарив, тут же отойти.

Куда там! Лавируя между людьми, они не стесняясь прерывают оживленные разговоры и умоляюще просят:

– Ну выпейте, пожалуйста! И конфеты возьмите... И пирожные...

– Большое спасибо, но нас только что угощали.

– А вы и у меня возьмите. Ну что вам стоит? А то у всех берут, а у меня так никто...

Гости умиляются и покорно выпивают неизвестно какую по счету кружку.

Но вот праздничный гомон перекрывают фанфары: первые такты "Итальянского каприччио" Чайковского. Участники кавказского путешествия одевают сванские шапочки, украшенные значками Крыма, Карпат и Кавказа, и выстраиваются в шеренгу. Все это было оговорено заранее. Но, продолжая строй школьников, рядом становятся их родители и учителя.

Флаг нашего вечера поднимает ветеран группы еще интернатских лет, а ныне – техник-геодезист, только вернувшаяся с полевых работ, и пятиклассница с опытом трех подмосковных походов.

Я не знаю, где встретиться

Нам придется с тобой... –

запевают в зале. Стоят рядом со старшими наши пятиклассники. Не все они знают этот прекрасный гимн скитальцев, но каким восторгом светятся глаза малышей, и с какой гордостью смотрят на них родители!

Где нас дружба чудесная

Неприменно сведет, –

поют наши ветераны. И от того, что руки ветеранов обнимают плечи малышей, мне кажется, что эти строчки приобретают особый смысл.

– Друзья! – говорю я. – Сегодня у нас необыкновенный вечер. Мы проводим

его раз в два года. Сегодня тем из ребят, кто побывал в двух дальних путешествиях, прошел двадцать пять подмосковных походов и, проявив лучшие человеческие качества, заслужил доверие группы, присваивается почетное звание "старичков".

И хотя все присутствующие хорошо знают участников кавказского путешествия, я заново представляю их, стараясь найти для каждого самые хорошие, добрые и веселые слова.

Гаснет свет, и пятиклассники поднимают над головами зажженные свечи. В зал вкатывают высокую тележку, на которой, опираясь на ледоруб, стоит лесной царь. Почему именно лесной и почему он с ледорубом, я, признаться, не разобрался до сих пор. Но уж так повелось – приобретает к клану старичков лесной царь.

Тележка останавливается перед кавказской группой, и лесной царь произносит нечто стихообразное, объясняя, кто он и почему явился сюда. В темноте, среди колеблющихся огоньков свечей, он действительно кажется вышедшим из какой-то забытой сказки. Отступают в сторону малыши – и в торжественной тишине повторяют ребята вслед за лесным царем слова нашей клятвы:

Мы, всем сердцем туризму преданные,
Лихо и радость дальних дорог познавшие,
Клянемся!
Вечно хранить верность дружбе, рожденной у туристского костра.
Клянемся!

Всегда быть опорой и защитой младших и приходить на помощь
по первому их зову.

Клянемся!

Как бы ни было трудно в пути, не хныкать и не бояться, бороться и не сдаваться.

Клянемся!

Преклоняет колено Саша Орлов.

– Клянешься ли ты? – вопрошает лесной царь сверху, возложив на сашино плечо ледоруб.

– Клянусь!

– Отныне ты – "старичок"!

Саше вручается грамота – свиток на славянском языке; он отпивает из литровой кружки глоток крепчайшего чая и возвращается в строй.

Склоняются перед лесным царем Аннушка Баранова и Борис Отставнов, принимают грамоты обе Маринки и Женя Мухин...

Гремят аплодисменты. Новых старичков поздравляют ветераны группы, родители, учителя. Им читают стихи, поют и преподносят подарки. Теплые слова приветов шлют наши ребята из далеких воинских гарнизонов.

Кольшется пламя свечей в руках у новичков.

– Вз-Я, – спрашивают они, – а мы когда-нибудь тоже будем старичками?

– Будете, непременно будете, – говорю я. – У вас впереди еще много будет всего.

В школе-десятилетке

Через год я сдал опостылевшее директорство и вернулся в спортивный зал к любимой работе. Откуда-то ребята притащили огромный катушечный магнитофон и я начал учиться проводить уроки с музыкальным сопровождением. Сначала записывал на пленку только марши и польки с пластинок, а потом наловчился делать записи на весь урок для каждого возраста в отдельности, используя фортепьяно, когда можно было указывать какие перестроения и какие упражнения следует выполнять.

У меня скопилась большая фонотека с указаниями сколько минут уходит на отдельные части урока, и теперь не надо было тревожиться, что не уложусь в запланированный конспект – магнитофон не позволял отвлекаться от занятий.

Мы все чаще выигрывали районные соревнования по различным видам спорта, на отношение ребят к урокам физкультуры тоже не мог пожаловаться, и ни о каких изменениях в жизни, вроде бы, не помышлял. Но тут школу неожиданно закрыли, передав здание другой организации. Я со многими учениками был переведен в школу-десятилетку, стоящую через квартал от нашей.

Уроки физкультуры были там, мягко говоря, не очень, и приняли меня ребята не слишком дружелюбно, так что первые месяцы головной боли хватало.

Моих взрослых туристов, по привычке заглядывавших вечерами в спортивный зал на огонек, администрация поначалу выставляла за дверь, но вскорости все решилось к обоюдному удовольствию, благодаря случаю.

Слякотным ноябрьским вечером мы с бывшими интернатскими проводили форсированный ремонт спортивного зала. Одна группа заменяла разбитые стекла, другая устанавливала принесенные из дома динамики и тянула проводку, чтобы подсоединить к ним магнитофон. На стук молотков и вой электродрели в спортзал спустились директор школы и завхоз.

- Прекратите немедленно шум! - приказала директор. - Почему посторонние в зале?

Стовшие на стремянках под баскетбольным щитом парни оставили работу и подошли к нам.

- Вы кто такие? - спросила директор.

- Мы бывшие ученики Виктора Яковлевича, - один из парней взглянул на еще не укрепленный баскетбольный щит, снял со стремянки ящик с шурупами и поставил перед завхозом. - Подержите молоточек, пожалуйста. И отверточку, если не трудно. Простите, что пошумели.

Парень кивнул уже стоявшим рядом товарищам и сказал:

- Вэ-Я, извините, но мы пойдем. Вы уж как-нибудь сами. Тут всего-то часа на три работы.

Ребята двинулись к выходу, но директор, мгновенно оценив ситуацию, остановила их.

- Товарищи, товарищи! Вы меня не поняли. Мы собрались уходить, а тут - шум в зале. Работайте, пожалуйста. Это очень хорошо, что вы помогаете своему учителю. Виктор Яковлевич, я вам ключи от школы оставляю, не забудьте только свет везде погасить.

Теперь взрослые туристы могли приходиться ко мне в любое время и никогда не отказывали просьбам завхоза починить радиоаппаратуру, подтянуть фрамуги в классах или укрепить расшатавшиеся столы.

С уроками физкультуры тоже стало лучше. Сначала прекратились прогулы занятий - ребята увидели, что программа достаточно сложная и получить хорошую оценку "за просто так" не удастся. Через год мы начали выигрывать одно районное соревнование за другим, и спортивные секции работали до десяти вечера, так что для меня пришлось сделать дополнительный ключ от входных дверей. В какой-то степени помогли укрепить отношения с моими новыми учениками ребята из прежней школы. Они рассказывали о наших путешествиях, о литературных вечерах и устных журналах - и даже пугали моей строгостью на уроках. В результате, не приступив еще вплотную к занятиям, я обрел в глазах новых учеников определенный образ несколько своеобразного учителя, на которого любопытно взглянуть. Я давно заметил, что авторитет учителя формируется не только на уроках и не только при прямых контактах с ребятами. Имеют значение и всякого рода слухи о том, что и где сделал учитель необычного, не очень согласуемого со стандартным представлением о человеке этой профессии. Помню, как в бытность мою школьником, мы в девятом классе узнали, что новый учитель истории играет за сборную института в баскетбол. Для нас это не лезло ни в какие ворота: учитель истории - и вдруг баскетбол! На перемене, поставив у дверей класса на шухере двоих парней, мы открыли чемоданчик нового историка - и увидели майку с нагрудным номером и спортивные трусы. Вот это да! Для нас общение с учителями ограничивалось только уроками, для нас они были из другого мира, который мы не знали и не пытались узнать. Мы набрались храбрости и спросили историка насчет баскетбола.

- Да, - говорит, - поигрываю.

- А с нами сыграете?

- Можно.

Следующим вечером мы собрались в спортивном зале и, сдерживая улыбки, смотрели на своего учителя, представшего перед нами не в привычном строгом костюме, а в майке и в трусах.

Играть в баскетбол мы не умели, знали только, что надо забрасывать мяч в кольцо. Игроков все же решили разделить по справедливости: нам - кого поспортивней, и учителю - не самых заморышей. А он говорит:

- Берите себе самых сильных, а я уж один как-нибудь постараюсь.

Ну, это уж совсем необычно. Посовещались мы шепотком, встали по разным углам зала - и началась игра!

Учитель вел мяч, словно нас и не было на площадке. Мы гуртом бегали за ним, в азарте били его по рукам, даже толкали, но дотронуться до мяча почему-то не могли. Учитель вертел мяч вокруг себя, протягивал его нам – и неожиданным толчком проталкивал между нашими ногами. Это было не столько обидно, сколько смешно: пять игроков не могут справиться с одним! А наш учитель легко закладывал в кольцо мячи ритмичной чередой, да еще спрашивал на ходу, какой счет нас устроит – тридцать на ноль или пятьдесят. Мы все-таки попали в кольцо пару раз, но минут через пятнадцать выдохлись и остановились.

Тогда учитель начал показывать различные фокусы, забрасывая мяч в кольцо из-под ноги или в прыжке после отскока от щита...

И поползли среди старшеклассников слухи о новом историке, который играл уже не за свой институт, а за сборную "Динамо", а потом и за сборную страны.

Не скажу, что после этой баскетбольной встречи все старшеклассники увлеклись историей, но на уроках молодого учителя бузы не допускали.

Потом я не раз слышал разговоры школьников о потрясающих подвигах своих учителей. Сами ребята этих подвигов не видели, но слышали от товарищей – и с каждым разом вспоминали все новые подробности. И конечно, гордились своими наставниками. Один учитель, по словам ребят, расшвырял напавшую на него банду (на самом деле – вышиб из дворца пионеров полупьяного подростка и шуганул за дверь его компанию), другой перерезал загоревшуюся в школе проводку, и его парализовало током (в действительности – перерезал проводку, предварительно вывернув пробки). Но главное, слухи ходили только о тех учителях, которые могли совершить такой поступок. Поэтому и достоверность слухов не вызывала сомнений.

Мои новые ученики попросили рассказать поподробней, как я прыгнул в пропасть за сорвавшимся туристом, на лету поймал его, и мы оба повисли на веревке.

- Что за бред?

- А нам говорили.

Пришлось разочаровать ребят, сказав, что прыгал не в пропасть, а на снежный склон, и что никуда мы не летели, а проскользили немного – и все. Но испорченный телефон работал, и то, что новый учитель физкультуры способен делать что-то необычное, поднимало меня в глазах учеников.

О таких вещах не пишут в учебниках педагогики, но они существуют – так почему же о них надо молчать? Еще в интернатскую пору я разучил с десятков простеньких фокусов и при случае развлекал ими ребят. И теперь новые ученики удивленно разевали рты, когда из моих рук внезапно исчезала монетка или когда та же монетка, завернутая в носовой платок, которую каждый мог прощупать, девалась неизвестно куда. Старшеклассники на переменах приходили ко мне и умоляли объяснить, как я угадываю, до какой спички из десятка разбросанных на столе они дотронулись. Я терпеливо растолковывал:

- Все очень просто. Я отворачиваюсь, и один человек дотрагивается до спички, так?

- Так.

- Потом я беру его за кисть и прошу думать, до какой спички он дотронулся. Правильно?

- Ну да.

- И ко мне идут его биотоки. Я скольжу взглядом по спичкам, и когда импульс от человека превышает его субъективную норму, он интегрируется с моим, и пик генерации концентрирует мою энергию на нужной спичке. Это же элементарно!

Ребята обалдело слушают мою галиматью, и вместе с ними поражается мой тайный ассистент.

А когда я начал отвечать на вопросы, скрыто записанные на клочках бумажек – тут уж многие старшеклассники заподозрили, что я обладаю какой-то магической силой, тем более что я нет-нет, да насмешливо спрашивал их:

- Что это вы уроки физкультуры не прогуливаете? Какое благословенное время было в первой четверти – в зале пять-шесть человек, тишина и простор, а теперь не протолкнешься.

- Да понимаете, – говорили мне в тон ребята, – решишь не пойти, а внутри что-то тянет и тянет. Биотоки, наверное...

Такая вера в необычность и в удачливость своего учителя очень важна. Скоро я обнаглел и перестал уговаривать ребят выступать на районных

соревнованиях. Учителя физкультуры знают, как трудно бывает сформировать сборную команду: кто-то не может прийти именно в нужный день, а кому-то просто неохота. Я тоже сталкивался с этим, но после нескольких побед, увидев, что ребята поверили в свои силы, просто начал вывешивать на спортивном стенде списки сборных команд и фамилию ответственного за явку. Самым трудным были объяснения с не попавшими в списки.

- Что я, хуже других?

- Не хуже, но в команде уже мест нет. В следующий раз включим тебя.

- А когда следующий раз?

- Через неделю.

- А можно, я сейчас запасным пойду?

- Можно, но не обижайся, если не поставим на игру.

Мы шли на соревнования в сопровождении толпы болельщиков, шли как на праздник, потому что не сомневались в победе. Или почти не сомневались.

Как-то я спросил выпускников, которых взял еще в шестом классе: почему они стремятся попасть в сборную школы.

- Так ведь когда мы идем с вами, то всегда выигрываем, а это приятно. Ну что за радость смотреть, как побеждают другие? Да и гоняете вы нас до седьмого пота, не пропадать же труду.

- Не слушайте их, - сказала десятиклассница. - Просто они обидеть вас не хотят. А остальное - это уже приложение к основному.

И то верно. Добрая половина выпускников была уже в нашей туристской группе, и дружба с ними сохранялась еще много лет.

Ребята не сомневались, что со мной найдут выход из любых трудных положений. Они-то не сомневались, но каково было мне - при всегдашней необходимости оставаться "на уровне". Конечно, чаще всего выручал опыт, но и везение играло не последнюю роль. Полезли мы в подмосковные пещеры. Был я там всего три раза, да и то в ближних залах, поэтому ведет нас бывший воспитанник интерната, немного помешанный на спелеологии. Идем узкими штольнями, чиркая касками по нависающим сводам. Наш проводник обещает минут через пятнадцать вывести в большой зал, где можно с удобствами заночевать. Мы терпеливо бредем за проводником со свечками в руках, протискиваясь через низкие лазы из одной пещеры в другую. Но все они маловаты для нашей группы. Уже понятно, что мы сбились с пути, что идем по второму кругу, узнавая места, в которых были полчаса назад.

Когда ползать в темноте надоело, я сказал, что сам поведу группу. И пробираясь к проводнику, услышал шепот:

- Вэ-Я вперед пошел. Сейчас придем на место.

И надо же - едва свернув в боковую штольню и перевалив через кучу камней, мы очутились в нужном зале! Как это получилось - откуда мне знать? Но ребята были уверены, что по-другому и быть не могло. Вся эта мелочевка, доходящая до многих школьников в переиначенном и разукрашенном виде, изменяла их отношение ко мне, новому учителю, и была одним из кирпичиков в построении той платформы, на которой уже можно было спокойно работать.

Однажды, выступая на семинаре школьных туристских организаторов из разных регионов страны, я, между прочим, сказал, что руководителю детских групп полезно обрастать всякого рода легендами.

- А за вами тянутся легенды? - ехидно спросили из зала.

- Еще какие! - тут же закричали мои бывшие ученицы, по скромности устроившиеся в последних рядах.

Разговор перешел на волнующую молодых учителей тему: как создается авторитет руководителя - вопрос не совсем ясный и для меня. Мы проговорили весь перерыв, и опытные туристские вожаки, немного смущаясь, признавали, что ореол слухов об их действиях в сложных ситуациях очень помогал в дальнейшей работе. А что тут смущаться? Все правильно.

Наши частые победы на районных соревнованиях немного удивляли меня. Два сорокапятиминутных урока физкультуры в неделю ничего не решали, как бы хорошо ни проводились. И в других школах сильных учеников было не меньше, чем в нашей. Бывало, мы проигрывали в индивидуальных видах - скажем, в прыжках или в беге. Но в общем зачете, как правило, побеждали. Несомненно, у нас были какие-то преимущества: рядом стадион, где мальчишки с первого класса занимались в футбольной и хоккейной секциях, недалеко спортивные школы с отделениями легкой атлетики, женской гимнастики и баскетбола. Это уже было весомо. Но такие же условия были и у соседних школ. Так в чем же

дело?

Я спросил об этом старших ребят.

- С гимнастикой ясно, - сказали они, - здесь мы выигрываем за счет нашей секции и уроков. Футбол и хоккей - так кто у нас ими хоть немного не занимался? Вон Гена уже за "Динамо" играет.

А остальное... Остальное - так получается.

- Ну что значит "так получается", - допытывался я. - Один раз получилось, другой - но не постоянно же!

И тут ребята сказали то главное, на что я как-то не обращал внимания. Они сказали, что отношение к соревнованиям у нас серьезней, что они разговаривают со знакомыми из других школ и знают, что многих заставляют приходить соревноваться, ставя за явку пятерки по физкультуре, а это уже не тот настрой на борьбу.

- Мы выходим всегда подготовленной командой, и в ней только сильнейшие. А у других - то лучший бегун не придет, то лыжник... Кто с нами борется? Две-три школы. Всегда одни и те же. Почему так получается - это вам лучше знать. И кроме того, посмотрите: у нас почти все команды старших наполовину из туристов составлены, у них дополнительные тренировки, значит, в массе мы чуточку сильнее...

Пожалуй, настрой на борьбу и был нашим основным козырем. Вот мы готовимся к эстафете по улицам района. Приглашаю ребят посоветоваться, кого на какой этап ставить. А у них уже все расписано, да еще с учетом тактики: на старте - лыжник-перворазрядник. Его задача - придти вторым или третьим. Это на случай, если у соперников найдутся бегуны посильнее. Хотя маловероятно. Дальше желательно подтянуться к первым. Или не увеличить разрыв. Это реально: на одном из этапов у нас еще один перворазрядник по лыжам. Победа должна закладываться на самом длинном женском этапе, где бежит наша чемпионка Москвы по кроссу. Она гарантирует, что, начав бег с отставанием от первой метров на пятьдесят, обгонит всех. Ну, а финишировать будет тоже не слабенькая девушка, ей и делать-то нечего - всего каких-то триста метров. Мы анализируем варианты предстоящего бега на каждом этапе, и по всему выходит, что должны выиграть.

Такое отношение ребят к соревнованиям, конечно же, радовало меня, потому что было естественным продолжением всей нашей школьной спортивной работы. Ребята гордились своими победами, и я не всегда мог умерить их желание с кем-нибудь посоревноваться. Однажды городские соревнования по лыжной эстафете совпали с первенством района по лыжным гонкам. Спортивное начальство мне говорит:

- Езжай на город, а за район мы тебе и так первое место дадим.

Эстафета - вещь наглядная: какой команда финишировала, такое у нее и место. Девушки затесались в первую десятку, а юноши - трети!

Ребята распалились:

- Вэ-Я, давайте еще и на районных соревнованиях выступим!

- Зачем? Вы и так уже победители.

- Так интересно же!

Гоним выделенный нам "Икарус" к районному старту, а там уже итоги подводят.

- Так и так, - говорю, - мальчишки хотят пробежаться.

- Но вам же отдали первое место!

- Неважно. Что это за победители без соревнований? Пусть бегут.

- Да судьи с дистанции уже ушли, сейчас разметку снимать будем.

- С разметкой подождите. А судьи нам не нужны. Я сам ребят выпущу и сам приму. Доверяете?

- Ну, вы даете!

И четверка лыжников умчалась в лес. И заняла первые четыре места.

Этот азарт борьбы, который я сумел развить у сильнейших учеников, подстегивал и не самых спортивных ребят.

Я уже знал, как создавать это эмоциональное состояние, когда чувство общности заставляет человека делать то, что в одиночку он бы сделать не смог или не захотел.

В то время практиковались загородные сборы для допризывников-десятиклассников. Собирали их со всего района в воинской части и неделю обучали разным премудростям.

День начинался с километровой пробежки. Я бежал, задавая темп, впереди

трех сотен ребят, а отстающих подгонял специально выделенный ефрейтор. Так вот: все допризывники нашей школы всегда бежали рядом со мной – по-другому считалось неприличным. Из других школ рядом держались 15–20 человек, остальные постепенно отставали, а очень многие переходили на трусцу, не обращая внимания на окрики ефрейтора. И отставали не только потому, что скорость бега была непосильной – просто для них это было незначимое дело, и стало быть, не к чему напрягаться.

Спартакиаду на лагерных сборах мы выиграли с большим отрывом от остальных школ. Да, среди наших десятиклассников были сильные ребята – чемпионы района по лыжам и бегу. Они лучше всех подтягивались на перекладине и дальше всех метали гранату. Но было несколько человек, для которых спортивные упражнения заканчивались после звонка с урока физкультуры. Но как они старались поддерживать своих лидеров!

Большинство учеников других школ выходили на старты без разминки и на одном этом теряли очки и секунды. Наши ребята разминались всей группой, тщательно прорабатывая каждую мышцу. И когда слабейшие подходили к перекладине или спускались в бассейн, вся команда подбадривала их. Такая нацеленность на победу и позволяла нашим школьникам занимать первые места. Другого объяснения я не находил.

Лагерные сборы заканчивались военной игрой.

Подняли нас в пять утра и поротно приказали выдвигаться на исходные позиции. Естественно, карта и компаса – у наших туристов. Они ведут роту через лес, по мокрому мху, продираясь через кусты и завалы деревьев, ведут так уверенно и быстро, что офицеры сдерживают их, давая возможность подтянуться отделениям других школ. Учителя шли позади роты, поэтому я не сразу понял, почему прекратилось движение. Протиснувшись через толпу поеживающихся от холода школьников, увидел укутанную в туман речушку, шириной метров в пять.

– Вэ-Я, мостика нет. Что делать? – спрашивают туристы.

Подхожу к офицерам-посредникам:

– Так задумано?

– Так задумано. Ищите выход.

И тогда, не оглядываясь на ребят, громко командую:

– Туристы, в воду!

Пять человек тут же прыгнули в реку. Стоя по пояс в воде, они перебросили через реку тонкие бревна, и рота, держась за палки, протянутые еще тремя туристами, перешла на другой берег. Тем же манером переправились и взрослые.

Как было не гордиться такими ребятами? Но сами они не видели в своих действиях ничего необычного. Нам уже приходилось переносить через ручей, кроша тонкий ноябрьский ледок, до сотни девушек педагогического института, скопом сдававших туристские нормативы комплекса ГТО, да и в горах, наводя веревочные переправы, мы не раз полоскались в бурных реках, растирая потом задубевшие от холода ноги – так что героями себя ребята не мнили. И все-таки я, не слишком щедрый на похвалу, поблагодарил их.

Младшие классы тоже чаще всего ходили в победителях, хотя специально к районным соревнованиям мы не готовились:

покажу третьеклассникам программу "Веселых стартов" или спрошу, кто хорошо катается на коньках – вот и вся подготовка.

Думаю, победы малышей закладывались на уроках. Я много работал с ними над общим физическим развитием: подвижные игры, лазание, акробатика, эстафеты. И все в хорошем темпе, так что нагрузка для их возраста была внушительной. Поэтому к пятому классу ребяташки могли успешно бороться со сверстниками из других школ. Но бывало, что очередная победа совершенно не зависела от меня. Вот Проводятся районные соревнования четверокалассников по санкам: кто дальше проедет с горки. Какая здесь нужна тренировка? Отбираю нужное количество ребят, они прокатились – и пожалуйста – первое место! Ну, ладно, повезло. Через неделю выезжаем соревноваться на город. И снова первые! Меня спрашивают как я этого добиваюсь, а я только плечами пожимаю: самому любопытно.

Разумеется, кое-что зависило и от меня. Приходит, например, в школу баскетбольный тренер:

– Разрешите, – говорит, – посмотреть третьеклассниц, может быть, отберу двух-трех девочек в секцию.

- А зачем их смотреть? Забирайте всех.
- Вы не поняли. Мне высоких надо и поспортивней.
- Берите всех, - настаиваю я. - Через какое-то время неспособные сами отсеются. А в компании девочки лучше к вам будут ходить, чем по одиночке.

Через год в спортшколе остались только шесть девчонок, а те, что прекратили занятия, все-таки успели получить основы баскетбольных знаний. И тренеру хорошо, и мне - неплохо.

Когда баскетболистки были уже в седьмом классе, я заявил их на районные соревнования.

- Зачем это тебе, ведь у вас никогда не было баскетболисток? - спросило меня спортивное начальство.

- Да пусть девочки поучатся, - скромно говорю я.

Посмотреть на соревнования, предчувствуя очередной аттракцион, пришли даже старшеклассники.

Как и положено, даю девочкам последние наставления перед игрой. А они так по хитрому переглядываются и говорят:

- Да ладно, Вэ-Я, сами разберемся. Вы только скажите с каким счетом выиграть.

- Ну, обнаглели девчонки! - смеются старшеклассники.

А девчонки сидят на корточках, глазками в них постреливают и бантики поправляют.

- 100:0! - говорю я, чтобы сбить спесь с команды. - 100:0 и ни одним мячом меньше!

Девочки весело перемигнулись:

- Сделаем!

То ли соперницы нам попались слабоватые, то ли хорошо обучили девочек за четыре года в спортшколе, но игра пошла в одно кольцо. Девчонки запутывали соперниц перебежками, крутили мяч вокруг себя и между ногами, делали неожиданные передачи, и к середине первой половины игры счет приблизился к шестидесяти. Мне было крайне неудобно перед учителем другой школы, ведь зрители хохотали над его командой, и я взял минутный перерыв.

- Дайте хоть забить себе несколько мячей - попросил я баскетболисток.

- Да мы несколько раз отдавали им мяч, а они не попадают.

- Но вы все-таки не очень усердствуйте.

- А как же 100:0?

- Забудьте.

Перед концом первого тайма счет действительно вырос до 100, и за несколько секунд до свистка наша капитан и туристка Катюша Аболяева, озорно показав мне кончик языка, мягко заложила в кольцо еще один незапланированный на эту половину игры мяч - 52:0!

Второй тайм судьи решили не проводить, а потом вообще вычеркнули нашу команду из соревнований, сразу отправив ее на первенство города.

Таких заготовок было у меня много. Попробуй выиграть у наших гимнасток, когда они с первого класса занимаются в школе подготовки олимпийского резерва. А футболисты спортшколы громят заезжую команду с двухзначным счетом, а наш вратарь отмеряет круги по стадиону, потому что замерз стоять без дела на ветру...

*** ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ***

Группа Вэ-Яков

Мы уже давно поговаривали, что недурно как-нибудь назвать нашу туристскую группу. Особой нужды в этом не было - группа и группа, можно даже писать с заглавной буквы. А тут одна студентка предложила:

- Давайте мы будем вэяки.

- Что это за бьяки такие, - не понял я.

- Не бьяки, а вэяки. Вас Вэ-Я называют, вот и будем вэяками.

Прислушайтесь, здесь что-то от яков угадывается. А мы разве не похожи со своими рюкзаками на вьючных животных?

Пошутили и забыли. Но от похода к походу все чаще раздавалось в лесу:

- Вэ-Яки, за дровами!

- Вэ-Яки, по ложкам!

- Вэ-Яки, подъем!

Название прижилось, и я перестал связывать его со своим именем. Потом мы изготовили нарукавные эмблемы для всей группы и значки, вручаемые только старичкам, где над ледорубом и горами тоже красовалось: "Вэ-Яки". Под этим именем мы стали известны среди московских туристов. Однажды в поезде соседи спросили наших ребят, от какого они клуба: вроде и дети едут, и взрослые - непонятно.

Ребята начали объяснять, но запутались. В самом деле - как тут объяснишь? Мы не из школы, не из института и вообще ниоткуда. Мы - сами по себе.

- Давайте разберемся, - начали помогать соседи. - Вот, к примеру, в Москве есть такое очень большое объединение, выступающее на слетах, городских юморинах и на конкурсах студенческой песни. Там тоже дети и взрослые. Их вэяками зовут...

- Так это мы и есть! - рассмеялись ребята.

Мне же все чаще было не до смеха. Попробуй оформить документы для дальнего путешествия, особенно в пограничные районы, когда школьников туда не выпускают, когда человек десять работают или учатся по отдельности от остальных, и их не заносят ни в студенческую, ни в школьную маршрутную книжку. Доходило до абсурда. Ребятам, поступившим после восьмого класса в техникумы, пропуска на Памир выдают, а их товарищам-девятиклассникам - ни под каким видом.

- Почему? - спрашиваю.

- Школьникам не положено.

А тут еще появилась инструкция, запрещающая детям до 14 лет путешествовать за пределами своей области. Моих пятиклашек, уже находивших под Москвой сотню километров и не раз ночевавших в зимнем лесу, не выпускают на скалолазание в Крым, а рядом спокойно оформляются старшеклассники других школ, не имеющие никакого туристского опыта. Был в инструкции еще один интересный пункт, ставящий крест на нашей работе: в походах могут участвовать группы только одного возраста или смежных возрастов!

К этому времени я имел уже в школьном туризме определенный вес, и маршрутные комиссии старались помочь обойти инструкцию на законных основаниях. Мне подсказали обзавестись справкой из лаборатории детского туризма при НИИ, где я вел весьма незначительную работу, что группа наша - экспериментальная и, следовательно, в научных целях может выходить за рамки общепринятых положений. Сейчас все эти несуразности вызывают только улыбку, но тогда, в 70-х годах, дело обстояло сурово. Один руководитель-байдарочник, в группе которого было несколько шестиклассников, обивал пороги Министерства просвещения, добиваясь разрешения идти по реке, вильнувшей за пределы Московской области, но тут же развернувшейся обратно. Другого учителя, рискнувшего нарушить инструкцию, с большим шумом уволили из школы. Все эти чиновничьи игры отнимали время и трепали нервы, но сказать ребятам, что мы незаконнорожденные и надо расставаться, я не мог, и перед каждой дальней поездкой приходилось заниматься эквилибристикой, обеспечивая группе место под солнцем.

С каждым годом группа становилась все больше. К нам приходили ученики из четвертых и третьих классов, которым еще рановато вышагивать по 25-30 километров. Тогда мы начали разрабатывать маршруты таким образом, чтобы с их серединой части можно было отправлять малышей домой в сопровождении взрослых.

Чем-то туристы отличались от остальных ребят и на лагерных сборах, и в школе. То ли тем, что старались даже на переменах быть вместе, то ли ответственным отношением к различным делам. Выезжаем мы в трудовые лагеря - это в порядке обязательной сельхозпрактики. Каждый получает в поле свой ряд для прополки или окучивания. И всегда туристы уходят вперед, а закончив работу, помогают отстающим. Даже самые нерадивые школьники стеснялись не выполнить установленную норму, потому что знали: за них ее выполнят Вэ-Яки. Конечно, отношение к работе складывалось не столько на полях, сколько в организации всей жизни наших трудовых лагерей, куда я перенес многое из опыта интернатских полотноных городков. Но тон во всех делах задавали все-таки туристы. Не думаю, что переоценивал их. Скорее наоборот, часто был к ним излишне придирчив. Но наблюдая за ребятами из других школ - на

соревнованиях, в походах и в лагерях – видел, что по сплоченности они значительно уступают нашей туристской группе. И это замечал не только я.

В том же трудовом лагере, в соседнем бараке, жила еще одна школа. Мне очень понравился один из ее учеников, приходивший на наши вечерние посиделки. Я пораспросил о нем учителей и решил, что его всенепременно надо приобщить к нашим походам.

Володя Борисов, отличник и эрудит, закончивший музыкальную школу, но очень болезненный и абсолютно неспортивный товарищ. Последнее меня не особенно волновало – лишь бы он согласился придти к нам, а там посмотрим, как его выправить. Несколько раз я разговаривал с Володей, но он только извинялся и отнекивался. Но отвязаться от меня было не так-то легко, и через год Володя оказался среди Вэ-Яков. С нами он побывал на Кавказе и на Памире, получил звание "старичка", написал несколько песен для группы, в том числе "Гимн старичков" и поздравительную оду для взявших первый в своей жизни горный перевал. Мы самым бессовестным образом эксплуатировали талант Володи, требуя поздравительных песен ко дням рождения туристов и к нашим многочисленным праздникам. Володя ахал, в отчаянии взмахивал руками и клялся, что ничего не успеет сделать, но "Надо, Володя, надо" – и к сроку заказ выполнялся. В одном из походов мы торжественно возвели Володю в звание Придворняжного поэта с вручением соответствующей грамоты, нагрудной цепи и полутораметрового стила из альпенштока с картонным оперением. Странно, что, имея музыкальное образование, Володя только в нашей группе познакомился с бардовскими песнями. Но зато теперь, уже взрослым, он с товарищами ежегодно проводит песенные вечера в дни рождения Окуджавы и Визбора во дворах их детства, выступает в школах с рассказами о известных бардах, много публикуется. Когда пришел его срок уходить в армию, мы собрались в большой квартире. Володя сел к пианино, под микрофоны, объявив, что будет рассказывать музыкальную историю Вэ-Яка, прошедшего путь от зеленого новичка до старичка группы. Эту полторачасовую запись – не знаю даже, как назвать – необычного концерта, что ли, мы ежегодно прокручиваем новым туристам, потому что это не история одного человека, а целый пласт нашей жизни со всеми ее радостями и огорчениями. Володя начал с нашего знакомства в совхозе. Я передаю его рассказ, ничего не меняя, и думаю, что взгляд человека со стороны будет точнее моих собственных оценок.

Из воспоминаний члена группы Володи Борисова.

"... В обоих бараках жили ребята, присланные на сельхозработы, но жизнь в этих двух бараках текла совершенно разная. В нашем бараке развлекались в основном тем, что вымазывали зубной пастой или клеем дверные ручки – вот такая была очень любимая забава; пили, курили втайне от своих преподавателей, а преподаватели, по-моему, занимались тем же самым втайне от нас. Ругались, разговора человеческого почти не случалось, по крайней мере, я не помню такого случая. А вот в бараке, который был рядом с нами, все было как-то по другому. Я наблюдал за жизнью этого барака издали, но замечал, что под вечер люди сходятся, садятся тихонько, что у них есть гитара, что они ведут какие-то негромкие разговоры. Мне хотелось подойти, но как-то случая не было – мы не знакомы, и мы пока что существовали параллельно. Однажды на пыльной сельской дороге мы ждали автобуса, который должен был отвезти нас на поле... Рядом с нами на той же пыльной дороге стояла другая школа, но она ждала не просто, она ждала очень активно. Был плотный кружок людей, из него слышались какие-то веселые возгласы, смех – словом, очень хотелось подойти поближе, и я подошел. Я увидел, что организована какая-то веселая игра. В самом центре стоял невысокий человек с черными горящими глазами, который был живее всех присутствующих – он как-то замечательно весело говорил, источал какое-то поле, которое всех стимулировало и к веселью, и к какой-то игре. Что он был источником этого поля, было видно сразу невооруженным глазом. Я посмотрел, что за игра. Ну, поначалу это для меня было не очень интересно... Потом начались другие игры – викторины... Я задал несколько вопросов или дал несколько правильных ответов – словом, это был повод для какого-то вступления в разговор. Я представился и попросил разрешения подойти вечером к их бараку...

Вечером я пришел к бараку соседней школы. И этот вечер я провел гораздо лучше, чем все предыдущие. Там опять были игры, очень интересные загадки, очень хорошие были разговоры, споры. А потом Виктор Яковлевич читал стихи. Тогда я впервые услышал, как он читает. Я стал часто ходить на эти вечерние

собрания, познакомился с некоторыми из тех людей, которые на этих собраниях были завсегда. . . и однажды, перед отъездом, Виктор Яковлевич сказал:

- Вы знаете, Володя, у нас есть группа, которая ходит в подмосковные походы. Если вы хотите, если вам это интересно, то можете придти к нам и сходить хотя бы в один поход.

Думаю: вот какой любезный человек. Взял у него телефон с тем, чтобы позвонить осенью, когда начнется учебный год, и мы расстались.

Ну, естественно, я догадывался, что не позвоню. Виктор Яковлевич, по-видимому, просто не знал, с кем он имел дело: я такая кабинетная крыса, я всю жизнь сидел в четырех стенах. Людей, которые ходили в походы, да и просто в лес, я не понимал и с трудом представлял, что это возможно, а люди, которые ходили в лес с ночевкой, мне представлялись вообще какими-то сумасшедшими - как это можно на такое решиться. Поэтому я прекрасно понимал, что это не для меня, что ни в какой поход я не схожу. . .

Я тогда недооценил Виктора Яковлевича. . . Вдруг однажды вечером в моей квартире раздался телефонный звонок.

- Здравствуйте, Володя, с вами говорит Виктор Яковлевич.

Мне стало ужасно стыдно, во-первых, и я очень удивился, во-вторых. Дело в том, что своего телефона я Виктору Яковлевичу не давал. Было совершенно непонятно, откуда этот человек мог взять мой телефон.

- Так вот, Володя, - продолжал Виктор Яковлевич, - если вы помните, мы договаривались встретиться в походе, вот у нас в эту субботу будет поход. . ."

Я еще вернусь к этой магнитофонной записи и к воспоминаниям "старичков", потому что их рассказы о жизни группы - это личное отношение каждого к тому, с чем он сталкивался в нашем большом и дружном коллективе.

Походы не прекращались и в самую горячую для школьников пору - перед окончанием учебного года. Но требования к успеваемости не снижались, да и сами старшеклассники понимали, что время благодущества прошло - надо готовиться к поступлению в институт. Теперь в электричках школьники рассаживались группами между студентами и забрасывали их вопросами по сложным разделам программы.

Консультации продолжались и на маршруте. Так у нас появился "Бродячий Университет". Ребята переходили из одной группы в другую и решали свои проблемы в прямом смысле на ходу. Студенты у нас были почти со всех факультетов, да еще такой опытный учитель математики, как Людмила Яковлевна, да еще несколько учителей из других школ, так что заниматься можно было хоть в группе, хоть индивидуально. Ребята относились к такой форме занятий очень серьезно и говорили, что она даже полезней самостоятельной подготовки.

Туристы - тоже люди. Пришло время, и в лесу отшумела наша первая свадьба. Теперь их уже за тридцать, но ритуал торжества остался таким же, как и в 70-х годах.

Лесной бивак украшен воздушными шариками и гирляндами. Между деревьями на веревках - поздравительные плакаты и различные надписи:

"Жизнь прожить - не гору перейти!"

"Маша, опомнись, еще не поздно!"

"Мы знаем: в этом что-то есть."

Мы даже знаем, что есть в этом что-то!"

А когда две свадьбы грянули одна за другой, на рулоне обоев растянули суровое предупреждение: "Еще одна такая свадьба - и группа вылетит в трубу!"

Каждая свадьба оформляется со своим национальным колоритом. Были у нас цыганские, узбекские свадьбы и даже древнегреческая, проходившая на фоне Парфенона, между рядами весталок, стоящих в легких туниках и тапочках на снегу.

Невеста, непременно в фате, выезжает на тройке лошадей с колокольчиками. Для выезда у нас заготовлены нагрудные картонки: "Правая лошадь", "Левая лошадь" и "Коренник" - это для гарцующих впереди девушек. Юноши, несущие невесту, обходятся более прозаическими обозначениями: "Правое колесо" и "Левое колесо". Хотели сделать выезд и женихов, но, прикинув их веса, решили, что пусть лучше они поддерживают фату и двигаются своим ходом.

Тройка лошадей под звон колокольчиков гарцует между рядами гостей, забрасывающих жениха и невесту конфетти и серебряным дождем. Взрываются петарды, взлетают ракеты.

Жениха с невестой подводят к столу - стоящему на четвереньках и покрытому спальником туристу - и ведущий церемонию произносит все, что

положено в таких случаях. Молодые расписываются в "Бракованной книге", им вручается свидетельство о браке, подписанное всеми участниками торжества, и хор запекает уж что там удалось сочинить, но обязательно с фактами из биографии свежее испеченных супругов.

На одной из последних свадеб мы величали воспитательницу детского сада и молодого артиста, дипломной работой которого была роль в чеховской "Чайке", а до этого сыгравшего взломщика квартир в предупреждающем о бдительности телеролике. Свадьба была с одесским колоритом, поэтому хор, среди прочего, пел:

"Начнем с невесты - к ней лежит душа,
На свадьбе без невесты нету толку.
Она с любого бока хороша -
Красавица, хотя не комсомолка.
Ну а жених - чтоб он нам долго жил -
Возвышенный и ростом, и душой.
Со сцены он за честность говорил,
А в телеке жил жизнью воровскою.
Он и она - как пара сапогов:
Один другого очень дополняет -
Она детей доводит до умов,
А он мозги у взрослых развивает...

Молодым при свете факелов преподносят подарки. Здесь уж мы не скупимся - дарим байдарки, магнитофоны, спальные мешки, штормовые костюмы. Правда, после социальных преобразований в стране подарки стали скромнее, но марку стараемся держать, хотя наша общественная касса после таких свадеб часто оказывается пустой.

А затем - праздничный ужин с обилием сладостей и домашней выпечки. И ни капли вина, кроме бутылки шампанского, слитого в литровую кружку, пускаемую по кругу.

В положенный срок к нашему костру приносят новорожденных, так они и взрослеют вместе с группой. Потом малышки путешествуют в рюкзаках родителей, а с 4-5 лет уже сами проходят небольшие маршруты. Я смотрю на молодое поколение и думаю: как ребятишкам все-таки повезло. Два раза в месяц по суткам на свежем воздухе в лесу, в общении со старшими, которые постоянно возятся с ними. Уже с пяти-шести лет дети умеют разводить костры и помогают родителям ставить палатки, учатся петь хорошие песни и выполняют несложные бытовые работы. В этом же возрасте мы начинаем брать их в лодочные походы по Селигеру и вывозим в Крым, выпуская на простенькие скалы - конечно же, с тщательной веревочной страховкой. Несколько первоклассников были с нами на Кавказе и на Памире, шли по ледникам, попадали в непогоду, и живя жизнью группы, постепенно усваивали ее законы и традиции.

Когда дошколят стало достаточно много, мы начали устраивать соревнования по типу "Мама, папа, я - спортивная семья". С давней поры у нас появилась традиция считать вторую субботу сентября началом нового туристского сезона. В этот день в лесу под станцией Опалиха собирается вся группа. Даже бывшие студенты, работающие в других городах, стараются попасть к нашему костру. Организуется обильный праздничный ужин с шашлыками и арбузами, всякими деликатесами и сладостями. Едят до отвала, и кто-то назвал эту осеннюю встречу Обжираловкой. Утром начинаются игры и конкурсы. Долгое время любимой забавой был футбол, а когда девушкам надоело быть только зрителями, их тоже подключили к игре, но теперь соперники были привязаны друг к другу двухметровыми веревками - так и гоняли по поляне, тормозя выбегающего на мяч. Футбол сменился соревнованиями по ориентированию. В радиусе трех километров на деревьях, помеченных на карте, развешивались большие фотографии летнего путешествия.

За такими призами мчались все, даже те, кто не был в этом сезоне в горах. В общем, игр и всякого дурачества на Обжираловке хватало. Вот только самые маленькие оставались не у дел. Тогда и решили проводить для них "Мама, папа, я - спортивная семья".

Дома родители изготавливают паспорта - заявки с фотографиями участников, с рисунками и шутивными текстами. Паспорта развешиваются для обозрения, и авторы трех лучших шедевров премируются. Затем семьи выходят на старт полосы препятствий.

Но тут запротестовали младшие школьники: мы тоже хотим!

Пришлось проводить соревнования и для них. Но как проводить, когда большинство школьников приходит в походы без родителей?

- Ищите, - говорим, - семью.

И тут начинается самое потешное.

- У меня красивая мама, - набивает себе цену третьеклассник. - Ищу завалившего папу!

- Девочка ищет отца!

- Мы сиротки - нет папов и мамов!

Полоса препятствий не такая уж легкая.

Между деревьями, на высоте полутора метров, подвешено бревно. Мама пробегает под ним, папа передает ей над бревном ребенка и перелезает через бревно, которое раскачивается на веревках, не позволяя как следует зацепиться и навалиться на него. Потом надо пройти по наклонному бревну, подвешенному только за один конец. Дитятку, конечно, поддерживают с двух сторон, но уж родители должны сами. Затем папа идет по натянутой между деревьями веревке, держась за другую над головой - и так один этап за другим, с метанием шишек в кастрюлю, с переноской "пострадавшего", с прыганием по "кочкам"...

Проигравших у нас не бывает: каждому ребенку вручается игрушка и самодельная грамота - неважно, за что: за мужество, за находчивость, за меткость и даже за то, что не плакал.

Родители говорят, что наши грамоты хранятся дома, как реликвии, а дети перед очередной Обжираловкой спрашивают:

- А "Мама, папа, я" будет?

К концу 70-х группа выросла до ста человек, и это начало беспокоить нас с Людмилой Яковлевной. Нет, организационных трудностей мы не боялись - структура группы с ее Штабом, отделениями и дежками позволяла руководить и большим числом людей. При необходимости, используя телефонную цепочку, можно было собрать всех часа за два. Но мы видели, что дружеские связи начинают замыкаться внутри отделений, что образуются микрогруппки из 5-6 человек, вход в которые никому, конечно, не возбраняется, но и не особенно приветствуется. Микрогруппы в большой общности людей появляются всегда. Важно только, чтобы они не были нейтральны или еще хуже - антогонистичны друг к другу, а находились в дружеском общении. Но у нас появилось столько микрогрупп, что общаться между собой они физически не могли. Против науки не пойдешь: радиус реального общения, когда каждый может контактировать с каждым, всегда остается в пределах 15-20 человек. С одной стороны, в этом преимущество больших групп. Если поставить в изолированные условия 5-6 человек, один из которых не нашел точек соприкосновения с товарищами, он рискует оказаться изгоем, лишенным возможности выйти из ситуации. В большой группе каждый может найти для себя удовлетворяющую ячейку для дружеского общения и избежать контактов с несимпатичными ему людьми. Но когда в одной большой группе - взрослые и дети, появляется риск консолидации по возрастам. Для старших это значения не имеет, но ребяташки 10-12 лет могут оказаться как бы в стороне. Мы видели, что школьники среднего звена легко приживались среди взрослых. Самых маленьких опекали родители, и то, что малышня в основном общалась между собой, вполне отвечало ее возрастным особенностям.

Но 3-5-е классы, уже отойдя от малышни, еще не вошли в микрогруппы старших. Раньше этого не было: в меньшей по численности группе с ними возились персональные шефы, да и все остальные туристы. А теперь я начал замечать, как не определившиеся в своем статусе туристы отходят от общего костра и затевают в лесу свои игры, да и на маршруте часто идут обособленной группкой. Никакой трагедии нет, но хотелось, чтобы с ними постоянно были ребята постарше. Вот и разберись тут: когда нас было 50-60 человек, самые младшие школьники липли к взрослым, а в большой группе остаются вроде бы без присмотра. И конечно же, сплачиваются между собой. А это уже другой уровень поведения и другой круг информации. Для меня было очевидным, что количество человек в группе вышло за целесообразные пределы - не все даже знали друг друга по именам, а в зимних походах невозможно было разместиться у костра: одни сидят по кругу, а другие за их спинами притоптывают ногами. Но сократить численность группы приказным порядком нельзя. Правда, просил никого больше не приводить и перестал вывешивать в школе объявление о новом наборе, но ощутимых результатов это не принесло. К счастью, такое положение длилось всего два года. Начали уходить ветераны первого созыва - мои

интернатские: семья, работа, приусадебные участки – новые заботы, новые интересы. Начали разъезжаться закончившие институты. И юноши один за другим призывались в армию.

Группа сократилась до 70 человек, и этого максимума мы старались в дальнейшем не превышать. Вскоре все вернулось на круги своя: повысился уровень общения, и туристы снова оказались в центре внимания старших.

Почему я вспоминаю об этом? Неформальная группа, из которой каждый может в любое время уйти, привлекает двумя вещами – комфортностью нахождения в ней и значимостью деятельности.

Если человек чувствует, что в нем не очень нуждаются и его отсутствия не замечают, он скорее всего поищет другой круг людей для проведения досуга. Конечно, значимость деятельности тоже удерживает в группе, но если люди не объединены духовно, их усилия будут направлены только на достижение выбранной цели, после чего можно спокойно расходиться, не мечтая о новой встрече. Это уже не группа единомышленников, а совершенно иная, узко функциональная общность. Мой бывший ученик, давно покинувший группу и начавший ходить в горы по маршрутам высшей категории трудности, рассказывал, что бросил это занятие по одной причине:

– Все прекрасно, все интересно, но рядом не товарищи, а сотрудники по напряженной работе. Вечером перекусим, обменяемся короткими репликами – и на боковую. А с утра – все по новой. Общения никакого. Вколачиваем крючья, навешиваем веревки... Мы нужны друг другу, как надежные партнеры по связке – и не более. Вернулись домой, изредка перезваниваемся, а к лету собирается новая группа, и часто от прежней в ней – один-два человека. Возможно, кого-то это устраивает, а меня – нет.

Мы не раз обсуждали со "старичками" положение дел в группе и сошлись на том, что трудности возникают не только из-за ее количественного состава. Важно и соотношение возрастов.

Нельзя, чтобы младших школьников было слишком много – за ними не уследишь и не научишь тому, чему можно научить.

Решили, что при оптимальном варианте на пятерых туристов от 15 лет должен приходиться один ученик из 3–5-х классов. Значит, в группе должно быть примерно десять малышей, не считая дошколят с родителями.

В одной из таких бесед я спросил: не лучше ли вообще отказаться от младших ребят и проводить набор в группу только среди 8–10 классов.

– Ни в коем случае! – тут же запротестовали "старички". – Через несколько лет группа станет одного возраста. Потом уйдут студенты, и через каждые три-четыре года всю работу придется начинать заново. Да и не успеют восьмиклассники за два года усвоить наши правила и набраться туристского опыта.

– Но ведь сколько возни с малышами! – подзуживал я "старичков".

– Никакой возни нет. Ребятишки сами тянутся за старшими. И вообще, группа живет за счет малышей – ведь через несколько лет они становятся самостоятельными. Вспомните хотя бы Сашу Альтова.

Сашу мама привела в группу, когда ему было пять лет.

Потом он исчез и снова объявился, по-моему, уже третьеклассником. В 12 лет был с нами на Кавказе. А на следующий год мы, прикидывая по списку, сколько мужчин будет на Памире, прочитали Сашину фамилию и заскользили дальше.

– Стоп! – сказал я. – Разве Альтов не мужчина?

Командиры отделений удивленно переглянулись – и рассмеялись:

– А ведь правда – мужик! Сколько же лет он в группе? Вот время летит!

Скоро Саша стал одним из лучших наших скалолазов и в 17 лет руководил отделением на крымских сборах, а еще через какое-то время повел "старичков" по памирскому маршруту третьей категории трудности.

Такая разновозрастность создавала, порой, ряд потешных моментов. Приводит к нам бывшая студентка, а теперь классная руководительница, нескольких своих учеников. Для нас нынешняя учительница так и осталась Верочкой, а для ее ребят?

В группе, ко всем, кроме меня и Людмилы Яковлевны, обращаются на "ты". Но не могут же ученики так фамильярно обращаться к своей "классной"! И прячут улыбки старожилы, слыша разговоры новых дежурных:

– Вера Николаевна, каша не убежит?

– Вера Николаевна, воду надо принести...

На итоговых собраниях в горах ученики Веры Николаевны неловко опускают глаза, когда при персональном обсуждении поведения участников путешествия, очередь доходит до их классной руководительницы. Только окончив школу, ребята постепенно начали обращаться к своей учительнице по имени и на "ты", но один, теперь уже семейный мужчина, тормознулся, и для него наша Верочка так и осталась Верой Николаевной, не смотря на раскрепасные отношения между ними.

Или такой момент. Приходят к нам трое первокурсниц из пединститута. Быстро знакомятся со всеми, в том числе и с молодым школьным преподавателем физкультуры. А этот преподаватель через год переходит работать на их факультет и сразу становится для девчат Алексеем Витальевичем. Конечно, только в институте.

И вот вижу как у примусов Алексей Витальевич подмазывается к своей студентке:

- Мариночка, я с утра не ел, дай кусочек тушонки.

- Отойди! Через пять минут ужинать будем.

- Ну, Мариночка...

- Лешка, отойди!

- Ну, Мариночка! Я же все-таки твой преподаватель и замдекана!

- Вэ-Я! - кричит девушка. - Ко мне Лешка пристаёт! Заберите его или он сейчас половником получит!

Все смеются.

А как быть школьнице, года три называвшей кандидата наук Наденькой, и теперь поступившей к ней в институт? На переменах девчонка бежит к Надежде Васильевне в лабораторный закуток побаловаться чайком, но все равно отношения между ними в институте как между преподавателем и студенткой. В походах вроде бы все по-прежнему: сидят рядышком, вместе поют. Но девушка шепотком говорит мне, что теперь никак не обращается к своему преподавателю - боится перепутать: где Наденька, а где - Надежда Васильевна.

Как-то в Крыму, на 7-е ноября у нас должен был состояться традиционный парад и демонстрация трудящихся. Выбрали мы уединенное место в горах. Колонны, разукрашенные воздушными шариками и флажками, приготовились, я уже взгромоздился на свою лошадь - ветерана интернатских лет, а командир группы вдруг заупрямила: я же своих учеников привела, как же я верхом при них на парне поеду?!

А ее лошадь "Ночка" стоит и нетерпеливо ногами перебирает.

- Садись, - говорю, - что за цермонии.

- Ни под каким видом! Что дети подумают?!

- Подумают, что им повезло с "классной". Не все же тебе застегнутой на все пуговицы перед ними ходить!

И когда мы выехали из-за камней, и загорцевали навстречу друг другу, не ожидавшие этого ученики нашего командира так захлопали и так восторженно начали вопить, что едва не сорвали торжественное начало парада...

Все эти маленькие неловкости никак не отражались на жизни группы, хотя по началу я все-таки задумывался как надобно организовать отношения преподавателей и учеников, вдруг попадавших из официальной обстановки в круг неформального дружеского общения. Но взрослые говорили, что никакого панибратства в учебное время ни школьники, ни студенты не допускают. Более того, они - лучшие на занятиях. А в горах учительницы становятся ведомьми и подчиняются распоряжениям своих учеников-старшеклассников, которые и подстрахуют, где надо, и помогут в пути. И ничего зазорного в этом нет - обычная смена ролевых функций. Так что особо долго я не раздумывал - просто пустил это дело на самотек.

Как-то Александр Александрович Остапец-Свешников, тогда молодой кандидат, а ныне - доктор педагогических наук и президент Академии детско-юношеского туризма и краеведения, сказал мне:

- Возможно, ты делаешь интересное и нужное дело. Возможно. Но никаких научных срезов в работе у тебя нет, потому что ты лентяй. Вот познакомься - Сергей Николаевич Волков, опытный турист, учитель и аспирант кафедры психологии МГУ. Он весьма осторожно относится к разновозрастным туристским группам. Кстати, я тоже. Так вот, Сергей Николаевич пойдет с тобой в ближайший поход, понаблюдает, проведет анкетирование и все разложит по полочкам. А потом мы побеседуем. Договорились?

Оказалось, что мы с Сергеем Николаевичем живем в одном дворе и окна наших квартир смотрят друг на друга. В тот зимний вечер мы не спешили расходиться. Я рассказывал о группе и видел, как Сергею Николаевичу не терпится перебить меня и надоевшими уже вопросами "А что будет, если..." разрушить все мои психолого-педагогические построения. Но я был значительно старше, и Сергей Николаевич только деликатно спрашивал:

- Не кажется ли вам, что в такой группе взрослые находятся в страдательном положении? Им приходится опекать малышей, а при выезде в горы выбирать доступные для младших маршруты, и следовательно, не повышать собственное спортивное мастерство.

Или:

- Все-таки разность интересов и жизненного опыта старших и младших не создают предпосылок для неформального общения. Мне представляется здесь неминуемым размежевание по возрастам. Не кажется ли вам, что в этом аспекте общая деятельность во многом носит искусственный характер? Не испытывают ли дискомфорта старшие, которые, возможно, остаются в группе только ради перспективы участия в горных путешествиях?

Я как мог объяснял механику нашей работы, но ни в чем Сергея Николаевича не убедил.

- Мы продолжим разговор после похода, - сказал он, прощаясь. - Вы увлеченный человек, и боюсь, это мешает вам объективно оценивать многие негативные стороны разновозрастных групп.

Тем более - туристских. И тем более, такого широкого возрастного диапазона, как ваша.

В очередной поход собралось человек пятьдесят. Я представил Сергея Николаевича, сказав, что ему нужно собрать материал для научной работы, и попросил ребят честно отвечать на все его вопросы.

В электричке Сергей Николаевич отвлекал взрослых и малышей от наших викторин и о чем-то шептался с ними, делая пометки на листочках разграфленной бумаги. Но скоро сунул свою бухгалтерию в карман и азартно включился в игру.

Кто-то из малышей уступил ему место напротив меня. Сергей Николаевич усадил малыша на колени и начал подсказывать ему ответы на вопросы. Они по-честному делились выигранными конфетами, а когда ответ оказывался неверным, малыш дергал Сергея Николаевича за борта штормовки и возмущался:

- Ну что же вы?! Так мы ничего не выиграем! Ну, думайте, пожалуйста, думайте!

- Сам думай! - отгрызался Сергей Николаевич. - И не тряси меня, а то все мозги вытрясешь!

В паузе между играми я наклонился к Сергею Николаевичу и тихонько спросил:

- Так как же насчет разности интересов?

- При чем здесь интересы! Если бы он не ерзал и не мешал... Сергей Николаевич замолчал и смущенно улыбнулся:

- Простите, увлекся...

Больше он своих бумажек не доставал ни в вагоне, ни в походе.

Мы протоптали в снегу тропку к поляне, и ребята разошлись по лесу в поисках сушин. Вскоре в темноте завжикали пилы, а мы с Сергеем Николаевичем присели на принесенное бревно возле дежурных, поднимавших блеклый огонек костра. Чуть в стороне под набитыми снегом кастрюлями гудят примуса, на яркие пленки раскладываются продукты - все идет давно установленным порядком.

- А кто здесь командует? - спрашивает Сергей Николаевич.

- Дежурный командир.

- Он в лесу?

- Да нет. Вон девочка у примусов.

- В каком она классе?

- В седьмом.

- Что-то я не слышал ее распоряжений, - говорит Сергей Николаевич. - У нее есть конкретные обязанности?

- Есть. Она их уже выполнила. Продукты закуплены, деньги собраны. Теперь ее дело - обеспечить костер и ужин.

- А те, что в лесу - все собирают дрова? Кто их контролирует?

- Да никто не контролирует. Вот разгорится костер - начнут подходить

греться, а потом снова в лес.

- А ваши функции?

- Присутствовать, - рассмеялся я. - Не будь вас, тоже был бы в лесу. А сегодня попросил разрешения у дежкома побездельничать.

- Ну, это уже лишнее, - заволновался Сергей Николаевич. - Неудобно как получилось. Пойдемте работать.

Сергей Николаевич начал притаскивать такие здоровенные бревна, что даже "старички" восхищенно переглядывались.

Я не удивился, что старшие уже обращались к Сергею Николаевичу по имени и на "ты" - за валкой сушин и распиливанием бревен знакомятся быстро.

Дежурные позвали к ужину, но я притормозил Сергея Николаевича: сначала девочки.

- Дядя Сережа, давайте миску, я вам принесу, - подошел к Сергею Николаевичу его партнер по викторине.

За чаем мы поздравили и одарили деньрожденников, они выставили традиционные торты, ребята чуть откатили бревна от жаркого костра и начались песни. У нас были прекрасные солисты, мы негромко и слаженно пели на несколько голосов - взрослые и дети - и нам было хорошо вместе.

А потом как обычно:

- Вэ-Я, почитайте...

В тот вечер я читал Мережковского, Апухтина, Горького, а когда закончил, Сергей Николаевич поднял руку:

- Разрешите мне. Нет-нет, ни петь, ни читать я не буду. Я вот о чем... Меня попросили придти сюда, чтобы доказать невозможность существования таких групп, как ваша, где собраны люди разных возрастов. Так вот, все это полнейшая чепуха. Я видел, как младшие ведут себя в электричке, я видел, как вы готовите бивак, и не заметил ни одного момента, где бы младшие выпадали из общей обоймы... И этот вечер... Ребята, вы сами не знаете, какие вы...

Мы не знали, надо ли отвечать на его слова или снова взяться за гитары. Так и просидели с минуту в неловкой тишине, ожидая, не скажет ли Сергей Николаевич чего-нибудь еще.

И он продолжал:

- Я - будущий социальный психолог. Возможно, я вижу в отношениях людей больше, чем видите вы. Я вижу, что вы рассаживаетесь у костра небольшими, но достаточно устойчивыми группами - это показатель дружеских связей. В известных пределах, конечно. Я вижу, что эти группы диффузны - значит, не замкнуты и открыты для всех. И что малыши рядом со взрослыми. У меня тоже есть школьники-туристы. Но они рассаживаются у костра где придется. Понимаете - им безразлично, с кем рядом сидеть!

Ребята удивленно переглянулись. Никто не задумывался, где он сидит, да и групп никаких не было - только тесный круг на бревнах и впереди на низких походных стульчиках. А тут все увидели, что в этом сидении плечом к плечу есть своя логика: оказалось, что рядом стружились люди, которые всегда старались быть вместе.

- Наука! - уважительно сказал кто-то.

Сергей Николаевич подождал, пока уляжется шумок.

- И еще. Я видел, как старшеклассник вздремнул на плече вашего командира. Она обняла его и пела со всеми. А у меня в группе мальчишки захихикали бы, увидев такое. У вас не командир, а чудо. Простите, кто вы по профессии?

- Я почти как Вэ-Я, - весело сказала наша общая любимица Таня Быцунь. - Он - преподаватель физического воспитания, а я - будущая физичка. Скажите обо мне еще что-нибудь приятное.

Все рассмеялись: Татьяна умела разрядить даже самую неловкую обстановку.

А Сергея Николаевича, видимо, прорвало. Теперь он взялся за меня - и, наговорив кучу любезностей, признался, что более обаятельного человека еще не встречал.

- Это я-то обаятельный человек?!

Я был уверен, что обаяния-то мне как раз и не хватает, и даже немного комплексовал по этому поводу.

- Не скромничайте, - сказал Сергей Николаевич. - Вы это прекрасно знаете. А не верите - спросим у ребят.

- Вы их слушайте больше, - сказал я. - Им еще у меня оценки получать.

Разговор повернул на вечную для нас тему - о личных качествах любого руководителя. Смешинки закончились, и мы проговорили долго, забыв о пении и о времени отбоя. Несколько раз дежурный командир подходила ко мне и показывала на часы, но я просил еще десять минут и еще пять. Наконец дежком громко скомандовала: "Отбой!"

Все встали и положили руки на плечи друг другу. Гитарное вступление - и полетела в морозную ночь последняя на сегодняшний вечер песня.

Пока земля еще вертится,

Пока еще ярок свет...

Пятьдесят человек поют окуджавскую "Молитву" - девчонки, мальчишки, студенты, учителя; поют истово, до мурашек по телу...

- Такого я еще не видел, - тихо говорит мне Сергей Николаевич.

Мы забираемся в свое лежбище и натягиваем на спальники пленки.

- Тепло? - спрашиваю.

- Тепло.

- Спокойной ночи.

Сергей Николаевич стал часто бывать у меня дома. Мы много беседовали, что-то формулировали и обосновывали. Пару раз он еще ходил с нами, а потом перекроил свою группу наподобие нашей, но, насколько помню, дела до конца не довел - переехал на дальний конец Москвы и начал учительствовать в другом месте. Как-то незаметно связь между нами оборвалась, и только лет через десять он снова пришел ко мне уже в ранге директора школы, пришел вместе со своим административным синклитом уговаривать перейти к ним работать...

Александр Александрович Остапец, пославший Сергея Николаевича изучать нашу группу, тоже занимался с ребятами в своем клубе "Родина", собирая в туристские кружки школьников со всего микрорайона. Отчет Сергея Николаевича, видимо, заинтересовал его, и мы были приглашены в клуб на встречу со старшими кружковцами.

Любопытная получилась встреча. Пришло нас пять человек - я, две девочки из 5-го и 8-го классов, студент-энергетик и учительница. Мы прокрутили кружковцам фрагменты из воспоминаний Володи Борисова и начали отвечать на вопросы. И первый же вопрос был из набившей оскомину серии "А что, если...":

- А что, если старшие ребята будут обижать надоевших малышей?

- Как это обижать? - удивилась восьмиклассница. - Я в группе с третьего класса. И никто ни разу даже не крикнул на меня. Это сейчас все приходится делать самой, а раньше... Шеф проверит, чтобы поела, уложит, укроет, за ушком почешет. А на маршруте устанешь - старшие тут же разгрузят. Малышам в группе самое раздолье: забот-то почти никаких. А вы говорите - "обижать". Скажете тоже!

- А если горный маршрут не по силам младшим?

Студент начал было подробно объяснять, как мы разрабатываем маршруты, формируя отделения по спортивной подготовленности и туристскому опыту, но увидел, что это не очень волнует хозяев, и сказал:

- Вот я прошлым летом ходил с другой группой в "четверку", еще один из наших был с университетской командой на леднике Федченко - прошли маршрут высшей категории. Двое были на Тянь-Шане. Естественно, без малышей. Но возвращаемся-то мы в свою группу. Это наш дом! И возвращаемся мы с новыми знаниями, и ведем по доступным горам остальных. Наша группа не гонится за сложными маршрутами, для нас важно другое - постоянное общение. Разве это плохо?

- А помните, Вэ-Я, - спросила учительница, - вы как-то предложили "старичкам" отказаться от гор и пойти летом по Подмосковию? И мы сказали, что если всей группой, то с удовольствием. Вы спрашиваете, - обратилась она к кружковцам, - как совместить в горах маршруты младших и старших. А для нас этот вопрос, в общем-то, не стоит. Можно пройти всего пару перевалов, доступных каждому. И кроме того, спустившись с гор, мы ездим по городам: Самарканд, Бухара, Хива, экскурсии по Черноморскому побережью - разве это интересно только взрослым? Вот наша Ирочка из пятого класса. Она была два раза только в Крыму, а сколько уже видела!

- А ну, скажи, Ирочка, где ты бывала? - улыбнулся Александр Александрович.

- Я бывала в Симферополе - там музей. Потом бывала в Алуште и Ялте - там поляна сказок и музей Чехова. А еще в Феодосии, где картины Айвазовского и музей Грина.

- А дом-музей Чехова тебе понравился?

Ирочка посмотрела на меня и честно призналась:

- Не очень.

И тут же добавила:

- Когда подрасту, тогда понравится.

То, что кружковцам из турклуба, далеким от педагогических проблем, было трудно понять нашу организацию, не удивляло - нас часто не понимали и взрослые. Да и не в организации было дело - в конце концов, можно напридумывать и не такое. Не понимали главного: зачем все это нужно? Ходят школьники в походы по возрастам - и прекрасно. Здесь все давно определено: количество человек в группе, протяженность и сложность маршрута, вес рюкзаков. Так надо ли усложнять, чтобы появлялись вопросы, ответить на которые не просто? Конечно, разумнее познакомиться с нашей группой в походе, но это хлопотно, тем более что совершенно ясно: дети и взрослые психологически не могут объединяться на долгое время. А точнее, не должны.

- Почему?

- По известным причинам.

Вот и поразговаривай тут!

А с горными маршрутами для старших и младших мы давно определились: свои ключевые перевалы новички проходят вместе с ветеранами. В нужный момент ветераны уходят на усложненный маршрут, а новички - через перевалы попроще.

Через несколько дней отделения встречаются. Вариантов здесь много: расходятся в начале маршрута или где-то в середине пути: с одного места ночевки переходят хребет по разным перевалам. Или у новичков - двухдневный отдых, а ветераны идут кольцевым маршрутом...

Вместе с действительно новичками - а их обычно четыре-пять человек - идут туристы, имеющие опыт горных путешествий, и несколько инструкторов. Такая тактика требует тщательной подготовки и кропотливой работы с картой: ведь надо встретиться в нужный день и в нужной точке. Поэтому к разработке маршрутов привлекаются самые опытные "старички".

Надо сказать, что ребята не любят расставаться и с нетерпением ждут воссоединения двух групп. Вечером, после спуска с хребта, новичков посвящают в Рыцари первого перевала с вручением специально изготовленных значков и недорогих сувениров. А строй ветеранов запекает для "Рыцарей" традиционную песню:

Вас ждет еще много долин, вершин, предгорий,

Мы будем следить, чтоб никто не отставал.

Но прочной основой всех новых категорий

Навсегда ложится первый перевал!

Когда кружковцы ушли, Александр Александрович сказал:

- Послушав вас, я допускаю, что туристские группы разного возраста могут существовать. В данном случае меня не интересует, как вы планируете горные маршруты для младших и старших - это вопрос второй. Но мне кажется, что ваша группа существует только благодаря такому руководителю, как Виктор Яковлевич. Подождите, - остановил меня Александр Александрович, - я не собираюсь распевать вам дифирамбы. Мы говорим о серьезных вещах. Но представим, что Виктора Яковлевича нет - ну, уехал из Москвы, почил с миром - нет его.

Будет тогда существовать группа?

Ребята молчали.

- У нас есть еще Людмила Яковлевна, - нашлась Ирочка.

- Это прекрасно, что есть Людмила Яковлевна, - улыбнулся Александр Александрович. - А что скажут взрослые?

- Я думаю, это некорректная постановка вопроса, - сказал студент. - Любое дело остановится при некомпетентном руководстве. Да, мы понимаем - сейчас замены Вэ-Я в группе нет.

Но придет время, и появится другой руководитель. Конечно, что-то изменится. Допустим, он не будет читать стихи и рассказывать у костра. Но если сохранится система, группа будет жить.

- А что вы понимаете под системой?

- Это в первую очередь наша организация, - сказала учительница. - Затем, сохранение того уровня общения, который уже создан. Сохранение культурной программы и культуры костра.

- И кто все это будет осуществлять?

- Те, кто к этому подготовлен, - резко сказал студент. - Или вы считаете, что руководитель должен только уметь вести людей по маршруту?

- Нет, я так не считаю, - Александр Александрович посмотрел на ребят и усмехнулся. - А знаете, почему никто из оппонентов к вам не приходит? Потому, что вы за свою группу любому горло перегрызете.

- Это не оппоненты, а недоброжелатели, - сказала учительница. - Сколько Вэ-Я приходится биться, чтобы нас всех вместе выпускали в горы! Маршрутные книжки для школьников, маршрутные книжки для взрослых. В одну школьную маршрутку Вэ-Я вписывает руководителем себя, а кого в другую? Людмила Яковлевна не в их школе, нас тоже нельзя. А если в школьной маршрутной книжке количество девочек превышает допустимую норму, как доказать, что мужчин в группе хватает - они же в другой маршрутке записаны.

- Это уже технические моменты, - сказал Александр Александрович. - Не будем отвлекаться. Итак, вы утверждаете, что вопрос жизни разновозрастных туристских групп зависит от подготовленного руководства. Вот мы и попросим Виктора Яковлевича поруководить Всесоюзными семинарами школьных туристских организаторов. Там он сможет популяризировать свои идеи.

Александр Александрович сложил в папку густо исписанные листы.

- А знаете, я был однажды на слете с вашей группой. Ближе не подходил - своих дел по горло - но запомнил, как мы разговаривали с Виктором Яковлевичем, и к нам подошли девушки с мисками, принесли ему ужин. Поверьте, не каждого руководителя будут искать в лесу, чтобы накормить.

Александр Александрович встал.

- А то, что вас не всегда понимают, не огорчайтесь. Группа у вас, согласитесь, необычная и, конечно, мозолит кое-кому глаза. Да и соревнований выигрываете вы не в меру много, это тоже не вызывает восторга у соперников. А ваш Вэ-Я должен публиковаться и защитить, наконец, диссертацию - тогда все встанет на свои места. Не сразу, конечно.

Александр Александрович пожал каждому руку.

- А вы молодцы, ребята. Желаю успеха! И спасибо, что пришли.

Александр Александрович попал своими вопросами в самую точку: я уже подумывал, кто будет руководить группой после меня и Людмилы Яковлевны. Пока еще мы в силе - ну, а через десять лет? Из тогдашних Вэ-Яков я видел в этой роли только одного человека. Если и в дальнейшем потенциальные руководители будут в таком дефиците, группа может распасться. Поэтому я начал внимательно присматриваться к новичкам, стараясь угадать в ком-нибудь наших преемников. Ребят эта проблема не волновала - все у нас ладилось; а тут еще подоспело новое дело: нас пригласили на взрослую городскую Юморину. Что это за штука - сколько нам ни объясняли, мы толком не разобрались. Поняли только, что надо подготовить веселое выступление, и я поручил это старшеклассникам. Через пару недель они показали мне странное сооружение: к черному рукаву были приторочены два сцепленных каблучками туристских ботинка. Рядом поставили ширму с нарисованной водной гладью и дыркой посредине.

- И что все это значит?

- А вот, - сказали ребята и зашли за ширму.

Из дырки высунулась змеиная голова, замигала глазами-лампочками, пошамкала, позевала - и вдруг из пасти повалил дым.

Я и немногочисленные зрители заржали, наподобие табуна лошадей.

- Это Несси, - сказали ребята. - Впечатляет?

То, что вещала змеюка, мне не слишком понравилось: вроде бы смешно, но не так чтобы...

- Мы еще доведем ее до ума, - пообещали изобретатели. - А за текст не беспокойтесь, это только наброски, она у нас заговорит!

Вэ-Яки пришли на Юморину почти в полном составе и сразу растворились среди сотен людей. Здесь были известные туристские клубы, институтские группы и такие же неприкаянные, как мы, без официальной крыши над головой.

Нас представили восседающему на троне королю Юморину Первому и указали место для бивака.

Когда стемнело, глашатаи прокричали о начале концерта. На бревнах, на рюкзаках и даже на деревьях разместились зрители.

Ударил гонг, судьи раскрыли блокноты - и началось!

Что может придумать туристская вольница, постороннему человеку трудно представить. Фонтаны острот и лоханки шуток. Зрители выли, словно коты в апрельской ночи. Мы даже забыли, что там, за деревьями, маются наши ребята,

и опомнились только, когда объявили:

- Выступает группа Вэ-Яков.

Из дыры в ширме выглянула наша Несси, подмигнула одним глазком, потом другим - и, ворочая головой, начала рассматривать зрителей. Она еще и слова не сказала, а хохот поднялся такой, будто всем начали водить скребками по самым щекотным местам.

- Смеетесь? - спросила Несси скрипучим голосом. - Ну-ну. А мне вот не до веселья...

И змеека поведала горестную историю своей жизни - о том, как сотни бездельников съезжаются со всего света поглазеть на нее.

- А я - девушка скромная, одежды на мне никакой, теперь только ночами всплываю, красоту свою дуракам на погляд не даю.

Несси тяжело вздохнула, вывалила язык и пахнула на зрителей клубами дыма.

Народ просто валился с бревен, визг стоял страшный. С деревьев кричали, чтобы перестали хохотать, а то ничего не слышно.

Несси подняла голову и подмигнула галерке.

- А вам и слышать ничего не надо, - съмпровизировала она. - Любуйтесь мной, пока под воду не ушла. Эй, там, на дереве, я как лучше выгляжу - в анфас или в профиль?

Ребят за ширмой "несло". Я в первый раз слышал текст целиком и, выбираясь из-под навалившегося на меня сзади незнакомого парня, не мог разобрать, где домашняя заготовка, а где гонят отсебятину.

Над ширмой перекинулся хвост с кисточкой и погладил Несси по голове. Зрители только изможденно стонали.

- Смотреть на вас тошно, - сказала Несси. - Я бы вас всех... А-а, тьфу на вас!

Она завертела головой, и из раскрытой ботиночной пасти на зрителей брызнули тонкие струи воды...

Под хохот и аплодисменты нам присудили первое место, а утром по просьбе туристов ребята снова повторили свой номер.

Ну хорошо - с Несси старшеклассники постарались. Но вот начались ночные соревнования по ориентированию, где найти контрольные пункты можно было только при большом везении, потому что вместо карты давалось шутовское описание, куда надо бежать, и Вэ-Яки тоже оказались победителями. Почему так - не представляю. Мы сразу вошли в юморинную элиту и успешно выступали на этом веселом празднике еще несколько лет.

Несовпадение взглядов

Через три года после моего прихода в школу директор ушла на пенсию, а с новой директрисой отношения не заладились.

- У нас не спортивная школа, - сказала она, - поумерьте, пожалуйста, свой пыл.

- Это как?

- Школе не нужны ваши победы на районных соревнованиях. После них надо ездить на городские, ребята тратят уйму времени, их надо отпускать с уроков. Ладно бы один-два раза, но вы почти все районные соревнования в городе дублируете. Это недопустимо.

- Что вы предлагаете?

- Занимайте вторые места. Это и почетно, и хлопот меньше.

Мне показалось, что директриса шутит, потому что представил, как буду хватать ребят за тусы на дистанции или требовать посылать мяч в волейбольную сетку. Но со мной говорили серьезно.

Скоро мне предложили заканчивать работу спортивных секций вместе с последним уроком второй смены и попросили вернуть ключ от школы. Здесь уж я раскричался, пообещав решить вопрос на уровне райкома партии.

Потом запретили приходить в школу не только взрослым туристам, но и бывшим ученикам - "у нас тут своих хулиганов хватает!"

Все это накапливалось постепенно и по крупицам. С одной стороны, я понимал директрису: наших ребят приходилось отпускать на городские соревнования чаще учеников других школ. И хотя я требовал от спортсменов хорошей учебы, это не всегда удавалось. Но и сворачивать работу было бы неразумно. Уроки, спортивные праздники и соревнования взаимосвязаны. Ведь лидеры на уроках, за которыми тянутся ребята, появляются из спортивных

секций и из спортивных школ, куда я пачками закидывал учеников. Ликвидируешь одно звено – начнет расшатываться вся система.

Кроме того, я был абсолютно уверен, что двоечники и те, кто вечерами слоняется по темным дворам, не станут на другой день отличниками, если их отлучить от секций и соревнований. Мне почему-то казалось, что общение со мной полезней бесцельного времяпрепровождения.

Однажды директриса спросила:

– Виктор Яковлевич, ну объясните, о чем вы битый час разговаривали с пятиклассниками под окном моего кабинета. Сидите на досках и, извините меня, болтаете. Какая в этом необходимость?

Что я мог объяснить? Говорили о том, о сем. Я что-то рассказывал, потом ребята. Действительно – болтали. Но это – не напрасно загубленное время. Здесь между нами протягиваются тончайшие ниточки взаимного доверия, которое не всегда возникает на уроках, где учитель выступает в совсем другой ипостаси. Нет, объяснить директрисе я ничего не мог – мы просто не понимали друг друга.

Перед очередной свадьбой я посоветовал девушкам спросить у словесников, нет ли у них литературы о русских обрядовых песнях. Девушки вернулись пунцовые и в слезах.

Они обратились к своей учительнице – к директрисе, но вместо обрядовых песен получили строжайший приказ: ни одному ученику на свадьбе не появляться!

Иду в директорский кабинет, спрашиваю, чем вызвано такое распоряжение.

– Школьникам на свадьбах делать нечего!

– Но это же просто большой общегрупповой праздник, театрализованное выступление, в котором задействованы наши пятиклассники и старшие ребята. Зачем же обижать их? Тем более что никакого распития у нас не бывает.

– Повторяю: на свадьбу школьники не пойдут!

– Все-таки объясните, почему.

– А вы сами не понимаете?

Откровенное неприятие всего, что мы делали становилось уже заметно и старшим школьникам, и учителям. Это было не сведение каких-то личных счетов, а только несовпадение взглядов на сущность работы педагога.

– Школе не нужны талантливые учителя, – сказала мне как-то директриса, раздраженная очередным спором с молодым учителем рисования Александром Иосифовичем Анно. – Школе нужны дисциплинированные исполнители. А всякие там эксперименты надо проводить в лабораториях.

Саша Анно был до неприличия талантлив. Талантлив не только как художник (довольно скоро начали издаваться книги с его иллюстрациями) – он был талантливо влюблен в своих учеников. На большой перемене он скатывался ко мне с пятого этажа в полуподвальный спортзал и, потрясая альбомными листами, восторженно требовал:

– Вы посмотрите, как дети работают с красками! Как они видят мир! Это поразительно!

Я рассматривал детскую мазню и, признаться, ничего поразительного в ней не находил. Но, чтобы не обидеть Сашу, изрекал глубокомысленно: – Мм-да...

– Напрасно думают, что дети кладут краски, какие под руку попадутся, – Александр Иосифович нашел во мне терпеливого слушателя и торопился посвятить в тайны детской души. – Понимаете, они пишут синее небо и синюю речку без всяких оттенков – это же целостное восприятие образа! Обратите внимание: камни на берегу тоже с синевой – это не случайно акварель разлилась! Это образ! Здесь что-то от Гогена, о котором они и понятия не имеют! – Александр Иосифович любовно рассматривал листы и настойчиво втягивал меня в разговор. – Как вы думаете, почему в работах почти нет перспективы? Полагаете, от неумения? Напрасно! Для детей каждая деталь – главная, поэтому они пишут крупно и деревья, и птиц, и все выводят на первый план. Как жаль, что с возрастом такое видение мира тускнеет!

В первые же дни знакомства Саша сказал, что хочет почитать мне свои стихи. Я изредка занимался рифмотор-чеством для всяких туристских нужд и охотно согласился послушать коллегу-дилетанта.

– В общем-то это песни, – сказал Александр Иосифович, – но без гитары я буду только читать.

И нам нельзя не рисовать, и пляшут наши кисти,

По нарисованной земле волшебный цвет разлив.

Я что-то должен досказать, дочувствовать, домыслить -

Поверьте мне, поверьте мне: мир добр и справедлив!

Я понял, что встретил настоящего поэта. И не ошибся - через несколько лет Саша начал публиковаться. Вслед за стихами появились его сценарии - он читал их на радио. Стихи буквально выплескивались из него, и как это получалось - великая тайна есть.

Узнав, что Саша живет рядом с Лефортовской тюрьмой, я рассказал, что в сталинские времена в ее подвалах расстреливали под гул тракторного мотора, заглушавшего выстрелы.

На другой день Саша вошел в мой кабинетик и вытащил из кармана мятые листки:

- Я буду читать "Балладу о тракторном двигателе". Я не спал ночь и неважно себя чувствую. Извините.

Он как-то неудобно присел на краешек стула, усталый и непривычно скованный, перебрал листки - и, ни на чем не акцентируя, почти монотонно начал:

Грохочет тракторный мотор,
Толкаются в цилиндрах поршни.
Стоит курсант с лицом бульдожки
И пальцем теребит затвор...
Это были страшные и отчаянно искренние стихи.
Чтобы никто не услышал,
Чтоб никого не всколыхнули
В затылок всажённые пули,
И кровь, и пена, и оскал.

Я стал постоянным сашиним слушателем и в дальнейшем сделал из его песен два тематических цикла для чтения у костра. С той поры прошло около двадцати лет, но до сих пор меня просят читать Анно, хотя его стихи ребята знают почти наизусть.

Как настоящий поэт, Саша смотрел дальше своего времени.

Многие его вещи кажутся написанными в середине 90 - х годов, они сейчас опубликованы, но в ту пору моего счастливого знакомства с Александром Иосифовичем я не до конца понимал их вещей смысл.

Когда уже рухнули на баррикады
Железобетонные туши столбов,
Когда разобрали на кольца ограды
И ужасом сморщило лбы городов,
Весь мир раскололся на две половины,
И было уже невозможно понять,
В чем эти правы, а другие повинны,
Кого надо славить, кого убивать...

.....

Вожди потрясали чужими цепями,
Врубались в мозги острями речей,
И факелы множили желтое пламя
В веселых глазах молодых палачей.
О каком времени написаны эти строки?

Саша спел мне легкомысленную на первый взгляд вещицу с длиннющим названием: "Прения в парламенте Лилипутии по поводу решения вопроса господина Лемюэля Гулливера". Спел за одиннадцать лет до начала нашей государственной перестройки. Веселенькая такая песенка, никаким боком не касавшаяся нашей державной поступи к коммунизму.

"Спикер парламента - грустный такой лилипут:

Годы над нами медленно плыли,
Горя не знали, жили как жили.
Жили как люди - сыты, обуты,
Даже не зная, что мы - лилипуты.
Горе нам, горе! Нет больше веры!
Где-то за морем - мир Гулливеров!
Жизнь раскололась, как об коленку,
Нас ожидает переоценка.
Нас ожидают войны и смуты!..
Шире! Шире шаг, лилипуты!"

Конечно же, я свел Александра Иосифовича с туристской группой. Мы

приходили к нему в мастерскую, слушали его песни, собираясь, к сожалению, не в нашей школе, а в соседней или на стадионе – и тогда вместе с нами Сашу окружало много посторонних людей. Мы приходили в Центральный дом художников на капустники, поставленные по его сценариям, заказывали ему песни для наших праздников, и студенты завидовали школьникам, которые общались с Александром Иосифовичем почти ежедневно.

Мне незаслуженно везло на знакомства с интересными людьми, и я, забывая о приличии, пользовался своими "связями". Я притащил к студентам Михаила Владимировича Кабатченко, и он, как всегда увлекаясь, раскручивал перед ними сумасбродные педагогические идеи, и когда студенты не верили, что их можно осуществить, громогласно призывал в свидетели бывших воспитанников интерната. Я напросился со старичками группы в гости к Сергею Михайловичу Голицыну, и он рассказывал, как делались книги о нашем туристском лагере. Мы приезжали к Павлу Федоровичу Колесову для различных хозяйственных работ в его музее – общение с этими удивительными людьми было полезно не только будущим учителям, но и всем нашим туристам.

А теперь – Александр Иосифович Анно. Сколько лет прошло с той давней поры, а в группе его не забывают, и новое поколение Вэ-Яков просит познакомить их с этим талантливым художником и поэтом.

Саша не выдержал постоянных стычек с директрисой и ушел из школы. Но ребят не бросил и несколько лет учил их рисованию у себя в мастерской. Конечно же, безвозмездно.

У меня тоже отношения с администрацией становились все напряженней. И когда мы вернулись с туристского слета с очередным кубком и застали школу запертой, и дозванивались к директрисе, жившей напротив, объясняя, что нам нужно занести в кладовую инвентарь, когда нас не спросили о занятом месте и мы еще около часа стояли под дождем, я понял, что и мне нужно уходить.

Решение созревало долго и мучительно. Оставить ребят, на занятиях с которыми давно уже не было никаких проблем, очень нелегко. Все, что накопил за двадцать пять лет, отдавал на уроках. Я усложнял учебную программу дополнительным материалом, предупреждая, что выполнять новые элементы – дело добровольное, но мало кто отходил в сторону при разучивании сальто или нестандартных опорных прыжков.

Как-то взрослая девушка к случаю вспомнила, что в третьем классе они выполняли длинный кувырок, перелетая через меня, сидящего на стуле и просматривающего газету.

- Не может быть! В третьем классе?!

- В третьем, в третьем. Разбегались, толкались о мостик и сигали через вас головой вниз с перекатом на спину.

- И все прыгали?

- Не все, но я прыгала.

Кто-то из нас явно ошибался. Кажется, трюк с прыжками через себя я начинал разучивать с пятого класса. Но времени с той поры прошло много – возможно, девушка и права. Зато хорошо помню, что начиная с пятого класса предлагал ребятам бежать вместе со мной по улицам около четырех километров, предупреждая, что никому не возбраняется сокращать дистанцию и встречать нас на обратном пути. И помню, как старшеклассники очень неодобрительно смотрели на тех, кто пользовался моим разрешением. С первого класса ребята приучались к тому, что уроки физкультуры важны ничуть не меньше остальных предметов, а может быть, даже чуточку важнее: ведь в спортивном зале они получают самое главное для человека – здоровье. Студенты-практиканты говорили, что вести занятия с малышами совсем нетрудно – во всяком случае, не надо думать о дисциплине. Но однажды практикантка в самом начале урока шепнула мне, что третьеклассники сегодня какие-то неуправляемые.

- Посмотрите, как они маршируют. И вообще – что-то не то...

- Зайдите в кабинет, – сказал я и взял микрофон.

Я сел так, чтобы меня не было видно ребятам, и повел счет:

- Раз-два, левой! Осанка! Левой! Носок тянуть!

Услышав мой голос, ребята начали дружно печатать шаг. Я нажал кнопку магнитофона и врубил марш.

- Хорошо! – говорил я в микрофон. – Маша, подтянись! Коля, голову выше!

Я не видел ребят, но Маши и Коли в классе были, и все они относили замечания к себе.

Толпившиеся в дверях кабинета студенты отворачивались и прыскали в

кулаки, смеялась и руководительница практики: вместо преподавателя великолепно работал магнитофон!

- Бего-о-ом, - неслось из динамиков, - марш!

В ритме веселой польки бегут ребята. Я демонстративно заполняю журнал.

- Правым боком по движению приставными шагами! - командуют динамики. - Левым боком!

Ребята перестраиваются для выполнения общеразвивающих упражнений. Они тоже записаны на пленку. Обычно я хожу между колоннами и слежу за чистотой исполнения, но сегодня даже не выглядываю в зал. А малышам нет до этого дела: терминологию они уже знают, идет привычный урок, и для них главное - не выбиться из музыкального темпа упражнений, идущих потоком одно за другим.

- Продолжайте урок, - говорю практикантке. - И перестаньте хохотать, вы же не в цирке.

- Чудеса какие-то, - смеются студенты.

- Какие там чудеса. За три года можно и зайца научить соленые огурцы есть.

Чем старше становились ребята, тем серьезнее относились они к урокам. Поэтому, не скрою, мне было лестно услышать, как десятиклассники сказали ученику, пришедшему из другой школы и пропустившему занятие:

- Вэ-Я - хороший мужик, но он тебя запросто отработками загоняет. Так что не ищи на свою голову приключений.

Ребята не знали, что я сижу в своем кабинетике при открытых дверях, и популярно растолковали новичку значение физкультуры.

Было и такое дело: на тренировке я крепко повредил ногу и первые дни не мог наступить на нее. О том, чтобы отменить уроки, речь, конечно же, не шла. Утром бывший ученик привозил меня на служебной "Волге" на стадион, и, сидя на трибуне, я руководил занятиями. По окончании уроков меня на руках переносили в школу, и вечером после секций волейбола или гимнастики я с комфортом отправлялся домой на той же "Волге". Таская меня, ребята вспоминали наше первое знакомство. Заявились они на стадион. тогда еще шестиклассники, с большим опозданием Я двинулся им навстречу, а они, будто не замечая нового учителя, пошли по кругу. Так мы и гуляли почти весь урок - они впереди, я за ними.

- Разве мы думали, - смеялись теперь ребята, - что мы вас на руках носить будем!

Я не задавался вопросом, что именно определяло наши отношения. Вся моя жизнь проходила среди учеников. На переменах и вечерами старшие набивались в мой кабинетик и, зная, что я не успеваю заглядывать в столовую, приносили из дома бутерброды и разные лакомства. Мы выкладывали наши запасы на специально изготовленный "едальный" столик и под тихое бульканье чайника допоздна беседовали о многом. Мне было хорошо с ребятами, и смею думать, они тоже не тяготились моим обществом. Старшие великолепно улавливали грань между такими вечерами и уроками, где отвлекаться не полагалось, и хотя особого контроля за учениками не было и я мог все занятие просидеть на стуле с микрофоном в руке, трудились они на совесть.

На уроках гимнастики ребята работали по индивидуальным и групповым карточкам, положенным на твердую основу и запаянным в целлофан, и мне не нужно было тратить время на многократную демонстрацию упражнений. С шестого класса я учил судейству гимнастических соревнований. Каждый ученик изготавливал специальную книжечку типа большого сдвоенного блокнота с цифрами от 0 до 10 и оценивал в баллах упражнения товарищей.

Эти оценки заносились в классный журнал.

Споров никогда не возникало: назначаемые судьи одновременно раскрывали свои блокноты, а расхождение в оценках допускалось в пределах полубалла. Такая взаимопроверка позволяла ребятам разобраться даже в незначительных погрешностях при выполнении комбинаций и оставляла пути для дальнейшего совершенствования. Если 8,5 баллов соответствовало оценке "пять", то, чтобы добраться до 9,5 или до 10 баллов, приходилось еще много работать.

В конце четверти проводились контрольные соревнования внутри класса, и лучшие ученики выходили на школьное первенство. За право участвовать в первенстве школы по гимнастике шла настоящая борьба, причем выпускники стремились пробиться в финал ничуть не меньше учеников младших классов. Наши умельцы-туристы отливали на заводах чемпионские медали. Мы подвешивали их на муаровые ленты и вручали стоящим на пьедестале победителям под торжественные

звучи фанфар, вместе с широкой перевязью, на которой золотыми буквами искрилось в свете прожекторов: "Чемпион по гимнастике", "Призер по гимнастике". Через несколько дней оформлялся фотостенд со всеми перипетиями борьбы, и победителям дарились наборы фотографий с их большими портретами при всех регалиях.

Достаточно высокая гимнастическая подготовка учеников сослужила мне однажды дурную службу.

В порядке обмена опытом меня попросили дать открытый урок для преподавателей физического воспитания района, выбрав для этого класс по своему усмотрению. Я остановился на 7-ом, предупредив ребят, что ничего сверх привычного на занятии не будет, так что и волноваться нечего. Но придти в спортзал придется вечером, пожертвовав личным временем.

Урок как урок – с музыкальными вставками, с работой по карточкам, с судейством внутри отделений и взаимным выставлением оценок. Но, стоя на страховке опорных прыжков, заметил, что несколько женщин уж очень активно перешептываются, кивая то на одного, то на другого ученика. Когда до конца урока оставалось несколько минут, меня вежливо спросили нельзя ли дать ребятам учебные карточки восьмого класса – хотелось бы посмотреть сумеют ли ученики разобраться в них.

– Пожалуйста!

И семиклассники начали выполнять незнакомые комбинации, правда, не столь чисто как свои, но все-таки.

Закончился урок, я попрощался с ребятами и приготовился выслушать мнение гостей об увиденном.

– А что тут анализировать! – сразу же сказали шептавшиеся женщины. Это не урок, а хорошо отрепетированное представление. Собрали лучших гимнастов из седьмых и восьмых классов и устроили цирк! Кто поверит, что такие упражнения могут выполнять все ученики одного класса?

– Но позвольте, – растерянно сказал я, – вот классный журнал, в конце концов можно зайти завтра на урок к ребятам и проверить по списку...

– Еще проверять мы будем! Пусть начальство разбирается! – женщины бросили свои тетради в сумочки и встали. – Только время из-за вас потеряли!

Больше всего меня расстроило не возмущение женщин, а молчание остальных учителей. Правда, двое преподавателей сказали, что бывали на моих уроках, видели как работают в других классах и уверены, что никакой подтасовки учеников сегодня не было. Но им не поверили, и разбор проведенного урока не состоялся.

Разумеется, я доложил о случившемся директору.

Она долго и молча смотрела на меня.

– Учтите, что покрывать вас я не намерена.

– Вы тоже думаете, что я мог собрать на урок учеников из разных классов?

– Я ничего не думаю. Так думают ваши коллеги. И, полагаю, им лучше знать о возможном уровне подготовки учащихся.

– Вам не трудно будет подняться завтра в класс и спросить ребят, кто из них был на сегодняшнем уроке?

– Безусловно, я это сделаю, хотя, – директориса жестко посмотрела на меня, – дыма без огня не бывает.

Я вышел, кажется, не попрощавшись.

Работать в такой обстановке становилось все труднее. Конечно, в проведение уроков никто не вмешивался, но то, что делалось после занятий начало контролироваться плотно и предвзято.

По договоренности с ребятами все чемпионы по гимнастике после окончания школы один год помогали мне вести спортивную секцию и делали это с удовольствием. На волейбольные тренировки, заканчивающиеся в десять вечера, тоже приходило много бывших учеников. Так независимо от меня образовался своеобразный спортивный клуб. Люди собирались не только на тренировки, но и посидеть в зале, пообщаться между собой. И это не устраивало администрацию. Налаженную систему начали расшатывать: посторонним в школу не приходиться; работу секций заканчивать не позже 17 часов; количество соревнований сократить. Поездки в Крым, куда мы ездили на осенние и весенние каникулы, тоже предлагали свернуть – дети должны отдыхать перед новой четвертью. В общем, все, что мы делали с ребятами, оказалось не ко двору, и я перешел в только открывшееся педагогическое училище, предупредив новое руководство,

что за моей спиной стоит большая группа туристов из школьников и взрослых, и что я надеюсь увлечь походами будущих педагогов.

- Превосходно! - сказали мне. - Хоть какие-то мужчинки у нас появятся. Действуйте.

Я начал действовать. В первый год в группу пришли четверо девушек, а после того, как они съездили в Крым и побывали на Памире, народ к нам пошел.

На новом витке

Педагогическое училище - скопище девиц с микроскопической прослойкой юношей.

С первых же дней меня удивило, что на занятия в спортивный зал приходят не больше 8-10 человек от группы.

- А что вы хотите, - сказала директор, - это специфика нашего дамского заведения. Одни девушки готовятся к критическим дням, другие переживают их, а третьи приходят в себя после недельных неприятностей. Тут уж ничего не поделаешь.

Месяца два я сочувственно ставил крестики в журнале, удивляясь, почему так много освобожденных у меня и у двух других преподавателей-мужчин, и почему еще к одной нашей женщине на занятия приходят практически все. Поудивлялся, поудивлялся, - а потом предупредил девушек, что пойду им навстречу и буду заниматься с теми, кто пропустил занятия, дополнительно. И проблема испарилась. Прошло несколько лет - и я спросил девушку, соскочившую с брусев, почему ее не было в прошлый раз.

- Надо же! - рассмеялась она. - Я за четыре года только третье занятие пропустила, из них два на бассейн пришлось. Никуда от вас бедным девушкам не деться!

Достаточно быстро я нашел общий язык с девчонками, хотя спортивная подготовка многих была очень низкой. Вроде бы некрасиво сетовать на их школьных преподавателей, но вот начинается тема "Волейбол" или "Баскетбол", а полгруппы говорит, что никогда в эти игры не играли. С гимнастикой тоже нелады, а нормативы по бегу будто созданы для инопланетян.

А ведь по большому счету вопрос касался здоровья людей. Это было начало 80-х годов, которые сейчас называют временами застоя. В те годы победные реляции были важнее существа дела. Чтобы спокойно жить, школьным учителям физкультуры достаточно было не беспокоить администрацию жалобами на прогульщиков уроков и не поставить по недомыслию тройку хорошисту или отличнику. Ну, и держать на должном уровне процент выполнивших нормативы комплекса ГТО. Разумеется, на бумаге.

Из разговоров с учителями физвоспитания других школ знал, что администрация посещает их уроки крайне редко, все отдано на откуп учителям при молчаливом условии, что они своими отчетами не будут чернить общую картину достижений школы. Оказавшись бесконтрольными, многие учителя снижали требования к урокам, фактически подменяя учебный процесс приемом контрольных нормативов. Понятно, какое отношение складывалось у школьников к таким урокам физкультуры и какой спортивной подготовкой они обладали. Но обвинять во всем только учителей тоже нельзя. На собственной шкуре я знал, что такое идти против установленных неизвестно кем порядков.

Вычитал я в газете, что по статистике из ста человек, сдающих нормативы комплекса ГТО, полностью их могут выполнить не более 35%. Но у нас Москва. Столица! Значит, даешь 80% ! За этим районное начальство следило строго. А у меня, хоть тресни, больше 40% не получалось. И ругали меня, и уговаривали не портить районную отчетность, но я раскрывал протоколы соревнований: смотрите, здесь все ученики. Но вот эти не умеют плавать, а эти не уложились по времени в беге - как можно считать их полностью выполнившими нормы? И какой в этом смысл? Мы обманываем государство, рапортуя о почти всеобщей спортивной подготовленности школьников и гордимся липовыми успехами. Мы поощряем бездельников и топчем тех, кто работает честно!

Тогда меня начали прижимать с другой стороны.

- У вас самая большая по численности школа, а процент занимающихся в спортивных секциях самый низкий в районе. Отсюда и результаты по ГТО такие. И нечего болтать о высоких материях! - прикрикнул на меня заместитель заведующей районным отделом образования.

- Вы не так считаете! - резко ответил я. - Если в школе сто учеников, а в секциях занимаются пятьдесят человек - это пятьдесят процентов. Но если

шестьсот учащихся, то процент будет чуть больше восьми. У нас могут заниматься в секциях больше ребят, чем в других школах, но процент их все равно окажется ниже. Спортивный зал в школе один, он загружен до вечера. А тренировать ребят на потолке я не умею.

Учителя физкультуры по-дружески советовали мне не лезть на рожон – мол, плюешь против ветра – но я держался, прикрываясь победами школы на многих соревнованиях. Но гром все-таки грянул. На городском совещании школьных директоров и преподавателей физического воспитания с трибуны назвали нашу школу как худшую в Москве по выполнению этого самого процента. Конечно, с указанием фамилий директрисы и моей.

– Мы в ближайшее время направим в школу комиссию на предмет проверки соответствия учителя занимаемой должности, – грозно предупредили с трибуны. – Чтобы другим неповадно было!

Скоро в школу пришли два пожилых человека. Внимательно осмотрели спортивные и туристские стенды, висевшие не только на стенах, но и на колоннах вестибюля, полюбовались горкой спортивных кубков и грамотами в застекленной нише, а потом два дня просидели у меня на уроках.

К моему удивлению, документацию проверяющие смотреть не стали, и поговорив со мной, попросили спуститься в спортзал директрису.

– Так что будем с ним делать? – спросила директриса.

– А что делать? Берегите его, а то обидится и сам уйдет.

– А как же процент ГТО?

– Ну что процент? Бумага терпит. В общем, пусть работает и ни о чем не беспокоится.

Такой руководящий нажим мог выдержать не каждый учитель, тем более молодой. А когда от человека требуют делать заведомо невыполнимое, не обращая внимания на реальную работу, он зачастую перестает выполнять и ее. Конечно, я знал десятки прекрасных учителей, готовых за свое дело хоть голову на плаху. Это были не только знающие, но и волевые, напористые люди, с теми качествами характера, которые достаются не всем. Вот эти "не все" и поставляли в училище девушек, не умеющих отличить волейбольный мяч от баскетбольного. Без всяких шуток – просто не знали, какая между ними разница!

Мне, и еще троем преподавателям приходилось начинать с нуля. Училище, как уже говорил, только вступило в строй. Мы выработывали единые требования к урокам, начали проводить соревнования и спортивные праздники, которые рассчитывали в будущем сделать традиционными. Много я перенес на уроки из своего прежнего опыта, но появилось и кое-что новенькое.

В школе уроки физкультуры проводились два раза в неделю по 45 минут. А в училище я, как подарок, получил тоже два занятия в неделю, но по 90 минут! Здесь уже можно было развернуться.

Понимая, что на занятиях легкой атлетикой скупулезно учить девушек 16-18-ти лет сложным элементам техники уже поздно и особой пользы здоровью это не принесет, я сосредоточился на их общем физическом развитии, взяв за основу небыстрый, но длительный бег. Измайловский лесопарк был рядом с училищем. Мы не торопясь бежали по размеченной трассе, через каждые пять-шесть минут переходя на ходьбу, делали рывки на затяжных подъемах – и постепенно девушки перестали бояться длинных дистанций, а через полтора месяца успешно выполняли установленный мной норматив: пробегали семь километров за 45-50 минут. По своей психической структуре девушки более склонны к эмоциональным и разнообразным занятиям типа подвижных и спортивных игр. Чтобы скрасить монотонность бега, я читал девочкам стихи. Теперь мы бежали плотной группой, и отстающие кричали, чтобы я перестал читать, потому что они тоже хотят слушать. Мы переходили на ходьбу, я замолкал, и девушки просили поменьше отдыхать, чтобы услышать побольше. Даже перед началом занятий, меня спрашивали, будут ли сегодня стихи – так без всяких уговоров и принуждения девушки переносили довольно значительные для своей спортивной подготовленности нагрузки. Конечно, нагрузки ложились и на меня – ведь за четыре занятия в день пробегал около тридцати километров, но для тренированного пятидесятилетнего мужчины это не такая уж беда. Зато слухи о том, что один из преподавателей постоянно бегаёт со студентками, да еще читает им на ходу стихи, быстро расползлись по училищу, и на меня начали поглядывать или с уважением, или с непониманием. И то и другое полезно для дела. Ну не должен руководитель, какой бы ранг он ни занимал, быть

совершенно обезличенным. А в нашем педагогическом ремесле – тем более. Несколько необычная форма занятий нравилась девушкам – подвижные игры и эстафеты с бегом по горкам и между деревьями, упражнения на тренажерах и даже купание в пруду. Когда я в первый раз предложил первокурсницам искупаться, они стыдливо захихикали. Тогда я сбросил тренировочный костюм и вошел в воду. На следующее занятие купальные принадлежности принесли несколько человек. А потом купальных свертков появилось столько, что их относили к пруду освобожденные от занятий, а мы, отбегав положенное, быстро переодевались в небольшом домике на берегу и плескались на зависть тем, кто решал купаться со следующего раза.

Я хорошо знал Измайловский лесопарк и знал, какие его уголки и при каком освещении выглядят наиболее впечатляюще.

Осенний багрянец листвы, пронизанный солнечными лучами, и опрокинутые в темную гладь прудов березы очаровывали девушек. Я рассказывал о различных направлениях в живописи, и будущие учителя увлеченно поддерживали разговор: на уроках рисования им уже говорили, какими техническими приемами можно достигнуть того или иного результата, и теперь, налюбовавшись пейзажем, мы уже на бегу рассуждали о способах перенесения на холсты индивидуального видения художника и чем отличается цветная фотография от написанной картины. Старшекурсницы, уже поднаторевшие в методиках преподавания, смеясь говорили, что на уроках физкультуры мы осуществляем межпредметные связи, которые для лучшего усвоения материала требуется устанавливать на всех занятиях с детьми. Что ж, пусть будет так.

С третьего курса, когда мы уже хорошо знали друг друга и, как мне кажется, были очень дружны, я проводил пару занятий в парке по рации. Садился на скамейку, давал аппарат одной из туристок – а таких было по несколько человек в каждой группе – и вперед.

- Где находитесь? – вызывал я группу.

- Бежим по плотине.

- У спуска к реке переходите на ходьбу, и после мостика – ускорение в порку. Как поняли? Прием.

- Мы на горке. Теперь куда?

- Поворачивайте вправо по тропе, бегите к пруду.

- Что дальше? – вопрошает ведущая.

- Десять минут самостоятельных занятий на тренажерах. Не ленитесь!

Я не сомневался, что девушки пробегут сколько надо и не будут отдыхать вместо упражнений на тренажерах. Все было построено на полнейшем доверии между преподавателем и студентками. И все-таки однажды произошел срыв.

Бежали третьекурсницы контрольные семь километров. Я выставил на скамейку приносимые по этому случаю термосы с чаем, настоянным на памирских травах, и раскрыл газету. Погода самая беговая: не жарко, слабенький ветерок – результаты должны быть хорошими. Вот вдали показались первые девушки. За ними еще одна группка и еще одна. Едва успеваю сообщать финиширующим результаты: 37 минут, 37,05, 39 минут ровно!

Молодцы! Хвалю каждую, ставлю в черновом протоколе всем пятерки. Девушки задирают носы – вот мы какие! А в училище, просматривая результаты, вдруг понял, что не могли девушки так пробежать, не по силам им это! В пресквернейшем настроении пришел домой, и чем бы ни занимался, все думал: как же такое могло случиться. Неужели и раньше обманывали меня? И как теперь следует поступить? Ничего я не придумал, а пришел в училище пораньше и со зла выставил всем пятерки в журнал. Даже тем двум девушкам, которые не бежали дистанцию. А потом поднялся на этажи, извинился и попросил разрешения у преподавателя отвлечь девушек от урока не больше, чем на тридцать секунд.

- Вы срезали дистанцию на полкилометра, и я знаю где. Но раз вы считаете это правильным, я выставил всем пятерки. Так что поздравляю с прекрасными результатами.

И вышел. Я думал, что группа прибежит ко мне на перемене с объяснениями, но ошибся. Никто не пришел и на следующий день. Зато на третий девушки вызвали меня из спортзала:

- Вчера мы сами пробежали семь километров. Вот наши результаты. Мы очень просим переставить оценки и простить нас. Даже сами не знаем, как все получилось. Первые свернули с трассы – и все за ними. Больше такого никогда не будет, поверьте.

- Я верю.

Мы никогда не вспоминали этот случай. И поводов не было, и неприятно.

Иногда администрация подключала преподавателей физвоспитания к каким-нибудь массовым мероприятиям, скажем, к поездке с первокурсницами на теплоходе. Наши уроки заменялись в этот день другими предметами. Уже на третьем году работы в училище я просил таких замен в моих группах не делать: девушки самостоятельно будут заниматься по упрощенному конспекту.

- Вы уверены, что два часа не пропадут впустую? - спрашивает завуч.
- Абсолютно.

Я раздавал физоргам листочки с заданиями, и девушки самостоятельно бегали в парке или принимали друг у друга контрольные нормативы.

Почему я был уверен, что никто не пропустит урока?

Ну, во-первых девушки очень хорошо относились лично ко мне.

Конечно, не за красивые глаза. Эмоциональность и плотность наших занятий увлекали студенток, а моя требовательность никогда не переходила в злоупотребление властью. Кроме того, я постоянно говорил девушкам, чтобы они не беспокоились об оценках: хорошие результаты придут как итог нашего труда и я никому не позволю получить "тройку" в семестре, хотя бы потому, что из-за нее можно лишиться стипендии. Но работать придется много, только не для оценки, а для здоровья.

- Какой смысл ставить двойки и тройки? - говорил я. - Поймать человека на том, что он не знает или не умеет очень легко. Сложнее его научить. Поэтому я буду проверять каждого, пока он не получит ту оценку, которую хочет иметь. Так что - в добрый путь!

Мы много работали на уроках, и не нужно было выклянчивать у преподавателя хорошую оценку, раз он сам старался поставить ее. А если добавить, что в каждой учебной группе были наши туристки, то обмануть меня или огорчить считалось нарушением тех отношений, которые установились между нами на занятиях и во внеучебной работе. Я доверял девушкам и они не подводили меня.

Еще одним новшеством по отношению к школе стали занятия по ориентированию. Я нанес на спортивные карты лесопарка двадцать контрольных пунктов, по пять для каждого курса, и чтобы карты служили долго, наложил их на оргалит и запалял в полиэтилен. Вечерами, накануне занятий, прикреплял к деревьям листочки с надписями "Кот", "Еж", "Волга", "Москва", и девушки рыскали по лесу и списывали с листочков названия. Оценок за это не полагалось, но соревновались азартно, пробегая около пяти километров. Что, собственно, и требовалось. Лучшие получали конфетки и все - наш традиционный чай из термосов.

В спортзале шли обычные уроки с постепенно увеличивающимися нагрузками. Много работали с набивными мячами, вводили упражнения с учетом особенностей женского организма - на растяжение, на гибкость, танцевали и занимались ритмикой... Я постоянно напоминал девушкам о пользе наших занятий, приносил таблицы о соотношении возраста, веса и роста, рассказывал о последствиях гиподинамии - болезни, связанной с недостатком движений. Девушки верили мне, и принуждать кого-либо выполнять задания не приходилось.

На последних курсах с согласия девушек (а протестов, конечно, не было) я обучал их самообороне от похотливых мужчин, предупреждая, что при малейших смешках немедленно прекращаю занятия. Предупреждал, как увидел, напрасно - занятия были сверхзначимы для каждой. Оказалось, что многие профилактирующие нападение позиции девушки уже знают: как одеваться, возвращаясь домой поздними вечерами, по какой части тротуара лучше идти, к кому из прохожих полезно присоединиться. Остальному надо было учить.

- Никаких попыток сбить негодяя с ног, - говорил я. - Не верьте тем, кто показывает вам такие приемы - их надо тренировать годами. Ваша задача - ошеломить маньяка, выиграть время, чтобы убежать и позвать на помощь, уметь нанести ему травму пальцем, шпилькой, сумочкой, и главное, не растеряться в стандартных положениях, которые мы будем разучивать.

Я показывал освобождение от захватов - спереди, сбоку, сзади - не требующих чрезмерной физической силы, демонстрировал, что должна делать женщина, поваленная на землю, и убеждал, что при самообладании возможность избежать насилия достаточно велика. Девушки самоабвенно работали в парах за себя и за нападающего. Мне, конечно, отводилась роль насильника, и через несколько занятий, даже повалив девушку, я нередко вскрикивал от боли: наука усваивалась успешно. Двое преподавателей-мужчин завистливо поглядывали на

нашу возню, но в своих группах проводить подобное не решались – преподаватели были моложе меня, а ситуация в борьбе нередко складывалась весьма пикантная. Сам я не слишком верил в полезность наших занятий, давал их так, на всякий случай – а вдруг пригодится. Но тут одна девушка объявила, что прошлым вечером освободилась от захвата сзади, развернулась, как мы учили, ударила парня сапожком по голени и выбежала из темного двора на улицу. Не верить ей не было причин, и значит, наши занятия, хотя бы из-за одного такого случая, оправдывались.

Наши выпускницы, встречаясь со мной, говорили, что очень жалеют о невозможности заниматься физкультурой – всякие дела, семейные заботы, времени совершенно нет – но наши занятия вспоминают с благодарностью. Не слишком часто, но все-таки, выпускницы приходят ко мне на уроки и становятся в строй вместе со студентками. Что скрывать, это радует, и я горжусь этим.

Через несколько лет училище получило статус педагогического колледжа – так я и буду его теперь называть, – и вместе с различными новшествами уроки физкультуры сократили до двух часов в неделю. Пришлось убрать из занятий семикилометровые пробежки, ориентирование и самооборону – времени на это не оставалось. Единственное, что я сделал – спросил у девушек выпускной группы, согласны ли они заниматься дополнительно еще один час, но при условии явки на занятия всех студенток.

– Конечно, согласны!

Я договорился в учебной части о расписании. Меня предупредили, что такое занятие оплачиваться не будет.

– Но я же ничего не прошу!

Сколько ни доказывал, что занятия физкультурой один раз в неделю приносят скорее вред, чем пользу, администрация только понимающе кивала и разводила руками: это не наше распоряжение, сделать ничего не можем.

Конечно, уроки многое потеряли. Мы вынуждены были отказаться от соревнований по спортивной гимнастике – девушки не успевали разучивать упражнения. Снизился технический уровень в игровых видах, ухудшились результаты в беге. Назрела необходимость искать новые формы и менять содержание занятий, потому что спускаемые нам учебные программы казались мне идиотскими, нацеленными в основном на тестирование студенток как показатель их всестороннего физического развития. Надо же было додуматься: сократив часы, проверять, насколько благотворно это скажется на учащихся!

Более того, результаты тестирования значительно влияли на определение профессионального уровня преподавателя, на присвоение ему квалификационного разряда, от которого зависит оплата труда.

Меня это не касалось – высшую категорию я получил в числе первых в колледже, но я представлял, как многие преподаватели будут вынуждены натаскивать своих подопечных на результат, подменяя живую работу бесконечными прыжками в длину с места, отжиманием от скамеек, наклонами из положения сидя и прочая, и прочая. Словом, добиваться показателей, которые при других условиях должны непременно прийти в результате сложного учебного процесса, крепко сдобренного эмоциональным накалом. Теперь же мои знания и знания еще четверых наших преподавателей в общем-то оказались ненужными – систематическое обучение начало подменяться неизвестно чем: то ли имитацией спортивных игр, то ли развлекательными упражнениями. Мы видели, что, разучивая, скажем, передачу мяча в волейболе, студентки на следующем занятии повторяли те же ошибки, от которых начали избавляться на предыдущем. А когда что-то, наконец, усваивалось, тема заканчивалась – через 6–8 занятий надо переходить к освоению баскетбола или гимнастики. Мне было стыдно выставлять тройки неумехам, которых я не научил, а перестраиваться на иной вид занятий и менять политику оценок тоже не получалось. Я начал чувствовать себя динозавром из прошлой эпохи и, несмотря на уговоры коллег и администрации, подал заявление об уходе. В самом расцвете сил – в 66 лет.

Вокруг туристских дел

Но до ухода из колледжа надо было еще добрести, а пока я приглашал студенток в нашу туристскую группу, и через три года одних только девушек из колледжа у нас оказалось около тридцати человек. Пришли к нам и молодые преподаватели – сначала Вера Михайловна Апарцева, строгая математичка на занятиях и веселый, взбалмошный человек в походах. Через год обосновалась в группе преподаватель психологии Александра Марсовна Акулова, в прошлом

мастер спорта по фигурному катанию, интеллигент, не снимавшая белых перчаток у костра, любительница литературы, человек с такой богатой, образной речью, что девушки сокрушались – никогда у нас так не получится, не то воспитание. Вскорости примкнул к нам еще один преподаватель математики, Николай Николаевич Гаврилин, шумливый, вспыльчивый, любящий шутку – тоже бывший фигурист, и в мальчишестве – певец из хора Свешникова. Эта дружная троица быстро пролезла на руководящие посты в группе и стала моими ближайшими помощниками. В положенный срок все они получили звание "старичков". Вера Михайловна вела отделение по Кавказу, Александра Марсовна возилась с хозяйственными и финансовыми делами, а не ведающий страха Николай Николаевич уже через три года обучал девушек скалолазанию, вел ребят по Тянь-Шаню и даже возглавил восхождение на Эльбрус – правда, наделал кучу ошибок и дальше седловины не поднялся.

С моим уходом из школы группа незаметно начала меняться по возрастному составу. Притока малышей теперь не было, разве только кто-нибудь из туристов приведет родственников или знакомых. Наши пятиклассники выросли, и нижняя граница группы поднялась до 15-16 лет. Я указывал на это "старичкам", предупреждая, что смены им не будет: большинство девушек из колледжа надолго в группе не задержится – выйдут замуж. Ветераны тоже обзаведутся семьями – кто же останется? Но когда все хорошо, думать о завтрашних серых временах скучно, и дальше разговоров о том, что неплохо бы что-то придумать, дело не шло.

Наступил 1988 год, и значит, двадцать пять лет со времени создания группы – пусть не круглая, но достаточно веселая дата.

Я не слишком занимался подготовкой торжества – просто обзвонил ветеранов и попросил подготовить фотостенды и выступления. И назначил ответственного за проведение вечера.

Нам предоставили актовъ зал районного Дворца пионеров, и я изумился, увидев, как ребята украсили его. В простенках между окнами – планшеты с фотографиями: маршрут каждого поколения от малышей до взрослых людей, стоящих на памирских перевалах; на подоконниках – книжки-раскладайки, тоже с фотографиями и веселыми рисунками; на столах – наши краеведческие дневники, газеты и журналы с публикациями о группе, а над сценой – большая надпись: "Вз-Яки: 1963 – 1988".

Я думал, что будет гораздо скромнее – ведь чтобы изготовить все, что выставлено в зале, надо было затратить по меньшей мере неделю.

– Один раз в двадцать пять лет можно постараться, – довольно улыбались ветераны.

Сколько людей может вместить актовъ зал Дворца пионеров и сколько в нем собралось, я не считал, а провести запись мы не догадались. Свободных мест не было: люди стояли вдоль стен и сидели в проходах между рядами. Мы с Людмилой Яковлевной поздравили туристов с нашим праздником, а потом на сцену вышла студентка пединститута, давно и добровольно взвалившая на себя обязанности историографа группы.

– Недавно я прочла книгу американского социолога, – она назвала чью-то фамилию. – Так вот, он утверждает, что неформальные объединения, подобные нашему, обычно существуют не более пяти-шести лет.

Студентка переждала веселый шум в зале и тяжело вздохнула:

– Как ни прискорбно, но по науке нас не должно быть. Мы – только мираж. Поэтому запомните сегодняшний вечер: когда еще доведется присутствовать на таком собрании призраков!

– Являются призраки первого поколения! – утробно возвестили динамики.

Выходят мои дорогие интернатские, уже мамы и папы, так и оставшиеся для меня девчонками и мальчишками. Вспоминают, как у нас все начиналось, как впервые шли по горам, по тайге, и поют туристские песни тех лет, давние песни своей молодости, о которых даже не слышали приходящие к нам новички.

Сменяются на сцене поколения туристов: бывшие школьники, бывшие студенты. И вот уже наш последний набор – девушки из колледжа.

На экране – отрывки из наших фильмов, слайды о подмосковных и горных походах разных лет. Ребята узнают себя еще совсем молодыми – смех, шум, аплодисменты. Призраки веселятся!

Группу поздравляют родители нынешних туристов, говорят, что их детям повезло на встречу с нами. Громогласный Михаил Владимирович Кабатченко под хохот зала вспоминает мои интернатские выкрутасы:

- Врывается ко мне в кабинет воспитательница. Нет, сначала влетели обезумевшие глаза, а потом все остальное.

- Идите, - кричит, - посмотрите, что ваш Вэ-Я вытворяет!

Ну, думаю, не иначе Виктор Яковлевич напился и теперь буянит. Выбегаю на улицу и вижу - стоит ваш руководитель с ребятами и спокойно смотрит на небо. Вроде трезвый, так об чем шум? Взглянул кверху - вы перестаньте гоготать, я о серьезных вещах говорю - взглянул кверху и сразу руками вокруг себя зашарил: за что бы схватиться, чтоб не упасть. Из-под самой крыши по стене интернатского корпуса идет мальчишка. Ну да, за веревку держится, ну и что? Вы представляете, что такое пятый этаж?! А тут воспитатели сбежались, кудахтанье началось. Собрал я свою волю в стальной кулак, подхожу к Виктору Яковлевичу и равнодушно спрашиваю: не сорвется?

- Вроде не должен.

Понимаете: "Вроде не должен!"

- А нельзя ему обратно на крышу залезть?

- Нельзя, - говорит Виктор Яковлевич, - этому он еще не обучен. Теперь только вниз.

Кабатченко потер то место, где у него должно быть сердце.

- Что прикажете делать? Сказать, чтобы прекратил это занятие, - так ведь все равно мальчишке надо спускаться. Оглядываюсь на воспитательниц: "Ну что вы разволновались? Идет обычная запланированная тренировка перед Кавказом. Только от дел меня отрываете". И ушел. А в кабинете в зеркало посмотрел - сколько у меня седых волосков прибавилось. Или вот еще случай...

Кабатченко продолжал веселить зал, пока я не сделал крест руками - судейский знак "Время!": заканчивай.

Сергей Волков и Александр Александрович Остапец подвели под нашу группу теоретическую базу - и снова фильмы, слайды и песни. Четыре часа пролетели незаметно. Мы бы просидели и дольше, но нам намекнули, что пора и честь знать...

На этом юбилейном вечере мы показали отрывки из спектаклей нашего театра. Театр возник два года назад как-то случайно, во всяком случае, мы его не планировали. Исполнители - только мужчины, и давались спектакли систематически: один раз в год, к Международному женскому дню. Ну, разумеется, мы и раньше поздравляли девочек, а они нас - на 23-е февраля. Даже соревновались, у кого лучше получится. Но что могут придумать девчонки? Споят пару песен на групповую тематику, подкинут обнаженные ножки в канкане на снегу и раздадут подарки, присовокупив к ним невинный поцелуй. На большее фантазии не хватало. У мужчин все-таки была фора: 8-е марта после февраля идет. Мы собирались в спортзале и, учтя уровень женского выступления, изобретали что-нибудь похлеще. Девочки пристегнули к себе сшитые из поролона куклы, которые в темноте у костра двигались почти самостоятельно, - это, конечно, смешно. Но диалоги кукол - не так, чтобы очень. А мы им - взрывы петард, привидения в балахонах и стишки о подвигах каждой в горах. Они нам - подарки в руки, а мы заставляем срезать подарки с веревочки при завязанных глазах. Один раз удачней получается у девчонок, другой - у мальчишек, но чаще все-таки у мужской половины группы.

Однажды к 23-му февраля группа выйти в лес не смогла, и мы решили объединить два праздника в марте. Наш Придворный поэт Володя Борисов сочинил что-то очень остроумное - не ударять же в грязь лицом при очном соревновании! Мы наскоро отрепетировали, запаслись подарками, среди которых самыми ценными были долго ожидаемые девчонками комплекты больших фотографий горного путешествия, и спокойно расселись у костра, вежливо похлопав, вызывая девочек на утопанную в снегу сцену.

Ничего особенного мы не ожидали, но то, что увидели, не ожидали увидеть вовсе. Ах, как мы просчитались! Мы не учли, что в группе появилась кандидат филологических наук и полиглот Женя Смагина, в будущем автор академического издания книги с немудреным названием: "Кефалайа ("Главы").

Коптский манихейский трактат".

Женя переложила на туристский лад сцены из шекспировской комедии "Укрощение строптивой". Девушки вышли в испанских костюмах и выдали такой искрометный текст, что мы сначала поразевали рты, а потом начали икать и хохотать.

- Вэ-Я, после них нельзя выступать, - растерянно шептал мне Володя Борисов. - Придумайте же что-нибудь!

В финале девушки поговорили насчет света и тьмы, и молодые испанки, подбоченясь и покачивая бедрами, двинулись к нам и с поклоном преподнесли каждому по китайскому электрическому фонарику.

Где и когда готовили девчонки свое выступление и как удержались сохранить его в тайне, мы не допытывались – какая уж тут разница! Мы не просто проиграли соревнование. Это было сокрушительное поражение, полнейший разгром!

Тридцать мужчин столпилось за деревьями позади сцены.

Придворный поэт Володя Борисов толкался между всеми и с расширенными от ужаса глазами упрасивал:

– Не надо выступать, это невозможно!

Я понимал нашего автора. Знать бы, что все так случится – мы бы насочиняли, мы бы показали, как с нами тягаться! А теперь они сидят у костра, эти задаваки, эти гордячки, и снисходительно похлопывают в ладоши. Ничего-ничего, пусть похлопывают – праздник не последний, уж в следующем году мы постараемся!

А что делать сейчас?

– Спокойно, – сказал я. – Построились в колонну.

Я быстренько растолковал, как выполняются фигурные перестроения, и под ляляканье выходного марша из кинофильма "Цирк" мы бодро замаршировали на сцену, приветствуя девушек то одной, то другой рукой. Колонна делилась на две, расходилась в разные стороны, шла на зрителей по четыре в ряд – девушки уже подпевали нам и хлопали в такт, а мы все перестраивались и перестраивались, демонстрируя бицепсы и богатые осанки. Это уже было смешно, потому что ничего другого не было. Но вот колонна развернулась в шеренгу и длинным рядом пошла на зрителей.

– Раз! – скомандовал я.

Фонарики поднялись над головами.

– Два!

Фонарики зажглись, и лучи уткнулись в лица девчонок.

– Три!

Мужчины упали на колени, молитвенно сложили ладоши перед собой и прокричали:

– Девочки, мы офонарели!

– Все, – сказал я. – Получайте подарки. Но такого подвоха мы от вас не ожидали.

Мы поклялись страшной мужской клятвой, что больше позора не допустим и еще покажем себя.

Весь год мы подмечали за девочками все, чем можно будет их подковырнуть, и в декабре засели за сценарий. Сочиняли вдвоем: я и Сережа Паршин, поступивший в колледж после воинской службы сухопутным моряком на Черноморском флоте. Сережа прекрасно играл на гитаре и умел вести за собой хор. И еще он умел рифмовать, чувствовал размер и сочетания слов. Около месяца, переругиваясь и смеясь, мы вымучивали подобие литературно-музыкальной композиции под названием "Древние греки". Материала было навалом. Тут и отставание девочек на маршруте, и потеря вещей, и неумелое хождение по ледникам.

Нас не смущала эклектика: когда надоедал гекзаметр, переходили на четырехстопный ямб или на прозу – важно, чтобы получалось с древнегреческим уклоном. Потом начались репетиции, и мужчины довольно потирали руки: "Ну, заяц, погоди!"

Девушки о спектакле ничего не знали и выступили с новой сценкой и новыми песнями, но это уже было повторение пройденного. Их автор, Женя Смагина, уехала в длительную командировку за рубеж. Ее заменила студентка колледжа, будущий командир группы Оксана Карпутина, но как она ни старалась и как ни помогала ей режиссировать преподаватель психологии Александра Марсовна, подняться на прошлогодний уровень девушки не смогли.

А мужчины рвались в бой! Мы зажгли вдоль ramпы факелы из оргстекла, вместо задника растянули между деревьями купол парашюта и приготовились.

Ударил гонг. Юноши в хитонах выбежали навстречу друг другу и закрыли сцену огромными греческими масками. А когда маски раздвинулись, перед зрителями предстала живописная группа в тогах-простынях, и торжественный гекзаметр начал мерно ковать нашу грядущую победу.

Мы собрались, чтоб восславить сегодня на этой прекрасной

поляне

Дев златокудрых, которые тоже пытались восславить
Годом назад на примерно такой же прекрасной поляне
Юношей стройных, внимавших их перлам весьма терпеливо. Первая шпилька
была запущена. Девушки захихикали, а древние греки погрузились в темные воды
воспоминаний.

Первый грек:

...Смагина Женя героев Шекспира призвала на помощь
И потрудилась над ними во славу мужскую недаром.

Второй грек (выходя из образа):

Что ты порешь? Она ведь даром трудилась!

Первый древний грек (вчитывается в текст):

"... во славу мужскую недаром". Нет, недаром!

Второй грек:

"Недаром" это в тексте. А так она даром трудилась! Даром!

Первый грек: Ладно. Изменим концовку.

"Смагина Женя героев Шекспира призвала на помощь

И потрудилась над ними,

Как мы уточнили здесь, в общем-то даром."

Девчонки смеются и протестуют. А греки трагическими голосами вещают о
славной нашей пионервожатой, перепутавшей веревки и зависшей над ледником:

О, Зевс могучий, громовержец дерзкий!

Здесь молнии твои не к месту будут -

Она и так повисла на крюке!

Вокруг нее несутся с ревом камни,

И снег под ней подтаял - неизвестно,

От стрел твоих иль почему еще...

Хор запеваёт древнегреческую погребальную песню. Пионервожатая
заваливается с бревна в снег, ее поднимают и водружают на место.

Мы не зря запоминали, что было летом в горах. Теперь беремся за нашего
историографа:

... Бросила дева на склоне ледовом веревку

И по законам природы, ей, видно, еще незнакомым,

Начала быстро скользить, положение тела меняя,

К трещине страшной, которая всех неразумных и хилых

Самой кратчайшей дорогой ведет и приводит

В царство теней и бросает в объятья Аида.

Мы надеялись, что дефицит юмора и погрешности стихосложения окупятся
узнаванием событий. Девчонки захлебывались визгом.

Добрались мы и до казначейши, отчаянной жмотихи, у которой на самые
неотложные дела рубля не допросишься:

Из года в год уже немало лет

Я драхмы с верноподанных взимаю.

Несу я эти деньги как проклятье,

Ниспосланное мне богами, неизвестно,

За чьи грехи, но факт - не за мои.

Какой мой грех? Ну, разве только тот,

Что среди нищей братии бродяжьей

Случайно самой честной оказалась.

А честность - это то же преступление,

И доблесть тоже нынче не в ходу.

Да как копить, когда на всякий чих

То лепты просят, то мешочек драхм.

А ты давай. Давай на то, на это,

На дни рожденья, свадьбы, годовщины -

На все, что только в головы взбредет!

Все расточат. А по какому праву?

Мне разве даром все это досталось?

Казначейша поминает недобрый словом Людмилу Яковлевну, ведавшую
продуктами на последнем Памире:

Уж эта просит! И такую силой

Ее бездумно наградили боги,

Что сколько ни даешь, все будет мало.

Да вот она! Уж лучше я уйду.

Древний грек от лица Людмилы Яковлевны:

Давно стою я у кормила власти,
И эта власть всегда меня кормила
За то, что всех без счета я кормлю.
Нелегко труд - на тридцать-сорок ртов
Набрать таких продуктов, чтобы ели,
Не воротя в брезгливости носы!
А ведь воротят: то им не подходит,
И то не се, и так не по нутру!
Какого им... нектара еще надо -
Не боги ведь с Олимпа, просто демос,
Простой народ. Так нет, хотят баранов
На вертелах. Оливковое масло
Им подавай - топленого не надо,
И сухари им тоже ни к чему!

.....
Доходов нет, кругом одни расходы,
И мальчики жующие в глазах!...

Да простит нам Александр Сергеевич Пушкин понадерганные у него строки!
Сорок минут мы веселили девушек, и когда поминальная часть закончилась,
начали выражать свою любовь к ним. Перед финальным хором малыш тонким
дискантом заверил девчат:

И мы, мужчины, прямо говорим:

Для вас мы ничего не пожалею -
Вот наши рюкзаки, берите их скорее,
Берите все - мы вам еще дадим!

Древнегреческий хор грянул русское "Славься!", и на последних строках:
Да будет во веки веков сильна

Дружба, сроднившая нас у костра! -

из-под звездного неба к девушкам свалился мешок с подарками -
разбирайте, кому что хочется!

Подарки, конечно же, были древнегреческие: Прокрустово ложе (игрушечная
кровать), Троянский конь, волос из бороды Зевса и даже содержимое Авгиевых
конюшен (консервы "Завтрак туриста").

Мы понимали, что выпустили джинна из бутылки. Теперь уже девушки
говорили, что через год снова будет 23-е февраля...

Володя Борисов по здоровью не мог ходить в горы, он все больше
занимался бардовской песней, поэтому написание нового сценария снова
досталось мне и Сергею Паршину. Мы решили, что одной литературно-музыкальной
композиции недостаточно -

надо добавить игровые сцены. А раз так, то незачем мелочиться:

мы организуем театр! И первый спектакль, который мы подготовили,
назывался "Тридцать лет спустя" - воспоминания о былых временах постаревших
туристов, собравшихся за домашним столом. Мы назвали театр "Завтрашний
авангардистский", сокращенно "ЗАТ", и вынесли спектакль на суд зрителей. А
чтобы шедевр не канул в Лету, развесили над сценой микрофоны.

Момент узнавания снова сработал. Я сидел сбоку от сцены в роли суфлера
и видел заходившихся в хохоте девушек. Передо мной, над снежным бугорком,
дергались ноги в валенках - это командир группы свалилась со стульчика и, не
в силах подняться,

стонала, перекатывалась на спине. Это был грандиозный успех, это была
победа!

Спектакль заканчивался песней, написанной Сережей Паршиным. Ни он, ни я
не думали, что песня станет чем-то вроде Гимна группы. Все ее не поют, а
только по торжественным случаям и, как правило, стоя.

Перед нами столетья летят

И эпоху сменяет эпоха.

Но Вз-Яки стареть не хотят

И справляются с этим неплохо.

Нам года - ерунда,

Если горы у нас за спиной!

Никогда, никогда,

Никогда не старем душой!

Снова сердце в дорогу зовет,

И какие б ни встали помехи -
Даже в головы нам не придет
Изменить биографии вехи!...

Через несколько лет мы написали стихи для финала очередного спектакля, соединили их с Серезиной песней и решили, что теперь это будет концовкой всех представлений "ЗАТа".

Чаще всего я в спектаклях не участвовал - работал суфлером, но в новом финале выходил на сцену и обращался к девушкам:

За дерзость, за любовь и за мечты
Сегодня кружки с чаем поднимаем,
И не сегодня - вам всегда желаем
Быть вечно гениями чистой красоты!
Пусть молодость от нашего костра
Идет до самых дальних перевалов -
Ведь жизнь одна, ее начать сначала
Еще не удавалось никогда.

Вся жизнь - поход: познание себя
И радость от общения с друзьями.
Давайте ж встанем! Пойте вместе с нами -
Сегодня нам не петь никак нельзя!

И вставали туристы, и взрывалась ночь мощным хором:
Нам навстречу столетья летят...

С каждым годом спектакли становились лучше, и с каждым годом зрителей на них собиралось все больше. Приходят ветераны группы и незнакомые туристы, прослышавшие о необычном действе в мартовском лесу...

В одном из спектаклей нам для пролога понадобились девушки.

Задумка была такая: на сцене собираются все бывшие командиры группы женского пола в ангельских одеждах и обсуждают, почему у нас становится все меньше и меньше мужчин. Выпустили мы наших ангелочков на снег, а морозец был хоть и мартовский, но колючий. Бедные девочки, едва прикрытые легкими простынками, грациозно переступают с ноги на ногу и чуть заметно подрагивают обнаженными плечиками. Повспоминав, как во времена их командирства мужчин в группе водилось в избытке, они начали доискиваться причин нынешнего отсутствия таковых. И тут долго молчавшая командир возвестила замогильным голосом:

- Послушайте! При размышленьи зрелом
Виновника я все-таки нашла.

Вэ-Я всему виновник!

- Как Вэ-я?

- Как так, Вэ-Я? Ведь он остался в группе!

- Остался, да. Но с кем остался он?

С девчонками! Ведь он ушел из школы,
Откуда пачками черпал парней.

Один сбежит, приходят двое новых,
А то и трое - вот и нет проблем.

Вэ-Я виновник, нет тому сомненья!

Он в женский пансион пришел работать,
Чем перекрыл для группы кислород!

..... Понятно, что ему

На старости клубнички захотелось,
Вот и полез не в свой он огород!

Хохочущие зрители не поняли всей философской глубины вопроса, поднятого в прологе - чем завлекать в группу мужчин.

Пока их было в достатке - примерно столько же, сколько и девчат. Но это уже нарушало разумный для горных путешествий баланс - печальный факт, на который я все чаще указывал "старичкам". Тогда в группу приводили нескольких парней, и все успокаивались. К сожалению, я тоже - уж очень много у нас было разных интересных дел.

Когда мы организовали театр, я не предполагал, что мужчины так увлекутся им. А ведь репетиции отнимали время - два месяца мы собирались в спортзале по несколько раз в неделю. Приходят школьники, студенты, учителя, инженеры, врачи, рабочие - серьезный и занятой народ. И два часа валяют дурака.

- Друзья, вы только подумайте - чем мы занимаемся! - смеялся я.

- Ничего особенного, впадаем в детство, - отвечали "актеры".

Я понимал, что наши репетиции были своеобразной отдушиной после дневных трудов. И еще - способом самовыражения и ощущением собственной востребованности, а это очень немало для каждого человека. Поэтому, когда ребята предложили устраивать театрализованные представления и на Новый Год, я согласился, хотя абсолютно не представлял, как будем выкраивать время для дополнительных репетиций.

Договорились, что к Новому Году каждое отделение готовит свое выступление на одну и ту же тему. А чье отделение выступит лучше, будут решать Дед-Мороз и Снегурочка. Темы придумывались тут же: "Народное образование", "Ах, любовь!" или совсем просто - "Однажды..."

И снова авторы садятся за сценарии, но теперь уже Сережа Паршин пишет для своего отделения, я - для своего, а в других отделениях сочиняют совместно.

Мы находили поляну с пушистой елочкой, украшали ее, а после праздничного ужина громко звали к костру дедушку Мороза. Он появлялся со Снегурочкой, требовал хороводов, стихов и детских песен. Взрослые люди водили хороводы и самозабвенно пели "В лесу родилась елочка..." Все получали подарки, и дед-Мороз вызывал отделения на сцену...

Главный редактор туристской газеты "Вольный ветер" Сергей Минделевич всегда приходил на наши лесные праздники, а потом начал приводить с собой телевизионщиков. Ребятам не слишком нравились снующие между ними операторы, разрывавшие ночь слепящим светом прожектора, но свои выступления на экране они смотрели с удовольствием. Я хорошо знал Минделевича, знал его строгий подход к выбору газетных материалов и телесюжетов. Если уж он завозил в лес телекоманду и по-доброму, с юмором написал о Вэ-Яках в своей книге, значит, полагал я, наши дела могут кого-то интересовать.

А дела наши не иссякали.

После первого года моей работы в колледже, вернувшись с Памира, соорудили мы стенную газету. На обычном ватманском листе она не уместилась, мы добавили еще один, и под рассказом об отдыхе в абрикосовом саду нарисовали дерево и на ниточках развесили на нем урюк и курагу. Под деревом крупно вывели: "Это можно срывать и есть!" Вечером мы заменяли сорванные ягоды новыми, так что дерево плодоносило постоянно. Не знаю, что больше привлекало студенток - фотографии снежных вершин или возможность полакомиться, но возле газеты все время толпился народ. Еще несколько лет мы ограничивались двумя ватманскими листами, а потом размахнулись и начали выпускать газету длиной в вестибюль, этак метров в 20-25. Первые несколько дней к газете трудно было пробиться, а ко мне зачастили студентки с просьбами принять их в туристскую группу.

Делали газету недели две. Участники горного путешествия приносили заметки, литературная группа их правила и перепечатывала на машинке. Тут же несколько студенток макетировали и зарисовывали листы. Но рядом с занятиями серьезной работой всегда собиралась кучка бездельников, проходящих, как они уверяли, проследить, чтобы все было на уровне. Я давно уже не удивлялся незванным гостям, понимая, что люди приходят лишний раз пообщаться друг с другом. И неважно, что они виделись только вчера на репетиции или на тренировке. Нити дружеских (и не только дружеских!) симпатий прочно связывали Вэ-Яков, и мне казалось, что это весомей всех наших многочисленных затей. Хотя занимайся мы одним только туризмом, уровень отношений между ребятами был бы значительно ниже и, скорее всего, не выходил бы за деловые рамки. Поэтому я радовался каждому, заглядывавшему к нам без видимых причин. Правда, долго лоботрясничать никому не давали: одних девушки приспособивали что-нибудь вырезать и наклеивать, других я отправлял в туристскую кладовую наводить порядок или чинить примуса, а старшие обсуждали текущие дела или колдовали над картами летнего путешествия...

Мы жили в плотно спрессованном времени, и каждое предложение ребят затеять что-то еще приводило меня в тайный трепет. Но тут пришло по-настоящему нужное дело.

Студентки колледжа начали жаловаться, что ближе к зиме родители перестают отпускать их в походы. В школе таких проблем не возникало: мамы и папы хорошо знали меня, а провожая малышкой, видели, что идут они в окружении взрослых, стало быть, нечего волноваться. Но в колледж родители не заглядывали, а телефонные переговоры не всегда помогали. Кроме того, надо

было познакомиться с родителями студенток, подробно рассказать, чем мы занимаемся, посоветовать, как лучше экипировать девушек к зиме. И конечно, настроить на летнее путешествие, которое в доперестроечные времена требовало хотя и не чрезмерных, но все-таки затрат.

Тогда и возникла идея устроить вечер знакомства родителей с группой.

Готовились к вечеру серьезно – ведь от того, как нас примут родители, будет зависеть туристская судьба новичков.

Мы выставили в спортивном зале фотостенды и альбомы из наших запасников, расставили столы с домашними выпечками и притащили из столовой огромный самовар. Родителей встречали у входа. Я знакомился с каждым и предлагал осмотреть выставку. Экскурсоводами мы поставили не только ветеранов группы, но и студенток колледжа, побывавших в горах – пусть родители побеседуют с ними и убедятся, что ничего страшного с девушками не случилось.

Мы приглашаем рассаживаться, и я отмечаю про себя, что родители уже перезнакомились и что едва заметное недоверие, с которым они входили в зал, сменяется удивлением от всего увиденного. Безусловно, стенды с фотографиями подмосковных походов и горных путешествий произвели впечатление, но главное – гости успели пообщаться с нашими ветеранами и с родителями студенток, уже прочно обосновавшихся в группе. Поэтому налаживать контакты не требовалось. Мы с Людмилой Яковлевной коротко рассказали о группе, и вечер покатился по намеченной колее. Я предупредил выступающих, чтобы они не очень налегали на воспоминания о походах – это мало интересует родителей; лучше говорить о познавательной стороне путешествий, о нашей культурной программе и об отношении к новичкам. Родители одобрительно кивают и оживленно перешептываются. Выступления чередуются с песнями, с показом слайдов и с фрагментами из наших кинофильмов. Как-то незаметно мы отошли от намеченного сценария: родители не выдержали и начали задавать вопросы, а желающих отвечать на них было столько, что ведущая спрятала свою бумажку – делайте что хотите!

– Все, о чем мы услышали, настолько увлекательно, что хочется самой прийти в вашу группу, – сказала мама одной из студенток. – Но мы прежде всего беспокоимся о здоровье своих детей. Не замерзнут ли они ночуя в зимнем лесу, да еще без палаток? Мы взрослые люди и хорошо понимаем, какие могут быть последствия для девушек от переохлаждения.

– У меня дочка с двух лет в походах, – рассмеялась преподавательница математики Вера Михайловна. – И ничего, пока – тьфу-тьфу – не болеет.

– А полезно ли девушкам носить тяжелые рюкзаки в горах? Это ведь тоже вопрос здоровья.

Я и наш профессиональный врач рассказываем о допустимых нагрузках и заверяем, что за двадцать с лишним лет в группе ни одного заболевания, связанного с перенапряжением, не было.

– Позвольте, я скажу, – врывается в разговор мама двоих наших туристов. – Я работала с Виктором Яковлевичем еще в интернате, ходила с ним на Кавказ. Потом мы расстались надолго, а когда мои дети подросли, сама привела их в группу. И вместе с ними хожу в походы. Не в горы, конечно – здоровье и набранный вес не позволяют, – но под Москвой хожу. И сплю на снегу. Так что заверяю вас – ни о чем не беспокойтесь. А как учительница добавлю: группа даст вашим девочкам столько хорошего в плане знаний и поведения, сколько они нигде не получат!

Пропела незапланированные дифирамбы группе и преподавательница психологии Александра Марсовна – слушать ее было одно удовольствие, но мне все-таки пришлось сгладить преувеличенные оценки наших восторженных апологетов и перевести разговор на более прозаические вещи: на приобретение личного снаряжения для девушек и на неминуемые расходы, подрывающие семейный бюджет.

После таких вечеров студенток отпускали в походы безотказно. Все чаще новички приходили с какими-нибудь обновками: горными ботинками, утепленными спортивными костюмами или с рюкзаками и спальными ковриками, хотя все необходимое, кроме личных носильных вещей, им выдавалось. К этому времени мы были достаточно богаты: ледорубов, кошек, альпинистских веревок, крючьев и всякого рода приспособлений для спусков хватало с избытком на всех. Горное снаряжение приобреталось за счет нашей общественной кассы, пополняемой остатками денег от подмосковных походов и ежегодными взносами. Те немногие,

у кого наши поборы вызывали затруднение, откладывали выплату на далекое будущее, и бывало, в походы приходили люди, давно покинувшие группу, и приносили крупные суммы, напоминая, что в таком-то году они ходили в горы бесплатно или не смогли сдать установленный взнос. Конечно, иметь собственный рюкзак улучшенной конструкции или собственный спальный мешок на пуху удобней, чем пользоваться подержанными вещами из кладовой. И то, что родители студентов старались по мере возможности обеспечить их всем необходимым, говорило о том, что наша группа принята в семьях новичков. Любопытно, что родители, побывав на одном вечере знакомства, приходили и на остальные, и теперь уже сами рассказывали о благотворном влиянии группы на своих детей.

Мне казалось, что никаких мероприятий больше не нужно – школьники и студенты должны прежде всего учиться. Но "старички" думали иначе.

– Давайте организуем для студентов всего колледжа вечер памяти Сергея Есенина, – предложили они.

– Зачем?

– По трем причинам. Во-первых, выступим сами и привлечем к выступлению новичков. Это полезно? Полезно. Во-вторых, в группу непременно придут несколько слушателей, что тоже не помешает. И в-третьих, будет лишний повод собраться для репетиций. Мы знаем, вы против, но мы – за.

– Предупреждаю – я к этому вечеру никакого касательства иметь не буду.

– И не надо. Мы все сделаем сами. Вы только просмотрите сценарий и поможете на двух последних репетициях.

– Ну, знаете!

– Вот и договорились, – довольно говорили мои мучители.

Прошел есенинский вечер, и "старички" снова подбираются ко мне:

– Оля подготовила очень интересный рассказ о дымковской игрушке. Соберем группу?

– А в походе нельзя?

– Нельзя. Там Борисов что-то о бардах готовит.

Я уже был доволен тем, что такие вечера проводились не слишком часто – один-два раза в учебном году. Тематика разнообразнейшая: творчество Шпаликова и Кухельбекера, зарождение импрессионизма и раннее христианство... А когда пыл "старичков" начал угасать, ко мне подошли студентки колледжа:

– Мы хотим провести пастернаковский вечер. Только он камерный, и лучше собраться на квартире.

– Опять у меня?!

– У вас нет пианино. Соберемся у Марины. Только все не поместимся, мы хотим собрать одних "старичков".

Композицию составила выпускница колледжа, она и репетировала с девочками. Пожалуй, это был один из лучших наших домашних вечеров...

Но и этого мало. После каждой поездки в Крым и после летнего путешествия надо собраться для просмотра слайдов и кинофильмов.

– На этом все? – спрашиваю.

– Два месяца тишины гарантируем, – обещают ветераны.

А потом я узнаю, что фотофанатик собирает у себя дома желающих и показывает им слайды прошлых лет.

Все годы я вел безуспешную борьбу против незапланированных сборов. Но так получалось, что причины собраться были самые уважительные.

Уходит юноша в армию. Надо проводить? Надо.

Приезжают из других городов Вэ-Яки. Надо встретиться? Безусловно.

У кого-то ремонт квартиры, кто-то перезжает в новую. Надо помочь? А как же!

Однажды один из ветеранов сказал, что не сможет поехать на Памир – будет все лето достраивать дачу.

– Какие проблемы! Материал весь завезен?

– Весь.

И человек сорок ночуют возле дачи, а к вечеру следующего дня работа закончена.

Почти еженедельно что-нибудь да подвертывается. Я возмущаюсь, а ребята довольны: можно лишний раз встретиться.

Ну как отказать в просьбе Людмилы Яковлевны собрать сливы на участке и провести текущий ремонт постаревшей двухэтажки?

Приезжаем, работаем, а вечером – песни, стихи, гитара и скрипка.

Хорошо!

Едва перевели дух, приходят выпускницы колледжа:

- Через два дня открываем новое здание детского сада, а там еще ничего не готово.

И группа собирается вечером в детском саду: навешивает гардины и люстры, сверлит, строгают - получайте свой детский сад!

Теперь, вспоминая с ветеранами прошлые времена, удивляемся - как мы все успевали. И в театры ходили, и на выставки, и в музеи. А еще были у нас пешие экскурсии по Москве. Проводил их инженер-строитель, знаток архитектуры и любитель московской старины. Сколько ни просил его следить за временем - напрасно! Меньше, чем в четыре часа, наш гид не укладывался. Таскал он нас по городу в будни. На следующий день - учеба, работа, надо бы по домам. Но ребята не торопятся: впереди ночь, успеем позаниматься. Вроде все по горло загружены, девушки жалуются, что на свидания не ходят - но стоит только объявить какой-нибудь сбор, как собирается не меньше половины группы. Но ведь у нас не клуб развлечений. Прежде всего, мы - горные туристы. А там, на высоте, неподготовленным людям делать нечего. Значит, надо набираться сил и опыта. Два раза в месяц группа в подмосковных походах. Каждый должен пройти за сезон не меньше 120 километров - это одно из условий участия в летнем путешествии. В оставшиеся воскресные дни - беговые тренировки или занятия по горноспускательной технике на снежных склонах.

Но что такое бег два раза в месяц? Ерунда. Пользы от него никакой. И мы требуем, чтобы все бегали ежедневно по 20-30 минут. А на воскресных тренировках сопоставляли свою подготовку с группой сильнейших.

Собирались мы в лесной зоне Измайловского парка, переодевались в домике у пруда - и начиналось!

Я постоянно менял форму занятий. В одно воскресенье - бег по пересеченной местности, ускорения на затяжных подъемах, бег в горку с партнерами на плечах, бег по глубокому снегу...

В другой раз - спокойная пробежка на 7-10 километров, прекрасная возможность расслабиться и пообщаться. Такие неторопливые пробежки особенно нравились девушкам. Едва встретившись у входа в парк, они спрашивали с надеждой:

- Сегодня семерку бежим?

- Да нет, не больше пяти километров.

- Ну все, - обреченно говорили девушки, догадываясь, что будут ускоряться, прыгать и переносить друг друга. - Ну все, теперь главное - своим ходом до метро добраться.

- Не беспокойтесь, донесем! - смеялись их верные рыцари.

Раз в два месяца пробегали на выбор 7 или 14 километров, стараясь показать лучшее время, на которое каждый способен.

Зимой бегали в легких спортивных костюмах и, разогревшись, обвязывали куртки вокруг себя. Девушки просили не бежать по кромке леса вдоль шоссе, резонно указывая на возможность дорожно-транспортных происшествий: шоферы вывертывали головы, заглядываясь на вереницу красавиц в футболках.

После бега - занятия на тренажерах, а те, кто посмелее, прыгали за мной в прорубь.

Бывшая студентка колледжа как-то рассказала мне о своей первой тренировке.

- Пришла я в группу на первом курсе, в пятнадцать лет. Глупая была до ужаса. Даже думала, что Вэ-Яки - это название какой-то горы. Еще в школе немного занималась легкой атлетикой и вообще была одной из сильнейших на физкультуре. Так что беготни не боялась. Вы провели разминку и вывели нас на старт семи километров. Смотрю на девушек - есть спортивные по фигуре, а есть и пышненькие. Но, вроде, никто не волнуется. А я - легонькая, стройная - что мне беспокоится? Правда, семь километров никогда не бегала, но раз все бегут, и я смогу. Тут вы говорите: "Сильнейшие строятся впереди, а дистрофики рядом со мной, стариком, чтобы под ногами не путались".

Я, конечно, вперед вышла - какой же я дистрофик?

Первый километр пробежала нормально, а потом чувствую - не могу больше. И самое обидное - те девушки, которых надеялась обогнать, уже далеко впереди, а меня дистрофики обходят.

Догоняет меня командир группы, такая же стройная и симпатичная, как я.

- Давай, - говорит, - бежать вместе. И не торопись, до финиша еще вон

сколько.

Бегу и на трассе разметки считаю. На третьем километре командир убежала вперед. Оглядываюсь: сзади только вы и трое девчонок, по-моему, тоже новички. Ну, думаю, хоть не последняя, и то хорошо. Тех, кто впереди, уже не видно. Поднапряглась я, чтобы хоть немного к ним подтянуться, а вы догоняете и спрашиваете, что это я так медленно бегу, не случилось ли чего. Я чуть не реву, но говорю, что все в порядке. А вы говорите: "Ну, раз в порядке, я вперед сбегая, подгоню отстающих и за вами вернусь".

Вы нас даже за отстающих не считали! Действительно – дистрофики. Вот с тех пор я и начала тренироваться самостоятельно. Десять лет прошло, а все бегаю. И знаете, как новичкам сочувствую!

Большинство новичков были настолько ошарашены своей неподготовленностью на первых тренировках, что, скорее всего, ушли из группы, если бы не все наши остальные дела. Да и ветераны ободряли отстающих, говорили, что все наладится, надо только немного потерпеть. Ну и, конечно, самим не лениться.

Иногда мы устраивали соревнования в часовом беге – кто дальше убежит за это время, – или бежали лесными тропками двенадцать километров до загородного озера, купались и трусили обратно. Как раз на такой забег и попали впервые преподаватели колледжа Александра Марсовна и Николай Николаевич.

На другой день я прикинул в учительской сообщение об их подвиге. Но герои не выходили из своих кабинетов, а когда после занятий надо было спуститься на первый этаж, перемещали себя приставными шажками, держась обеими руками за перила.

Через пару лет Николай Николаевич бегал уже среди сильнейших, а Марсовна пришла ко мне на урок и, ради интереса, сдавала вместе с четверокурсницами контрольные нормативы в беге на 7 километров. И показала второй результат, отстав от нашей туристки метров на пять...

Длительный бег привлекал женскую часть группы не только спортивной стороной.

Наша математичка, Вера Михайловна, после того как мы вернулись с Памира и пришли в колледж, удивленно спросила меня, почему с ней никто не здоровается.

– Как так, не здоровается?

– Не знаю. Проходят мимо, словно не узнают...

Я расмеялся:

– А ведь действительно не узнают! Ты же за отпуск набегалась, а потом еще горы. Смотри, какая ты загорелая, стройная! На сколько ты похудела?

– На 16 килограммов...

– Так чего же ты хочешь?!

Я остановил проходившую мимо преподавательницу:

– Не узнаете?

– Кого? – преподавательница посмотрела на стоявшую рядом женщину и ахнула:

– Ой, Вера!..

На Веру Михайловну начали приходиться смотреть как на диковинный экспонат, а на воскресные тренировки зачастили девушки, не занимающиеся туризмом...

Однажды я предложил отметить проводы старого года марафонским забегом по нашей кольцевой семикилометровой трассе, а на следующее утро встретить новый год неторопливой пробежкой. Большинство отказалось, сославшись на подготовку к семейному празднику, но человек десять пообещали прийти... если смогут.

В назначенный час я встретил только одну девушку, учительницу загородной школы.

Подождали, как у нас принято, две минуты – никого нет.

– Что будем делать? – спрашиваю.

– Бежать, конечно. Не зря же я в электричке тряслась.

Намотали мы шесть кругов, окунулись в прорубь и поздравили друг друга с наступающим.

Над увильнувшими от марафона снисходительно посмеялись, они оправдывались, что никак не могли придти, а мы им: знаем, знаем – встреча Нового Года, какие уж тут забеги!

– Ах так, – сказали ребята. – Мы вам докажем! У Саши в воскресенье день

рождения, 26 лет исполняется. А дача его - мы замерили по карте - в 26-ти километрах от выезда из Москвы.

Назначайте 26 человек для гостевого забега, остальные электричкой доберутся. Увидите - мы не трусы. Мы просто испугались.

И мы бежим на день рождения, отправив парадные костюмы машиной. Рядом со "старичками" бегут девушки из колледжа, которым год назад в самых кошмарных снах не могло привидеться такое...

Но одного бега для встречи с горами маловато. Поэтому раз в неделю мы собираемся в спортивном зале для трехчасовых занятий. Здесь уже работа с набивными мячами, гантелями и штангой, прыжки через скакалку, акробатика и различные эстафеты. Когда начинался любимый всеми волейбол, я уводил новичков в раздевалку и обучал вязке узлов на альпинистских веревках, чтобы не тратить на это время в Крыму. Девушки осваивали способы страховки при помощи карабинов и других приспособлений, натягивали веревки для переправ через реки, ходили по коридору в связках...

Относились к этой науке новички серьезно и в учебные дни на переменах бежали ко мне продемонстрировать разученные накануне узлы.

При такой подготовке наши туристки значительно превосходили студенток колледжа в длительном беге. На своих уроках, когда мы бежали вдоль лесистых склонов, я давал команду: "Туристы, в горку!" И девчонки бежали серпантинном вверх-вниз, не отставая от студенток, трусивших по ровной тропе. Часто преподаватели физкультуры, начиная урок, отпускали вз-ячек тренироваться самостоятельно, так как учебные нагрузки были для них слишком малы. Как мне рассказывали выпускницы, так же поступали и преподаватели пединститута, где девушки завершали образование.

Раза два-три за зиму мы выезжаем тренироваться на снежных склонах. Здесь создаются временные отделения, работающие по своим программам. Возраст не учитывается - все

определяет техническая подготовка туриста, поэтому в каждом отделении есть школьники и взрослые люди. "Старички" поднимаются или спускаются по самым крутым местам, имитируют срывы и висят на веревках. Второе отделение занимается тем же, но на более пологих участках. А новички учатся владеть ледорубом и простейшими способами подъемов и спусков с использованием веревки.

Вывалинные в снегу, с намокшими рукавицами, девчонки бежали в шатер отогреться у раскочегаренных до предела примусов.

- Неужели все это будет в горах? - спрашивали они, выбивая дробь зубами.

- Ну, не все сразу и не в один день, но с чем-то обязательно встретитесь. Так что - геть на занятия! - выпроваживали новичков из шатра неумолимые инструктора.

А после тренировки - костер, бутерброды и крепчайший чай. И уже не страшен мороз, и уже идут разговоры о майской поездке в Крым и о памирском маршруте, который будет совсем-совсем скоро...

Крымские сборы

К майским учебно-тренировочным сборам по скалолазанию в Крыму мы начинаем готовиться в марте. Хотя все давно уже отработано - надо только поднять наши памятки, но дел хватает, а спешки мы не любим.

Проще всего сформировать отделения: одно-два для новичков, группа средней подготовленности и "старички". Сложнее с продуктами и отбором снаряжения. Продуктами я давно не занимаюсь - это дело Людмилы Яковлевны или Александры Марсовны, которых постепенно оттесняют от кормушки студентки колледжа. Составляется меню на каждый день, участникам поездки раздаются списки закупок с учетом дежурств их отделений. Продукты пакуются в картонные ящики, обернутые полиэтиленовой пленкой. Внутри кладется меню, чтобы повора ежедневно не донимали завпродом вопросами, что из этого добра надо готовить. На каждом ящике указывается дата вскрытия и фамилия ответственного за его транспортировку - теперь ни один ящик при переездах не потеряется.

Завхоз со своими помощниками отбирает нужное количество тентов и палаток, ребята устанавливают их во дворе колледжа и просматривают где и что требуется подправить. Ремонтники проверяют примуса и запаивают в большие консервные банки бензин. Все участки работ контролирует командир группы, но больше всего его волнует жилустройство туристов. Разведешь подружек по

разным тентам - обидятся. А кому это нужно? И начинается тихий опрос - кого с кем желательно поселить. Конечно, командир знает взаимные симпатии, но в тенте шесть мест, и две микрогруппы по четыре и три человека в нем не поместятся. Кого-то надо перемещать. Но кого? Командир терзает меня при каждой встрече, донимает поздними звонками, предлагает варианты. Я понимаю всю глобальность проблемы и договариваюсь с несколькими "старичками" пожертвовать личными интересами ради общего спокойствия. Заодно приношу в жертву и себя. Но это для проформы: в моем тенте постоянный комплект девчонок и все представляют, какой поднимется визг, если посмеют тронуть хотя бы одну. Перетасовка тянется долго, а ведь от нее зависит распределение дежурств, подбор стыкующихся спальных мешков и склеивание хозяевами тентов пленок для накрывания крыши во время дождя. Пока решаются хозяйственные и организационные вопросы, я работаю с инструкторами. Инструктора составляют планы занятий на каждый день с указанием их длительности и необходимого снаряжения. Моя задача - проследить за постепенным нарастанием сложности занятий и не дать инструкторам схитрить, подменяя нудное прохождение П-образных скальных маршрутов по веревочным перилам, эффектными спусками с отвесных стен. Кроме того, надо сопоставить планы, чтобы на одном учебном полигоне не сошлись два отделения. Без споров, конечно, не обходится: каждый инструктор отвоевывает для себя давно облюбованные места, и я терпеливо жду, пока взрослые люди не накричатся.

Еще я отвечаю за составление "Культурной программы". В горах мы живем неделю. Значит, должны подготовить шесть интересных выступлений у костра - последний вечер отводится на итоговое собрание.

Обычно выступления готовят "старички". Мы обсуждаем кто в чем силен, я только прошу избегать "борисовщины" - наш Придворняжный поэт Володя Борисов может увлечься и проговорить до утра как это бывало на Памире и на Селигере.

"Культурная программа" - составная часть вечернего костра. После ужина мы беседуем, поем, я читаю стихи, прозу или сцены из спектаклей, но то, что включено в план, конечно, держу в запасе. Затем выступают "старички". Тематика разнообразнейшая:

"Я - будущий педагог"

"Осип Менделеев"

"Конфликты и их ликвидация"

"Малоизвестные страницы истории Красной Армии"

"Любовная лирика. От Пушкина до Ахматовой"

"Ответственность - что это такое?"

Преподаватель Николай Николаевич зарезервировал постоянную тему: "Над головой - звездное небо".

Студентки колледжа, порадовавшие нас домашним пастернаковским вечером, захотели выступить и в Крыму. Теперь они подготовили композицию из песен Вероники Долиной, а в другой раз - из стихов Роберта Бернса. Так что искать желающих самовыразиться не приходилось. Бывало, и нередко, что после запланированного выступления кто-нибудь требовал выслушать и его:

- У меня скоро защита диссертации, - заявляет будущий кандидат и доцент. - Сейчас я коротко расскажу суть исследования. Это вроде как апробация моего выступления на ученом совете. Тема прелюбопытнейшая - математическая статистика. Да не волнуйтесь вы! - оборывает он протестующих девчат. - Я же знаю, с кем имею дело, и снизойду до вашего примитивного уровня.

Он профессорски поднимает палец, и скоро смешки прекращаются: никто не предполагал, что об очень далекой от нас проблеме можно рассказывать столь доступно и увлекательно.

Когда вся подготовка к отъезду закончена, мы собираемся в спортзале и я провожу беседу об опасностях в горах. Провожу, в первую очередь, для новичков - ветеранам все это навязло в зубах, поэтому они дополняют меня, вспоминая редкие случаи из прошлых путешествий, когда чьи-то необдуманные действия создавали аварийную ситуацию.

На вокзале дежурный командир первого дня - а он у нас не меняется, наверное уже лет десять, - выдает каждому талончик с указанием места в поезде. И здесь тоже учитываются взаимные симпатии туристов.

Я абсолютно убежден, что такая тщательная подготовка во многом определяет успех наших учебно-тренировочных сборов.

Возможно, она покажется не в меру педантичной - все можно сделать проще

и скорее. Но не оберни ящики с продуктами пленкой, они расползутся при дожде как было однажды. Упакуй в одни ящики крупы, в другие консервы, в третьи сахар - опять масса неудобств. Можно отказаться от "Культурной программы", но это уже не тот вечерний костер. А размещение в тентах и в поезде? Все эти мелочи создают ту определенность, при которой можно спокойно заниматься тем, ради чего мы и выезжаем в Крым - подготовкой к летнему путешествию. Совместные дела обеспечивают сплоченность группы и уберегают от возможных конфликтов, которые вспыхивают, когда люди не знают где и что лежит, не сдают во-время снаряжение и не имеют понятия о тренировочных планах на каждый день.

Хотя поездка в Крым организуется на майские праздники, но несколько учебных дней мы все же захватываем. Это не вызовет восторгов у администрации колледжа: скоро же сессия! А я еще и нескольких преподавателей забираю!

Я выслушиваю мнение директора об очередной авантюре, соглашаюсь, что нарушаю учебный процесс,.. и прошу изыскать средства для оплаты поездки студенток. Директор молча и выразительно смотрит на меня, давая понять, что твердо знает, какая больница по мне плачет, но приказ о награждении студенток дополнительной стипендией за активную туристскую работу подписывает. Теперь девушки обходят своих преподавателей и получают от каждого письменное разрешение на поездку. Меня радует, что за все годы ни одну студентку не отлучили от Крыма за неуспеваемость: большинство из них были твердыми хорошистами и отличниками.

Свой лагерь мы устанавливаем под хребтом Демерджи, как раз в том месте, где снимались сцены из телефильма "Сердца трех". На поляну от шоссе ведет довольно крутая тропа. Мы заносим наверх рюкзаки, освобождаем их от вещей и спускаемся за ящиками. У новичков уже от первого подъема глаза лезут на лоб, и ветераны успокаивают девчат: через пару дней будете прыгать туда-сюда как козочки. Второй заход для новичков, как правило, последний - они валяются на землю и тихо постанывают.

А старожилы спускаются за ящиками и в третий, и в четвертый раз...

Мне всегда интересно наблюдать за новичками. Вот они задирают головы и смотрят на гребень хребта:

- Неужели туда ползем?!

- Завтра же, - говорю я.

- Да ни в жизнь! Лучше застрелите.

- Оружия нет. Мы вас альпенштоками приедем, - обещают ветераны.

Я знаю, что первые занятия будут самыми трудными для новичков. Кое-чему они научились на тренировках до выезда в Крым, но здесь все по другому: и нагромождение камней на склонах хребта, и высота. Здесь есть куда падать, здесь уже не по нарощке, и страх девчонки перед завтрашним восхождением мне понятен. Но я знаю как научить побеждать страх, и знаю, что через несколько дней новички будут с улыбкой смотреть на свой первый горный маршрут, не понимая, что там пугало их. Это преобразование людей, поверивших в свои силы, самое интересное для меня на занятиях. Поэтому я давно уже работаю с отделением новичков, не сомневаясь, что остальных инструктора обучат лучше, чем я, подходящий к пенсионным годам.

Мы устанавливаем лагерь и развешиваем нашу "канцелярию" - режим дня, списки отделений, списки дежурств, планы занятий, "Культурную программу" и меню на каждый день. Над центральным тентом укрепляется голубой штандарт с нашей эмблемой и рядом - щит, утащенный с какой-то заброшенной стройки: "Работай в каске!"

Во второй половине дня новички поднимаются на пригорок недалеко от лагеря, и я рассказываю об истории и географии Крыма, показываю, в какой стороне находятся Ялта и Севастополь, где Алушта и Феодосия. Мы рассматриваем хребет Демерджи. Новичкам трудно поверить, что в давние времена все это было морским дном. Но я поднимаю мелкие ракушечки и девушки удивленно ахают - ведь море от нас больше, чем на полкилометра внизу. Я указываю на видные с пригорка крупные выходы скал: это - Кузнец, это - Мария, а вон там, на восточной оконечности хребта - Екатерина. Теперь новички хорошо представляют где мы расположились, и не будут отвечать на вопрос о месте проведения сборов неопределенной фразой - в Крыму.

С утра начинаются рабочие будни. Распорядок дня выдерживается строго.

В 7.00 - подъем, и ровно через 8 минут - выход на зарядку. Опоздавших

практически не бывает. И не потому, что за опоздание - чистка кастрюль. Просто ребята привыкли к точности, и если договорились проводить зарядку в 7.08, то это в 7.08, и ни минутой позже.

После завтрака есть немного свободного времени. Инструктора получают у ответственного за снаряжение все необходимое для занятий, и ровно в десять отделения выстраиваются для сдачи рапорта дежурному командиру. Когда мы только начали вводить рапорта, взрослые ворчали: зачем это нужно, игра какая-то. Приходилось убеждать, что сдача рапорта это не только показатель готовности к занятиям, но, прежде всего, учет людей.

И без такого учета вполне возможно кого-нибудь не привести с тренировки. Хватимся мы человека только за ужином, пойдешь ищи его теперь в темноте. Ветераны слушали меня и ухмылялись.

И ухмылялись до тех пор, пока не вернулись в лагерь без одного новичка.

Теперь ритуал выхода на занятия никого не удивляет.

Инструктора рапортуют о количестве человек, идущих в горы, и контрольных сроках возвращения.

Дежком делает запись в специальной тетради, и инструктора расписываются в ней. Нарушать сроки возвращения в лагерь запрещено. Если инструктор видит, что тренировка затягивается, он извещает об этом дежкома по радиации или с нарочным.

Придя с занятий, отделение снова выстраивается для рапорта, а дежком по своей тетради сверяет наличный состав. Если в строю не хватает человека, рапорт не принимается, и никакие крики, что вон отсутствующий появился на тропе или возится у палатки на дежкома не действуют: отделение должно стоять в полном составе, и нечего тут базарить!

Слышал однажды как идущая в строю девочка сказала подруге:

- Пойдем сбросим рюкзаки у палатки.

- Ты что? Сначала сдадимся.

Отрапортовав, отделение идет сдавать снаряжение. И хотя все пересчитано перед спуском в лагерь, споры с принимающими все же бывают.

- Карабин не той марки, - говорит ответственная. - Я выдала "Ибрис", а ты мне "Бобика" съешь.

- Какая разница, - возмущается инструктор. - Мы со вторым отделением поменялись. Они и сдадут.

- Вот как поменялись, так и разменяйтесь. Отходи в сторону.

Как-то я не смог вытащить заколоченный в скальную трещину крюк. Обещаю, что завтра непременно достану его.

- Ну, да, - говорит ответственная. - Сегодня вы - "завтра", потом еще кто-нибудь. Не принимаю снаряжения и все. Или приносите крюк, или пишите акт на списание.

Научил на свою голову. Пришлось снова лезть в гору и выколачивать железку.

Учет людей целиком лежит на дежкоме. Линеек мы не проводим, поэтому договорились, что даже выход в свободное время за условную территорию лагеря разрешается только дежурным командиром, который отмечает куда и на сколько идешь. Понятно, что можно уйти и не отметившись - никто же за тобой не следит. Ну, собрались ребята на ручей всполоснуться после тренировки, так ведь самостоятельные люди, вернутся засветло. Ну, пошли подружки прогуляться под звездным небом к развалинам крепости, что в двухстах метрах от лагеря - какая беда? Дежком и внимания не обратит. Но наша дисциплина построена не на запретах, а на понимаемой всеми необходимости. И подходят взрослые люди к пятнадцатилетней девчонке предупредить, что пройдутся вон по той дороге вдоль хребта, а вернувшись, снова отмечают у нее.

Я не раз рассказывал ребятам к чему может привести слишком вольное поведение в горах, и однажды они сами убедились в этом.

Сидим мы у нашего костерка, обсуждаем тренировочный день.

И тут кто-то заметил вдалеке и высоко на склоне мигающий свет фонарика. Да еще в месте, объявленном запретным для занятий из-за мелкой скользящей осыпи и летящих сверху камней. На сигнал бедствия - шесть миганий в минуту - вроде не похоже, но мы все-таки пошли вдоль хребта узнать, что происходит и не нужна ли помощь.

Помощь оказалась нужна.

Под хребтом остановилась большая группа харьковских старшеклассников. Ближе к вечеру трое парней отпросились погулять. Контрольного срока

возвращения им не дали, и парни, нагулявшись, полезли в гору. Ночь накрыла школьников на приличной высоте, а о том, что спуск сложнее подъема они не подозревали. Прихватив фонарик, на помощь полезли двое сопровождавших группу мужчин, и тоже застряли в каменном хаосе.

Пока я прикидывал как лучше организовать спасательные работы, Николай Николаевич выхватил у кого-то из наших фонарик и с криком: "Сейчас я им покажу небо в алмазах!" запрыгал по камням. Минут через десять мы услышали как он преподает наверху основы скалолазания...

Ко мне подошла руководительница школьников.

- Ведь я говорила им, чтобы никуда не лазали, - оправдывалась она. - Вечера тоже ушли без разрешения. Они же самые старшие...

Хорошие ребята, но уж очень неорганизованные. Вы их поругайте, пожалуйста.

Руководительница долго рассказывала как ей трудно со школьниками, и что лучше поскорее домой.

- А что вы делаете, когда у вас без разрешения уходят в горы? - неожиданно спросила она.

- У нас не уходят.

- А как вы поддерживаете дисциплину?

Коллега пыталась выпытать секрет особых наказаний, может быть, даже с горной спецификой, но я только пожал плечами.

Из-за близких скал засветились фонарики и через кусты к нам продрался Николай Николаевич. Он еще не остыл от спуска, злился и посасывал кровотокающую ладонь.

- Получайте своих оболтусов, - сказал он. - Ничего с ними не сделалось, а могли бы и в ящик сыграть!

Мы высказали ночным путешественникам и всей харьковской группе все, что положено говорить в таких случаях, и пригласили на завтрашние занятия.

Утром школьники пришли в наш лагерь. Им выдали снаряжение и построили для сдачи рапорта. Руководительница и двое мужчин отошли в сторону.

- Вы не идете на занятия? - спросила дежком.

- Идем, - сказали мужчины.

- Тогда встаньте в строй.

Александра Марсовна сдала рапорт и вместе с Верой Михайловной и еще одним нашим туристом повела новое отделение в горы.

- Намучаетесь вы с ними, - вздохнула руководительница. - Это такие дети...

- Нормальные дети, - откликнулся Николай Николаевич. - Как они у вас вообще не разбежались от безделья!

К вечеру отделение вернулось, только что не повизгивая от восторга. Претензий ни к кому не было, а несколько мальчишек даже помогли инструкторам на страховке.

После ужина харьковчане собрались у нашего костра. Мы им свои стихи и песни, они нам - свои. Нормальные дети.

Педагогический чертенок, видимо, крепко засел во мне. Следующим вечером я пытался повернуть разговор на случай в харьковской группе, но даже новички смотрели на меня как-то странно, будто я растолковывал, что дважды два - четыре или колесо - круглое. Уйти из лагеря без контрольного срока возвращения или нарушить контрольный срок представлялось всем настолько невыносимым, что обсуждению не подлежало.

Несколькими днями раньше небольшая группа была отпущена в Алушту. Вера Михайловна с ребятами, вернувшись в лагерь, сказала, что двое девочек-новичков где-то в городе отстали от них и, видимо, приедут следующим автобусом. Мы уже начали беспокоиться: контрольный срок истекал, а пятнадцатилетних туристок даже на тропе не видно. Кто-то предложил сбегать вниз на шоссе, посмотреть, когда следующий рейс, но тут девочки спустились с заросшего кустами холма.

- Откуда вы? - удивился дежурный командир. - Заблудились, что ли?

- Не заблудились...

- А на чем приехали? - приступила к девочкам Вера Михайловна, которую я успел уже отругать. - Как вы сюда добрались? Автобус только через два часа будет. На попутках что ли?

- Не на попутках...

- А на чем же тогда?

И девочки рассказали, что потерявшись, не заметили как растратили все свои деньги. Особо они не волновались, решив встретиться с товарищами у автобусной станции.

Никого они не встретили, а время шло. И тогда девочки побежали в лагерь напрямик, через холмы и овраги, держа направление на хребет Демерджи. Где пешком, где трусой - а это от моря, по нашим прикидкам, не меньше пятнадцать километров.

- Главное - ведь мы не опоздали, - сказали девочки.

- Не опоздали, - согласился дежурный командир. Он сделал пометку в тетради и пошел по своим делам.

"Старички" начали расспрашивать девочек о дороге - может быть, так удобней спускаться к морю, чем ждать редких автобусов. И никто не удивлялся их пробежке - контрольные сроки надо соблюдать, хоть расшибись!

Такая же дисциплина поддерживалась и на тренировках. Никакой самодеятельности, ни шагу в сторону на опасных участках без разрешения инструктора - это давно и хорошо усвоено всеми. Тренировки проводятся по 6-7 часов. Обедать мы не спускаемся, обходимся сухим пайком и чаем из термосов. Вечером, на общем собрании, инструктора подробно рассказывают о занятиях и хвалят самых умелых. Конечно, не обходится без замечаний - кто-то запутался в веревках, кто-то не сумел завязать нужный узел. Но ведь на то и учеба. Не получилось сегодня, будет завтрашний день. Ребятам не надо напоминать, что выполнение технических приемов должно доводиться до автоматизма: в горах некогда думать каким способом натянуть веревки для переправы или как соорудить из карабинов тормоз на крутом спуске. Мы занимаемся в любую погоду, инструктора даже радуются дождю - надо учиться работать и с мокрыми веревками на скользких камнях.

После нескольких поездок в Крым среди студенток колледжа появились хорошие скалолазки, не уступающие многим парням. Как-то нам указали на 30-ти метровую и почти отвесную скалу, на которой занимаются только опытные туристские группы. Поднявшись по ее пологой стороне и заглянув вниз, я несколько дней не давал разрешения на занятия, но в конце-концов уступил просьбам инструкторов. И девушки успешно освоили спуск, а ведь это - минимум десятиэтажный дом! Мало того, через день инструктора доложили, что девчата прошли скалу вверх.

- Как вверх? - не понял я.

- А так, ручками-ножками.

Каюсь, я не поверил, и тогда утром мне продемонстрировали этот аттракцион.

В том, что инструктора не зря едят свой хлеб, мы убедились на одном из крымских сборов.

Отделение ушло под самый гребень хребта, на небольшие вертикальные стенки. Тема занятия: "Транспортировка пострадавшего на крутых горных участках"

И надо же такому случиться: едва размотали веревки и вколотили крючья, как одна девушка пожаловалась на боли в животе. Значения этому не придали - женские дела - бывает.

Девушку усадили под камень и тренировка продолжалась. Но тут девушке стало совсем плохо. Наши доморощенные лекари определили, что это острый приступ аппендицита. Так это или не так, рассуждать некогда. Теряющую сознание девушку усадили в ляжки рюкзака за спину инструктора и приторочили к нему ремнями. От грудной обвязки инструктора развели две страховочные веревки - спуск очень крутой, с элементами лазания: потеряешь равновесие, придется уже двух человек транспортировать. Все отделение идет впереди, чтобы вылетающие из под ног камни не задели несущего. Выше - только страхующие, но и они выдают веревки с двух сторон, не нависая над инструктором, так что техника безопасности полностью соблюдена. Спустились до выполаживания, оставили двоих сматывать веревки, и рысцой к шоссе. Взявшись за руки, ребята перегородили дорогу, остановили первую же машину и доставили девушку в алуштинскую больницу. В тот же день ей сделали операцию.

К счастью, в больших горах у нас таких случаев не было, но разбор спасательных работ показал, что в усложненных обстоятельствах ребята действовали грамотно.

Я же все время вожусь с новичками, изредка подводя их к местам занятий опытных туристов - пусть наслаждаются тем, что им предстоит в следующем году.

На травянистых склонах новички учатся владеть альпенштоками, сбегать вниз, выполнять повороты, тормозить на бегу.

- Девушки-красавицы, - медовым голосом затачиваю я. - Это же совсем несложно. Ну-ка, на месте - навалились на альпеншточек и ножку вперед. Молодцы! Теперь еще раз. И еще. Да не держите вы альпеншток как хрустальный бокал - что это вы мизинчики отставляете?

С альпенштоком новички подружатся на третий или четвертый день, а пока он им только мешает. На спусках волочат альпеншток как ненужный балласт, а теряя равновесие отбрасывают его и, падая, упираются в землю руками - очень опасная привычка, ведущая к кистевым и локтевым травмам. Приходится снова и снова повторять упражнения. Но я вижу, что новички не доверяют альпенштоку - страховать руками им гораздо удобнее. Тогда мы забираемся выше, где склоны покруче. Здесь уже без альпенштока не устоять - сразу проедешь по жесткому грунту и колючей траве.

Так неторопочно - с одной террасы на другую до самых камней. Лазания у нас сегодня не будет, ну разве что придется взбираться на большие камни, если их нельзя обойти. Объясняем новичкам, что на маршруте много "живых" камней, качающихся под ногой. Даже огромная глыба может стоять на ребре, и наступив на нее, надо сразу оповестить идущего сзади.

- "Живой!" - предупреждаю я, качнувшись на камне.

- Живой! Живой! Живой! - несется вниз по колонне.

Я останавливаю отделение.

- Что это за активность не в меру? Ну как последние узнают, на какой камень указывает направляющий, если к этому камню подниматься еще метров двадцать? Вспомните как мы учили: наступил на "живой" камень, предупреди товарища сзади. Товарищ укажет следующему, но не раньше, чем тот подойдет к камню. Понятно?

Мы снова начинаем подъем.

- "Живой!" - предупреждаю я.

- Живой! - разом кричат новички.

Помощница смотрит на мое, начинающее сатанеть лицо, и улыбается.

- Вы что, нарочно? - спрашиваю новичков.

- Да как-то так получилось...

Мы уже забрались достаточно высоко, девушкам только бы удержаться на крутом склоне - им не до очередности предупреждений. Но до гребня хребта нам еще идти и идти, и чтобы никто не поломался на качающихся камнях, я снова постукиваю по ним альпенштоком:

- "Живой!"

- "Живой" - вторит идущая за мной девушка.

- "Живой!" - кричит третья.

И тишина.

- В чем дело?

- Я не... я не успела, - выдыхает красная как светофор мученица. - Давайте отдохнем...

Мы садимся, упираясь ногами в камни. Девушки смотрят на гребень хребта.

- Вэ-Я, мы не долезем...

- Еще как долезете! Подъем!

Крутизна увеличивается. Мы протискиваемся между крупных камней и останавливаемся у запирающей проход глыбы. Моя помощница - одну ногу в боковой камень, другую в глыбу, чуть поворачивается и, ухватившись за выступ, выбирается наверх.

- А мы как же? - в глазах девушек откровенный испуг.

- А мы по другому.

На бедра двух девушек укладывается альпеншток, двое других, чуть присев, держат альпеншток на плечах - получилась лесенка. Шаг, еще шаг - девушки выпрямляются, теперь руку помощнице, и ты наверху.

Альпенштокодержатели выбирают последними, становясь мне на плечи.

- Вот это да! - восхищаются девушки. Они задирают штормовки и рассматривают ссадины на животах.

- Ногами надо упираться в камень, а не телом по нему елозить, - говорят самые удачливые.

Крупные камни все чаще преграждают нам путь. Мальчишки перепрыгивают с одного на другой, а девчата трусят и отделение непомерно растягивается. Снова привал.

Моя помощница давно уже сидит под самым гребнем на скальном выступе и беспечно болтает ногами.

- Как она скачет, - завидуют девушки. - Это сколько же сил надо иметь!

- Причем тут сила, - говорит старшекласник. - Я вон какой здоровый, а не получается...

- Вэ-Я, а на Памире такие же камни будут?

- Всенепременно. Так что учитесь, пока без рюкзаков идете. Подъем!

Мы уже четыре часа на горе. Солнце нещадно печет, а внизу - блеклое от жары море. Сейчас бы на пляж, а потом в легких платьях по набережной...

- Не ныть! - говорю я девушкам. - А купаться мы будем. Сейчас поднимимся на гребень, а по другую сторону - тропочка к ручью. Смотрите - совсем немного осталось.

Но этого "совсем немного" вполне хватает, чтобы прочувствовать всю прелесть первого восхождения. Девушки карабкаются по камням, ползут на четвереньках и подвывают от страха. Мальчишки уже освоились на крутизне и помогают неумехам. Мне тоже приходится бегать по склону вверх и вниз - подбадривать, показывать, а главное, прельщать близким отдыхом.

Вот уже первая группа на гребне.

- Девчонки! Давайте скорее - здесь лес и так красиво! - кричат сверху.

Одна за другой поднимаются к нам последние и валяются на теплую землю.

Мы допиваем остатки чая под соленые сухарики - теперь незачем экономить воду - скоро придем к ручью.

- А в общем, и не так трудно все было, - говорят девушки. - Только страшно немного...

Крутая тропа, по которой без альпенштоков можно спускаться только перебегая от дерева к дереву, а местами съезжать на пятой точке, завершает первую тренировку. Мы рассаживаемся у ручья и подъедаем все, что осталось от сухого пайка.

- Помыться бы... - мечтательно говорят девушки, смотря как мальчишки в плавках залезают на мелководье.

- Сделаем, - говорю я. - Только немного спустимся. Там хороший бассейн.

Еще один переход, и внизу от тропы, среди густых зарослей, ручей переклестывает через каменную плотину.

- Купайтесь, девчата!

- Так у нас ни полотенца, и ничего другого...

- Подумаешь! Двое мальчишек на тропу в охранение, остальные за мной. Купайтесь, купайтесь. На таком солнце обсохнете через пять минут!

Мы еще не успели отойти, как услышали радостный визг девчонок, прыгнувших в холодную воду...

Вечером инструктора отчитываются о проведенных занятиях. Новички скромно молчат, когда я рассказываю о их мужестве, но долго не выдерживают: я же упускаю самое интересное!

И перебивая меня, девчонки вспоминают, как падали на склоне, как продирались между камней, и на какую высоту они сумели залезть.

- Ну прямо восхождение на Эверест! - посмеиваются ветераны.

- Конечно, - соглашаюсь я. Сегодня - это их Эверест. Приходите посмотреть, что будет через несколько дней!

На завтра у нас снова проходка по камням, но теперь уже с простейшими элементами лазания. Я знаю, что, предстоящий маршрут не превышает возможностей новичков, но знаю и то, что "субъективное восприятие внешних трудностей не всегда адекватно их объективной характеристике". Страх и неуверенность в своих силах туманят разум. То, что легко выполняется в привычной обстановке, в усложненных условиях может стать непреодолимым. Я не раз спрашивал ребят трудно ли пройти по гимнастической скамейке.

- Конечно, нет.

- А если поднять скамейку на метр от пола?

- Тоже пройдем.

- А на высоту пятиэтажного дома?

- Свалимся, - уверенно говорят ребята.

- Но почему? Ширина скамейки осталась прежней. Что же изменилось?

И все соглашаются, что появилось новое препятствие - высота. Не то, что идти по скамейке - на месте не устоишь.

- А если под скамейкой натянуть черную марлю, чтобы высоты не было видно - тогда как?

- Вот если бы еще не знать, что под марлей пустота, тогда свободно пройдем.

- Значит...

- Значит надо привыкнуть к высоте или не знать о ней! - заканчивают ребята.

Ну, не знать о высоте у нас не получится - не с завязанными же глазами идем, а вот привыкать необходимо. На тренировках, постепенно, изо дня в день. Хотя бывает, что чепуховые препятствия становятся проблемой, а более сложные проходятся свободно... если не подозреваешь о них.

Случился у нас на Памире ночной переход. Ничего особенного: тропа с метр шириной, справа - скальная стена, слева обрыв - гуляй, не хочу! Идем, подсвечивая фонариками. И вдруг - стоп! - колонна остановилась. Нас больше пятидесяти человек. Я - замыкающий. В голову колонны не пробраться. Стоим как в хорошей очереди: шажок - отдыхаешь, еще шажок - и еще отдыхаешь.

Прошу узнать, что там впереди происходит. Мне говорят, что тропа то ли оборвалась, то ли сузилась. А Вера Михайловна хотела свалиться с обрыва, но ее поймали за капюшон штормовки. Теперь ребята переводят девушек через это место, потому и стоим.

Когда спустились к реке, те, что шли рядом со мной спросили, где же это опасное место. Мне тоже любопытно: все время поглядывал на тропу и ничего не заметил.

- Как же не заметили - сказали нам. - Тропа скосилась к обрыву - не устоять. Девочек за руку переводили.

Замыкающие все же пытались уточнить, где это скосилась тропа, а я пошел разжигать пирюса: нечего там было уточнять.

Вера Михайловна сорвалась, ближние девчонки ахнули, и понеслось по колонне - опасное место, опасное место! Те, кто не видели срыва, тоже запаниковали. Вот и пришлось переводить трусих по спокойной тропе. А таких "скосилось" на пути - через каждые пятьдесят шагов. Да и какое это опасное место: под обрывом сразу лесистый склон - далеко не укатишься.

Через день мы переходили отрог хребта. Тоже - справа стенка, слева обрыв. Но склон покруче и тропа поуже. Пока готовили перекус, я с одним из парней прошелся наверх уточнить маршрут. Видим: над самым обрывом в тропе полуметровый провал. Здесь надо упереться в стенку ледорубом и сделать быстрый шаг над дырой.

- Слушай, говорю парню, - давай проведем естественный эксперимент. Я предупрежу "старичков" о провале. Мы, не снижая темпа, перескочим через него, и, уверяю, девчонки тоже пройдут, ничего не заметив. Но ты на всякий случай сядь под дырой и вытряхивай камешки из ботинок. И посматривай вверх - вдруг кто сорвется.

Я повел ребят по тропе, и спустившись с отрога, спросил, не было ли каких трудностей.

- А что могло быть? Тропа как тропа.

Тогда мы рассказали о провале, но ни одна девушка не могла вспомнить, где это надо было страховаться ледорубом и прыгать! Все шагали в заданном темпе, и они тоже.

- Обратите внимание, - сказал я, - на ночном переходе вообще не было сложностей. Вы их сами придумали и тормознулись. У страха глаза велики. А сегодня вы ничего не заметили. Хотя здесь - при желании, конечно - можно и загреметь. Но укажи вам провал на тропе, да еще предупреди о полете, начали бы коленками стучать. Прошу всех запомнить этот случай. Переоценивать свои возможности в горах недопустимо - тут и до аварийной ситуации недалеко. Но каждый должен уметь оценивать реальную величину трудностей, иначе будете паниковать на веревочных спусках или на речных переправах, хотя это давно освоено всеми.

- Так ведь каждый по своему оценивает препятствия...

- Справедливо. Но на то и существуют маршруты разной категории сложности. И перескакивать через категорию не рекомендуется. Вспомните: в Крыму мы ведь тоже поднимаемся по ступенькам мастерства, и не заставляем новичков заниматься в первом отделении. А по сему - оценивайте препятствия как они того заслуживают, но своих возможностей не занижайте.

Если бы такие разговоры сразу впечатывались в сознание новичков! У палаток на крымских сборах они все прекрасно понимают: раз что-то освоил, пользуйся этим. Но вот мы выходим на скалы - и все как дым в трубу! Нет,

пока земля рядом, занимаемся нормально. Я показываю как взбираться на большие камни, пользуясь углублениями и выступами на них. Взбираемся раз, другой. Новички, дожидаясь своей очереди, скучают: сколько будем повторять одно и тоже! Но стоит уйти повыше, как на таких же камнях девушки начинают скулить: крутой склон создает ощущение высоты, и уверенность в своих силах испаряется.

Конечно, можно прикрикнуть, приказать, наконец. Но это не лучший метод: ползут девушки по камню, но страх перед высотой останется. А когда противный озноб по телу и легкая тошнота, и руки становятся ватными, можно сорваться на первых же метрах. И память о неудаче останется надолго, и никакая учеба впрок не пойдет. Нет, с девчонками так нельзя.

Мы садимся у злополучной каменюки. Далеко под нами – дорога вдоль хребта, чуть правее – поляна с нашими палатками, а впереди, за розовой пеной абрикосовых садов, во всю ширь – гладь Черного моря.

- Красиво-то как! – говорят девушки.

Мы болтаем о всяких пустяках и не вспоминаем о тренировке. А минут через десять я говорю мальчишкам:

- Полазайте по камню, пока девчата отдыхают. Потом спустимся, вы уйдете в лагерь, а девушки еще немного позанимаются внизу.

Кстати, заметили: подъем по первому камню сложнее, чем по этой бульбе. Так что день зря не пропадет.

Девушки смотрят как мальчишки с каждым разом уверенней взбираются на камень, а мне неинтересно – какие здесь трудности? Я люблюсь морем, только изредка оглядываюсь и лениво комментирую лазание ребят. Потом мы выходим на камень по его пологой стороне. Девушки свешивают вниз головы и уже советуют мальчишкам за какую зацепку лучше схватиться.

- А можно мне? – наконец говорит самая отчаянная.

Ради этого момента мы и торчим здесь уже битый час.

- Первый смертник появился! – смеюсь я. – Организуются торжественные проводы!

- Прощайте, товарищи, с Богом – ура! – запекает девушка и сбегает вниз.

Мы тоже спускаемся, чтобы лучше все видеть. На всякий случай я незаметно становлюсь под камень – вдруг героиня свалится – но девушка ловко переступает с выступа на выступ и даже легче парней вымахивает наверх. Она радостно подпрыгивает и вскидывает руки: победа!

- А теперь я! И я! И я! – кричат девчонки.

Все. Больше под камнем мне делать нечего. Ставлю на страховку двоих парней и жду пока девочки налазуются.

Снова идем вверх, отыскивая проходы в каменном хаосе. Изредка приходится подниматься в распоре, упираясь руками и ногами в близкие камни. Но такие подъемы не больше двух метров, и мы почти не задерживаемся на них. А вот и последний сложный участок, на котором надо сначала полазять, потом протиснуться в узкую щель и в распоре вытащить себя на траву под гребнем хребта. Предупреждаю, что для тех, кто начнет подъем, обратного хода не будет: при спуске не видно, куда ставить ноги, а склон здесь крутой – скатись почти до дороги. Так что кому не терпится скорее попасть в лагерь, могут попробовать.

Выбираюсь на траву, за мной кто-нибудь из парней, потом желающие девушки.

- Видите, ничего страшного! – кричу сверху.

Но стоящие внизу девушки не слишком торопятся убедиться в этом. Тогда поднимаются еще двое парней – больше нельзя, а то девушки останутся на склоне без моральной поддержки. Мы не торопим девчат – пусть постоят, пообвыкнут. Деваться им некуда: вниз далеко и опасно, а травка на гребне совсем рядом.

Мы заманиваем трусих прелестями отдыха и термосами с чаем, они смеются и уже примеряются к подъему.

- Ох, Вз-Я, оставите вы меня вечно молодой! – кричит девушка и подходит к камням.

- Одумайся! – кричат сверху.

Но девушка уже подбирается к расщелине и призывно машет подругам:

- Здесь не сложно, только вниз не смотрите!

Так день за днем новички привыкают к горам и к высоте.

За многие годы крымских тренировок у меня скопились кое-какие приемы

для работы с девушками.

Один из таких приемов я называю "Впереди слабейший".

Освоив веревочные спуски на пологих, а потом и довольно крутых камнях, мы поднимаемся на почти вертикальную скалу с отрицательным уклоном вниз, где последние метры скользишь по веревке, без упора ногами в стенку.

Новички уже видели как здесь спускаются другие отделения - со стороны не так уж и страшно, тем более, что каждого надежно страхуют дополнительной веревкой. Но заглянув со скалы вниз, многие пугаются: высоко. Когда все осмотрелись, я "совершенно

случайно" вызываю на спуск девушку, не блещущую особыми умениями.

- Я?! - пугается туристка.

- Ну не я же. Скала ничуть не сложнее пройденных. Давай, не задерживай остальных.

И новички, наблюдая за первым успешным спуском, с нетерпением ждут своей очереди. А те, кто не очень торопятся, стараются не показать этого товарищам.

А если девушка решительно откажется от спуска и отпугнет других? Значит прием не действенен?

Ничего подобного. Тогда приглашается еще новичок. Но главное - руководитель должен знать, на ком "случайно" остановить свой выбор.

Можно использовать и "Отсроченную попытку".

Заметив, что несколько девушек уж слишком нервничают перед выполнением упражнения, я даю им возможность насладиться собственным страхом, и когда подходит их очередь, неожиданно прекращаю тренировку:

- Упражнение слишком легкое, всем выполнять не обязательно. Переходим к новой теме.

- А как же мы? - с облегчением спрашивают трусихи.

- Завтра вернемся сюда и быстренько повторим. И то не все.

Так что будьте ко мне поближе.

У девушек появляется дополнительное время, чтобы унять страх и побеседовать с подругами, которые, конечно же, гордятся своими достижениями. Кроме того, девушки понимают, что учиться надо - впереди горы Памира: не отказываться же от путешествия, если что-то не получилось сегодня!

На следующий день, пропустив вперед более умелых, вдруг вспоминаю:

- Кажется вчера кто-то не успел? Хотите попробовать?

И вчерашние трусихи успешно справляются с заданием.

Заставлять скованного страхом человека немедленно выполнить упражнение, если в этом нет крайней необходимости, врядли стоит. Целесообразней дать ему возможность понаблюдать за товарищами и убедиться, что предполагаемые трудности существуют только в его воображении, и что их можно преодолеть. Безусловно, для успеха нужна и доброжелательная атмосфера на тренировках, и личное отношение новичков к заданиям. А с этим у нас проблем никогда не было.

Перед одной из поездок в Крым я договорился на Станции юных туристов, чтобы студенток колледжа допустили к первенству Москвы по скалолазанию среди юношей-старшеклас-сников.

- Ладно, - сказали мне. - Если ваших девушек не снимут с соревнований из-за неподготовленности, постараемся профинансировать их летнее путешествие.

Это уже был стимул!

В тот год погода в Крыму стояла пресквернейшая: морозящие дожди сменялись ливнями, а холодный ветер дул не переставая.

Мы занимаемся на осклизлых скалах. Каждое упражнение отработается по секундомеру.

- Ну как ты лезешь?! - кричу я девчонке, прилипшей к стене. - Ногами работай, а руками только придерживайся! Следующая!

Девушка, не торопясь, пристегивает себя к страховочной веревке.

- Ты еще причешишь, - язвительно советую я. - и костюмчик поправь. На пристегивание - три секунды! Повторить!

Девушки уже не думают о высоте и трудностях лазания: им бы поскорее отделаться от меня. Но опытный "старичок" прошел маршрут за шесть минут, а девчонкам надо на тридцать секунд быстрее. Поэтому снова:

- Повторить! Не так! Еще раз повторить!

Два часа девчонки болтаются на мокрой стене. Перерыв!

Теперь мы учимся сооружать полиспаст для вытягивания наверх "пострадавшего". Меня бесит нерасторопность девчонок, я ору на них и в который уж раз шелкаю секундомером.

- Виктор Яковлевич, вы их окончательно затеррорезировали, - тихо говорит Александра Марсовна. - Давайте я. А вы отдохните.

Александра Марсовна собирает девушек в кружок.

- Во-первых, успокойтесь, - ласково говорит она. - Сейчас у нас все получится. Только будьте внимательней. Что нужно сделать сначала? Завязать петлю вокруг камня или дерева. Кто отвечает за петлю? Так. А что дальше? Прищелкнуть к петле карабины. Ну вот видите, как все просто. Давайте натянем веревку не торопясь.

Не торопясь все получается - лучше некуда, и Александра Марсовна победно поглядывает на меня.

- А теперь, чуть быстрее, - предлагает она девушкам. - Только не забывайте о последовательности операций.

- Стоп, стоп, стоп! - хлопает в ладоши Александра Марсовна. - Ну, что же ты поверх веревки руку протягиваешь, - говорит она девушке. - Ты же мешаешь узел вязать. Давайте сначала.

- Стоп! - кричит Марсовна. - Зачем все за веревку схватились?! Почему у тормоза никого нет? Сначала!

Наконец, все сделано правильно: веревка натягивается... и начинает медленно провисать.

Александра Марсовна остервенело трясет ослабленную тормозную систему:

- Почему не затагнули узел?!

- Я затагнула...

- Сначала!

Я уже успокоился и смеюсь над усилиями Александры Марсовны. Смеются и девушки: такие уж мы бестолковые - что тут поделаешь!

Перерыв!

В нашем спектакле к 8-му марта мы напомнили девушкам об этих мучительных тренировках. Из дырок в пленке, изображающей скалу, высунулись головы в касках и повели такой диалог:

- Какая тренировка под дождем?!

Скорей проси Вэ-Я, чтоб отпустил в палатки!

- Отпустит, как же! Лучше подождем.

Что наша жизнь - игра со смертью в прятки!

.....

- А знаете, что здесь страшней всего?

Что Марсовна к Вэ-Я переметнулась.

А два тирана хуже одного!

- Где Рыбкина?

- Мариночка загнулась...

.....

- Ну, девочки, берись за полиспаст,

Да затяните все узлы потуже.

И если умереть нам Бог не даст,

Свинья не съест. А съест - ей будет хуже!

Соревнования проводились в подмосковных карьерах, на специальном скалодроме. В каждой команде среди парней только по одной девушке - их будут вытаскивать по вертикальной стене во время спасательных работ. Поэтому на линейке открытия все с удивлением посматривают на наших девчат, рискнувших включиться в мужскую забаву. А девушки стоят королевами -

в обтягивающих тельняшках под голубыми нейлоновыми костюмами, и делают вид, что такие соревнования для них не впервой.

- Ничего, ничего, - говорю я. - Даже если мы зайдем предпоследнее место - это уже победа. Так что не волнуйтесь и работайте спокойно.

Мы смотрим как проходят скальный маршрут стартующие раньше нас. Ведущий взбирается по отвесной стене на площадку и сбрасывает товарищам веревку.

Высота небольшая - всего метров шесть. Пока команда поднимается на площадку, ведущий на судейской страховке идет по стене, протаскивая веревку для горизонтального прохождения скального участка. Веревка втугую натягивается и, держась за нее, и упираясь ногами в стену, команда должна выйти на последний этап - спуск по веревке на имеющихся приспособлениях. За каждую техническую ошибку начисляются штрафные очки, которые переводятся в секунды и прибавляются к показанному командой времени.

- Вэ-Я, - шепчет наша ведущая, - а мы, вроде, не хуже мальчишек лазаем...

- Цыплят по осени... - тихо говорю я, хотя вижу, что на последнем месте мы не останемся.

- На старт вызывается женская команда колледжа! - объявляют по мегафону. И тут же добавляют: "Судьям застраховаться и надеть каски!"

Толпа зрителей заметно увеличивается: впервые ведущим команды идет девушка.

"Марш!" - дает отмахку стартер. И почти сразу раздаются аплодисменты: наша ведущая поднимается явно быстрее соперников. Александра Марсовна прижимает руки к груди и что-то шепчет, а Николай Николаевич прыгает на месте и восторженно орет.

Ведущая взбирается на площадку, судья галантно кланяется и преподносит ей букетик цветов.

- Потом! - отмахивается девушка, но книксен все-таки делает.

Вот уже девчонки идут по горизонтальным перилам. Я смотрю на секундомер: если так будет продолжаться, всех кто стартовал раньше нас мы обыграем!

И тут - бац! - девушка срывается и зависает на само страховке. Она пытается упереться ногами в стену, но что-то не клеится - и снова срыв.

Мы снизу орем уже в три голоса, орем ни для чего - помочь все равно не можем, а девушка скребет и скребет стену носками кроссовок, стараясь припечатать к ней ступни.

Наконец-то! Девушка отталкивается от стены, поднимает ноги и занимает устойчивое положение. Но две минуты потеряно. Теперь все зависит от девчонок, идущих последними.

Нет, не идущими: они чуть ли не бегут по отвесной стене. Раз - перешелкнулись на вертикальную веревку. Два - отстегнулись от перил. Три - это не спуск, а какой-то прыжок!

Я останавливаю секундомер: пока лучшее время. Но надо ждать сколько еще навесят штрафных очков.

- Женская команда педагогического колледжа, - разносится над скалодромом по окончании соревнований.

Мы замираем. Пауза затягивается, судьи словно подразнивают нас.

- Женская команда колледжа, - повторяют в мегафон. Снова пауза и, - второе место! Поздравляем девушки!

Восторженный визг, поцелуи, объятия.

- Где мой букетик? - кричит наша ведущая судье.

Ко мне подходит бывший член группы, а теперь руководитель команды, занявшей третье место.

- Поздравляю, Вэ-Я. Но, честно говоря, не ожидал. Ели бы девушка не застряла на перилах, были бы победителями.

- Рано поздравлять - завтра еще спасработы.

Вечером мы еще раз проигрываем действия команды на спасработках. Но здесь уже проще: спуститься к потерявшему сознание "пострадавшему", упаковать его в спальник, пристегнуть к веревке и - "Вира!" - при помощи полиспаста вытащить наверх. А сопровождающий поднимается рядом, оттягивая спальник от выступов, чтобы он не застревал.

Все это хорошо отработано на тренировках и девушки уже поговаривают, что могут очутиться в призерах...

Утром нам сообщают, что в условия соревнований внесены незначительные изменения: "пострадавший" находится в сознании, у него только сломана рука.

Ничего себе - "незначительные изменения"!

Ведь теперь "пострадавшего" надо усаживать за спину спасателя, а кто из наших девчонок способен поднимать на себе такой груз?

Да и не отработывали мы этот вариант из-за его полной абсурдности для девичьих сил.

- Что же вы делаете? - спрашиваю судей. - Ведь на совещании говорилось о транспортировке в спальнике. Разве можно так изменять условия?

- По времени не уложимся, если в спальнике, - говорят судьи. - А условия для всех одинаковые. Ничего страшного.

Ну, для здоровенных парней, может, и ничего страшного, но у нас - то девушки!

Мы смотрим с каким трудом карабкаются по стене спасатели, а ведь их подтаскивают полиспастом вся мужская команда.

- Отказываемся от соревнований? - спрашиваю девчонок.

- Нет, что вы!

- А кто понесет "пострадавшую"?

Девушки переглядываются.

- Я попробую, - говорит вчерашняя ведущая.

- Справишься?

- Не знаю...

Пока ждем вызова на старт, я поднимаюсь наверх посмотреть как работают на полиспасте.

- Девчонки! - кричу я. - А ну, все сюда.

Мы останавливаемся рядом с ухающими "Раз-два-взяли!" парнями.

- Ничего не замечаете?

- А что?

- Да ведь все сооружают одинарный полиспаст. Парням, чтобы вытянуть "пострадавшую" в спальнике большего и не надо. Но чтобы вытаскивать двоих - этого маловато даже для таких богатых. А у нас - на полиспасте два перегиба: проигрыш в расстоянии, но выигрыш в силе! И "пострадавшая" у нас воробьиного веса. Но главное - у нас веревка идет по роликам, а у всех - трется о карабины! Девушки, милые, мы справимся!

Руководители других команд подходят ко мне и спрашивают, когда мы стартуем: ну как же, вчерашние призеры, интересно все-таки! А я держу за плечи нашу малявку-"пострадавшую" и чувствую как ее пробивает озноб.

- Ты-то что волнуешься?

- Не дотащат меня...

- Ну, зависните - какие дела!

- Да я не о том... Не вытащат нас девчонки.

Наверху с девушками Николай Николаевич. Он кричит, что команда готова, чтобы мы далеко не отходили, потому что скоро наш выход. Как будто мы сами не знаем об этом!

Я подталкиваю "пострадавшую" к скальной стенке:

- Ни пуха!

Старт!

Наша спасательница сбегает по вертикальной стене так ловко, что стоящие рядом со мной парни удивленно охают.

- Быстрее! - кричит Александра Марсовна. Ей кажется, что шина на "сломанную" руку накладывается слишком долго. - Быстрее!

А "пострадавшая" уже в ляках рюкзака и пристегнута страховочным шнуром к несущей. Теперь - самое сложное: транспортировка.

Спасательница пускает по веревке предупредительную волну и берется за ближайшую зацепку.

Александра Марсовна молча ломает пальцы. Я жду когда спасательница сделает первый шаг по стене - а вдруг не удержится...

Веревка натягивается, девушка аккуратно переступает, нащупывая выступ, выпрямляет ногу и поднимается на полметра -

пошла! Еще полметра, еще метр... И тут я замечаю, что страхующая веревка иногда чуть провисает. Нет это не отказывает тормоз на полиспасте - это спасательница идет быстрее, чем ее вытягивают девчонки!

- Не торопись!!! - ору я.

А спасательница уже на середине стены. Два крымских сбора и между ними кавказские горы что-нибудь да значат: девушка поднимается спокойно, без видимых усилий. "Пострадавшая" тоже освоилась и в одном месте чуть приподняла руку и успокоительно помахала нам.

- Не шевелись! - переходит на самые высокие тона Александра Марсовна.

Я вспоминаю о фотоаппарате и делаю несколько торопливых снимков. Но самый эффектный участок уже пройден, я об этом пожалею потом, а сейчас девушки подбираются к верху стены и у меня екает сердце: как же они

выберутся через перегиб на ровное место? Когда мы тренировали подъем "пострадавшей" в спальнике, три человека, ухватившись за края мешка, выволакивали его на площадку. Но сейчас-то надо вытаскивать через перегиб двоих!

Николай Николаевич, отмахиваясь от судей, бежит по самому краю стенки и что-то возбужденно кричит. Ему бы позволить, он бы одним рывком выдернул девчонок наверх. Но судьи оттесняют его - команде помогать нельзя.

Спасательница нащупывает ногой последнюю опору, прижимается к стенке, потом осторожно выпрямляется и хватается руками за перегиб. Больше от нее ничего не зависит: лезть выше некуда, теперь дело за теми, кто на полиспасте. Две девушки, пристегнутые к ближайшему дереву страховочными веревками, хватают спасательницу за запястья. За ладошки не удержат - выскользнут ладошки. На полиспасте усердствуют - веревка натягивается так, что еще немного и спасательницу размажут по стене. Бегу по тропке наверх - там прыгает возле девчонок Николай Николаевич, что-то советуют судьи, но вижу: не вытащить нашу скалолазку - не хватит девчоночьих сил. А время бежит, секундомеры работают. Наконец, один из судей не выдерживает и хватается спасательницу за руку.

И тут раздается крик нашего капитана: "Назад! Мы сами!"

Презрев правила, без всякой страховки капитан наклоняется над стеной, хватается спасательницу за шиворот:

- Девчонки, взяли!

Бесформенный куль медленно тянется по перегибу и выволакивается на площадку, к линии финиша. Девчонки бегут строятся перед судьями. Секундомеры останавливаются - все закончено! А спасательница лежит на траве, придавленная "пострадавшей", и не может освободиться от задравшейся на голову штормовки...

Соревнования идут до вечера. Мы пообедали, навспоминались, напереживались - мы все еще там, на стене...

Девчонки не выдерживают и маслятятся к судьям: улыбочки, глазки - ну, кто устоит перед нашими красавицами? И судьи тихонько говорят, что пока у нас лучшее время, но есть и штрафные очки за то, что капитан вытаскивала спасательницу, не пристегнувшись к веревке.

Когда стемнело над поляной разнеслось: "В соревнованиях по спасательным работам первое место заняла команда педагогического колледжа"

- Ура!!! - несется в ответ от нашего костра.- Ура!!!

Ведь это не только первое место за спасработы - это первое место за все соревнования!

- Как вас теперь называть? - смеется Николай Николаевич. - Знаете вы кто? Вы - чемпионки Москвы по скалолазанию среди мужских школьных команд! Марсовна, Вэ-Я, представляете, кто сидит рядом с нами?

Мы поздравляем девушек и просим извинить за нашу тиранию в Крыму.

- Да что там! - смеются девчата. - Все правильно. Вам спасибо!

Это было последнее выступление Вэ-Яков на городских соревнованиях. Зимой мы еще приняли участие в юбилейной туристской выставке московских школьников и наши стенды тоже заняли первое место. Как говорится - ушли непобежденными...

Ответственность и конфликты

Со временем я перестал придавать слишком большое значение нашим победам на различных соревнованиях. Просто мы готовились к ним серьезней других команд. Кроме того, мы всегда имели значительную фору: сначала школьники, а потом студентки колледжа тренировались вместе со взрослыми, а это не только дополнительные инструктора, это, прежде всего, иной стиль отношений, иная мера ответственности. Не случайно на городских слетах к нашему вечернему костеру собирались многие руководители соседних групп. Привлекали наши разговоры, стихи и песни. Мы долго беседовали после отбоя, и руководители говорили, что наша команда чем-то неуловимо отличается от других. Может быть, отсутствием криков и перебранок у палаток, может быть, самостоятельностью.

- Мы рядом с вами стоим, - сказала одна руководительница. - Я вижу, что днем вас почти не бывает ни у палаток, ни у примусов. Но порядок везде полнейший. А мне то на соревнования бежать, то в лагерь. Только приберутся в палатках, глядишь - рюкзак опять распакован, на спальнике вещи разбросаны. А

тут как на грех судьи идут, оценки за беспорядок снижают... Вроде бы взрослые ребята, все понимают, но без догляда за ними не получается.

Мне трудно объяснять коллегам, почему у нас несколько по другому. Здесь и опыт туристов, и многолетние традиции. А поведение ребят на слете – это лишь продолжение того, что накоплено раньше. Ну вот, приходят на слет семиклассники. Для них здесь полно развлечений – специальная игровая площадка с аттракционами, аккордионист, массовик-затейник... Интересно? Конечно.

Но нашим ребятам все это ни к чему. Из года в год, словно по незримой эстафете, передается от одного возраста к другому понимание, что на слет приходят бороться за победу, а не веселиться и отвлекаться по пустякам. Поэтому у костра ни соринки – посуда прибрана, поленица сложена. И дежурные всегда на месте. Не раз видел: вызывают иную команду на старт, а руководитель бегаёт, ищет где-то заигравшегося участника – разве можно так?

Но как воспитать чувство ответственности? Ну, да – требовательность руководителя, ну, да – осуждение со стороны товарищей – все это необходимо. Но без того, чтобы у всей группы и у каждого туриста, что называется, в печенках сидело понимание, что не выполнить порученное невозможно, и что в нужный момент надо брать инициативу на себя – без такого понимания ответственность будет ситуативной: в одних случаях она есть, в других ее нет. Да и не получится так – упереться руководителю и воспитывать одну ответственность. Очень многое зависит от межличностных отношений в группе и от заинтересованности ребят делом, ради которого они собрались. А на формирование стиля отношений и значимости деятельности уходят годы...

Мы беседуем с руководителями и они огорченно вздыхают: какие там традиции – каждый раз новая группа...

- А связь с предыдущими?

- Как вам сказать... Постольку, поскольку...

А у нас даже новички знают, что было в группе и двадцать, и тридцать лет назад. И поседевшие ветераны – победители первых слетов – тоже у нашего костра.

Случился у нас такой неприятный момент: участились пропуски воскресных беговых тренировок. Я попросил "старичков" придти в ближайший поход. И они устроили молодежи грандиозный скандал.

- Да для нас не то что воскресную тренировку, самостоятельный ежедневный бег пропустить в голову не приходило! – возмущалась тридцатилетняя учительница. – Госы на носу, а я еду к девчонкам в общежитие, чтобы вместе побегать. А это минут сорок езды! И не только потому, что боялись нормативы не сдать. Ведь мы в горы собирались, понимаете – в горы! А быть там в тягость товарищам – вы хоть представляете, что это значит?!

- А мы, семиклассники, боялись вечерами в парке бегать. Так нас Сережа Ильин собирал. Придет с работы, позвонит всем и гоняет до одурения...

- В общем, так, – подвели итог "старички". – Мы знаем, что Вэ-Я заинтересован в каждом человеке. И не потому, что вы такие прекрасные, а потому, что он хочет показать вам такие места, которых вне группы вы никогда не увидите. И он тратит на вас каждое воскресенье. А вы оказались неблагодарным и безответственным народом. Поэтому, мы попросим Вэ-Я не брать в горы того, кто с сегодняшнего дня пропустит две тренировки. Даже нормативы не принимать у таких.

- Крутовато немного, – осадил я "старичков"

- Не крутовато. Помните, вы говорили, что можно взять в горы одного-двух человек, если они и не уложатся в нормативы, но регулярно тренируются? А теперь на это рассчитывают все. Да и не в нормативах дело. Ну, сдадут они их на последнем издыхании, а толку что? Себя они через перевалы, быть может и перетащат, а помочь товарищу – силенок не хватит. Речь ведь идет не о нормативах, а о безответственности, а ее надо пресекать в зародыше.

И вопрос был исчерпан. Так все аккуратненько разобъяснили новичкам, что пропускать тренировки не решался никто. В крайнем случае звонили командиру группы или мне, предупреждая о сверхважительной причине неявки. Великое это дело – связь времен!

Наверное, каждый учитель может припомнить случаи ответственного отношения школьников к поручениям. И рассказать об этом нынешним своим ученикам. Но ценность таких воспоминаний заметно снижается из-за того, что

нынешние ученики понятия не имеют о героях прошлых лет. Где-то, когда-то, кто-то выполнил нечто, о чем в назидание рассказывают и сегодня. Можно послушать, даже восхититься, но это когда было! А сейчас перед учителем сидит другая группа со своими нормами отношений – что ей до замшелой старины?

Но если речь заходит о людях, которые рядом с новичками или о которых новички прекрасно наслышаны, это уже не абстракция, а разговор о естественных для группы поступках, порой неординарных, но все-таки естественных, потому что иначе поступать нельзя.

Знакомя новичков с историей группы, мы вспоминаем как распрощались с двумя туристами, только из-за того, что один пару раз не пришел в поход и не принес числящийся за ним примус, хотя должен был любыми способами передать его группе, а другой исчез на два месяца с комплектом ведер, каждый раз по телефону обещая вернуть их.

- Это были случайные люди, и мы не могли позволить, чтобы их поведение стало примером для других, – объясняли "старички".

А я рассказывал, как перед давней поездкой в Крым медсестра одной из больниц пообещала нам собрать аптечку и принести ее к поезду. И не пришла. Я метал громы и молнии, но ребята сказали, что девушка ответственная, вернемся домой – разберемся. И вот, едва мы начали разбивать лагерь в горах, как на тропе замаячила наша медсестра.

- Извините, ребята, – сказала она. – Меня неожиданно оставили на внеочередное дежурство. Даже к телефону не могла подойти.

Пришлось догонять вас самолетом. Вечером у меня снова дежурство, а рейс на Москву через три часа. Вот аптечка. И еще раз извините.

- Да ты хоть перекуси...

- Спасибо, не успею. До встречи! И не болейте тут без меня!

Или такая история:

Сидим мы в Баксанском ущелье под Эльбрусом и ожидаем приезда нашего студента, чтобы утром выйти на маршрут. Студент по каким-то причинам должен был приехать позже, но обещал, что сегодня к 16 часам будет у наших палаток. А уже 18 часов. Уходить без него мы не можем, решаем утром позвонить домой и выяснить в чем там дело. И тут является нам вылепленная из глины фигура. Только лицо чуть отмыто.

- Ты откуда такой красивый? – удивляются ребята.

- Да понимаете, дорогу сель перекрыл. Автобус остановился – что делать никто не знает. А с вашей стороны тоже автобус подошел.

Так и стоят автобусы друг против друга, а между ними – сплошное месиво метров в десять шириной. Ну шофера поперекивалились и решили возвращаться обратно. Пассажиры, конечно, протестуют, но что тут сделаешь...

И тогда я сказал, что все можно устроить. "Давайте, – говорю, – перенесу вещи из одного автобуса в другой, а потом тем же манером и пассажиров. И каждый поедет в нужную сторону, только на другом автобусе".

- А глубоко было?

- Это вы по моим брюкам судите, – смеется студент. – С чемоданами несколько раз падал, но людей не ронял.

Я рассказываю и вижу, что новички хотя и заходятся в смехе, но с восхищением смотрят на спортивного вида мужчину, теперь уже отца двоих детей.

- Сколько же ты перенес людей? – интересуются новички.

- Не считал, но человек тридцать прокатил. Тетки тяжелыми оказались – куда их так разносит, не понимаю.

- А на другой день приехать нельзя было?

- Но я же обещал, что буду сегодня, – улыбается нынешний учитель. – А раз обещал, что нужно делать?

- Держать слово! – нестройным хором отвечают новички.

- Какой народ у нас подрастает! – посмеиваются ветераны...

А через несколько лет я указал на карте Тянь-Шаня точку, на которую должны были прийти в указанный срок недавние новички, задержавшиеся в Москве, а это уже двухдневный переход по горам. И ничего, притопали, точнее, доползли. Пошли за своим командиром, а у нее случился острый приступ топографического критинизма, и полезла она на ближайшую вершинку, вместо того, чтобы идти по четко выраженной тропе.

Потерянное время пришлось наверстывать за счет отказа от коротких

привалов. Видя, что все равно не успевают, ребята отправили к нам человека без рюкзака, предупредить, что задерживаются на полтора часа.

- Подобрал я приличный камень, чтобы такого командира навечно успокоить, да сил ткнуть ее не было. Теперь долго жить будет, - мрачно сказал здоровый парень, впервые забравшийся под ледники.

Мне казалось, что надо совсем потерять совесть, чтобы зная о таких случаях, рискнуть подвести товарищей. Но, бывало, подводили. Пусть в мелочах, пусть в ни на что не влиявших пустяках. Но я знал по первым годам своей работы, что эти пустяковинки, накапливаясь, могут оказаться страшнее серьезного проступка. Я постоянно напоминал об этом и устраивал разносы за двухминутные опоздания к месту общего сбора или за не принесенную в поход поварежку. И постоянно искал возможность лишний раз показать ребятам как должен поступать ответственный человек. А такими возможностями группа не была обделена.

Собираемся мы у привокзального метро на давно условленном месте для отъезда в загородный поход. А нашего врача, солидного человека, кандидата наук нет. Без врача мы обойдемся - аптечка есть в каждом отделении, но у него весь запас вермишели на ужин, так что приходится ждать.

И тут подходит к нам женщина в белом халате под накинутым на плечи пальто.

- Кто здесь Виктор Яковлевич?

- Здравствуйте. Я - Виктор Яковлевич.

- Здравствуйте. Володя Доценко просил передать, чтобы вы уезжали. Он знает куда ехать и приедет через час.

- Простите, а вы кто будете?

- А я в булочной работаю. Ваш Володя позвонил и так просил, чтобы вам передали, так просил... Ну, счастливо вам!

Вечером Володя поведал, что в клиннике оказалось какое-то срочное дело, и понимая, что к общему сбору не успеть, он взял телефонный справочник, нашел ближайшую к метро булочную и умолил заведующую послать человека предупредить нас. Как ему это удалось, не знаем, тем более, что ближайшая булочная была очень не близко от метро.

Обо всем этом я рассказывал руководителям туристских групп школьников, хотя и понимал, что для моих коллег это только отдельные любопытные эпизоды, которые не могут стать традиционными в командах, собранных к одному конкретному случаю. Там, где нет приемственности поколений, не может быть и прочных традиций.

- Можно простить человеку такое преступление как заикание, - говорил я ребятам, - можно даже простить, что он рыжий, но прощать безответственность нельзя. Ни в крупном, ни в мелочах. Потому что на ответственности держится любое дело.

Но все наши разговоры растворялись бы в воздухе, не определи мы, что же, в конечном счете, притягивает ребят к группе и что удерживает в ней.

Проще всего сказать: личностная значимость и эмоциональная привлекательность деятельности. И поставить точку. Но для практической работы это ровным счетом ничего не дает.

Хорошо психологам: они располагают экспериментальной базой, они могут, не торопясь, провести тестирование, моделировать ситуацию, использовать аппаратуру, определяющую дружескую или деловую совместимость людей.

А что у педагогов? Объективных характеристик личности у них нет, мгновенной обратной связи при воздействии на личность - тоже не имеется. Педагогам остается только пожинать результаты своего труда. Да только ли своего - ведь жизнедеятельность их подопечных проходит в разных средах обитания, и какая среда окажется превалирующей, остается только гадать. Каков же выход? Видимо, на современном уровне науки только один: располагая объемом знаний в области психологии и педагогики, ниже которого опускаться неприлично, использовать в работе интуицию и личные качества.

Я, например, не имею возможности даже приближенно знать, по каким причинам приходит человек в туристскую группу. Допустим, его привлекает романтика походов или желание принять участие в горном путешествии. Но в первом же загородном выходе он получает этой самой романтики выше ушей: он может сверхмеры устать на маршруте, может стереть до крови ноги, промокнуть под дождем, замерзнуть ночью, его могут даже невзначай обидеть опытные туристы - да мало ли что может еще случиться! И человек без сожаления уходит

из группы, а для меня он уходит из сферы дополнительного педагогического воздействия.

Но ведь мотивов приобщения к туризму немало: желание изменить привычную форму досуга, желание провести время с любимой девушкой, вырваться хотя бы на сутки из под опеки родителей, желание испытать себя в трудных условиях – можно перечислять еще и еще. Как мне, руководителю, определить в этом множестве главные побудители, вместо стандартного объяснения новичков: "Я тоже хочу заниматься туризмом"?

И что мне с этими побудителями нужно делать?

Не располагая точным знанием мотивов, приведших человека в нашу группу, я все-таки могу постараться удержать в ней новичков. И первое, что для этого надо – адаптировать человека в новой среде. Это уже практическая и чисто педагогическая сторона вопроса.

Максимум внимания новичкам – они должны сразу почувствовать, что находятся среди людей, искренне радующихся их приходу. Прикрепление к новичкам шефов из опытных туристов, которые обеспечат им наиболее комфортные условия на ночлеге и на маршруте. Постоянное общение с новичками – они не должны ощущать себя одинокими среди незнакомых людей. Организация вечера у костра, чтобы он понравился и надолго запомнился. Если такая работа проведена, можно надеяться, что в следующий поход новички придут. Разумеется, и между походами необходимо частое общение с ними.

Я всегда внимательно и с удовольствием слушаю как ветераны вспоминают свой первый приход в группу. Сколько раз давал себе слово записывать эти рассказы, чтобы сохранить неповторимый и чуть ироничный их стиль, да все откладывал "на потом", а жаль – теперь многое стерлось в памяти. Осталась только суть воспоминаний, те глубоко личные моменты, о которых рассказывали бывшие новички.

– Меня поразило, что еще в электричке, когда я хотела сесть в сторонку, меня тут же втиснули между незнакомыми людьми и каждый сказал как его зовут. А потом в лесу ко мне подходили ребята и, прежде чем заговорить, называли себя по имени. Я за один вечер узнала человек двадцать. И не чувствовала себя чужой среди них.

– Знаете, что больше всего запомнилось? Как после ужина новички должны были вставать и рассказывать о себе. И еще как мне назначили шефа, и он взял мою миску и принес ужин. И показывал как стелиться для ночлега. А я все думала, как же я лягу среди мальчишек. А шеф обнял меня, и так хорошо и тепло стало, вы не поверите, но у меня даже слезы выступили...

– Я до нашей группы была несколько раз в походах. Там к ночи все перепьются, орут, к девчонкам пристают... Ну, и здесь ждала, когда бутылки появятся... Народу – даже не знаю, сколько было, и все трезвые... А когда начались песни, а потом еще и стихи... Это сейчас все привычно, а тогда... Такого вечера у меня в жизни не было, и я дни считала до следующего похода.

Мужчины вспоминали о приходе в группу посдержаннее, но тоже говорили, что не чувствовали себя неприкаянными: быстро знакомились в электричке и на заготовке дров.

Я упоминал уже о магнитофонной записи нашего Придворняжного поэта Володи Борисова и, думаю, он лучше других рассказал о своем первом походе. Опуская Володины переживания из-за того, что он ждал группу не в указанном ему месте, и как его отыскала студентка пединститута Ольга Ощепкова, начнем с выхода на перон:

"Мы сели в электричку, и я поехал в первый в моей жизни туристский поход. Все время со мной была рядом Оля Ощепкова. У Виктора Яковлевича как всегда было много работы: его одолевали люди, которые, как я потом узнал, назывались командирами отделений, дежками. Он организовывал игры, а Оля Ощепкова сидела рядом со мной. Она рассказывала, объясняла... Потом мы шли по какому-то чудесному месту в лесу, и я впервые чувствовал свою причастность к лесу... Рядом со мной шла Оля Ощепкова и рассказывала, рассказывала...

Стемнело, и тогда я впервые в жизни увидел лесной костер, и это зрелище я запомнил на всю жизнь и, думаю, не забуду уже никогда... Костер объединял всех, кто сидел вокруг него... Шел тихий неторопливый разговор. Кипели котлы на огне, и рядом со мной сидела Ощепкова и, указывала на освещенные шевелящимися языками костра лица: : "Вот это – Коля Щетвин, его зовут Боцман, он, наверное, самый добрый человек в группе, а это Лариса

Талаколина, а это Саша Радионов... Она называла мне имена людей и я запоминал их... Виктора Яковлевича я уже знал и она мне рассказывала, что давным-давно, почти двадцать лет назад, он выдвинул идею о том, что в туристской группе не обязательно должны быть люди одного возраста, что в ней могут быть люди разных возрастов, и что при этом они могут быть одним коллективом и жить единой семьей... И в течении долгих лет он ходит с этой группой, которая не имеет никаких прецедентов по длительности существования, и группа живет, и все, кто входили в нее когда либо, и те, кто по каким-то причинам перестали, ее не забывают, и приходят раз в год на загадочный праздник, который называется Обжираловка... Все эти рассказы звучали как сказка в осеннем лесу...

А потом Оля Карпова взяла в руки гитару и я впервые услышал, что такое - туристские песни у костра. Исчезло совсем уже все, исчезли даже лица, исчезли даже деревья... Костер остался - это я помню точно. И еще был ее голос. Удивительный голос, я даже не помню пела она одна или хором, кажется хором. Ее голос не только не мешал хору - наоборот: каждого человека поднимал до хорового пения, и тем не менее, слышался ясно, четко, чисто, неся каждую ноту, каждое слово до самых глубин сердца... И каждые две недели повторялось это немислимое, невозможное невероятное чудо: и костер, и песни... Уже через несколько походов я познакомился со всеми и даже с теми легендарными личностями, которые в походы не ходили, но о которых очень много говорилось. Я уже привык к тому, что группа - это теплая дружная семья, действительно, семья, наверное, лучшего слова подобрать невозможно - совершенно особые взаимоотношения царили в этом коллективе.

Но это все было потом, а тогда, в первый раз, подошло время ночлега...

Ночлег тоже был совершенно непонятен, он был без палаток. Люди укрывались какими-то одеялами... Я ужасно испугался, что умру, но мне объяснили, что я не умру, заставили раздеться, как говорили, до пределов приличия, я был настолько ошеломлен, что почти не сопротивлялся... Наутро был поход и Ощепкова мне рассказывала еще что-то... Я понял, что в этом походе, за эту субботу и воскресенье прикоснулся к совершенно неведомому мне до толе миру, что это совершенно не похоже ни на мой дом, ни на школу... Я прикоснулся к миру, имя которому лес, костер, культура костра. Я почувствовал, что произошло в моей жизни нечто очень важное, хотя даже тогда я недооценивал, что для меня произошло..."

Так пресное слово "адаптация" неожиданно расцветает тончайшими нюансами, притягивающими человека к группе. А это уже тропочка на пути к ответственности.

"Делай как мы!" - и не нужно здесь ни понуждений, ни контроля - только помощь не всегда скорым на догадку новичкам. И таскают новички дрова к зачищаемому костру, и приносят ведра с водой - не потому что дежурные, а потому что кто-то из новых знакомых кивнул им: сходим, ребята...

В первом походе новичков еще не записывают в отделения -

пусть приглядятся к группе, может не понравится у нас, может не придут в следующий поход, а в отделениях повиснут мертвые души. Но я тихонько говорю новичкам, что к ним тоже присматриваются, а через месяц поставят на торг, и как хорошо, если отделения будут спорить за них, и какое постыдство, если их никто не захочет взять. Правда, командиры отделений - народ понимающий, и, хотя редко случается, поворотят про меж себя носами, покривятся, но договорятся, кто приберет уж совсем неприглядного новичка. И новички с тревогой ждут своего часа, потому что как не старайся, далеко им до старожилов, и на какие-то промашки им непременно укажут на торгах. А потом с еще большей тревогой будут ждать назначения дежжками, но это уже внутреннее дело отделений и мы в него не вмешиваемся.

Конечно, прекрасно, если новичкам группа с первого раза понравится. Но еще надо, чтобы они были связаны с группой общими делами, а не только любовались ею со стороны. Войдя в отделения, новички принимают участие в дежурствах по "кухне", им поручается закупать продукты, они хранят дома инвентарь, который должны принести в очередной поход. А тут еще репетиции спектаклей, и тренировки, и обсуждение летнего путешествия. В постоянных делах и общении с новыми товарищами новички довольно быстро находят применение своим талантам: кто-то неплохо фотографирует или рисует, кто-то может рифмовать - их тут же привлекают для оформления выставок, выпуску газет или написанию сценариев. Кто-то оказывается гитаристом и певцом -

теперь он ведет вечер у костра. А уж если у парня золотые руки, так ему вообще цены нет: чини примуса и протекающие канистры, запаивай банки с бензином для длительных перевозок – такая работа у нас не переводится. Очень ценится умение работать с топором и пилой в лесу – завалить сушину, чтобы она не зависла на ближайших деревьях, запалить костер в любую погоду. Здесь уже недалеко и до ситуативного лидерства, когда все признают, что какое-то дело человек выполнит лучше других. Привели как-то в группу женщину, мать двоих детей. Ну, веселая, энергичная, дежурит по "кухне" прекрасно – так у нас таких не пересчитать. А в Крыму оказалось, что она и по скалам ходит лучше многих старожилов. Никогда до этого не бывала в горах, но никакой боязни высоты и на крутизне держится как приклеенная. Я даже отпустил своего помощника в старшее отделение, зачем он, когда рядом такая скалолазка. И оценка новичка в глазах всей группы сразу подскочила на несколько порядков. Приятно это человеку? Конечно, приятно. И можно ли после этого сделать (или не сделать) что-нибудь, зная что увидишь укоризненные взгляды товарищей? Такие ситуативные лидеры появляются у нас часто: одни умеют доставать транспорт в дальних путешествиях, другие наводят переправы через реки или провести разведку пути в горах. И ронять свой престиж из-за какого-нибудь безответственного поступка никому не хочется. Быть на уровне принятых в группе требований становится привычным как утренний туалет, это уже потребность человека, и чтобы разрушить ее, надо очень постараться. Вот на этих трех мостках:

отношение к группе, участие в ее делах и проявление себя как личности – формируется, на мой взгляд, не только ответственность, но и другие нравственные качества. И легче всего это делается в группах, имеющих свои законы и традиции, передающиеся от одного поколения к другому. Тем более, в неформальных группах со свободным входом и выходом их них.

– А как все-таки быть с личными мотивами, приводящими людей в группу, – спрашивают меня коллеги. – Вы учитываете их?

Действительно, как быть с личными мотивами? Да никак.

Раз я не могу с абсолютной точностью их определить, зачем ими интересоваться? К тому же мотивы могут изменяться, и не исключено, что основная деятельность группы станет для новичков ведущей или близкой к ней. Допустим, человек пришел в группу, прослышав о ней от товарищей. Что ж, пусть будет этот мотив, удовлетворяющий простое любопытство. А в группе он встретил девушку, без которой не мыслит теперь своего существования – очень сильный побудитель, напрочь вытесняющий первый. Потом человек включается в коллективную деятельность, поднимается в горы, у него появляются новые интересы, удовлетворить которые легче всего в нашем сообществе – это уже третий мотив. И пусть ведущим останется общение с девушкой, но оно вплетено в жизнь группы со всеми ее нравственными нормами, и в сложнейшей иерархии мотивов основная деятельность группы начинает занимать одну из верхних ступеней. Так причем здесь первичные побудители?

Но чаще всего новичков привлекают наши многоплановые занятия, стиль отношений, перспективы дальних путешествий. Это и становится ведущим мотивом. А что до влюбленности или любви – тут уж как выйдет: одно не мешает другому.

Когда человек прочно оседает в группе и принимает ее нормы, тогда нет необходимости разговаривать с ним об ответственности – она становится внутренне необходимым качеством личности.

У меня часто спрашивают: "У вас что, не бывает неприятностей или конфликтов? А то как-то гладко все получается".

Ну, почему же? И неприятности, и конфликты случаются – в группе ведь не дети с праздничных плакатов. Мелких ссор, честно говоря, не упомяну, но по серьезному – было два раза, и не знаю, отнести ли это к собственному педагогическому браку, или к чему еще. Если пойти по хронологии, то первый крупный конфликт полыхнул в конце 70-х годов на Памире. Наш бывший командир, тот самый, о котором уже рассказывал, и который подтолкнул меня к составлению литературных программ для чтения у костра, привел к нам большую группу студентов.

Новички быстро включились в наши дела, съездили в Крым, выполнили нормативы для дальнего путешествия и никаких предпосылок для раздоров я не замечал. Слабенький тревожный звонок раздался перед выходом на маршрут, когда мы стояли в урюковом саду. Бывший командир, исполнявший в тот день

обязанности дежкома, надел символ власти – генеральский погон, заменяющий обычную повязку, на ногу, и отдавал распоряжения каким-то непривычным для нас шутовским и грубоватым тоном.

- Зачем ты так? – спросил я.

- Хочу дискредитировать должность дежкома. Какая-то дурацкая игра. Не для взрослых людей.

- Ты все-таки сними повязку с ноги. А когда придумаешь что-нибудь лучше дежкома, тогда поговорим.

Но я подметил, что в тот день новые студенты одобрительно смотрели на своего лидера. И не придавал этому значения.

Мы перевалили через хребет и остановились на несколько дней, пережидая непогоду. Я сидел на камнях, поглядывая на низкие облака, и прикидывал сколько еще будет моросить надоевший дождь. Рядом присела Людмила Яковлевна.

- Ты не обратил внимания, что в группе начинается какой-то раскол? – спросила она.

- Нет. А что случилось?

- Ничего не случилось. Только новички-студенты почти не общаются со "старичками". А со школьниками говорят полунасмешливо что-ли. В общем показывают, что школьники не равня им.

- Не может быть!

- Ты все-таки присмотришься. Возможно я ошибаюсь.

Я ничего не заметил и спросил "старичков".

- Да нет, все нормально. Дружбы особой между нами нет, но и трений никаких. А то, что со школьниками бывают грубоваты, так что с них возьми: девушки. Привыкли уже мальчишками помыкать.

Я начал приглядываться внимательней. Да, что-то получалось не так как всегда.

Вот новички возятся с примусами. Мимо идет школьник.

- Принеси воду! – резко говорит девушка, не называя мальчишку по имени и забыв о слове "пожалуйста". Мальчишка берет кастрюлю, а рядом с девушкой сидит новичок-студент и продолжает философскую беседу...

Опять же у примусов. Девятиклассник, уважаемый всеми человек, у которого в активе два горных путешествия, приподнимает крышку кастрюли, а студентка вырывает у него поварежку:

- Не лезь, я сама!

И таких мелочей я начал замечать много.

Поднимаемся на очередной перевал. Мальчишки-школьники уже на седловине. Сбросили рюкзаки и бегут помочь тем, кто еще на склоне. В двух метрах от меня восьмиклассник хочет забрать рюкзак у студентки.

- Отстань, без тебя обойдусь! – отдергивается студентка.

Мальчишка растерянно смотрит ей в спину.

- Зачем так грубо? – спрашиваю девушку. – Он ведь помочь хотел.

- Обойдусь! – девушка останапливается и тяжело наваливается на ледоруб. – Тоже мне помощничек!

Ну понятно: устала новичок, раздражена. Но ведь можно ответить и по-другому...

И все-таки ничего, что уж очень выходило за привычные рамки, я не замечал. На ночном привале все собираются у гудящих примусов. Песни, смех, вспоминают какие-то случаи на маршруте – все как обычно. Правда, школьники, случайно или нет, сидят отдельно от студентов-новичков и получают вроде две группы, вот этого у нас никогда не было...

Мы спустились в знакомый урюковый сад и подрядились три дня поработать на сборе урожая. К вечеру несколько ветеранов отпросилась позаниматься на скалах в близком ущелье. Получили контрольный срок возвращения и к нужному времени в лагерь не пришли. А уже плотная ночь и где искать ребят никто не знает. Через час в лагерь приблел один из скалолазов. Он сказал, что ребята сидят на полочке и не могут спуститься, потому что упустили веревку. А сам он спустился по узкой расщелине в распоре, но подниматься там трудно и надо идти в обход. Мы пошли вверх по ущелью, а когда полезли среди камней, я приказал взрослому человеку, бывшему студенту из первого поколения педвузовцев, чтобы он расставил на склоне новичков, и через двадцать минут зажег факелы, на которые мы смогли бы ориентироваться при спуске.

Ребят мы с полочки сняли, но долго мыкались в каменном хаосе, не видя факелов, а когда все-таки спустились, оказалось, что проскочили нужный

поворот и ушли от лагеря не меньше, чем на два километра. Один из скалолазов серьезно подвернул ногу, его вели под руки и, конечно, лазание в темноте по камням и лишние километры никого не радовали.

Естественно, что в лагере я первым делом спросил, куда подевалась группа поддержки. И командир этой группы ответил, что им надоело торчать среди камней, тем более, что они уже слышали наши голоса, и он увел девушек вниз.

Я вспылил – это уже было прямое нарушение правил поведения в горах. А когда мой ораторский пыл иссяк, бывший командир группы, а теперь признанный лидер новичков, сказал, что видимо, нам не по пути, и что утром они уходят от нас.

Новички поперебой говорили, что впервые встретились с такой страшной аракчеевской группой, где шагу нельзя ступить без разрешения каких-то там командиров. Что мы рабы графика движения и пропустили много чудесных мест, где можно было прекрасно отдохнуть. Что они не хотят чувствовать себя зависимыми в Самарканде, Бухаре и Хиве, и что наша педагогическая заумь их мало волнует.

Все это было немного похоже на истерику. Я не мог понять чем она вызвана – скорее всего нарыв назревал подспудно, втайне от старожилов. Новички говорили о группе так, как будто не было совместных дел и восторженных отзывов о тренировках в Крыму, не было ничего, кроме острой обиды за испорченный отдых.

Утром мы выдали новичкам причитающиеся им суммы и они уехали вместе с бывшим командиром группы – ближайшим моим помощником, талантливым и неунывающим организатором.

Уехал ответственный за факельную группу и его жена – оба прирожденные лидеры. Простился с нами и мой бывший ученик, один из опытнейших наших туристов.

"Ищи женщину!" – среди новичков-студенток были две девушки, скоро вышедшие замуж за бывшего командира и за бывшего школьника.

Конечно, я крепко переживал. Людмила Яковлевна и "старички" объясняли мне причины случившегося, но все, что они говорили было неубедительным, и я так и не понял, что привело к расколу группы. Уехавшие еще год походили вместе, потом девушки отселились, а ребята до сих пор ходят в горы, но порознь, со своими новыми знакомыми. Иногда наши пути в горах пересекаются, мы общаемся, но сухоовато и недолго. Командир "факельщиков" создал в школе очень сильную туристскую секцию, несколько раз ездил с нею в Альпы и выводил ребят на Тянь-Шаньские маршруты четвертой категории сложности, на которые наша группа никогда не замахивалась.

Но вот что интересно. Я думал, что после отъезда новичков настроение в группе упадет, что всех будет давить неожиданный раскол. Ничего подобного! Школьники расцвели, как-то выпрямились, словно сбросили невидимый гнет, а взрослые сказали, что все к лучшему, всех в свою веру не обратишь и нечего тут убиваться. О расколе перестали вспоминать через несколько дней, и поездка по городам, и работа на колхозных бахчах прошли как всегда дружно и весело. Но повторяю: я так и не понял причины конфликта, и как не перебирал день за днем нашу поездку, не нашел сколько-нибудь серьезных случаев, каждый из которых в отдельности или все вместе могли что-нибудь объяснить. Не дано мне было это понять, не дано...

Прошло пятнадцать лет. Группа жила обычной, уплотненной во времени жизнью. Постепенно менялись поколения. Из интернатских остались только три человека, а бывших школьников и первых студентов пединститута – человек десять. Появился новый народ из колледжа, нескольких ребят привели учителя из своих школ, кто-то примкнул к нам в подмосковных походах, кого-то пригласили ветераны. У костра попрежнему собиралось до семидесяти человек. И в этом благополучии вдруг снова зазмеились трещинки, словно ломом ударили по непробиваемому стеклу. Как ни обидно, но этот лом оказался в руках Сережи Паршина, моего постоянного соавтора по написанию сценариев, автора Гимна группы. Способнейший человек и прекрасный учитель, Сережа занимал в группе какое-то особое положение. Не сходясь близко со многими, он был одним из самых авторитетных ребят, его слово было всегда весомым и не только потому, что он умел отстоять то, о чем говорил: Сережа не чурался никакой работы. Завалить сушины, развести костер, поколдовать с примусами – все у него выходило споро, как будто играючи. На горных маршрутах он тоже среди лучших.

Помню, на Тянь-Шане, перед короткими привалами на ледниках, он уходил вперед, и, когда отделение подтягивалось к нему, уже кипел чай в котелке, поставленном на личный портативный примус, который для таких случаев Сережа носил с собой. С ним всегда было надежно в горах, и, не занимая в группе никаких официальных должностей, он последние годы был чуть ближе ко мне остальных туристов, во всяком случае, я всегда считался с его мнением. Еще студентом колледжа, а потом учительствуя, он работал у меня лаборантом, и это тоже сближало нас. Несколько раз я предлагал Сереже подумать о высшем образовании с дальнейшим прицелом на аспирантуру, но такие разговоры он обрывал и своими дальнейшими планами со мной не делился. Около десяти лет Сережа был в группе, разумеется, получил звание "старичка", я даже прикидывал не сможет ли он в будущем заменить меня на посту руководителя. Девчонки скопом влюблялись в Сережу, но не все решались запросто подходить к нему: пустопорожней болтовни Сережа не выносил, мог грубовато оборвать поклонниц, а до уровня его интересов девушки колледжа не дотягивались.

Где-то в начале 90-х я заметил, что и по отношению ко мне у Сережи начал появляться покровительственный тон, какие-то улыбочки во время бесед и чтения у костра. Все чаще при общих разговорах и дискуссиях Сережа бросал неумные реплики, явно показывая, что наши занятия для тупоголовых, а иногда демонстративно уходил к палаткам. Лучший наш гитарист, он отказывался теперь играть, сидел молча, равнодушно поглядывая на поющих. Постепенно вокруг Сережи образовался вакуум, он общался только с тремя своими друзьями, презрительно отталкивая остальных. Скоро Сережа ушел из школы и занялся мелкой коммерцией. Его друзья тоже пробовали себя в бизнесе, их интересы где-то переплетались, и некая обособленность этой четверки от группы была объяснима.

Несколько раз пытался поговорить с Паршиным, но он отмалчивался и однажды сказал:

- Вы - "Бугор". Какие между нами могут быть споры? Вы всегда правы.

Я видел, что дело идет к разрыву. Людмила Яковлевна и Александра Марсовна говорили мне о крайней нежелательности пребывания Сережи в группе - он не только грубит и презирает всех, он начал похабно острить и уже несколько девочек сказали, что не появятся в группе, пока в ней будет Паршин.

Но я все-таки медлил: многое связывало меня с Сережей - и "литературные" труды, и горы, и частое домашнее общение. Но после очередной похабной выходки, когда все замолчали у костра, а женщина, кандидат наук, возмутилась: "Как ты себя ведешь, ты где находишься?!" - я понял, что запустил это дело и

вызвал Сережу в свой кабинет.

- Вот, что Сергей. Я не хотел бы доводить все до общего собрания, но твое поведение...

- Не надо, Вэ-Я. Это лишние разговоры. Я должен уйти?

- Да.

- Всего хорошего!

Но ушел Сергей как-то странно. К очередному походу он появился на вокзале, дошел с нами до стоянки, и вместе со своими друзьями поставил палатки метрах в ста от наших. Так и повелось: мы ставим свой лагерь, а Паршин с товарищами - свой. Они к нам не подходят, мы к ним. Скоро паршенский лагерь прозвали Хутором. Все чаще с Хутора неслись пьяные крики, а когда к нему подошла наша женщина из семейной группы и попросила утихомириться, потому что маленькие дети не могут уснуть, Паршин послал ее по вполне определенному адресу. Мужья тут же встали, чтобы "разобраться", но я остановил их: "Не стоит. Нам еще драк не хватает".

Конечно, можно было сказать Паршину, чтобы он не ставился рядом с нами. На маршрут он не выходил, мог бы поискать и другие места для ночлега. Но ведь лес - не наша собственность, как тут запретишь? И кроме того, я не считал Сергея и его друзей врагами. То что ребята ушли с Паршиным - это их дело. Двое из паршинской группы скоро женились на наших девушках - что же, и девушек надо отлучать от нас? Мы терпели это соседство, и в дни рождения хуторян приглашали их к нашему костру для поздравлений. Постепенно у соседнего костра стало спокойней, а еще через какое-то время хуторяне начали приходить на наши песни и стихи. Сначала сидели молча, потом разговорились - прежние дружеские связи еще не распались окончательно. Изредка к нам

подходил и Паршин. В разговоры ни с кем не вступал – посидит в складном кресле, глубоко уткнув подбородок в бушлат и молча уйдет. Привычка к активному отдыху у хуторян осталась: летом они путешествуют в Карелии на байдарках. Теперь в семьях товарищей Сергея появились дети, и выходы в лес этой группы стали редкими. Новое поколение Вэ-Яков Паршина почти не знает, а ветераны сказали, что все сделано правильно, только расстаться с Сергеем надо было раньше.

Других крупных конфликтов у нас не было, да и эти не оказали на группу никакого влияния. Видимо, больше остальных переживал случившееся я, руководитель. Ребята, загруженные учебой, работой и всеми нашими делами приняли уход Паршина, как и студенческой группы на Памире, достаточно спокойно. Меня даже удивляло это спокойствие – ведь столько лет вместе. Но ребята знали о каких-то деталях, о каких-то, на первый взгляд, незначительных мелочах больше меня, и расставание с Паршиным прошло без каких-либо горестных всплесков.

До лучших времен

В 1990 году Людмила Яковлевна официально подала в отставку с поста второго руководителя, ссылаясь на возраст и трудности участия в горных путешествиях. С группой она, конечно же не порвала, но активного участия в ее жизни больше не принимает. Почти тридцать лет мы прошагали рядом, и все лучшее, что создано в группе, связано с ней. Мы прекрасно дополняли друг друга, и там, где я, из-за своей всегдашней мягкотелости терялся, расстраивался и паниковал, Людмила Яковлевна спокойно брала дело в свои руки, и все получалось, все становилось на свои места. Я не уверен, была бы вообще создана наша группа, не будь рядом такого единомышленника и такого помощника как Людмила Яковлевна.

В это время я уже подбирался к пенсионным годам и все чаще задумывался, кто заменит меня на капитанском мостике. Ребята об этом и слушать не хотели, говорили, что без меня все развалится, что пусть я хожу в горы без рюкзака, пусть как угодно, но лишь бы оставался на своем посту.

– Но ведь рано или поздно мне придется сойти с дистанции, – настаивал я. – Ничто не вечно.

– Это когда еще будет! – отвечали ребята. – Даже в Крым родители отпускают новичков только под ваше имя. Сначала воспитайте руководителя. А то Людмила Яковлевна ушла, а теперь – вы.

К сожалению, ребята были правы. Однажды они ходили на Памир без меня, и опытный ветеран, возглавив группу, нанизывал одну тактическую ошибку на другую. В результате одно отделение перешло перевал, а другое, потеряв в непогоду связь с товарищами, повернуло вниз. Соединились отделения только через три дня, благо эта часть маршрута была кольцевой, но и в дальнейшем постоянно что-то не ладилось, и радости эта поездка никому не принесла.

Я уже не в том возрасте, когда можно, скромно опустив глаза, упиваться лестными отзывами в свой адрес. Но как только группа уходила в горы без меня, а это было еще два раза, да и в какие горы – на несложные маршруты в Крыму – между ребятами возникали трения из-за действий руководителя. То ли не принимались в расчет возможности слабейших, то ли не нравились вечера у костра, но довольными поездками оказывались не все.

– Ни на что не могу пожаловаться, – сказала мне взрослая туристка. – Все вроде бы хорошо, но без вас я никуда теперь не поеду.

Вот и опять поднялся вопрос о личных качествах руководителя. В горах я присматривался к потенциальным вожакам. Да, небольшой группой из 8-10 человек они, безусловно, могли руководить. Особенно если дело касалось технического прохождения маршрута. Но когда за спиной несколько отделений, когда надо организовывать общение на коротких привалах и сделать интересным вечер перед сном, проследить за четкостью дежурств, подбодрить уставших, провести экскурсии в городах – это не очень получалось даже у ветеранов. И не потому, что они были плохими организаторами. Просто это не было их профессией, они не были педагогами.

Мне говорили руководители других групп:

– Ну, не можем мы так проводить вечерние костры. Вы читаете стихи, что-то рассказываете, вызываете ребят на спор. Одно нанизывается на другое. Не у всех же, в конце концов, так получается.

Что тут скажешь? Да, стихи, проза – все это хорошо. Но если хотите,

чтобы каждый вечер в походах был интересным, подготовьте его, исходя из своих возможностей, задействуйте ребят, привлечите в группу ярких людей. Не уверены в своих талантах, организуйте других. А не умеете организовывать, значит это не ваша профессия и надо искать себе иное применение.

Я уже рассказывал о нашей "Культурной программе" на учебно-тренировочных сборах в Крыму. Такие же программы мы готовим и для водных походов по Селигеру. Помимо неперенных песен у костра, каждый вечер отдается одному из туристов – разве это трудно сделать?

Вот сидим мы на острове. Теплая лунная ночь, спокойный костер. И профессиональный артист выступает с собственной литературно-музыкальной композицией о Сергее Есенине. Тихо подходит и останавливается за спинами ребят большая группа плановых туристов. Я жестами приглашаю их присесть, но они прикладывают пальцы к губам: ничего-ничего, мы постоим, не мешайте, дайте послушать...

Закончилась композиция, и гитару берет Володя Борисов. Теперь начинаются его песни о группе. Потом Женя Смагина читает свои стихи. Потом хором поют из Визбора и Окуджавы. А когда я заканчиваю читать стихи и прозу Анчарова, из толпы гостей раздается испуганно-удивленный голос: "Куда мы попали?! Что у вас тут филологический факультет Университета?"

Мы смеемся и приглашаем гостей рассаживаться. Мы рассказываем о себе, угощаем гостей чаем, они сидят с нами за полночь и долго упрощают меня остаться еще на один день, и чтобы был еще такой вечер...

Неужто надо быть семи пядей во лбу, чтобы это организовать?

И все-таки руководителей, которые могли бы не только "вести костер", но и поддерживать сложившийся стиль отношений, готовить группу к горам и управлять нашими делами у нас в последние годы не было. Уходили в семейную жизнь ветераны, а оставшиеся ни под каким видом не хотели заменить меня. Каждый из ветеранов был силен в одном деле – инструктор по скалолазанию, командир отделения в горах, организатор вечеров. Но требовался человек, объединяющий вокруг себя всю группу, и, скорее всего, он должен быть педагогом.

Многие люди о профессии педагога-воспитателя говорят с улыбочкой. Учитель – это профессия. А в проблемах воспитания человека как и в политике разбираются все. И там, и там болтают без роздыха: какие трудности, чего здесь уметь!

Но вот приспела пора серьезно задуматься о новом руководителе и оказалось, что найти его не просто. Сережа Паршин отпал, а преподаватели колледжа, Александра Марсовна и Николай Николаевич, хотя и разделяли мое беспокойство, но во главе группы себя не числили: слишком много домашних дел и загруженность на работе огромная. Так я и остался на привычном месте, надеясь на успокаивающий российский "Авось": пока все хорошо, а там видно будет.

В 1991 году началась перестройка нашей государственной и экономической системы. Советский Союз распался, да так неудачно, что горных районов в России почти не осталось. Карпаты и Крым оказались за границей. Памир и Тянь-Шань – тоже. А по Кавказу можно ходить только по северной стороне Главного хребта: за ним – Грузия, такая знакомая нам и теперь чужая страна...

Вместе с растущими свободами, начали расти цены, в том числе на горное снаряжение и железнодорожные билеты. Теперь, чтобы экипироваться или выехать в Крым, не говоря уже о Средней Азии, надо основательно вытряхнуть свои кошельки. Помимо финансовых проблем появились и другие, не менее серьезные.

В Крыму грабежи туристов местная молодежь поставила на поток. Приходят под вечер к бивакам и с каждой палатки требуют по сто долларов. А следом за этими добытчиками являются лесники с квитанциями: платите за место, гости дорогие! О Кавказе и говорить нечего. Через туристскую газету "Вольный ветер" начальник региональной погранслужбы даже обратился к путешественникам с просьбой воздержаться от самостоятельных выходов в горы: не можем гарантировать безопасность от местных разбойников.

Но мы все-таки рискнули. Поднапряглись с деньгами и выехали на Западный Кавказ в район Архыза.

Непривычно пустые от туристов горы. Первые три дня – акклиматизация. Высота перевалов хотя и небольшая – едва зашкаливает за 3000 м, но надрываться нам ни к чему. Ставим лагерь и поднимаем ящики с продуктами к

перевалу. Перед самым взлетом к седловине – пастушеская кошара. Молодые чабаны-карачаевцы, одичавшие от безлюдья, радостно встречают нас и приглашают в кошару укрыться от чуть моросящего дождя. Мы благодарим и отказываемся – нам еще полтора часа топать вверх.

– Зачем топать? – удивляются чабаны. – На лошадях все отвезем. Ложитесь на подстилки, вот одеяла, бурки. Отдыхайте пожалуйста!

Нам выставляют казан со свежим молоком, круг сыра, горячие лепешки: "Кушайте пожалуйста!"

Расслабившиеся от угощений девчата тут же заваливаются спать.

Чабаны возвращаются с перевала:

– Все сделали как вы сказали. Ящики укрыли пленками, придавили камнями. Не беспокойтесь, пожалуйста, никто ничего не возмет.

Мы уходим вниз, к палаткам, а утром, теперь уже с полной выкладкой снова поднимаемся к кошаре. И снова обильное угощение и общие песни под лунной.

На следующий день чабаны говорят, чтобы мы взялись за руки и выстроились возле загона.

– Сейчас будем отлавливать лошадей. Сколько попадут в загон, все ваши. Погрузим рюкзаки, отвезем на ту сторону.

– Да вы что, ребята! Полдня из-за нас потеряете.

– Ничего-ничего, пожалуйста. Вы – гости. Закон гор.

Гонимые чабанами лошади бешено мчатся на нас. Одни перед нами вздыбливаются и сворачивают в сторону, других, разрывая цепочку, мы пропускаем – эти аллюром взлетают на склон, спокойно оглядываясь на чабанов. А тех, что попали в загон, взнуздывают и ведут под погрузку.

Шестерых лошадей оказалось достаточно для двадцати четырех рюкзаков. Подъем на перевал без груза за плечами – вроде легкой прогулки. Идем по тропе, помахивая ледорубами. Солнечный день, легкий теплый ветерок – вот это акклиматизация! На перевале приторачиваем к лошадям ящики с продуктами и вниз, в новую долину. Там уже несколько кошар.

Пока ставим палатки нам приносят свежее мясо и флягу молока.

– Мужики, давайте мы хоть заплатим.

– Что мы на ваши деньги здесь покупать будем? – смеются чабаны.

Утром загружаем в рюкзаки только ящики с продуктами.

Груза у нас еще много – по плану надо отнести ящики на половину пути к ледникам, а потом вернуться за палатками. Примерно на восемь часов работы. Но тут новые знакомые приводят своих лошадей:

– Грузите все, под самые леднишки отвезем!

Такого променада в горах у нас еще не было: второй день идем налегке!

Мы уже не удивляемся, когда чабаны из последней кошары под Марухским ледником принесли ведро молока...

Внизу, у моря, грузины воюют с абхазами. Нас предупреждают, чтобы не спускались на юг с Марухского перевала – тропы могут быть минированы. Да нам и не надо в ту сторону. Мы только поднимаемся на перевал к памятникам его защитникам в годы Отечественной войны. Еще студентом, в первом своем выходе в горы, я проходил здесь. На леднике еще можно было найти немецкие карабины, среди камней белели человеческие черепа...

И вот снова война. Ее черная накипь выплескивается и на голубоватые ледники: совсем недавно какие-то нелюди ограбили под Марухом группу московских туристов и выстрелили женщине в живот...

Мы идем по снежнику к перевалу Халега. Только закончился ливень с градом, мы основательно промерзли и мечтаем поскорее перевалить на ту сторону, к озерам, чтобы отогреться и отдохнуть на зеленой траве. И тут видим: навстречу спускается вооруженный конный отряд. Укрыться и разминуться никак не получится.

– Вэ-Я, что будем делать? – шепотом спрашивает командир отделения.

– Продолжаем подъем. И языки не распускать!

Конники приближаются. Небритые лица, разномастная одежда, и у каждого через плечо автомат или карабин. Но я вижу, что мы их не интересуем, у них свои заботы.

– Здравствуйте! – говорю я. – Воюете?

– Воюем.

– А мы не воюем. Всего хорошего!

Так и разошлись.

Потом мы снова вышли на хоженную тропу.

И снова нам несут молоко, хлеб, мясо. Не успеваем опорожнить одно ведро, как несут следующее. Мы просим уgomониться – не осилить нам столько!

– Кушайте, кушайте. Вам еще далеко идти, – выкладывая новое угощение, говорят чабаны.

Вечером к костру приходят народ из разных кошар. Неторопливо беседуем и, конечно же, речь заходит о смутных нынешних временах.

Пожилый, дубленный солнцем и ветрами чабан, кивает на товарищей:

– Вот этот – украинец, а эти – русские казаки. Мы – карачаевцы.

Что же, теперь из-за этого за кинжалы хвататься? Корова – она перестройки не понимает, ее пасти надо. Сколько лет живем вместе – чего нам делить?

Сидящие вокруг костра чабаны усмеваются и согласно кивают.

– А вот, говорят, в горах джигиты появились, туристов грабят. Бывает такое?

– Бывает немножко. Только, какие они джигиты? Бандиты они: с ружьями на безоружных идут. Наши старики сказали: узнают про кого, уши будут рубить.

Так мы и шли по горам от кошары к кошаре. Ребята шутили, что можно было вообще не брать с собой продуктов: неудобно же отказываться от угощений.

И все-таки слухи о грабежах в горах подтверждались. И чем дальше мы уходили к светлому капиталистическому будущему, тем опаснее было появляться на давно знакомых перевалах.

Я убедил группу, что лучше с горами повременить и переключиться на водные походы по Селигеру – это еще терпимо для наших материальных возможностей.

Между тем, новая экономика делала свое дело. Ветеранам группы надо было кормить свои семьи. Одни ударились в бизнес: прогорали, всплывали – тут уж не до походов. Другие занялись своими шестисоточными плантациями. Теперь весной, летом и осенью только сельское хозяйство – без этого не продержаться. И группа начала таять как сахар в стакане.

Это уже было началом конца. Ведь группа жила, прежде всего, перспективой дальних дорог. На эту перспективу нанизывались все наши дела. Я никогда не строил иллюзий насчет того, что народ остается в группе на 10-15 и более лет из-за безумной любви к руководителю, из-за наших костров или возможности участия в спектаклях. Конечно, были ребята, не рассчитывающие пойти в один из сезонов в горы, что ж, пойдут в следующем году, это не повод расставаться с группой. А костры, и спектакли, и все наши дела были только красивым орнаментом вокруг основной цели – горных путешествий. Отодвинулась эта цель на неопределенный срок, и многие вспомнили, что помимо группы есть другие заботы. Пропускается один подмосковный поход, второй, третий... Вместе с горными путешествиями отпала необходимость в беговых тренировках и занятиях по скалолазанию. Теперь охотников ездить по воскресеньям с разных концов города в Измайловский парк становилось все меньше: для лодочных походов по Селигеру никаких нормативов сдавать не требовалось. Постепенно на тренировки начало приходить пять-семь человек, а случалось, не приходил никто. Но ведь здоровье человека – это фундамент, на котором держится вся его деятельность. Здесь в известной степени и эффективность труда, и восприятие жизни, и даже отношения в семье. Есть здесь и социальный аспект – здоровый человек не беспокоит врачей и не занимает санаторных мест. Говорю об этом не потому, что сам – преподаватель физического воспитания. Несколько раз в школе и колледже сравнивал количество пропущенных по болезни учебных дней туристами группы и остальных учащихся. И с гордостью убеждался, что Вэ-Яки практически не болеют. Я тоже за сорок с лишним лет работы не пропустил ни одного занятия по болезни. Но, чтобы достаточно усиленно тренироваться, необходим какой-то стимул: не каждый способен заставить себя даже ради собственного здоровья тратить время на ежедневные пробежки, физические упражнения и закаливание. Таким стимулом у нас были горные путешествия. А нравятся тебе тренировки или не нравятся, трудно на них или не очень – это уже вопрос второй. Перестали выезжать в горы – исчезли события, дававшие материал для наших спектаклей. Водные походы не вдохновляли на написание сценариев: день гребешь, вечером отдыхаешь – ничего, за что можно было бы зацепиться и подковырнуть девчонок 8-го марта, мужская часть группы не видела. В 1993 году, после кавказского путешествия, мы дали последний спектакль, и наш Завтрашний авангардистский театр почил в

бозе. Прекратился выпуск стенной газеты: на фотоматериалы у группы не было средств. Так по частям исчезало многое, что было создано в прошлые годы. Вместе с общими делами сократилась возможность столь желанного общения, когда укрепляются дружеские связи и строятся планы на будущее. Группа сжалась до 10-15 человек, и даже в подмосковные походы выходили каждый раз новые люди. Сдала командирство Оксана Карпутина, готовящаяся стать матерью, а в новом командире группы, как и в командирах отделений, не было теперь нужды. Оставшиеся с нами ветераны упрекали меня, что я перестал приводить в группу студенток колледжа. Но чем я мог их теперь заманить? Горных путешествий нет, в Крым тоже не ездим, а в подмосковных походах у костра сидят почти сплошь девушки, и это не вызывает бурного восторга у новых туристок. Походят с нами новички до первого снега и сдают снаряжение. Но самое страшное для меня было не в этом. Я видел, как жернова новой экономики перемалывают нравственные представления ребят. Вокруг частная торговля, нажива. Ребята знали, что те, кому удалось устроиться в коммерческие банки мелким клерком или уборщицей, зарабатывают неизмеримо больше учителей и инженеров на государственной службе. А оклады воспитательниц детских садов столь мизерны, что едва покрывают расходы на проезд до места работы. В подмосковных походах мы часто шагали мимо шикарных особняков - это "Простые советские люди повсюду творят чудеса". О коррупции, взяточничестве и воровстве в самых высоких сферах до хрипоты трубят все средства массовой информации, и ребята перестали удивляться и возмущаться: "такова се ля ви", никуда не денешься, в такой уж стране живем. Специальность, любимая работа отодвинулись на второй план: лишь бы заработать побольше, а на чем - неважно. Имущественное расслоение в какой-то степени коснулось и нашей группы: одни могли позволить себе прокатиться по афинам и парижам, другие с трудом наскребали деньги на близкий Селигер.

Один из ветеранов как-то сказал мне:

- Кто хочет, заработает и на Памир. Почему те, кто имеет такую возможность, должны зависеть от лодырей?

- Где же наши девчонки могут заработать - на панели?

- Ну, не знаю. Но вы объявите, что летом идем на Памир, и увидите, сколько народа соберется.

- А те, кто все-таки не обеспечат себя?

- Те останутся дома.

Ветеран говорил только от своего имени, но думаю, что нашлось бы еще несколько человек, согласных с ним.

Как раз в это время мне предложили выехать бесплатно в Альпы, а тем, кто хочет со мной, надо внести за участие в путешествии значительную сумму. Я отказался и отправился с группой на Селигер. Ребята оценили мой "благородный жест" как естественный: если ехать, так вместе. Но двое сказали, что надо было соглашаться - второго такого случая не будет.

Забота о себе, любимом, нет-нет, да начинала выглядывать из нашей, совсем недавно единой семьи. Раньше такого просто не могло быть. Еще в интернатские времена, когда шестиклассник купил на вокзале мороженное, Людмила Яковлевна громко сказала:

- А ты не подумал, что я тоже хочу полакомиться? И другие хотят. Но не все же такие богатые как ты. Отойди в сторонку и наслаждайся, чтобы тебя никто не видел, не дразни нас.

И мальчишка, смутившись, начал обходить всех, давая откусывать от брикета по кусочку. Так и повелось у нас: накупят ребята на пышных среднеазиатских базарах фруктов, принесут в

школу, где мы ночуем, и выкладывают на столы: можете угощаться. Никто и никогда не чувствовал себя в группе ущемленным из-за пустого кошелька, во всяком случае это не отражалось на участии ребят в горных путешествиях: за тех, кто не мог оплатить поездку платила группа. Спустившись в города, мы всегда спрашивали, у кого нет денег на карманные расходы и выдавали суммы, вполне достаточные, чтобы человек не ходил по базарам и магазинам экскурсантом. Поэтому мне диким показалось предложение ветерана разделить группу на богатых и бедных. Пусть это был единичный случай, но он все-таки был.

А группа продолжала таять. Ушли повзрослевшие на десять лет преподаватели колледжа, все реже появлялись в походах ветераны памирских путешествий. Теперь только на традиционной Обжираловке и на моем дне

рождения в лесу собиралось, как и прежде, до ста человек. Я не знал, что надо делать в новых условиях, и в 1996 году, в одном осеннем походе сказал ребятам, что на этом все, больше я не руководитель. Мне не поверили и постоянно звонили, напоминая об очередном выходе в лес, я отказывался, и те, кто остался в группе, начали жить без меня. Связей с ребятами я не потерял: одни приходят на воскресные тренировки, другие – ко мне на квартиру. Двое ветеранов еще строят грандиозные планы возрождения группы и, надеюсь, кое-что у них должно получиться: подмосковные походы не прекращаются и в Крым снова начали ездить. Но это уже так – с разными людьми и с теми, кто может оплатить поездку.

Тридцатитрехлетняя эпопея нашего добровольного объединения закончилась. Сколько дорогих мне людей шло рядом за это время! Мы встречаемся, перезваниваемся, мы так и остались близкими друг другу. Сейчас у нового поколения своя история и свои маршруты. Легких рюкзаков, сухих спичек и хорошей погоды вам, ребята!

Последние штрихи

Я часто задумываюсь, могла ли группа продержаться в условиях новой экономики? И прихожу к неутешительному выводу: нет, не могла. Школьникам, студентам и большинству взрослых туристов дальние поездки стали не по карману, а без горных путешествий, как уже говорил, пропадали те ориентиры, на которых строилась вся наша работа. Надо было искать другие яркие цели, но я, по туристкой специализации горник, их не видел. Кроме того, иные виды занятий, не связанные с активным передвижением, делают не столь важной физическую подготовку группы, оставляя заботу о здоровье на усмотрение каждого ее члена, а это для меня – очень жирный минус в работе.

И все-таки уверен: время для таких групп как наша еще придет. Уйдут в прошлое безудержная погоня за чистоганом, бандитские разборки и нищета. Облеченные властью наконец вспомнят, что будущее страны в руках тех, кто только приходит в школу. И что воспитание молодого поколения – одно из самых важных дел на земле. Тогда и будут востребованы самые разные объединения, гарантировано создающие умных, совестливых и деятельных людей, для которых личное благополучие и благополучие страны неразделимы. И среди этих объединений разновозрастные группы займут достойное место. Появится нужда и в руководителях таких групп, в том числе и туристских. Это пока еще редкая профессия, ютящаяся где-то на задворках отечественной педагогики. Наш тридцатилетний опыт – не мой лично, а опыт жизни всей группы Вэ-Яков – показал, что в разновозрастных туристских объединениях заложен огромный воспитательный потенциал, и что мы только раскопали верхний слой его. Чтобы идти дальше, нужны руководители-профессионалы, нужна государственная поддержка – ведь, по существу, двадцать пять лет мы не имели никакого юридического статуса: так, теплая компания без документов и без крыши над головой. Да, у нас были ошибки и провалы – все это было. Но сколько людей, вспоминая прошлое, говорят, что лучшие их годы прошли в группе! У меня хранятся вторые экземпляры заметок в наши газеты и дневники, написанные туристами разных лет. Это – сплошные панегирики, и хотя я не сомневаюсь в искренности авторов, цитировать их неудобно. Но именно эти воспоминания заставили меня пролистать год за годом жизнь группы, открыть собственные торопливые записи и, оказавшись не у дел, сесть за написание книги, очень надеясь на ее небесполезность.

P.S. В последние дни декабря 1998 года ребята пригласили меня в лес на Новогодний спектакль. Мы шли среди черных сосен по пробитой в сугробах и утыканной факелами тропе. Рядом со взрослыми шагали дошколята с крохотными рюкзачками, а грудную девочку по очереди несли родители и дедушка – ветеран еще интернатского замеса. Все было как в прежние времена: и наряженная елочка, и дед-Мороз со Снегурочкой, и поздравления деньрожденников, и подарки. И еще был спектакль-сказка с великолепными костюмами, а на белом парашютном заднике проецировались декорации – постарались наши умельцы, подсоединив к аккумулятору диапроектор. Тридцать человек сидели у костра. Снова песни, стихи и воспоминания о былом. Группа продолжала жить.

Июль 1998 – январь 1999 г.